

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. А. КУДРЯВЦЕВ,
Е. А. КУДРЯВЦЕВ

**ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕРБЕНТ
В VI–XIII ВВ.)**

Ставрополь
2015

УДК 940.1 "653"
ББК 63.3(2)4
К 88

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор, зав. каф. истории древнего мира и средних веков
Северо-Осетинского государственного университета **А. А. Дзарасов**,
директор Научно-методического центра археологии, профессор кафедры
археологии и истории древнего мира Института истории и международных
отношений ЮФУ, Почётный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации **В. П. Копылов**

Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А.
К 88 **Феодалный город Северного Кавказа. (Средневековый Дербент в VI–
XIII вв.):** монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 307 с.

ISBN 978-5-9296-0719-6

Монография посвящена актуальной проблеме возникновения и развития одного из крупнейших городских центров региона и всего Ближнего Востока – древнего Дербента. В результате 25-летних комплексных историко-археологических исследований, проводимых под руководством А. А. Кудрявцева в 1970–1995 гг., были впервые показаны пути формирования и динамика развития крупнейшего феодального города Северного Кавказа. Анализ масштабных археологических материалов и сведений разнообразных письменных источников позволил показать Дербент VI – середине XIII вв. не только как выдающийся памятник мировой фортификации, но и как один из крупнейших городов средневекового Кавказа и самый значительный торгово-ремесленный и идеологический центр региона.

Раскопки позволили установить, что несмотря на определенную специфику исторической топографии, Дербент развивался согласно общим закономерностям, характерным для крупных городов Кавказа, Передней и Средней Азии и ряда других регионов и превратился в VI – середине XIII вв. в один из известных и значимых на всём мусульманском Востоке социально-экономических, идеологических и культурных центров, в самый крупный северокавказский феодальный город домонгольской поры.

Адресована историкам, археологам, востоковедам, студентам вузов и всем интересующимся древней и средневековой историей Кавказа.

УДК 940.1 "653"
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-9296-0719-6

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2015

ВВЕДЕНИЕ

В системе достижений человеческой цивилизации город является наиболее древней и в то же время самой современной формой расселения людей, в которой нашел наибольшее отражение уровень социально-экономического и культурного развития человеческого общества на определенном этапе. У каждого исторического периода существуют свои градостроительные традиции и задачи, отражающие динамику развития и характер социального строя данного общества. Особое место принадлежит здесь феодальному городу, послужившему во многом основой новому капиталистическому, столь ярко воплотившему различия между Востоком и Западом.

Сложные и многогранные проблемы древнего и средневекового города привлекают все более пристальное внимание не только историков, искусствоведов, архитекторов, но и социологов, экономистов, географов, экологов и специалистов многих других профессий. Однако города Кавказа и их роль в процессе исторического развития местного общества изучены пока еще недостаточно. До сих пор во многом не ясны пути формирования северокавказского города, его структура и экономический статус, динамика развития, пути и главные причины расхождения его развития с генезисом европейского города, а также роль первого в специфике становления феодализма на Кавказе и Ближнем Востоке, более медленной замены его на новую капиталистическую формацию.

Сегодня проблемы кавказского города очень остро стоят в отечественной и зарубежной историографии, и в них особое место занимает вопрос об очень слабо изученном северокавказском средневековом городе, о путях его развития, об историческом месте и роли в урбанизации и феодализации местного общества, его значении как самостоятельной экономической и социальной единицы, фактора прогресса.

В ходе своего исторического развития Северный Кавказ оказался в сфере политического, экономического и культурного влияния закавказско-ближневосточных и северочерноморских очагов мировых цивилизаций, что существенным образом отразилось на формировании культурных, в том числе и градостроительных, традиций у обитателей этого региона. Можно выделить три важнейшие культурно-исторические территории Северного Кавказа, имевшие значительную специфику в своем развитии: Северо-Восточный Кавказ, Центральный Кавказ, Северо-Западный Кавказ.

На каждой из этих территорий, под влиянием разнообразных причин военно-политического и социально-экономического характера, а также сильнейшим воздействием культурных импульсов греческих городов-колоний античного Причерноморья, позднее Византии, на Северо-Западном Кавказе, и парфяно-сасанидского, позднее мусульманского, мира Ближнего и Среднего Востока, на Северо-Восточном Кавказе стали складываться протогородские и городские центры, пути возникновения и развития которых имели свои закономерности и специфику.

Одним из таких наиболее известных и значимых северокавказских городских центров, возникших на Северо-Восточном Кавказе, стал древний Дербент – город, появившийся в наиболее важном с военно-стратегической и торгово-экономической точки зрения месте, у главных «Ворот» региона, на пути из степей Юго-Восточной Европы на Ближний и Средний Восток.

Возникнув на одном из важнейших перекрестков мировых цивилизаций, Дербент стал широко известен как крупнейший памятник Сасанидского фортификационного строительства VI–VII вв. и наиболее значительный город средневекового

Кавказа. Во второй пол. VIII–XIII вв. – это процветающий центр ремесла и торговли региона, главный посредник в международном товарообмене между Востоком и Западом, один из важнейших очагов распространения ближневосточных достижений мусульманской культуры и идеологии.

История этого города необычна и удивительна: возникнув в глубокой древности, он просуществовал до наших дней, сохранив свой древний облик, несмотря на бесчисленные штурмы и разрушения, свое название – хотя каждый народ именовал эти «ворота» по-своему (только в письменных источниках их зафиксировано более двадцати), свою самобытную культуру – хотя здесь соприкасались и трансформировались культуры многих эпох и народов. На него претендовали Рим и Парфия, Сасанидский Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, Сельджукское государство и Золотая Орда, держава Тимура и Сефевидская Персия и султанская Турция и другие империи.

Многие века Дербент выступал крупным идеологическим и военно-политическим центром, наиболее значительным городом региона, важнейшей пограничной крепостью известных мировых держав Ближнего и Среднего Востока, главным их оплотом в борьбе с кочевниками на северной границе, разделявшей здесь два мира – земледельцев и скотоводов.

Обычно широкому фортификационному строительству земледельческих народов против степняков предшествовало повышение активности последних. Перемещение крупных масс кочевников, связанное с причинами экономического, военно-политического или экологического характера, вынуждало оседлые народы возводить колоссальные инженерные сооружения. Так возникли Великая Китайская стена в Юго-Восточной Азии, Киммерийская стена в Крыму, Римский лимес на Рейне и Дунае, Антиохские стены на Ближнем Востоке, русские земляные валы на половецкой границе. «Великое переселение народов», связанное с гуннским нашествием, вызвало огромное перемещение разноэтничных масс кочевников и привело к возникновению целого ряда «длинных стен», перекрывавших пути их продвижения. Одним из последствий ожесточенной борьбы на Кавказе крупнейших государств Ближнего и Среднего Востока с объединениями кочевых племен, появившимися здесь после гуннского нашествия, явилось строительство системы «длинных стен», перекрывших пути вдоль побережья Каспийского и Черного морей. Так появились Беш-бармакская, Ширванская, Дербентская, Махачкалинская (Таркинская), Абхазская стены.

Среди подобных оборонительных сооружений, возведенных в различных районах древнего цивилизованного мира и призванных охранять границы развитых земледельческих государств от набегов кочевников, Дербентский оборонительный комплекс выделяется своей сохранностью, мощью и исключительной продуманностью планировки, максимальной приспособленностью к рельефу местности.

Возникнув в период наибольшей активности кочевников на Кавказе, Дербентские укрепления, подобно всем сооружениям такого рода, отделяли скотоводов от земледельцев и прикрывали от опустошающих набегов степняков все Закавказье и Ближний Восток.

Исключительная прочность кладки и удивительная четкость архитектурно-планировочного решения, сочетающиеся с максимальной прочностью конструкции, прекрасной обработкой камня и впечатляющей монументальностью стен, не утративших за 15 веков своего древнего облика, ставят Дербент в один ряд с крупнейшими фортификационными сооружениями мира.

Однако, в отличие от многих фортификационных сооружений такого рода, Дербент лежал не только на важном военно-стратегическом пути, но и на известной торговой трассе мира, что во многом определило ход его исторического развития. Он не остался, подобно многим крепостям и «длинным стенам», только военным опорным пунктом, а превратился в средневековую эпоху в крупнейший феодальный город Кавказа.

Проблемы возникновения, динамики развития, внутренней структуры и топографии, экономического становления и культурной жизни северокавказского города древней и феодальной поры являются мало исследованной областью кавказоведения. В этой работе предпринята попытка восполнить этот пробел.

В этом плане проблемы северокавказского города, исследуемые на материалах Дербента – одного из крупнейших и известных городских центров региона, представляют собой интерес для изучения генезиса средневекового города вообще и кавказского в частности.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Среди средневековых городов Северо-Восточного и всего Кавказа Дербент выделяется не только своими размерами, военно-политическим и торгово-экономическим значением, но и тем, что это один из наиболее широко раскопанных и отображенных в письменных источниках археологический памятник региона. Он входит в число очень немногих древних городов, просуществовавших на протяжении нескольких тысячелетий, от возникновения до наших дней, на одном месте и сохранивших в значительной мере свое древнее ядро, впечатляющую монументальную фортификацию, уникальную архитектуру и городскую структуру. В то же время он остается самым известным средневековым городом этого региона, в котором с наибольшей полнотой нашли отражение сложные процессы генезиса городской цивилизации на Северном Кавказе, феодализации и урбанизации местного общества, т. е. Дербент выступает своего рода эталонным памятником для всего Кавказа и многих других средневековых городов Ближнего и Среднего Востока.

Анализ многочисленных письменных источников свидетельствует, что Дербент домонгольской поры был известен широкому кругу средневековых историков и географов, и сведения о нем представлены в разнообразных нарративных, эпиграфических, литературных источниках, посвященных данному региону. Группа нарративных источников включает в себя сведения византийских, сирийских, армянских, албанских, арабских, персидских, западноевропейских и местных авторов о Дербенте VI–XIII вв. При работе над письменными источниками и необходимости их сопоставления нами были использованы публикации и переводы А. Казем-бека, В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, И. А. Орбели, Н. В. Пигулевской, М. В. Бибикова, К. П. Патканова, Н. О. Эмина, Н. А. Караулова, М. И. де Гье, И. Крамерса, П. К. Жузе, А. П. Новосельцева, З. М. Буниятова, Т. М. Калининой, И. Г. Коноваловой, Б. Н. Заходера, Г. В. Цулая, С. П. Кондратьева, Т. Н. Джаксон, О. Г. Большакова, М.-С. Саидова, А. Р. Шихсаидова и др.

Сведения о Дербенте раннесредневековой поры, содержащиеся в произведениях ряда византийских, сирийских, армянских, албанских, грузинских авторов VI–VIII вв. (Прокопий Кесарийский, Малала, Феофан Исповедник, Захария Ритор, Египше, Фавст Бузанд, Лазарь Парбеци, Ананий Ширакаци, Моисей Каганкатвацци Себеос, Левонд и др.), весьма отрывочны и скупы. В основном они касаются отдельных вопросов политической истории города, возникновения его укреплений и их военно-стратегической роли в регионе.

Особая роль Дербента в охране северных границ Арабского халифата, о чем свидетельствует уже само арабское название города Баб ал-абваб (Ворота ворот), торгово-экономическое и политическое значение города привлекали к нему широкое внимание средневековых историков и географов. Среди многочисленных сочинений, в которых освещаются те или иные аспекты политической истории и социально-экономического развития Дербента VIII–X вв., выделяются труды таких известных арабских авторов, как Баладзори, Я'куби, Ибн Хордабех, Табари, Балами, Ибн ал-Факих, Куфи, Мас'уди, Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси Хилаль ас-Саби и др.

Это было время расцвета арабской географической и исторической науки в халифате – в данный период крупнейшего государства средневекового Востока, в которое вошел Дербент и где складывались общая культура, торгово-экономические связи, язык, письменность и религия.

Особую ценность среди нарративных источников XI–XIII вв. представляют местные исторические хроники, важнейшими из которых являются: «Тарих Баб ал-аб-ваб» (История Дербенда), «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» (Базилик истин и сад тонкостей), «Тарихи Дербенд-наме» (История Дербенда).

Несмотря на легендарность и даже фантастичность отдельных мест этой хроники, несмотря на ее явную компилятивность и тенденциозность, «Дербенд-наме» является важнейшим источником по истории города, времени его возникновения и этапов развития, социальной структуре и исторической топографии. Достоверность целого ряда сообщений этого сочинения была подтверждена археологическими исследованиями, в их числе версия о древнем возникновении города, о разновременности северной и южной стен и др.

Ряд интересных данных по истории Дербента содержится в поэтических произведениях XII–XIII вв. (Низами Гянджеви, Хакани, Муджири Байлакани и др.) и в сочинениях многих известных историков и географов этого времени (Леонти Мровели, ал-Гарнати, Ибн ал-Азрака, Идриси, Йакут, Ибн Саида Азизи, Абу-л-Фиды, Рашид ад-Дина, Хамдаллаха Казвини, Киракоса Гандзакеци, Вардана Великого, ал-Джуржани, ал-Бакуви и др.), а также знаменитых западноевропейских путешественников (Вильгельма Рубрука, Марко Поло).

Эпиграфические памятники Дербента, представленные многочисленными разнообразными надписями на его оборонительных стенах, гражданских и культовых сооружениях, также являются важным источником по истории города VI–XIII вв. Хронологически они делятся на две большие группы: пехлевийские или среднеперсидские надписи, связанные с развитием Дербента в VI–VII вв., и арабоязычные, относящиеся к VIII–XIII вв.

В работе используются публикации и переводы надписей Г. С. Ниберга, Е. А. Пахомова, В. Г. Лукониной, М. Н. Боголюбова, В. Б. Хеннинга, С. Ю. Косумовой.

По содержанию пехлевийские надписи Дербента, в свою очередь, можно разделить на четыре подгруппы, каждая из которых включает ряд важных данных об этапах сасанидского строительства в Дербенте, производителях и руководителях работ, а в одной из надписей имеется дата возведения северной стены.

Вторую, наиболее многочисленную группу эпиграфических памятников города составляют арабоязычные надписи. В работе используются публикации и переводы Л. И. Лаврова, а также Н. В. Ханыкова, Е. А. Пахомова, А. Р. Шихсаидова, М. Х. Нейматовой и др.

В отличие от пехлевийских надписей Дербента арабоязычные были нанесены не только на стены города и цитадели, но и на целый ряд других памятников, включающих культовые сооружения и общественно-бытовые постройки, надмогильные надгробия. В них содержатся сведения о социальном, экономическом, политическом, культурном развитии Дербента VIII–XIII вв.

Нумизматический материал представлен внушительным количеством медных и серебряных монет, исследование которых позволяет осветить ряд экономических аспектов истории Дербента и развития его торговых связей. Хронологически они относятся к трем периодам развития города и представлены монетами персидских (V–VII вв.), арабских (VIII–X вв.) правителей и местных дербентских эмиров (XII–XIII вв.), чекану которых принадлежит основная масса находок.

Нумизматический материал является важным источником по истории Дербента, периодизации формирования феодального города, уровню его экономического раз-

вития, политического положения в регионе, ориентации и интенсивности торговых связей.

При работе с нумизматическим источником были использованы публикации Е. А. Пахомова и М. И. Исакова, определения монет, сделанные ныне покойными М. Е. Массоном, Г. А. Федоровым-Давыдовым, а также А. Раджаблы, которым **авторы выражают** глубокую благодарность.

Наиболее ценным и совершенно новым источником по истории средневекового города является археологический материал, который стал доступен только в результате систематических археологических исследований, впервые начатых в Дербенте в 1970 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ныне Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН) под руководством А. А. Кудрявцева.

В результате археологического изучения Дербента удалось исследовать многочисленные памятники фортификационной, культовой и гражданской архитектуры, получить обширную информацию о различных сферах материальной и духовной культуры обитателей феодального города. Здесь впервые на Северном Кавказе были выявлены сложноплановые дворцовые комплексы, административные постройки, церкви, мечети, водохранилища, бани, караван-сарай, складские помещения, дома знати и торгово-ремесленного люда, ремесленные мастерские и остатки разнохарактерного производства, впечатляющая по многочисленности и разнообразию керамика, изделия из стекла, камня, металла, кости, различные орудия труда, оружие, предметы украшений.

Всесторонний анализ разнообразных археологических материалов позволил осветить многие аспекты средневековой истории Дербента, проследить динамику развития города от его возникновения до превращения в крупный торгово-экономический и политический центр. Археологические данные стали основным источником для освещения ряда узловых проблем становления этого северокавказского города, основных путей его социально-экономического и культурного развития.

Интерес к древнему Дербенту и его многовековой истории возник у исследователей давно. Изучение древностей города началось со времени персидского похода Петра I в 1722 г., когда по приказу императора сопровождавшие его ученые сделали описание и чертежи фортификационных сооружений Дербента и первые зарисовки надписей на его стенах.

Среди наиболее ранних работ о Дербенте можно отметить труды Д. К. Кантемира, Ф. З. Байера, И.-Г. Гербера, С. Г. Гмелина, П. Г. Буткова, Е. Коцебу, Э. Эйхвальда, Р. Эркerta, А. В. Комарова и др.

Большой вклад в изучение нарративных источников и эпиграфических памятников города в дореволюционный период внесли известные востоковеды Х. Д. Френ, Н. В. Ханьков, К. К. Фезе, П. С. Савельев, И. Бартоломей, Ю. Клапрот, М. Казем-Бек, И. д'Оссон. Отдельных вопросов его средневековой истории касались такие крупные специалисты, как Б. А. Дорн, В. В. Бартольд, И. Маркварт, Н. А. Караулов, А. Манандян и др.

Первая попытка написать историю Дербента на основании данных ряда письменных источников и местных легенд была предпринята Е. И. Козубским (История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906), но оказалась неудачной и вызвала резкую критику В. В. Бартольда, считавшего, что «задача оказалась не по силам автору».

Сам В. В. Бартольд уделял большое внимание истории Дербента и на базе доступных ему арабоязычных источников написал ряд ценных статей (Дербент, 1908; К истории Дербента, 1910, Новое известие о стенах Дербента, 1913) об отдельных периодах его политического развития, конструктивных особенностях городских стен и приемах их возведения. Однако этот крупнейший специалист, исходя из данных письменных источников (раскопки в Дербенте еще не велись), выдвинул ошибочную схему формирования исторической топографии средневекового города и не совсем верно датировал этапы сложения частей его структуры (цитадели, шахристана, рабада).

Новый этап в изучении Дербента начался в советское время, когда в обследованиях памятников города приняли участие такие крупные ученые, как А. С. Башкиров, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. В. Тревер, Е. А. Пахомов, М. И. Артамонов и др.

В 1929 г. был издан наиболее полный свод пехлевийских надписей Дербента, толкование которых вызвало оживленную дискуссию, привлекающую внимание известных советских и зарубежных специалистов (Г. С. Ниберга, Е. А. Пахомова, Ф. А. Розенберга, В. Ф. Минорского, Г. Гроппа и др.).

Особая заслуга в сборе и систематизации пехлевийских надписей, в исследовании всей системы «длинных стен» принадлежит Е. А. Пахомову.

Заметный вклад в изучение истории возникновения дербентских укреплений, их роли в борьбе с кочевниками и в исследовании политического развития города в раннесредневековый период внесли работы М. И. Артамонова (Древний Дербент // СА. 1946; История хазар. Л., 1962) и К. В. Тревер (Очерки по истории и культуре Кавказской Албании М.; Л., 1959). Однако в них повторен ряд ошибок В. В. Бартольда по исторической топографии и структуре Дербента VI–XIII вв.

Уникальным источником и ценным исследованием является опубликованная В. Ф. Минорским работа «История Ширвана и Дербенда» (М., 1963), где даны фрагменты политической истории средневекового города, его социальной структуры и стратификации, показаны острые противоречия в местном феодальном обществе.

Ряд вопросов идеологического и социально-экономического развития Дербента, его роли в истории Дагестана затронут в работах Р. М. Магомедова (История Дагестана. Махачкала, 2004; Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1969) и А. Р. Шихсаидова (Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969; Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975; Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984).

Значительный и очень важный вклад в изучение средневековой эпиграфики города внесли работы Л. И. Лаврова, который систематизировал и издал большую часть арабоязычных надписей Дербента (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966–1980. Т. I–III).

Описанию и изучению архитектурных памятников города, башен и стен его крепости посвящен ряд ценных работ С. О. Хан-Магомедова (Дербент. М., 1958; Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979. Ворота Дербента // АН. 1972; Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970 и др.), который провел квалифицированное исследование сохранившихся здесь средневековых сооружений, но ошибся, судя по нашим данным, во времени основания и первоначальном назначении Джума-мечети.

Определенные итоги изучения истории Дербента были подведены в обобщающих трудах дагестанских исследователей (Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I; История Дагестана. М., 1967. Т. I).

Отдельных аспектов средневекового развития города касались в своих работах и другие известные специалисты: Н. В. Пигулевская, Б. Н. Заходер, З. М. Бунятов, С. Б. Ашурбейли, Я. А. Манандян, С. Т. Еремян, П. И. Спасский, Л. Н. Гумилев, М. И. Исаков, В. Г. Гаджиев, Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде, М. Б. Бакланов, Ш. М. Ахмедов, Н. А. Магомедов и др.

Результаты многолетних комплексных историко-археологических исследований в Дербенте нашли отражение в 8 монографиях и 300-х статьях А. А. Кудрявцева и Е. А. Кудрявцева: Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976; Древний Дербент. М., 1982; Великий город на Каспии. Махачкала, 1982; Мусульманский город Дагестана. Махачкала, 1994; Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь, 2003; Периодизация развития отраслей ремесленного производства средневекового города (в соавторстве с Е. А. Кудрявцевым). Ставрополь, 2006. и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДЕРБЕНТА

В VI–XIII вв.

1. Сасанидское завоевание и периодизация строительства Дербентского оборонительного комплекса VI–VII вв.

Начало второго важного периода истории Дербента было положено иранским завоеванием его и строительной деятельностью правителей Сасанидской династии, пытавшихся надежно укрепить здесь северные границы своего огромного государства. В этот период были возведены всемирно известные стены Дербента, прославившие город на весь средневековый Восток, и на многие века перекрывшие важную торговую и военную трассу древности – Прикаспийский путь.

Возникнув первоначально как одна из заградительных линий против кочевников в западном Прикаспии, получивших в исторической литературе наименование «длинных стен», Дербент, даже превратившись в крупный феодалный город, сохранил, эту фортификацию и формирование его планировки, структуры, динамика развития и территориальный рост самым тесным образом были связаны с этими оборонительными стенами. Сохранив в раннесредневековый период древнюю планировку и территорию застройки одной из составных частей исторической топографии города – цитадели, Дербент, благодаря своим «длинным стенам», получил совершенно новое развитие другой части – шахристана. Новые оборонительные функции фортификации Дербента, предназначенной сплошь перекрывать узкий Дербентский проход, совершенно изменили территориальное развитие города и его планировку. Он стал развиваться и расти вниз по склону дербентского холма и прибрежной полосе прохода от вершины к морю, чем отличался от древнего Дербента, целиком расположенного на вершине холма. Подобный территориальный рост города стал возможен лишь под прикрытием мощной оборонительной стены, сплошь перекрывшей проход. Появление монументальной фортификации Дербента, положившей начало второму периоду формирования города и на многие века определившей своеобразие его топографии, было тесно связано с факторами военно-политического характера.

Возникновение «длинных стен» Дербента и процесс формирования топографии средневекового города не может быть отделен от исторических событий на Кавказе и в соседних регионах, сыгравших особую роль в его развитии и превращении Дербента в крупный феодалный город, важный военно-политический и торгово-экономический центр. Речь идет о рождении нового персидского государства – Сасанидского Ирана, в сферу влияния которого был втянут и Кавказ, и о гуннском нашествии, во многом изменившем его этническую и политическую историю и сыгравшем большую роль в сложении здесь мощных кочевых объединений.

Род Сасанидов, по преданию ведший свое происхождение от Ахеменидов, начал в первой четверти III в. до н.э. борьбу за новое объединение Ирана под властью Парса. В решительном сражении на равнинах Мидии парфяне потерпели сокрушительное поражение от персов. В битве при Ормиздакане (224 г.) решилась судьба Парфянского государства, и через два года первый представитель сасанидской династии Арташир (226–242 гг.) торжественно вступил на престол. Но некоторое время борьба в отдельных частях огромной державы Аршакидов еще продолжалась. Особенно она обострилась на Кавказе, и Сасаниды уже тогда почувствовали особую роль Дербентского прохода в исторических судьбах Ближнего Востока.

Новому Персидскому государству, едва возникшему на развалинах Парфянской державы, пришлось вести тяжелую войну с кочевниками, пропущенными через проход враждебно настроенными к Сасанидам правителями Закавказья.

Армянские историки V в. Агафангел и Моисей Хоренский в связи с этими событиями первой половины III в. сообщают, что царь Армении Хосров I (204–239), происходивший также из рода Аршакидов, мстя за смерть своего родственника парфянского царя Артабана V, убитого по преданию лично Арташиром, «приказал открыть проходы Аланский и Дербентский или Джора»¹ и пропустил портив персов воинственные племена Северного Кавказа и Прикаспия.

Пришедшие на помощь армянам «полчища иверцев, агван, гуннов, джигпов, лпинов, каспов и других», совершили «несколько удачных походов в Персию, где предавали огню и мечу города и села»² и «разгромили весь край до самого Тисбона (Ктезифона)»³. Этот горький урок не прошел даром для правителей Ирана, и уже следующий представитель династии Сасанидов, «царь царей» Шапур I (242–272) совершил своего рода карательную акцию против Дербента.

О походе Шапура I к Дербенту стало известно из надписи магуната (верховного жреца) Ахура Мазды Картира на «Ка'бе Зороастра», который сообщает, что «...кони и люди Шапура, царя царей...», покорив государства Закавказья, дошли «до Албанских ворот, там, где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожараща... учинил...»⁴.

Победные войны Шапура I с Римом, открывшие ему дорогу в Закавказье, приходятся на середину – вторую половину III в. (256 г., 258–260 гг.), что соответствует хронологическим рамкам начала, выявленного раскопками, периода запустения в Дербенте, наступившего в результате сильного пожара во второй половине III века⁵.

Однако, несмотря на большие военные успехи персов, в результате которых, судя по надписи Шапура I, им удалось на какое-то время захватить большую часть Закавказья, укрепиться в проходе Сасанидам в этот период, видимо, не удалось. Даже блестящая победа над Валерианом в битве у Эдессы в Месопотамии (260 г.), когда случилось небывалое в римской истории – в плен попал сам император со всем своим окружением, – не дала персам возможности полностью покорить Закавказье⁶, сохранившее верность Риму⁷.

Свидетельством тому может служить реакция правителей Кавказа на победу Шапура над Валерианом, о которой он известил письмами многие страны. По

¹ Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов. – Тр. ВОРАО, СПб., 1869, ч. XIV. С. 12–13.

² Там же. С. 12–13.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ Накш-и Рустамская надпись Картин на «Ка'бе Зороастра», Kz и KKz, Цитц. по: Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 87–88. Перевод этой надписи Картира, приводимый Р. Фраем, отличается от цитируемого очень незначительно и в нем сообщается, что «страну Армению, Грузию, Албанию и Баласаган, вплоть до Албанских ворот, Шапур, царь царей, со своими конями и людьми разграбил, сжег и опустошил». Р. Фрай отмечает, что «название Баласаган прилагалось к побережью Каспийского моря к югу от Дербента, включая Муганскую степь» (см.: Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 1972, прим. 23).

⁵ Кудрявцев А. А. Город... С. 34–35, 73; он же. Древний Дербент. С. 67–68.

⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. – Л., 1959. С. 132–134.

⁷ Флавий Вопписк. Божественный Аврелиан, 41.

сообщению римского историка IV в. Юлия Капитолина, из всех кавказских царей лишь правитель Армении Артавазд, видимо, наиболее зависимый от Ирана, ответил на послание Шапура, но не столько воздавал ему принятые в таких случаях похвалы, сколько поучал грозного персидского царя, напоминая ему, что пленением «одного старика (Валериана – А. К.)» он «не столько одержал победу, сколько посеял войны», в то время как цари албанов и иберов «не приняли писем Шапура, а обратились с посланием к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана»¹. Все это позволяет говорить, что прочной власти на Дербентский проход, как и на другие районы западного Прикаспия, в правление Шапура I персы распространить не смогли. Поход, предпринятый иранцами к Дербенту, носил скорее характер кратковременной военной акции, а не стабильного завоевания этой территории. Подобное предположение подтверждается и данными археологических раскопок. В слоях Дербента этого времени нет никаких следов длительного пребывания здесь персов. Наоборот, после «разрушения и пожарищ», учиненных войсками Шапура, жизнь на дербентском холме на некоторое время замерла и весь город и большая часть его лежала в развалинах. Новое возрождение Дербента относиться лишь к началу IV в. н. э., когда он быстро восстанавливается и вновь активно развивается. Но это возрождение Дербента не связано с Ираном, который в этот период, судя по данным письменных источников и археологических исследований, не имел влияния на эти области Восточного Кавказа².

Влияние персов на Восточном Кавказе значительно усилилось в конце правления Шапура II, чему способствовали внутривосточные смуты в Армении и нашествие готов на Римскую империю, отвлекшее ее правителей от борьбы на Востоке.

Конечным результатом дипломатических и военных усилий Шапура на Кавказе было соглашение с римлянами о разделе Армении, который произошел уже после смерти сасанидского царя в 387 г. и имел решающее значение для укрепления власти Ирана на всем Восточном Кавказе. Попал ли сразу после этого Дербент под власть Сасанидов – не известно, о событиях в Албании в период с конца IV до середины V вв. источники почти ничего не сообщают, но можно предположить, что иранцы захватили контроль над проходом уже в конце IV в., так как три-четыре десятилетия спустя, согласно данным авторов V в., они имели здесь уже и мощную крепость, и огромный гарнизон.

С конца IV в. н. э. начался второй этап распространения сасанидской экспансии на западный Прикаспий, в том числе и на Дербентский проход.

В это же время на Кавказе произошли другие исторические события, приведшие к значительному повышению активности кочевников – здесь появились гунны.

В 70-х годах IV в. н. э. мощные волны азиатских кочевников, политическое и этническое ядро которых составляли гуннские племена, «подобно вихрю, несущемуся с высоких гор»³, вторглись в Восточную Европу. Ни многочисленные, но разрозненные племенные союзы Северного Причерноморья и Прикавказья, ни одряхлевшая Римская империя, ни государства Переднего Востока не смогли оказать достойного

¹ *Юлий Капитолий*. Два Валериана. § 6–7.

² *Кудрявцев А. А.* Город... С. 62–72, 73; он же. Первое исследование... С. 142–146; он же. Древний Дербент. С. 68–71.

³ *Аммиан Марцеллин*. История. – ВДИ, 1949. № 3. С. 306.

сопротивления свирепым гуннским ордам, которые, сея повсюду страх и разрушения, на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом, уничтожая все, что попадает на встречу¹.

В 395 г. гунны вторглись в Малую Азию, разорили цветущие провинции Ирана и ограбили Закавказье, пройдя через ворота Дербента и «узнав кротчайшую дорогу на Восток». Часть гуннов, вторгшихся на Северный Кавказ, обосновалась в Прикаспийском Дагестане, к северу от Дербента, объединившись здесь в союз, известный в источниках как «царство гуннов», столицей которого считался «город гуннов Вараджан (Варачан)»².

Теперь на смену эпизодическим набегам на Закавказье и Передний Восток через Дербентский проход сарматских и аланских отрядов пришли систематические вторжения мощных объединений кочевников-гуннов, для которых на данной ступени социально-экономического развития война «только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³.

Последствия подобных вторжений гуннов в Малую Азию и Сирию, по дошедшему до нас свидетельству очевидца, были ужасны: «Дымятся пожары. Нет никакого упования на стены. Поля обезображены опустошениями...»⁴.

Гуннское нашествие и сасанидские завоевания на Кавказе открыли второй период в истории развития Дербента и сложения исторической топографии средневекового города. В правление царей этой персидской династии в проходе были возведены огромные оборонительные сооружения, вызывающие восхищение и удивление своей мощью и монументальностью вплоть до наших дней. Каменные стены Дербентского оборонительного комплекса, равных по величине и значению которым нет даже в самом Иране, увековечили славу и могущество двух выдающихся царей сасанидской династии – Каада I и Хосрова I Ануширвана, определив одновременно на многие века планировку и структуру средневекового города, конструктивные особенности его фортификации и размеры межстенной территории. Весть о «дивных стенах» Дербента широко разлетелась по всему древнему Востоку, их называли одним из чудес света, знаменитой «стеной Гога и Магога» (арабск. Йаджудж и Маджудж). Слух о этих стенах заставил халифа ал-Васика биллаха (842–847 гг.) снарядить на Кавказ и дальше на Восток экспедицию Саллама ат-Тарджумана. Описание этих знаменитых стен, с которыми тесно связана на Востоке и легенда о построении их Зу-л-карнейном (Александром Македонским) заставило некоторых исследователей (Х. М. Френ, де Гье) даже предположить, что путешественник-араб имел в виду Китайскую стену, но это мнение было отвергнуто последующими исследователями⁵, «многое заставляет предполагать, что и Салман, и позднейшие средневековые авторы под стеной Зу-л-карнейна разумели стены Баб ал-абваб»⁶. Среди подобных оборонительных

¹ Аммиан Марцеллин. История. – ВДИ, 1949. № 3. С. 306.

² Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому. Пер. К. П. Патканова, СПб., 1887. С. 38.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Маркс К., Энгельс Ф. – Избранные произведения. М., 1955, т. II. С. 296.

⁴ Клавдий Клавдиан. – ВДИ, 1949, № 4. С. 255–256.

⁵ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. – Соч., т. IV, М – Л., 1957. С. 140–141.

⁶ Захощер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 134.

сооружений, возведенных в различных районах древнего и средневекового цивилизованного мира, таких как знаменитый Римский лимес (Задунайский, Зарейнский валы, валы Ачтониана), Шотландская стена (вал Адриана), Абхазская, Бешбармакская, Ширванская «длинные стены» на Кавказе, Киммерийские стены в Крыму, Трояновы валы в Молдавии и на Украине, русские валы на половецкой границе и многие другие укрепления, предназначенные для охраны границ развитых земледельческих государств, фортификации Дербента выделяются не только мощью и исключительной продуманностью планировки, но стратегической и военно-политической значимостью, своей особой ролью в охране Закавказья и всего средневекового Востока.

Возникновение Дербентского оборонительного комплекса в V–VI вв. н. э. было тесно связано как с историческими событиями в Дагестане и на Кавказе, так и в самом Иране.

Роль западного побережья Каспия в этот период особенно возрастает и оно становится главным стратегическим плацдармом Сасанидов в их экспансии на север. Здесь сосредотачиваются основные военные силы персов на Кавказе и развертывается широкое фортификационное строительство. В V–VI вв. иранцами была возведена целая система укреплений, так называемых «длинных стен», полностью перекрывавших прикаспийскую полосу побережья в самых узких и стратегически важных местах. Наиболее известными в этой системе «длинных стен» являются Бешбармакские, Ширванские (Гильгинчайские) и Дербентские укрепления (более северная, не сохранившаяся «длинная стена» Махачкалинского городища, отождествляемого с Семендером, изучена очень слабо)¹. Самыми южными по расположению и скромными по величине из них являются Бешбармакские оборонительные сооружения, а наиболее северными и грандиозными – Дербентские. Исследования сасанидских заградительных линий на Прикаспийском пути имеют принципиальное значение для установления времени возникновения оборонительных сооружений Дербентского комплекса и этапов его сложения, т. е. пути формирования фортификации Дербента, послужившей основой его планировки и структуры, во многом определивших формирование исторической топографии феодального города. Именно строительство «длинной» дербентской стены, имевшей назначение перекрыть Прикаспийский путь в наиболее важном и удобном месте, оказало решающее влияние на специфику дальнейшего формирования Дербента, на своеобразие его внутригородской топографии и структуры. Расположение Дербентских оборонительных сооружений значительно севернее линий Бешбармакских и Ширванских укреплений способствовало появлению в исторической литературе² своеобразной схемы поэтапного продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе, отмеченного возведением системы «длинных стен».

По этой схеме, базирующейся в значительной мере на логических построениях, наиболее ранними в системе «длинных стен» являются самые южные укрепления, которые должны возникнуть до строительства стен, расположенных севернее, так

¹ В исторической литературе существует мнение о наличии в Прикаспии еще одной «длинной стены» – Рубасской, что не нашло однако подтверждения при исследованиях, см.: Кудрявцев А. А. «длинные стены» на Восточном Кавказе. – ВИ, 1979, № 11. С. 31–43.

² Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. – ПИМК, № 9–10, 1933. С. 44–47; Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. – Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 7 (12). С. 33–40; Очерки истории СССР, III–IX вв., М., 1958.

как Сасаниды подвигались с юга на север, отмечая каждый новый этап своего завоевания на Восточном Кавказе возведением более северной стены. Вопрос о времени возникновения сасанидской фортификации Дербента, самой значительной из всех «длинных стен» на Восточном Кавказе, имеет особенно важное значение для истории города, выявления хронологических рамок нового, второго периода формирования его исторической топографии, начавшегося с момента возведения «длинной стены», перекрывшей Дербентский проход от вершины холма до моря. В средневековую эпоху, даже во времена своего наибольшего расцвета, Дербент сохранил планировку этих оборонительных сооружений и продолжал оставаться городом «длинных стен», в пределах которых он развивался как политический и торгово-экономический центр, оставаясь «засовом, связью ворот».

Наиболее грандиозным в системе сасанидских укреплений на западном побережье Каспия являются Дербентские оборонительные сооружения, которые и поныне поражают величием масштабов и незыблемой монументальностью. Дербентский оборонительный комплекс, возведенный из местного камня-ракушечника, включает в себя северную и южную параллельные стены города, протяженностью более 3,5 км каждая, цитадель Нарын-кала, расположенную на высоком холме, и Горную стену, протянувшуюся к неприступным вершинам Кавказа более чем на 40 км. В настоящее время стены города немного не доходят до моря, но по единодушному свидетельству средневековых письменных источников они тянулись в воду на значительное расстояние (протяженность их оценивалась от 6 башен до 3-х арабских миль). Расстояние между стенами у моря достигает 450 м, у цитадели около 300 м. Толщина стен до 4м, при сохранившейся в настоящее время высоте 10–18 м.

Дербентский оборонительный комплекс из камня, возведенный иранцами в VI в., несомненно является вершиной сасанидского фортификационного строительства, но начало второго периода сложения исторической топографии города связано не с этими стенами, а с более ранними сасанидскими укреплениями, сильно отличавшимися от них конструктивно. Эту, более раннюю фортификацию Дербента, вряд ли можно признать самым поздним, финишным рубежом в системе сасанидских укреплений на Восточном Кавказе и последней линией заградительных «длинных стен», отмечавших этапы сасанидской экспансии.

Иранцы вышли на рубеж дербентского прохода значительно раньше возникновения здесь мощных оборонительных сооружений из камня, и сейчас, опираясь на результаты археологических исследований последних лет, можно обоснованно говорить не менее, чем о трех проникновениях Сасанидов в район Дербента и о двух крупнейших этапах его фортификационного строительства¹.

Это значительно меняет взгляд на существующую схему возведения «длинных стен» на западном побережье Каспия этапов продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе, на хронологические рамки второго периода формирования планировки и структуры средневекового города.

Долгое время считалось, что история Дербента начинается со строительной деятельности Хосрова Ануширвана (531–579 гг.), в результате которой иранцы смогли

¹ Кудрявцев А. А. К вопросу о времени возникновения первых сасанидских укреплений в Дербенте. – IV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 31–33; он же. Город... С. 82–116.

укрепиться в Дербентском проходе. Однако это убеждение было значительно поколеблено открытием в 1932 г. Б. Н. Засыпкиным глинобитного вала в приморской части города у внутренней грани северной стены из камня. Тогда же им было высказано предположение, поддержанное рядом исследователей, что это более ранняя фортификация, возможно сасанидского происхождения. Однако вопрос о времени строительства этих глиняных укреплений Дербента оставался спорным. Одни исследователи предположили, что они возникли в правление Кавада I (488–531 гг.)¹, другие считали возможным отнести их возведение ко времени Ездигерда II (439–457 гг.)², а третьи вообще не принимали их в расчет при решении вопроса о времени появления сасанидской фортификации Дербента³. Вопрос о времени распространения власти Сасанидов на «ворота» Дербента и возведения ими здесь первых своих укреплений имеет решающее значение для понимания проблемы формирования феодального города, его фортификации, внутригородской топографии, структуры, а также процесса сложения оборонительной системы в виде «длинных стен» и этапов иранской экспансии на Восточном Кавказе, но решить их без широких археологических исследований и анализа конкретной исторической обстановки невозможно.

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, позволили в значительной мере восполнить этот пробел и в достаточно полном объеме получить необходимую информацию о наиболее ранней глиняной фортификации города сасанидской поры, выявить его структуру, параметры и время возникновения. Оказалось, что данное сооружение представляет собой мощную сырцовую стену, сплошь возведенную из кирпича размером 40–44 x 40–44 x 12–13 см⁴. Основанием стены служила очень плотная глинобитная платформа высотой около 0,4 м. Стена имела каменный цоколь высотой до 2,4 м и шириной 0,75 м, уложенный на известковом растворе⁵. Ширина стены достигает 8 м, при сохранившейся высоте (сохранилось 41–44 вертикальных ряда кирпичной кладки) около 6 м⁶ (согласно законам фортификации она, видимо, достигала высоты 12–16 м). Подобно каменным стенам Дербента, она сплошь перекрывала проход и тянулась от моря до вершины Дербентского холма, где находилась цитадель, также возведенная из сырцового кирпича⁷. Никаких более древних оборонительных сооружений под сырцовой фортификацией не обнаружено. Материал и размеры сырцовых кирпичей дербентской стены типичны для сасанидской архитектуры самого Ирана, Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока.

Анализ обширных археологических источников, и особенно керамических комплексов, данные стратиграфического исследования и нумизматики, а также строительный материал и расположение стены в системе раннесредневековых оборонительных сооружений города, позволяют отнести возведение стены к V в н. э.⁸.

¹ Тревер К. В. Очерки по истории... С. 277, 278.

² Артамонов М. И. Древний Дербент. – СА, 1946, VIII. С. 135, 137; он же. История хазар. Л., 1962. С. 122.

³ Еремян С. Т. – В кн.: Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 316–317.

⁴ Кудрявцев А. А. Город... С. 82–90; он же. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте. – СА, 1978, № 3 С. 246–251.

⁵ Хан-Магомедов С. О. Башни и стены Дербентской крепости. – «Архитектурное наследство». М., 1964, 17. С. 122–123.

⁶ Кудрявцев А. А. Город... С. 83; он же. О датировке... С. 247.

⁷ Там же. С. 247–250.

⁸ Там же. С. 87–91; 252–257.

Выявленные факты пребывания иранцев в Дербенте и возведения ими здесь мощных оборонительных сооружений еще в V в., в значительной мере меняют сложившиеся в исторической литературе представления по ряду вопросов сасанидской экспансии на Кавказе и хронологии их фортификационного строительства в Дербенте.

При решении вопроса о хронологии сасанидских завоеваний на Восточном Кавказе надо принимать во внимание не только экспансивные устремления Ирана на север на новые территории, но и постоянное давление с севера на юг мощных объединений кочевников, которые в период политического и экономического ослабления Сасанидов немедленно пытались оккупировать уж завоеванные иранцами территории, что делало границу между ними весьма нестабильной. Надежное укрепление северной границы Ирана имело в этот период не только военное, но и политическое значение. Закрыв доступ кочевникам в Закавказье, иранцы с одной стороны изолировали народы этого региона от возможных антисасанидских союзов с кочевниками, а с другой, выступали защитниками покоренных территорий от набегов с севера. Сасанидский Иран, захватив в V в. наиболее доступные и стратегически важные прикаспийские области Кавказской Албании, несомненно стремился распространить свой контроль и на важнейшие «ворота» Кавказа, но в исторической литературе до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о времени возникновения первых сасанидских укреплений Дербента.

Появление в проходе первых иранских укреплений источники относят ко времени правления Ездигерда II, при котором персидские и армянские отряды охраняли от гуннов «врата» «в северных краях в Хонской крепости»¹ (в переводе П. Шаншиева – «северные врата Дербентские»)² и «перестали Хайландуры выходить через пограничную крепость Чора»³. Эта пограничная крепость упоминается армянским автором V в. Егише, который в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в 450–451 гг. писал, что восставшие армяне и албаны «направились к Хонским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри»⁴. В том, что здесь идет речь о разрушении укреплений, построенных Ездигердом, автор не оставляет сомнений, сообщая дальше, что царь «был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только смогли построить»⁵.

Эти данные подтверждает албанский историк Мовсес Каланкатвацци, который в связи с антииранским восстанием сер. V в. писал, что армяне и албаны «пошли войной на крепость, построенную Газкертом при вратах Гуннов, которыми насильно завладели Персы»⁶. Другой автор V – нач. VI вв. Лазар Парпеци, сообщая об этих же событиях, называет укрепление Ездигерда не просто крепостью, а «пахак стены»⁷, что имеет особое значение для отождествления их с «длинными стенами», и помещает эти укрепления к северу от Куры «между владениями албанов и хонов»⁸.

¹ Егише. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 53.

² История Егише вардапета. Пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 70.

³ Егише. О Вардане и войне... С. 31.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 88.

⁷ Лазар Перпеци. История Армении (на арм. яз.). Тифлис, 1904. С. 66. Цит. по: Тревер К. В. Очерки по истории... С. 209.

⁸ Там же. С. 209.

«Пограничная крепость Чора», «Ворота Чора», «Ворота Гуннов», граница «владений албанов и хонов» – все эти названия следует отождествлять только с дербентским проходом, и поэтому представляются малоубедительными попытки отдельных исследователей локализовать упомянутые письменными источниками укрепления Ездигерда II в Дарьяльском ущелье¹ или в районе Беш-Бармака². Письменные источники единодушно отмечают, что военные действия между восставшими и персами велись в Албании, а не в Грузии, на что справедливо указывала К. В. Тревер³, отвергающая локализацию этих укреплений в Дарьяльском ущелье, и персидскими войсками руководил «марзпан Чора, который явился разорять церкви Албании»⁴. Любопытно отметить полную индентичность описания маршрутов движения марзпана Чора навстречу Вардану и самого Вардана, направившегося во главе восставших громить укрепления Ездигерда после победы над марзпаном. Себухт (марзпан Чора) «не стал выжидать в краях Чора, а ...поспешно перешел большую реку, именуемую Кур, и встретился с ним (Варданом)»⁵, а после разгрома персов восставшие «направились через большую реку, именуемую Кур-река, и достигли пахака стены, которая находится между владениями албанов и хонов»⁶. Все это позволяет полагать, что если Себухт выступил навстречу Вардану из «краев Чора», то и Вардан после победы пошел туда же, к «пахаку стены».

Вряд ли можно признать убедительной и локализацию укреплений Ездигерда в районе Беш-Бармака на том основании, что здесь, по мнению, К. В. Тревер⁷, проходила граница между албанами и хонами.

Анализ раннесредневековых письменных источников позволяет утверждать, что в IV–VI вв. граница между албанами и гуннами проходила в районе Дербента, на что весьма определенно указывают многочисленные сообщения армянских, сирийских, византийских писателей V–VII вв.⁸. При этом известные авторы V в. Агафангел и Моисей Хоренский неоднократно подчеркивали, что вторжение кочевников происходило через «Ворота Чора». Так, особо показательно для понимания этого вопроса одно из сообщений Моисея Хоренского, который в связи с известным вторжением кочевников на территорию Албании в первой половине IV в. писал, что персидский царь Шапур II (309–379 гг.) помогал албанскому царю избавиться «от нападения северных народов, которые, соединившись, прошли ущелье Чора и поселились в пределах ахванских в продолжение четырех лет»⁹.

¹ История армянского народа, ч. I. (под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннесяна). Ереван, 1951. С. 86; Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов. – ВДИ, 1951, № 4. С. 55; Очерки истории СССР. С. 201.

² Тревер К. В. Очерки по истории... С. 209, 269, 271.

³ Там же. С. 209.

⁴ Египие. О Вардане и войне... С. 76, 77.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Лазар Перпеци. История Армении. С. 66.

⁷ Тревер К. В. Очерки по истории... С. 209, 271.

⁸ Langlois V. Fragmenta historicum graecorum. P. 1870. T. V. P. 180; Лазар Парпеци. История Армении. С. 66; История Армении Моисея Хоренского. Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 113, 114; История Египие Вардапета. С. 13, 70; Египие. О Вардане и войне... С. 53, 118; История епископа Себеоса. Пер. Ст. Малхастянца. Ереван, 1939. С. 30, 121; Армянская география VII в... С. 38; Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. – Л., 1941. С. 82–85; Приск Панийский. Готская история, IV, 37.

⁹ История Армении Моисея Хоренского. С. 151.

По Дербентскому проходу проводит границу между народами Албании и кочевыми племенами, живущими «за воротами «в пределах гуннских», известная сирийская хроника VI в.¹

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, подтвердили эти сообщения и показали, что основная масса археологических материалов, выявленных здесь, в отличие от более северных районов Дагестана, обнаруживает несомненное сходство с материалами синхронных памятников Азербайджана и дает основание говорить о тесной близости представленных в них культур². Это позволяет сделать вывод о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании как в албано-сарматский, так и в раннесредневековый периоды³.

Эти данные подтверждает и «Армянская география», четко указывающая, что за Дербентом «севернее живут гунны, у которых город Варачан»⁴. Подобная локализация гуннов отмечена и в так называемом «новом списке «География», где «царство гуннов» и его столица помещаются к северу от Дербента⁵.

Исследования дагестанских археологов подтверждают эти сообщения и дают основания локализовать «царство гуннов» и его столицу Варачан, отождествляемую с городищем Урцеки⁶, в Приморском Дагестане к северу от Дербента.

Первым основателем сасанидских укреплений в Дербенте, и именно стены, назван Ездигерд в местной исторической хронике «Тарихи Дербент-наме»⁷. В связи с этим, может быть, следует более внимательно отнестись к сообщениям о имевшихся будто бы на южной стене города пехлевийских надписях с именем Ездигерда II⁸.

Раннесредневековый топоним Чол, Джор, Джол отложился в названии горы Джолган, на отроге которой построен Дербент и в наименовании селения, расположенного в 3 км выше города – Верхний Джолган. В связи с этим любопытно отметить, что в дагестанской топонимике наличие одного населенного пункта с указанием его зонального расположения (верхний – нижний) всегда подразумевает существование второго, аналогичного по названию, но с противоположным зональным топонимом. Однако в данном случае он отсутствует, что можно объяснить лишь наличием подобного названия – Нижний Джолган у Дербента. В дагестанских языках Дербент и ныне называется Чор, Чул, Чур Чурул (лак.), Чулли (дарг.)⁹.

И если к этому добавить, что сам Дербент в письменных источниках зовется «великой твердыней» и «городом Чорского прохода», «великим городом Чола», «городом у ворот Чора», то именно сырцовые укрепления Дербента надо признать той «пограничной крепостью Чора», «пахакон стены», основанной Ездигердом II в первой пол. V в., первой сасанидской «длинной стеной» на Восточном Кавказе.

¹ Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. – ВДИ, 1939, № 1. С. 114, 115.

² Кудрявцев А. А. Город... С. 33–68; он же. Древний Дербент. С. 56–64, 81–84.

³ Там же.

⁴ Армянская география VII в... С. 38.

⁵ Патканов К. П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – ЖМНП, 1883, март. С. 28.

⁶ История Дагестана, т. I, М., 1967. С. 136–137.

⁷ Тарихи Дербент-наме. С. 28, 94.

⁸ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, ч. I. С. 156.

⁹ История Дагестана, г. I. С. 122.

Таким образом, исходя из данных археологических исследований и анализа со-общений раннесредневековых авторов, можно отнести возникновение первой са-санидской фортификации Дербента, положившей начало сложения планировки шахристана феодального города и его структуры, к первой половине V в. Учитывая время вступления на престол Ездигерда II (439 г.) и дату разрушения восставшими народами Кавказа построенной им крепости Чора (451 г.), можно ограничить хро-нологические рамки возведения сырцовых стен Дербента, а следовательно, и начало нового периода его сложения, 439–451 гг.

Представляется вероятным, что Дербентская сырцовая стена, наиболее ранняя из всех известных в настоящее время сасанидских «длинных стен» в Закавказье, яв-лялась первым этапом возведения подобных оборонительных сооружений, первой попыткой надежно перекрыть знаменитый Прикаспийский путь.

Сасанидам на этом этапе их завоеваний на Восточном Кавказе не было необхо-димости возводить Бешбармакскую и Ширванскую «длинные стены», так как, под-чинив себе Кавказскую Албанию, они сразу унаследовали и основную часть ее терри-тории вплоть до Дербента, по которому проходила граница с кочевниками. Однако окончательно закрепить за собой эти области в V в. они не смогли.

Неудачные военные действия персов на восточной границе, пленение, а затем гибель Пероза в войне с эфталитами¹, внутренние противоречия и раздоры в Иране привели к тому, что Сасаниды потеряли на некоторое время контроль над прохо-дом. В 483–484 гг. Закавказье охватило мощное антииранское восстание под руковод-ством Вахтанга Горгасала, в котором восставшие иберы, армяне, албанцы привлекли к борьбе против иранцев кочевников Прикаспия и Северного Кавказа². Согласно сведениям древнегрузинских источников, во времена правления Вахтанга Горгасала жители Дербента оказывали помощь кочевникам Северного Кавказа и пропускали их через «Ворота Дарубанда»³. Г. В. Цулая справедливо полагает, что в источнике речь идет об использовании Дербентских ворот гуннами, поддерживавшими в тот период связь с населением Дербента⁴.

Иран, раздираемый междоусобной борьбой братьев Пероза, Валарша и Зарера, теснимый на востоке эфталитами, и на западе гуннами, вынужден был смириться с потерей Дербентских укреплений, которыми, по сообщениям византийских источ-ников, овладел гуннский царь Амзавук⁵.

Вернуть проход себе персы смогли лишь в правление Кавада I, когда внутрен-нее положение в стране и на ее границах несколько стабилизировалось. Прокопий Кесарийский утверждает, что Кавад овладел «Каспийскими воротами» после смерти Амвазука, «родом гунна». Амвазук хотел передать охрану ворот Византии, но Ана-стасий, не надеясь на свои силы или, не желая войны с персами, отказался взять их под свою охрану, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота⁶.

Н. В. Пигулевская считает, что это произошло в 507–508 гг., так как Прокопий сообщает об этом до окончания постройки крепости Дары⁷. Это сообщение под-

¹ Дьяконов М. М. Очерки... С. 277.

² Там же. С. 277.

³ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Пер. и ком. Г.В. цулая. М., 1979. С. 81.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 13.

⁶ Пигулевская Н. В. Сирийские источники... С. 67.

⁷ Там же.

тверждает Ибн ал-Асир¹, а также Якуби, который пишет, что Кавад вел с кочевниками тяжелые войны, завоевал Баб ал-абваб у хазар и передал его Хосрову².

Возведение каменной фортификации Дербента, ознаменовавшей начало нового этапа истории города и сложения его исторической топографии, подавляющее большинство исследователей связывает с именем самого известного сасанидского правителя – Хосрова I Ануширвана, о чем свидетельствуют и многочисленные сообщения письменных источников. Причем, это строительство рассматривалось как единовременное предприятие Хосрова, начатое и завершенное им в перерывах между войнами с Византией в течение нескольких лет, назывались даже точные даты постройки всего комплекса – 562–571 гг.³

Однако есть основания предполагать, что строительство каменных стен Дербента начато было несколько раньше, еще в правление Кавада I. Вероятно, именно его широкое фортификационное строительство на Восточном Кавказе, отмеченное сообщениями многих письменных источников, открыло второй этап сасанидского строительства в Дербенте, завершившийся сооружением при Хосрове Ануширване всего огромного оборонительного комплекса дают данные археологических раскопок⁴ и особенности его планировки⁵, свидетельствующие о разновременности отдельных частей комплекса, а также сообщения ряда средневековых авторов⁶ и местных исторических хроник⁷.

Историко-архитектурные обследования и археологическое изучение каменных оборонительных сооружений Дербента позволяют говорить о нескольких этапах их возведения⁸. Удалось выделить четыре основных: первый – цитадель и северная стена; второй – южная стена; третий – форты Горной стены; четвертый – куртины Горной стены⁹.

Существующую поэтапность возведения фортификации города и участие в нем Кавада подчеркивает авторитетный арабский автор X в. ат-Табари, который называет строителями сасанидских укреплений в Дербенте трех правителей Ирана: Пероза, Кавада, Хосрова Ануширвана.

«Царь Фируз воздвиг (еще раньше) в области Сул и (в области) алан строение из скалы с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, (а) царь Кабад сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца (также) много сооружений, а когда вступил на престол Хосров, то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. «скалы»)¹⁰.

Такая последовательность в сооружении фортификации города, вероятно, отражала истинное положение вещей, так как укреплять его вынуждены были и предше-

¹ Из «Тарихи ал-Камиль» (полного свода истории) Ибн аль-Асира. Пер. П. Жузе. Баку, 1940. С. 9.

² Якуби. История. Пер. П. Жузе. Баку, 1927. С. 5–6.

³ Артамонов М. И. Древний Дербент. С. 137.

⁴ Кудрявцев А. А. и др. Исследования в Дербенте. С. 126.

⁵ Хан-Магомедов С. О. Башни и стены... С. 124–125.

⁶ Ибн ал-Факих. Книга о странах. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902. С. 11.

⁷ Derbend-Nameh. SPv., 1851. P. 133.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Башни и стены... С. 125; Кудрявцев А. А. Город... С. 103–104.

⁹ Кудрявцев А. А. Город... С. 103.

¹⁰ Ат-табари. История пророков и царей. Пер. А. Р. Шихсаидов. – РФ ИИЯЛ, № 4803. С. 12.

ственники Хосрова, но окончательно Дербентский оборонительный комплекс оформился при нем. Однако вряд ли уместно предполагать, что возведение небольшой сырцово-кирпичной стены Дербента могло быть плодом многолетних усилий двух правителей сасанидской династии и два царя с разрывом в несколько десятилетий строили одну и ту же сырцовую стену в 3,5 км длиной. Вероятнее, что Кавад и Хосров I, в правление которых Иран достиг наибольшего могущества, оба возводили уже огромный комплекс из камня, хотя более скромный вклад первого был заслонен от последующих поколений деяниями его знаменитого сына. «Имя Хосров, как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолепия и славы»¹.

И, видимо, не случайно, албанский историк Моисей Каганкатвацци говорил, что не царь, а «цари персидские изнурили страну нашу» для построения «великого сооружения между морем и горами»².

Арабские авторы IX–X вв. оставили многочисленные и весьма подробные описания дербентских фортификационных сооружений³. Благодаря этим сочинениям мы можем представить всю мощь оборонительной системы Дербента, протянувшейся, по их данным, на 7–40 фарсахов в горы, до неприступных вершин⁴ и уходящей в море на расстояние от 3-х арабских миль (около 6 км) до 6 башен или 600 локтей⁵. Эти ценные описания позволяют сопоставить данные средневековых авторов с реально сохранившимися раннесредневековыми стенами города.

Не останавливаясь на подробном описании фортификации Дербента⁶, которой посвящена многочисленная литература и специальные исследования автора⁷, дадим лишь краткую характеристику ее.

Северная и южная стены города вытянуты подобно узкой ленте через весь проход, от цитадели до моря. Длина целиком сохранившейся северной стены 3650 м, в южной, сохранившейся частично, около 3500 м. В плане стены довольно сильно отличаются друг от друга. Северная стена имеет прямоугольные и полукруглые башни

¹ Фрай Р. Наследие Ирана. С. 308.

² История агван... С. 105.

³ Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 5–7; *Ибн ал-Факих*. Книга о странах. С. 17; *Ма'суди*. Россыпи золота. Пер. В. Ф. Минорского. История... С. 189–190; *ал-Истахри*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901. С. 11; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903. С. 15; *Кудамас*. Книга о хордаже. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, XXXII, 1903. С. 33; *ал-Мукаддаси*. Лучшее из делений для познания климатов. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908. С. 9.

⁴ *ал-Факих*. Книга о странах. С. 23; *Якуби*. История, С. 6; *Ма'суди*. Россыпи золота, § 1. С. 2; *Минорский В. Ф.* История... С. 189 – 190; *ал-Истахри*. Книга... С. 11; *ал-Мукаддаси*. Лучшее из делений... С. 9.

⁵ *Баладзори*. Книга завоевания стран. С. 7; *ал-Истахри*. Книга путей и царств. С. 11; *Хилаль ас-Саб*. Вузара. С. 217.

⁶ *Бартольд В. В.* Дербент. С. 419–430; он же. Новое известие о стенах Дербента. С. IV–V; *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники... С. 37–47; *Спаский П.* Дербентские укрепления. Баку, 1929; *Бакланов И. Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935; *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 121–144; *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1958; он же. Стены и башни... С. 121–146; он же. Раннесредневековая Горная стена в Дагестане. – СА, 1966, № 1. С. 234; *Тревер К. В.* Очерки... С. 274–287.

⁷ *Кудрявцев А. А.* Город... С. 82–117; он же. Древний Дербент. С. 72–105.

(46 башен), расположенные примерно на расстоянии 70 м, а южная – только прямоугольные (17 башен), отстоящие друг от друга на расстоянии около 180 м. В средневековый период обе стены продолжались в море и между ними был устроен порт города. Стены города построены из крупных блоков, которые, будучи уложены ложком и тычком, составляют наружу облицовку кладки, а тело стены заполнено бутовым камнем, скрепленным известковым раствором очень высокого качества.

Археологические раскопки полностью подтвердили предположение о разновременности южной и северной стен Дербента. Было выявлено, что южная стена города, в отличие от северной, не имеет перевязки со стенами цитадели и лишь примыкает вплотную к ее юго-восточному углу¹. Блоки же северной дербентской стены уложены в перевязку с блоками цитадели, что не оставляет сомнения в одновременности их возведения и более позднем строительстве южной стены². В отличие от северной стены, южная не имеет фундамента и основанием ей служит хорошо выровненная поверхность. Северная стена имеет в нижней части ступенчатый цоколь (3–4 ступени), заглубленный на 1–1,2 м в землю, т. е. в отличие от южной, основание северной стены заглублено.

Цитадель города имеет стены, в основном аналогичные по характеру и типу кладки городским стенам³, исключение здесь составляет восточная стена цитадели, неоднократно перестраиваемая в XVIII–XIX вв.

Цитадель Дербента, именуемая в настоящее время Нарын-калой, расположена в северо-восточной части вершины дербентского холма, возвышающейся на 340 м над у. м. и занимает площадь около 4,5 га. Конфигурацией своих стен и размерами она полностью совпадает с крепостью скифского и албано-сарматского времени. В плане она представляет неправильный многоугольник, повторяющий рельеф вершины холма, размеры которого с запада на восток достигают 200 м, с юга на север – 220 м. Стены цитадели толщиной 2,5–3,5 м как бы окружают вершину холма с крутыми склонами, поэтому разность отметок поверхности внутри цитадели и снаружи очень значительная. Северная и северо-западная стены цитадели, достигающие местами до 15–20 м высоты, дополнительно укреплены небольшими башнеобразными выступами, а южная и юго-западная – квадратными башнями.

На северной стене города и южной стене цитадели Дербента имеются всемирно известные пехлевийские строительные надписи, в истолковании которых среди специалистов нет единого мнения. Большинство исследователей, вслед за Е. А. Пахомовым, читавшим имеющуюся среди этих надписей дату как «37 год» правления Хосрова Ануширвана⁴ относят их ко времени правления этого сасанидского царя⁵, хотя не исключают возможности и более раннего сасанидского строительства стен

¹ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Исследования в Дербенте. С. 126; Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 103.

² Там же.

³ Подробнее о конструкциях дербентских стен и приемах их возведения см.: Кудрявцев А. А. Феодальный Дербент. М., 1993.

⁴ Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербенда. Баку, 1929. С. 3 – 22; он же. К толкованию пехлевийских надписей Дербенда, - изв. АзГНИИ, Баку, 1930, т. I, в. 2. С. 13–16.

⁵ Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 316–317; Дьяконов М. М. Очерк истории... С. Кудрявцев А. А. Город... С. 33–68; он же. Древний Дербент. С. 314, Тревер К. В. Очерки... С. 346–353; Минорский В. Ф. История... С. 121, прим. 36.

Дербента¹. Но с таким толкованием даты не соглашался Г. С. Ниберг, читавший ее как «700 год» по аршакидской эре летоисчисления² (соответствует 453 г. н. э., т. е. правление Ездигерда II).

Появившиеся в последние годы новые истолкования даты пехлевийской надписи на стенах Дербента (М. Н. Боголюбов, В. Г. Луконин)³ значительно ослабляет оба варианта предложенных ранее чтений даты и могут свидетельствовать, по нашему мнению, о возможной связи ее со временем правления Кавада⁴, т. е. о возведении северной стены города и цитадели (или каких-то их частей) во времена Кавада.

Сопоставление данных письменных источников о каменных стенах Дербента, в основе сообщений которых лежат сведения арабских историков и географов IX–X вв., нередко опиравшихся на сасанидские литературные традиции, с историко-архитектурными обследованиями его сооружений дореволюционных и современных специалистов, позволяют утверждать, что город и до сегодняшнего дня сохранил большую часть своей сасанидской фортификации и главные составные части городской структуры, динамики развития и особенностей планировки отдельных его частей.

2. Дербент в составе Арабского халифата VIII–X вв.

Новый период в развитии Дербента и сложении его как крупного феодального города начался после арабского завоевания и охватывал VIII – начало X вв. Включение Дербента в сферу военно-политического и торгово-экономического влияния Арабского халифата, объединившего в этот период под своей властью наиболее развитые области Переднего Востока, Средней Азии и Кавказа, оказало значительное воздействие на дальнейшее развитие города. И если О. Г. Большаков справедливо отмечал, что «через VIII в. проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии»⁵, то это замечание в значительной мере можно отнести и к Дербенту. «Вторжение арабов, принесших с собой новую религию и государственный язык, включение мелких феодальных княжеств в систему единого государства, установление новых культурных и экономических связей привело к существенному изменению всего облика духовной и материальной культуры»⁶.

В первой половине VII в. на Аравийском полуострове произошли события, оказавшие огромное влияние на исторические судьбы народов Передней и Средней Азии, Средиземноморья и Кавказа. Здесь завершился сложный процесс объединения отдельных скотоводческих племен и мелких княжеств в единое государство с сильной централизованной властью и новой монотеистической религией.

¹ Дьяконов М. М. Очерк... С. 314; Минорский В. Ф. История... С. 121.

² Ниберг Г. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Баку, 1929. С. 23–33.

³ Новое чтение надписей любезно было предложено В. Г. Лукониным в рецензии на статью автора «О датировке первых сасанидских укреплений Дербента», пользуясь случаем, приношу ему глубокую благодарность. Новое чтение и истолкование надписей М. Н. Боголюбовым было сообщено в докладе на расширенном заседании Ученого совета Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР 30.9.79 г., приношу глубокую благодарность М. Н. Боголюбову за возможность ознакомиться с новыми материалами.

⁴ Кудрявцев А. А. О датировке... С. 256–257; он же. Древний Дербент. С. 93–95.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 132.

⁶ Там же. С. 132.

Ислам, сплотивший вечно враждующие воинственные племена арабов-кочевников, способствовал не только быстрому сложению единого централизованного государства, но и широкой военной экспансии его, начавшейся сразу вслед за объединением. Раздираемый внутренними противоречиями, ослабленный эпидемиями, разрухой, неудачными войнами с Византией, Сасанидский Иран не смог оказать сопротивления арабам, и вскоре огромная держава пала (642 г.).

Первое вторжение арабов в Азербайджан состоялось в 18 г. х. (639) и закончилось их победой над марзпаном Исфандийаром ибн Фаррухзадом¹.

Первый поход арабов к Дербенту Баладзори, Якуби и местные исторические хроники относят ко времени правления халифа Османа (644–656 гг.) и связывают его с именем Салмана ибн Раби'а, павшего затем «с четырьмя тысячами мусульман» в битве с хазарами у ворот Кирхляр. Однако ат-Табари сообщает о более раннем походе арабов к Дербенту в 22 г. х. – 642 году при халифе Омаре под руководством Сурака ибн Амра. Вместе с ним в Дербент отправился Абд ар-Рахман (брат Салмана), который и погиб, по ат-Табари, у ворот Кирхляр, а сам Салман в 33 г. х. – 654/655 году упоминается как наместник Дербента.

Несмотря на разгром Сасанидской державы, арабы застают Дербент хорошо укрепленным городом, комендант которого по имени Шахрияр или Шахр-Бараз (он был родственником своего знаменитого тезки, завоевавшего в 614 г. Иерусалим и в течение нескольких месяцев занимавшего сасанидский престол), правивший от имени последнего сасанидского царя Ездигерда III, «заключил с арабами мир, но джизию платить не хотел». Подчеркивая особое положение города и его стратегическое значение, он сообщил арабам: «Я нахожусь между двух врагов. Одни из них хазары, другие русы. Они враги всего мира, особенно арабов. Кроме жителей этих местностей нет других, кто (умел бы) воевать с ними. Вместо джизии мы будем воевать»².

Это сообщение, вероятно, отвечает действительности и арабы, завоевывая Закавказье, сразу стали интересоваться проходами, придавая им огромное значение и освобождая жившее здесь население от налогов, накладывая на них обязательство охранять проходы от кочевников³. Вероятно, первоначально арабы ограничились подобными мерами охраны Дербентского прохода, не сумев или посчитав нецелесообразным поставить в Дербенте свой гарнизон. Итоги подобной политики, видимо, оказались малоэффективны и в 24 г. х. – 644/645 году был предпринят новый поход к Дербенту. По сообщению ат-Табари, «в дни Муавия (оставались) неверующими (или отошли от религии) жители Арминии, и Муавия приказал Хабибу ибн Маслама идти на ал-Баб»⁴. Однако широкие военные действия против Византии, войны в Средней Азии и Северной Африке заставили арабов на время приостановить экспансию на Восточном Кавказе и военачальники, возглавлявшие походы в Дербент, фигурируют в источниках во главе сирийских и куфийских отрядов в Византии. Несмотря на определенные трудности на Восточном Кавказе, арабы смогли в этот период сохранить за собой Дербент и с целью укрепления своих ослабевших здесь позиций отправили в 30 г. х. – 650/651 году «в поход на ал-Баб в помощь Абд ар-Рах-

¹ Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965. С. 80.

² А-Табари. История пророков и царей. С. 39.

³ Дорн Б. Известия в хазарах восточного историка Табари, Пер. П. Тяжелова – ЖМНП, 1844, ч. XIII, № 7–8. С. 11–12.

⁴ Ат-Табари. История пророков и царей. С. 21.

ману ибн Рабия» Хузейфа, освобожденного от похода на Рей, и Саид ибн ал-Асса завоевателя Табаристана¹.

А когда арабы в 32 г. х. – 652/653 году двинулись в Хазарию, то правителем Дербента был все тот же Абд ар-Рахман ибн Раби'я и сам Баб ал-абваб воспринимался арабами как опорный пункт в их дальнейшей экспансии на север.

Во второй половине VII в. Дербент неоднократно переходил то к хазарам, то к арабам, что неблагоприятно отразилось на развитии города.

В 42 г. х. (662/663 гг.) арабам пришлось сражаться с союзниками Византии – ала-нами, которые пытались, вероятно, по договоренности с императором отвлечь военные силы Халифата с арабо-византийского театра боевых действий.

Начавшаяся в Халифате смута и борьба Алидов и Омейядов за престол, ослабила позиции арабов на Кавказе, чем воспользовались феодальные правители последнего, попытавшись освободиться от их власти.

Дербент в этот период выступает как главный и крайне необходимый оплот арабов на Восточном Кавказе, каким он являлся и в более ранний период при Сасанидах. Арабы отчетливо понимали роль Дербента, который со всех сторон был, подобно острову в бурном море, окружен многочисленными мелкими правителями горных областей, большая часть которых относилась к новым завоевателям враждебно. Ал-Баладзори приводит список и титулы этих горских правителей, среди которых упоминается «хакан гор», именуемый также «сахиб ас-сарир», «филян-шах», «царь Лакза», «табарсаран-шах», «царь Маската», «лейран-шах», «ширван-шах», «правитель Зарихгарана» и др.² Все эти правители, входившие, вероятно, в федерацию (или конфедерацию) феодальных владений Албании, признававших власть сасанидских царей или независимые от них, не спешили подчиниться арабам и нередко оказывали поддержку их главным противникам – хазарам. Начавшаяся в Халифате смута, связанная с борьбой за халифский престол между родственниками Мухаммада и новой арабской знатью в лице Омейядов, а так же последствия печального для арабов похода Абд ар-Рахмана и Салмана на Баланджар, позволили албанскому правителю Джуаншеру значительно упрочить свои позиции на Северо-Восточном Кавказе. Проявив большие дипломатические способности и умело лавируя между арабами и хазарами, активно оспаривавших свою гегемонию на Кавказе, он смог добиться фактической независимости, уверяя в своей дружбе и поддержке и первых, и вторых. Венцом подобной дипломатии Джуаншера стал его брак с дочерью хазарского кагана, что сильно укрепило его авторитет у феодальных правителей Восточного и Северного Кавказа.

В 670 г. Джуаншер был убит и, скорее всего, не без участия его ближайшего окружения. В обход завещания Джуаншера, пытавшегося остановить престол своим сыновьям, албанская знать и католикос Албании утвердили царем племянника покойного – Вараз-Трдата, которому пришлось воевать с сыновьями Джуаншера и поддержавшими их противниками его избрания. Междоусобная борьба в Албании была усугублена «вторжением хонов» (кочевников Северного Кавказа), которые, по словам албанского историка Моисея Каганкатваца, пришли якобы мстить за убийство Джуаншера. Вероятно, в этот период Дербент был потерян для Халифата, хотя формально Вараз-Трдат, нес перед арабами ответственность за охрану «Ворот», так

¹ Там же. С. 22.

² Ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 196.

как после избрания он был утвержден халифом в ранге «наместника пограничной области» («сах-манакала»). Однако Вараз-Трдату не удавалось, в отличие от его предшественника Джуаншера, столь дипломатично лавировать между арабами и хазарами и после двенадцати лет междоусобной борьбы и хазарских набегов он вынужден был констатировать, что страна находится в самом бедственном положении, платя огромные налоги «лютому народу таджиков («арабам»)» и ежегодно подвергаясь страшным набегам «хонов».

Распространялась ли реальная власть Вараз-Трдата на Дербент сказать трудно, но, согласно данным письменных источников¹ и археологических раскопок², город в этот период был одним из крупнейших христианских центров Восточного и Северного Кавказа.

О сложности положения Кавказской Албании и, в первую очередь, ее крупнейшего военного и религиозного центра, лежавшего на границе с кочевниками, свидетельствует решение, принятое на совете, собранном Вараз-Трдатом после 12 лет войны и междоусобиц. Нахарары и епископы, собранные правителем страны, приняли решение направить послов и к арабам, и к хазарам с целью предпринять все усилия, чтобы склонить их «к миру и дружбе». В середине – конце второй половины VII в. хазары оказались наиболее значимой реальной военной силой в Закавказье и на Северном Кавказе, которая значительно ослабила здесь позиции Халифата и Византии, раздираемых внутренними смутами и ожесточенными столкновениями друг с другом. Именно усилением хазарской агрессии можно объяснить направление албанским правителем к великому князю «хонов» Алп-Илитверу в 682 г. посольства во главе с епископом Исраэлом³, основной миссией которого было предотвращения набегов кочевников.

Маршрут пролегал через Дербент, у стен которого его участников радостно и очень доброжелательно встретило население города. Это дает основание полагать, что к 682 г. значительную или основную часть населения Дербента все еще составляли христиане. Однако тот факт, что, судя по замечаниям Моисея Каганкатвацци, посольство не было допущено в город и вынуждено было обходить его укрепления по местным горным коммуникациям, позволяет предполагать возможность нахождения Дербента в это время под властью нехристианских правителей: хазар, доминировавших в этот период на Восточном и Северном Кавказе, или арабов, присутствие которых в Дербенте, в свете событий в самом Халифате, маловероятно. Правда, несколько раньше указанных событий арабы пытались восстановить свои пошатнувшиеся позиции в Закавказье. Ат-Табари писал, что «в дни Муавия (оставались) неверующими (или отошли от религии) жители Арминии, и Муавия приказал Хабибу ибн Маслама идти на ал-Баб»⁴. Однако широкие военные действия против Византии,

¹ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 12, 90, 261, 280, 362; История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М. А. Геворгияна. Ереван, 1953. С. 14; *Египше*. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971. С. 169–170.

² Артамонов М. И. Древний Дербент // Советская археология. VIII. 1946. С. 124–125, 141–143; Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте. М., 1980. С. 49–51; он же. Феодальный Дербент. С. 61–62; он же. Средневековый Дербент как религиозный центр Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 124–133.

³ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 123–133.

⁴ Ат-Табари. История пророков и царей. С. 21.

активные боевые операции и сражения в Средней Азии и Северной Африке, не позволяли арабам уделять достаточно внимания событиям в Закавказье, на Восточном и Северном Кавказе. В сложившейся в тот период обстановке, трудно предположить, что Дербент (ал-Баб) остался в руках мусульман. В сообщениях арабских источников IX–X вв. (ал-Баладзори, Ибн ал-Факих, ал-Куфи и др.) арабские военачальники, возглавлявшие походы на Баб ал-абваб, фигурируют во главе сирийских и куфийских отрядов в Византии и Средней Азии. Однако в середине VII века и в начале его второй половины арабы прилагали все усилия для сохранения своих слабеющих позиций в Дербенте и ат-Табари свидетельствует, что ради этого они снимали войска с других очень важных направлений. Так, в 30 г. х. (650/651 гг.) «в поход на ал-Баб в помощь Абд ар-Рахману» был направлен Хузейфа, которого освободили от похода на Рей, и Саид ибн ал-Асса, завоеватель Табаристана¹. Но смуты в Халифате и ожесточенные междоусобицы, начавшиеся в 50-х годах VII в. и приведшие к гибели двух «правоверных халифов» – Османа и Али (последних из четырех, признаваемых всем мусульманским миром), не позволили арабам сохранить свои позиции в Дербенте. После убийства «правоверных халифов» Османа и Али, к власти пришла династия Омейядов, первым халифом которой стал Муавия, командовавший сирийскими отрядами на границе с Византией, что и определило приоритеты в его государственной политике.

Лишь к концу VII века Омейядам удалось разгромить своих основных противников в борьбе за престол и реально объединить халифат под своей властью, начав новый этап своей экспансии по всем направлениям. Здесь особая роль принадлежит халифу Абд ал-Малику (685–705 гг.) и командующему восточными провинциями Хаджжаджу (694–714 гг.). Им удалось подавить сопротивление сторонников Али и выступления Хариджитов. Хаджжадж штурмом взял мусульманскую святыню Мекку и утопил в крови оппозицию в Иране. Экономические и административные реформы Абд ал-Малика позволили укрепить финансовую систему и наполнить халифскую казну, а так же оптимизировали административное управление в Халифате. Расправившись с внутренними врагами Абд ал-Малик перешел к активным военным действиям против внешних противников. Основные военные действия развернулись в Малой Азии и Закавказье. В 693 г. признал свою полную зависимость от Халифата ишхан Армении Смбат Багратуни, а в 701 году арабы окончательно покорили страну, установив здесь весьма жесткое управление. В 703 г., надеясь на поддержку Византии, армяне подняли восстание во главе с Смбагом Багратуни, которое жестко подавил двоюродный брат арабского халифа Мерван ибн Мухаммад б. Мерван, назначенный наместником Закавказья.

Укрепив свое положение в Армении, Мерван ибн Мухаммад решил окончательно уничтожить оппозицию, для чего он пригласил враждебно настроенных к арабам нахараров в Нахгаван под предлогом составления списков для получения последними денежного довольствия, а затем сжег их в церкви.

Обеспечив таким образом свой тыл, Мерван двинул войска в Албанию, где одним из главных пунктов был Дербент, захваченный хазарами. Военные силы арабов возглавил племянник Мервана Маслама б. Абд ал-Малик, прославившийся в 705–706 гг. на арбо-византийском фронте. В 89 г. х. (707/708гг.) Маслама прибыл в Закавказье и возглавил поход «на турок, в стороне Азербайджана». Арабские источники сообщают, что Маслама «достиг ал-Баба и завоевал там крепости и города»².

¹ Там же. С. 22.

² *Ибн ал-Асир*. Ал-камиль фи-т-тарих. Каир. 1934. Т.4. С. 106.

Большинство сообщений арабских источников об этом походе позволяют полагать, что главным опорным пунктом хазар в этот период был именно Дербент. Арабский автор ал-Куфи приводит наиболее подробное и красочное описание этого похода Масламы б. Абд ал-Малика, и его рассказ позволяет считать, что основные хазарские силы были сосредоточены в Дербенте, из которого они контролировали наиболее важные центры Албании, но гарнизонов там не имели. Хазары занимали свои традиционные в этот период территории равнинно-предгорной зоны Северного Кавказа и Прикаспия, объединяясь под властью кагана и проникая в Закавказье через Дербент во время набегов или военных действий против арабов. Сохранение власти над «Воротами» Дербента позволяло им свободно регулировать доступ на территорию Закавказья и прилегающие области Ближнего Востока.

У албанского историка Моисея Каганкатвацци взятие арабами Дербента приписываются самому Мервану, который, по версии Моисея Каганкатвацци совершил поход на ал-Баб до расправы с нахарарами Армении – их сожжение в рассказе последнего произошло уже после возвращения Мерван ибн Мухаммада из Дербента.

Ал-Куфи дал подробное описание штурма Дербента Масламой, который сумел овладеть крепостью, где засела тысяча хазарских семей, только хитростью. После неудачных попыток штурма неприступной крепости Нарын-Кала, к Масламе обратился местный житель, который за солидное вознаграждение (весьма значительная часть военной добычи) подсказал арабам наиболее действенный путь захвата крепости. По совету коварного дербентца, который указал Масламе тайное место водозабора снабжавшего крепость водой, куда по его совету арабы спустили кровь и содержимое внутренностей ста баранов. Попад в огромные питьевые цистерны цитадели Нарын-Кала (они были расчищены археологами при раскопках в крепости и частично отреставрированы), они быстро испортили воду, сделав ее непригодной для питья. Потеряв запасы воды, что было катастрофой в жарком дербентском климате, хазары ночью бежали из цитадели. После покорения Дербента Маслама б. Абд ал-Малик вернулся к своему дяде – Мервану ибн Мухаммаду, который в это время «наводил порядок» в землях Закавказья, «уничтожая всех находившихся там безбожников». Двумя годами позднее, в 91 г. х. (709/710 гг.) Маслама повторил поход на ал-Баб и, по сообщениям ат-Табари и Ибн ал-Асира, захватил его, покорив города и крепости региона. Любопытно указание Ибн ал-Асира на использование арабами при штурме камнететных машин¹. Моисей Каганкатвацци упоминает и о другом походе к Дербенту, который он датирует 160 г. армянского летоисчисления, т. е. 711 годом, и называет руководителем похода Абд ал-Азиза (Абд ал-Азиз б. Хатим ал-Бахили). Не совсем ясно, идет ли речь о походе 89 г. х. (707/708 гг.), возглавляемом Масламой, о котором писали ат-Табари и Ибн ал-Асир, или о новом походе под руководством Абд ал-Азиза. Однако не вызывает сомнения тот факт, что арабы активно стремились вернуть свою власть над Дербентом и закрыть «Ворота» в Закавказье от набегов хазар. В свете арабо-византийских противоречий и ожесточенных столкновений за гегемонию в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Кавказе, очевидна и понятна антиарабская направленность целого ряда политических акций византийских императоров (династические браки, совместные военные выступления, богатые подарки, иерархическая титулатура и пожалования для хазарских военачальников, посольства из Константи-

¹ *Ат-Табари*. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер.2. С. 1217; *Ибн ал-Асир*. Ал-камиль фи-т-тарих. Т.4. С. 199.

нополя), стремившихся объединить и скоординировать военную и политическую деятельность против Халифата на арабо-византийском и арабо-хазарском фронтах.

Арабские халифы стремились дать совместным византийско-хазарским акциям адекватный ответ, мобильно передвигая наиболее боеспособные отряды и самых талантливых военачальников с византийского на хазарский театр военных действий и обратно. Именно в силу этих причин, одному из наиболее талантливых и опытных полководцев Халифата – Масламе б. Абд ал-Малику, вошедшему в историю как «правовверный меч ислама», было поручено в этот период руководить военными операциями на византийском и кавказском фронтах и он, опираясь на свое высокое положение и связи при дворе (Маслама был сыном халифа Абд ал-Малика и братом халифа Хишама), то возглавлял походы на хазар, то на Византию.

В 87 г. х. (705/706 гг.) Маслама успешно воевал на Византийском фронте, а в 89 г. х. (707/708 гг.) уже действовал в Восточном Закавказье и совершил поход «на турок, в стороне Азербайджана и достиг ал-Баба», куда, согласно сообщениям ал-Куфи, он был послан его дядей – Мерван ибн Мухаммадом б. Мерваном. В 90 г. х. (708/709 гг.) состоялся его поход в Византию, а в 91 г. х. (709/710 гг.) Маслама совершил второй поход к Дербенту и, по сообщению Ибн ал-Асира, взял город с использованием камнеметательных машин. В 95 г. х. (713/714 гг.) против Византии и Закавказья действовали известные арабские военачальники Аббас б. ал-Валид и ал-Ваддах¹, но приоритет руководства военными действиями оставался за Масламой б. Абд ал-Маликом. В 98 г. х. (716/717 гг.) Маслама осадил Константинополь, а следом состоялся поход на Дербент, в котором, по данным Моисея Каганкатвази, арабам пришлось нелегко. Маслама взял эту мощную крепость и разрушил ее, но затем был вынужден под напором крупного хазарского войска срочно отступить, оставив свои обозы и гарем. По версии албанского историка, арабов от полного разгрома спас албанский князь Вачаган Ераншахик, а «Мелиман ушел в Грузию»².

В правление халифа Йазида, в 104 г. х. (722/723 гг.), Маслама на посту наместника Армении и Азербайджана был заменен Джаррахом б. Абдаллахом ал-Хакими, который попытался своей активностью на Кавказе превзойти Масламу. Причина отставки Масламы не совсем ясна, тем более, что его приемник не принадлежал к династии Омейядов. Возможно, в основе ее лежали какие-то личные разногласия между Масламой и халифом, но скорее всего, к ней привели успехи хазар в Восточном Закавказье.

Исходя из сообщений источников о военных действиях Джарраха против последних в 104 г. х. (722/723 гг.), хазары овладели в этот период Восточным Закавказьем и частично Грузией. Джаррах отвоевал у хазар Албанию и, по сведениям ал-Асира, ал-Куфи и других арабских авторов, преследуя их, достиг албанской столицы Партава (арабск. Берда'а), перешел Куру и двинулся на Дербент, которым в это время владели хазары. Приблизившись к городу, Джаррах не стал сразу активизировать военные действия против засевших в Дербенте хазар, а остановился лагерем примерно в 15–17 км к югу от него, на р. Рубас (по данным арабских авторов в двух фарсах от ал-Баба)³ и попытался создать антихазарскую коалицию из местных горских правителей, к которым Джаррах направил гонцов. Однако, судя по всему, последние не слишком охотно откликнулись на призывы Джарраха, а «владыка страны ал-Лакз»

¹ Ибн ал-Асир. Ал-камиль фи-т-тарих. Каир. 1934. Т.4. С. 135.

² История агван Моисея Каганкатвази. С. 161.

³ Ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1987. С. 17; Ал-Йакуби. Тарих. Лейден, 1883. Т. 2. С. 375.

даже предупредил хазар о появлении арабов¹. Не приняв боя, хазары покинули Дербент, который перешел под власть арабов. Оставив здесь свой гарнизон, Джаррах с 20 тысячами воинов стал преследовать хазар и двинулся на север к реке, именуемой арабскими источниками ар-Ран, которая находилась в шести фарсах от Дербента (ал-Куфи)². Здесь арабы столкнулись с подоспевшим хазарским войском, во главе которого стоял сын хакана. Джаррах разбил хазар и продвинулся на север по хазарской территории до крупного хазарского города Баланджара, по пути к которому он покорил ряд населенных пунктов, обозначенных арабскими авторами (ат-Табари, ал-Куфи, Ибн ал-Асир, ал-Якуби) как «ал-Хасин» или «ал-Хусаин» и «Баруфа», «Яргу» и какой-то крепости («хисн»), «прилегавшей к Баланджару»³. Ал-Куфи и Ибн ал-Асир подробно описывают штурм Баланджара, для защиты которого хазары соорудили дополнительные укрепления из 300 сцепленных друг с другом повозок, которые с большим трудом преодолела «сотня» отчаянных храбрецов», под предводительством «одного мусульманина, призвавшего на помощь Аллаха»⁴. Источники сообщают о богатой добыче арабов, в числе которой оказалась и семья владельца Баланджара.

О дальнейших планах Джарраха у арабских историков IX–X вв. нет единства: одни сообщают о заключенном соглашении между Джаррахом и правителем Баланджара, что явилось завершение похода, а другие пишут, что арабский военачальник собирался завоевать Самандар, но отменил поход в связи с появлением большого хазарского войска и восстанием в тылу у арабов местных горских правителей⁵.

Трудно выяснить подлинный ход событий после взятия Джаррахом Баланджара, так как сообщения о них у арабских авторов очень туманны, но из указаний последних следует, что Джаррах вынужден был отступить на юг или расположиться в «области Шаки».

Не совсем ясен в свете отступления Джарраха вопрос о сохранении власти арабов в Дербенте. Представляется вероятным, что город остался в их подчинении, так как, рассказывая о походе Джарраха в следующем, 105 г. х. (723/724 гг.), против алан, арабские источники не сообщают о его штурме и рисуют город как опорную бузу арабов. По данным арабских авторов, в походе 105 г. х. Джаррах «разорил города и крепости», находящиеся севернее Баланджара⁶, но в целом, видимо, поход был неудачным, так как в 107 г. х. (725/726 гг.) халиф Хишам вновь назначил вместо Джарраха правителем Закавказья Масламу б. Абд ал-Малика, оставив за ним и командование на византийском театре военных действий⁷. Неудачные действия Джарраха привели к тому, что хазары, видимо, стали контролировать значительную часть Закавказья.

Так, когда в результате удачных действий Масламы против византийцев в Передней Азии арабы захватили Кесарию⁸, хазары – союзники Византии, вторглись уже не только в Азербайджан, но и в Армению, которую арабы не смогли защитить. Изгнал

¹ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 17; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 186.

² Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 18; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 186.

³ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 19, 79; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 186; ал-Йакуби. Ук. Соч. Т. 2. С. 375.

⁴ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 19; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 187.

⁵ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 20; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 187.

⁶ Ат-Табари. Ук. Соч. Сер. 2. С. 1462.

⁷ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 198.

⁸ Там же. С. 199.

хазар арабский военачальник Харрис б. Амр ат-Тай, посланный против них Масламой. В 109 г. х. (727/728 гг.) Маслама активно подключился к борьбе с хазарами на кавказском фронте, поручив операции против Византии своим сподвижникам. В 110 г. х. (728/729 гг.) Маслама начал активные действия против хазар и предпринял крупный поход через земли алан, используя для проникновения в тыл хазарам Дарьяльское ущелье. Согласно данным арабских авторов, Маслама нанес серьезное поражение хазарам и вернулся по «пути Зу-л-карнайна», т. е. Александра Македонского, с которым позднеантичная и средневековая историческая литература (как христианская, так и мусульманская) связывает основание Дербента. Армянский историк VIII века Гевонд, сообщая о походе Масламы, излагает не столь радужную для арабов версию, считая, что их возвращение было больше похоже на бегство.

Возможно, именно эта неудача явилась причиной нового смещения в 111 г. х. (729/730 гг.) Масламы и заменой его Джаррахом, который, видимо, получил от халифа самые жесткие указания на ликвидацию хазарской угрозы. Сразу же по вступлении в должность Джаррах стал готовить большой поход и в этом же году выступил по сообщению Ибн ал-Асира, «со стороны Тифлиса» в страну хазар и «достиг ал-Байды»¹ (Самандара).

В ответ на арабское вторжение хакан собрал огромное войско, которое достигало, по данным ал-Куфи, 300 тысяч, и вторгся в Восточное Закавказье через Дарьяльское ущелье. Джаррах отступил к Шаки, а потом к Ардебилу, где арабы потерпели поражение, а Джаррах погиб в битве². Хазары разграбили Ардебиль и ряд других городов Азербайджана, что вынудило халифа Хишама послать в Закавказье войска под командованием Саида б. Амра ал-Хараша. Арабы смогли нанести поражение хазарам, которые «бежали в сторону своей страны» и заняли Ширван³.

Усиление хазарской угрозы и осложнения на арабо-хазарском фронте заставили халифа Хишама вновь вернуть в Закавказье Масламу б. Абд ал-Малика, назначив его правителем всех «северных областей». Маслама, который уже более трех десятилетий занимал высшие военные должности в Халифате и прославился на арабо-хазарском и арабо-византийском фронтах, было поручено защитить Закавказье от набегов кочевников, нанести хазарам решающее поражение и лишить Византию поддержки столь могущественного союзника. Одним из главных своих сподвижников в решении этой сложной задачи уже стареющий Маслама сделал деятельного и талантливого военачальника – Мервана ибн Мухаммада, будущего халифа, происходившего так же из династии Омейядов. Маслама стал готовить новый поход в Северный Прикаспий, стремясь упредить хазар и нанести им удар пока каган не собрал свои главные силы. Обстановка здесь обострилась в связи с укреплением союзнических отношений между византийцами и хазарами, которые особо упрочились после брака в 732 г. сына императора Льва Константина на дочери хазарского кагана, которая приняла христианство и получила при крещении имя Ирина.

В 113 г. х. (731/732 гг.) Маслама начал военные действия против хазар, которые оказались весьма успешными для арабов и были продолжены в следующем 114 г. х.

¹ Там же. С. 206.

² *Ат-Табари*. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер.2. С. 1530–1531; *Ибн ал-Асир*. Ук. Соч. Т. 4. С. 207–208; *ал-Куфи*. Ук. Соч. С. 24.

³ *Ал-Куфи*. Ук. Соч. С. 24, 38.

(732/733 гг.)¹. Согласно сведениям арабских источников, в 114 г. х. (732/733 гг.) Маслама организовал еще один крупный поход против хазар и арабы продвинулись далеко на север вплоть до Самандара, где «он искал Хакана, царя хазар»². Однако, сколь удачна была эта попытка арабов подчинить прикаспийские территории Северо-Восточного Кавказа и разгромить хазар, в источниках нет ответа.

Одной из важнейших акций этой военной компании было укрепление арабов в Дербенте и превращение города в главный оплот Халифата на северных границах государства. Маслама заново отстроил оборонительные сооружения Дербента, разделит город на четыре части, возвел склады для продовольствия и военного снаряжения, построил, а точнее перестроил, соборную мечеть (Джума-мечеть) и кварталные мечети. Моисей Каганкатвацци писал, что Маслама в 733 г. «вторично выстроил Дарбант во имя таджиков (арабов – А. К.). Ал-Баладзори, ат-Табари, ал-Куфи, Балами и другие арабские авторы единодушно отмечают вклад Масламы в восстановление Дербента, сообщая о целом ряде объектов фортификационной, общественно-бытовой и культовой архитектуры, возведенных по приказу Масламы.

Так, известный арабский автор IX в. Баладзори писал: «И построил [Маслама] [в городе] амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия; он приказал вычистить цистерну [городскую] исправил разрушенные места в городе и украсил его»³.

Одновременно источники VIII–X вв. Сообщают, что Маслама поставил в Дербенте мощный гарнизон из отборных арабских воинов. Для чего он переселил «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии»⁴. Укрепив таким образом границу и закрыв для хазар «Ворота ворот» («Баб ал-абваб»), Маслама уехал в Дамаск, а «управлять общиной мусульман в городе ал-Бабе»⁵ оставил Мервана ибн Мухаммада.

В 114 г. х. (732/733 гг.) халиф Хишам назначил Мервана ибн Мухаммада наместником («амил») Закавказья и Северной Месопотамии, то есть под его управлением оказалась Армения, Азербайджан, Северо-Восточный Кавказ и Джазира. Столь высокое назначение Мервана означало отставку постаревшего Масламы, хотя он и являлся близким родственником халифа. Ибн ал-Асир писал, что положение на северной границе и в Дербенте сильно беспокоило халифа и Мерван ездил в Дамаск с докладом, рассказав Хишаму о сложностях обстановки и тяжелом положении войска на арабо-хазарском фронте.

Отъезд Масламы, видимо, вселил надежды в хазар на успехи в противостоянии с арабами и они, по сообщениям арабских источников (Баладзори, ал-Куфи), вновь заняли районы к северу от Дербента, которые они покинули после успехов арабов.

Однако Мерван, получивший от халифа военные подкрепления и жесткую установку на активизацию борьбы с хазарами, нанес ответный удар, получивший название «грязный поход», результатом которого было взятие Баланджара и ряда поселений севернее последнего⁶. Одновременно Мерван направил свои отряды против непокорных горских правителей Дагестана и добился подчинения от «владете-

¹ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 42–43; ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 206; ал-Йакуби. Тарих. Т. 2. С. 382.

² Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 41; ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 206.

³ Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 17; ат-Табари. История пророков и царей. С. 52.

⁴ Баладзори. Книга завоевания стран. С. 17; ат-Табари. История пророков и царей. С. 52.

⁵ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 48

⁶ Там же.

лей гор», многие из которых были союзниками хазар. Свою зависимость от арабов признали: «сахиб ас-Сарир», «филян-шах», «табасаран-шах», «лейран-шах», «цари Лакза», «Маската», «Тумана», «правитель Зарихгарана»¹. Арабы razорили многие населенные пункты и крепости в предгорьях и горных территориях, где население оказывало им сопротивление. Большинство этих областей Северного Кавказа вынуждено было заплатить большой выкуп завоевателям.

Согласно сведениям грузинской летописи «Картлис цховрэба» Мерван в 115–116 гг. х. (733/734–734/735 гг.) сумел покорить все основные территории Кавказа, razорил Восточную и Западную Грузию и даже дошел до Абхазии, правитель которой пытался получить помощь от Византии, но был разбит Мерваном. На фоне этих громких побед странным кажется сообщение ал-Куфи о замене Мервана на посту наместника Армении, Аррана, Азербайджана, Грузии Саидом б. Амром ал-Хараши. В рассказе ал-Куфи для нас интересен тот факт, что, вступив в должность, Саид б. Амр сразу прибыл в Дербент, где вскоре заболел и почти ослеп «и стал так плохо видеть, что не различал ни долин, ни гор»². Халиф прислал в Дербент своего лекаря, но когда тот не смог излечить болезнь, вернул пост наместника Закавказья Мервану и приказал ему активизировать военные действия против хазар. Это сообщение ал-Куфи о смещении Мервана вызывает значительные сомнения, но подчеркивает особую роль Дербента в арабо-хазарском противостоянии на Кавказе.

В 117 г. х. (735/736 гг.) Мерван еще дважды организовывал походы, которые были направлены против союзников хазар – алан и туман-шаха³. Возможно, в это же время Мерван разгромил царя «страны ал-Лакз» («страна лезгин» – горцев южного Дагестана). Представляется вероятным, что это была военная акция, призванная подавить оставшиеся очаги сопротивления на Кавказе (нейтрализовать союзников хазар) перед решающей военной компанией по разгрому хазарского хакана.

В 119 г. х. (737/738 гг.) арабы перешли к решающим действиям на хазарском фронте, хотя одновременно активизировались и военные действия в Византии, которые должны были не дать противникам арабов действовать согласованно. В 737 г. Мерван во главе 120 тысячного войска, набранного в Сирии, вступил на территорию Армении и остановился в стратегически удобном месте («моуза Касак»), примерно в сорока фарсах от Берда и двадцати фарсах от Тифлиса. Здесь к его армии присоединились отряды армянских нахараров во главе с Ашотом Багратуни, а затем Мерван разделил все войско на две части. Одна из них, во главе с Усайдом б. Зафиром ас.-Сулами, должна была двинуться на хазар через Дербент, т. е. подойти с юга, где к ней, демонстрируя солидарность и поддержку арабов, присоединились союзные «цари гор» («мулук ал-джибал») ⁴, т. е. феодалы правители Северо-Восточного Кавказа, а вторую возглавил сам Мерван и ее маршрут лежал через Дарьяльское ущелье («Баб ал-алан»), что позволяло зайти в тыл хазарам, (т. е. подойти с севера). Оба арабских войска двинулись к Самандару и окружили этот город. Армянские ранне-средневековые авторы (Гевонд) свидетельствуют о взятии Самандара и о богатой добыче, попавшей в руки арабов и их союзников (армян и северокавказских горцев)⁵.

¹ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т.4. С. 216–217; ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 207.

² Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 48–49.

³ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 219.

⁴ Ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 207.

⁵ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 26–28, 113–114.

При этом Гевонд указывает, что некоторые жители города пытались бежать морем, но ничего не говорит об успехе этого предприятия. Далее, по сообщению арабских источников (ал-Баладзори, ал-Куфи, Ибн ал-Асир и др.), Мерван двинулся на хазарскую столицу ал-Байда, а затем, преследуя Хакана, достиг «Славянской реки» («нахр ас-сакалиба»), где его полководец Каусар б. Асвад ал-Анбари разгромил хазар. После этого решающего поражения Хакан вынужден был пойти на переговоры с арабами и весьма тяжелый для хазар мир. В качестве одного из условий подписания мира, он вынужден был принять ислам¹.

Блестящая победа над хазарами позволила Мервану с большим триумфом вернуться в Армению и доложить халифу о своих подвигах, подкрепив их, как положено по шариату, пятой частью всей захваченной в походе добычи. В раннеисламский период вся захваченная в военных походах добыча («ганима») подлежала дележу на пять частей, из которых четыре части распределялись между участниками боевых действий, а пятая («доля Аллаха») отходила в государственную казну. Разгромив своих главных соперников – хазар и усмирив все Закавказье, Мерван взялся за очень трудное, но крайне необходимое, с его точки зрения, дело – покорение «владык гор», которые в любой момент могли стать потенциальными союзниками хазар. Непокоренные горцы могли в любой момент нарушить хрупкое равновесие, установившееся на Кавказе, а так же представляли значительную угрозу для тылов арабской армии.

Арабские источники расходятся в оценках территории и времени начала военных операций против феодальных правителей Дагестана первой половины VIII века.

Ибн ал-Асир и ат-Табари сообщают о походе Исхака б. Муслима ал-Укайма, посланного 120 г. х. (737/738 гг.) Мерваном против «туман-шаха», и рассказывают о разорении крепостей и селений его владений, а так же о добыче, доставшейся арабам².

Ал-Куфи же сообщает о том, что в 120 г. х. первый поход был направлен против «сахиб ас-Сарир»³, хотя ат-Табари и Ибн ал-Асир датируют его 121 г. х. (738/739 гг.). Ал-Куфи сообщает, что поход на Сарир возглавил сам Мерван, который направился в горы, надеясь на быстрый успех, но уже первая встреченная им крепость, названная в источниках «ал-Балал»⁴, оказала ожесточенное сопротивление. Арабы штурмовали ее целый месяц и смогли покорить лишь благодаря находчивости одного из мусульманских воинов. Мерван приказал казнить всех защитников крепости (их выводили по одному из ворот и отрубали головы перед восседающим на холме Мерваном), а ее стены разрушить до основания. Затем Мерван захватил и разрушил крепость «Амик» (Ибн ал-Асир называет ее «Кумик»), в которой, по данным арабских источников, находилась дочь и сокровища «владыки трона»⁵. Следующей крепостью, которую, по сообщениям ал-Куфи, ат-Табари, Ибн ал-Асира, осадил Мерван, был «Хайзадж»⁶, где находился сам «сахиб ас-Сарир» и его золотой трон. Арабы осаждали «Хайзадж»

¹ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 51; Ат-Табари. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер. 2. С. 1635; Ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 207–209; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 234–235.

² Ат-Табари. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер. 2. С. 1635; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 239; Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 52–53.

³ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 52.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 245.

⁶ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 54; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 245; Ат-Табари. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер. 2. С. 1667.

«целый год» (ал-Куфи)¹ или «все лето и зиму» (Ибн ал-Асир)², пока Мервану, якобы переодевшемуся в одежду своего повара, не удалось хитростью проникнуть в крепость, а потом склонить правителя к сдаче ее. По условиям заключенного мира «сахиб ас-Сарир» должен был ежегодно поставлять арабам «500 рабов-юношей», «500 белокурых с длинными ресницами, чувственных наложниц-девственниц», «10 тысяч динаров» и «500 мудд провизии»³. По данным ат-Табари, в качестве уплаты арабам предоставили «1 тысячу рабов и заложников» и обязались «платить джизию»⁴ (подушный налог для всех немусльман Халифата и покоренных областей), а Ибн ал-Асир говорит об «1 тысяче голов скота и 100 тысячах мудд (провизии)»⁵.

После победы над «сахиб ас-Сарир» Мерван отправился в земли туман-шаха и покорил его, обязав присылать в Дербент ежегодно «100 рабов», «1 тысячу голов скота», «1 тысячу мудд провизии»⁶, а также «покорил Азрубитран» (т. е. Зирехгаран-Кубачи) и заключил договор с его правителем.

Весьма подробно арабские авторы (Ибн ал-Асир, ал-Куфи) описывают покорение земли «Хамзин» и крепости «Хамзин»⁷, которую оборонял правитель этой области, названный ал-Куфи «хамзин-шахом». Согласно версии арабских источников, при штурме этой крепости Мерван потерял много воинов и, желая сократить потери, пообещал тому, кто первым окажется в крепости подарить 1 тысячу динаров и самую красивую пленницу. Тогда некий араб, из сирийского племени «танухи», вызвался выполнить это поручение и провел воинов по «тайной дороге» в крепость. Но когда ему в награду досталась самая лучшая пленница, она убила араба ножом, а сама бросилась в пропасть⁸. Разгневанный Мерван уничтожил все пленных и разрушил 300 селений земли «Хамзин». Любопытно, что очень схожее по сюжету предание, до сих пор существует у местного населения территории Дагестана, отождествляемой с «Хамзином».

Ал-Куфи пишет, что Мерван покорил еще ряд областей, в том числе Туман, Шандан, и другие, да которых смогли добраться арабы.

Дербент для Мервана оставался главной базой, куда он вернулся, чтобы переименовать а «ал-Бабе», а весной сюда к нему прибыли «цари» Ширвана, Лайзана, Филана, Табарсарана и других областей. Не прибыл в Дербент лишь «царь ал-Лакза» Арбис, против которого Мерван выступил в поход, разорил земли в долине Самура и осадил крепость «Балистан», где укрылся Арбис. Последнему удалось тайно бежать из крепости, но вскоре он был убит и «лакзы покорились»⁹. Таким образом, Мервану удалось к 122 г. х. (739/740 гг.) привести в покорность все Закавказье, Восточный и Северо-Восточный Кавказ, где главным военно-политическим и идеологическим оплотом арабов стал Дербент.

Мерван, ставший главным героем разгрома хазар и усмирения Кавказа, остался на своем посту до 126 г. х. (743/744 гг.), т. е. до начала смуты в Халифате, связанной

¹ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 54, 82.

² Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 245; ал-Куфи. Ук. Соч. С. 54.

³ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 55.

⁴ Ат-Табари. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер. 2. С. 1667.

⁵ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 245.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 245; ал-Куфи. Ук. Соч. С. 55–56.

⁸ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 55–56.

⁹ Там же. С. 56–57.

с борьбой Омейядов и Аббасидов за халифский престол. В 126 г. х. (743/744 гг.) халиф Валид II был убит сторонниками Аббасидов и Мерван, опиравшийся на свои закаленные в боях отряды сирийцев, сумел победить в борьбе за власть, став последним халифом из династии Омейядов (744–750 гг.). Однако изменить ситуацию в Халифате он уже не мог, так как движение сторонников Аббасидов, опиравшихся на развитые обширные провинции Халифата – Хорасан и Ирак, набрало силу и Мерван – последний Омейяд на халифском престоле, грозный победитель хазар и «владык гор», был убит.

В 133 г. х. (750/751 гг.) в Халифате к власти пришла династия Аббасидов и уже ее первый халиф – ал-Саффах Абу-л-Аббас (750–754 гг.) в число главных военно-политических приоритетов поставил кавказские дела. Хорошо понимая военно-стратегическую, политическую и экономическую роль Закавказья, Восточного и Северного Кавказа, он назначил «наместником Джазиры (Северной Месопотамии) Армении и Азербайджана» своего брата Абу Джаффара ал-Мансура, первой военной операцией которого стал захват «Баб ал-алана»¹ (Дарьяльского ущелья).

Окончательно укрепившись в Дербенте, который после деяний Масламы и Мервана превратился в главный оплот мусульман на северной границе Халифата, арабы стремились захватить вторые по значимости «Ворота» Кавказа, через которые хазары и аланы могли нападать на закавказские провинции Халифата и оказывать помощь Византии, активизировавшей военные действия в Западной Армении.

В 137 г. х. (754/755 гг.) Абу Джаффар ал-Мансур вззошел на халифский престол под именем ал-Мансура (754–755 гг.) и, хорошо зная обстановку на северных границах государства, уделял особое внимание Восточному Закавказью, где в числе главных приоритетов выделял Дербент. Ал-Я`куби сообщал, что халиф Мансур, наученный горьким опытом борьбы с кочевниками и, понимая стратегическое значение в ней ал-Баба, даже в трудные для Халифата времена, изыскивал возможности поддерживать укрепления Дербента и их защитников. Так, не имея «достаточных денег на их ремонт, он (Мансур – А. К.) собрал по тюрьмам 7 тысяч пленных (или преступников – А. К.) и послал их укреплять Баб ал-абваб»². Однако, согласно данным ал-Куфи, это были не пленные, а «7 тысяч лучших храбрецов Сирии, ал-Джазиры, Ирака ... и каждый воин стоил нескольких»³.

Ал-Мансур назначил наместником Восточного Закавказья Йазида ас-Сулами, который, еще в период пребывания Мансура на посту наместника Джазиры, Армении, Азербайджана, отличился в походе последнего на «Баб ал-алан».

Пожаловав Йазиду ас-Сулами эту высокую должность, ал-Мансур посоветовал ему укрепить свое положение в регионе и породниться с хазарами, что последним и было выполнено. Йазид попросил себе в жены дочь хазарского хакана и получил на это согласие ее отца, уплатив последнему, по данным ал-Куфи, большой «калым» в размере «100 тысяч дирхемов»⁴. Хазарская принцесса, по имени Хатун, прибыла к Йазиду в Берда`а «с пышной свитой и огромным обозом»⁵. Она «приняла ислам», «изучила Коран» и, став женой арабского наместника, родила двух сыновей. Но всего

¹ Ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. С. 209–210; Ибн ал-Асир. Ук. Соч. Т. 4. С. 341, 344–345.

² Я`куби. История./Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 9.

³ Ал-Куфи. Ук. Соч. С. 63–65.

⁴ Там же. С. 62–63.

⁵ Там же. С. 62.

через два года хазарская царица и ее дети неожиданно скончались, что вызвало справедливый гнев хакана, обвинившего арабов в убийстве своей дочери и совершившего крупный набег на Закавказье. В 736 г. большое хазарское войско под руководством полководца Ражтархана вторглось на территорию Албании и Грузии, разорив многие города и селения этих областей¹. Источники (Михаил Сириец) сообщают, что только из Грузии «было уведено 50 тысяч человек». Не исключено, что хазарское вторжение произошло не только через Дербент, но и через Дарьяльское ущелье. На это указывают как области, подвергшиеся нападению (Албания и Грузия), так и сообщения грузинской хроники, где излагается история картлийской царицы Шушан, которая отвергла предложение о браке с хазарским военачальником Блучаном, но затем была пленена им и вместе с братом Джуаншером уведена хазарами по Дарьяльской дороге². Не желая стать женой хазарина, Шушан отравилась, а ее брат провел 7 лет в плену в Хазарии³. Хазарское нашествие повторилось и в 764 г., хотя, возможно, хазары и не покидали пределы Закавказья, где и разворачивались основные военные действия.

Согласно сообщениям ал-Куфи, Ибн ал-Асира, Гевонда, арабы не смогли сразу дать достойный отпор хазарам и потерпели ряд поражений, но затем им удалось разгромить хазар и Йазид, преследуя их, дошел до Дербента⁴.

Эти события освещает и византийский историк Феофан, который говорит о двух хазарских вторжениях в Закавказье: в 763 г. и 764–765 гг., подчеркивая при этом, что местом действия последнего были области Каспийских ворот, (т. е. Дербента)⁵ и Иверии (т. е. Грузии), где погибло много хазар и арабов⁶.

Это была одна из последних крупномасштабных операций в арабо-хазарском противостоянии, растянувшемся почти на полтора столетия. Лишь в конце VIII века хазарам удастся еще один раз поколебать власть арабов в Закавказье, но на проведение столь масштабных военных действий, как в 763 г., 764 г., Хазарский каганат уже не имел сил.

Следствием хазарского вторжения в 60-е годы VIII в. явились мероприятия по укреплению арабами Дербента и крепостей «Горной стены», а так же неожиданная отставка Йазид ас-Сулами с поста наместника Восточного Закавказья.

Позднее, в 158 г. х. (775/776 гг.) Йазид вновь назначен правителем Армении и род Сулами при халифе Харуне ар-Рашиде (786–809 гг.) получил эту должность в качестве наследственной. Согласно сведениям арабских авторов и местных (дербентских) исторических хроник, представители рода Сулами занимали одно из самых высоких мест в феодальной иерархии средневекового Дербента и неоднократно упоминаются источниками среди дербенсткой городской аристократии, высших чиновников и военачальников.

Академик В. В. Бартольд отмечал, что «история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени Сулейм от Усейда

¹ *Ат-Табари*. Тарих ар-расуль ва-л-мулук. Сер. 3. С. 338; *Ибн ал-Асир*. Ал-камиль фи-т-тарих. Каир. 1935. Т. 5. С. 22.

² «Летопись Картли» Тбилиси, 1982. С. 47; *Ибн ал-Асир*. Ал-камиль фи-т-тарих. Каир. 1935. Т. 5. С. 22.

³ «Летопись Картли». С. 47.

⁴ *Ал-Куфи*. Ук. Соч. С. 63–65; Гевонд. Ук. Соч. С. 132–133.

⁵ *Michel le Syrien*. Chronique. P., 1901. Т. 2. р. 500–501; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 68–69.

⁶ Там же.

б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейф ад-Дина Мухаммада б.Халифы, упоминаемого в VI/XII в. путешественником Абу Хамидом Андалуси»¹.

Арабские завоевания Дербента, включавшие в себя несколько этапов, и связанное с ними появление здесь новой политической силы и нового этнического элемента не могли не оказать существенного влияния на жизнь города и его развитие. Хотя завоеватели-кочевники, сохранявшие еще в значительной степени родо-племенные отношения, не могли внести существенных изменений в уже сложившуюся социально-экономическую структуру раннефеодального города, менялся лишь состав отдельных слоев общества, но включение Дербента в торгово-экономическую и политическую сферу деятельности Арабского халифата, в состав которого входили столь высокоразвитые области Переднего Востока как Иран, Сирия, Египет, Ирак, оказало огромное влияние на его развитие.

Для большинства раннесредневековых городов Приморского Дагестана арабские завоевания, как показали археологические раскопки, имели тяжелые последствия и жизнь в ряде из них больше не возрождалась, но для Дербента в результате этих завоеваний сложились другие условия.

Уже со второй четверти VIII в. арабы делают Дербент своим главным военно-политическим оплотом на Кавказе, управляемым непосредственно наместником халифа. Все население города, даже не арабы, было освобождено от налогов и приравнивалось, вероятно, к статусу мусульман. Правители раннефеодальных объединений всего Дагестана обязаны были доставлять в Дербент дань в виде зерна и людей.

Так, правитель Серира обязан был ежегодно поставлять «в зернохранилище Баба сто тысяч мер зерна»², жители Тумана должны были доставлять «двадцать тысяч мер», Зирихгеран поставлял «десять тысяч мер в зернохранилище», Хамзин «тридцать тысяч мер (зерна) ежегодно в зернохранилище Баба»³.

Подобные же обязательства о единовременных или ежегодных поставках продовольствия в зернохранилища Дербента должны были выполнять и другие области Дагестана⁴.

У нас нет сведений о том, как разместились арабы в Дербенте по отношению к местному населению, но судя по имеющимся данным, это расселение несколько отличалось от известного расселения арабов в Бухаре и Самарканде. В этих двух городах, по сообщению авторов IX–X вв., арабы с целью контроля за местными жителями расселились по всему шахристану, где они «заняли половину домов и имений (зийаха) и также люди, которые живут вне города, давали корм для верблюдов арабов, и дрова и все, что потребуется»⁵. В Дербенте же, судя по сообщениям письменных источников, они сплошь заселяли кварталы (кисм) по племенному признаку, а местные жители, вероятно, вынуждены были переселиться в другие кварталы.

Так, по данным Баладзори, ат-Табари и ряда других источников, Маслама, переселив в Дербент «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии»⁶, разделил территорию

¹ Бартольд В. В. Дербент // Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 425.

² Баладзори. Книга завоевания стран. С. 18.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Наршахи, III. С. 51–52; см.: Большаков О. Г. Город в конце VIII – начале XII в. – В кн.: Средневековый город... С. 151.

⁶ Баладзори. Книга завоевания... С. 17; ат-Табари История... С. 52.

города на четыре квартала (кисм), из которых «одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую – жителям Куфы, третью – обществу Джазиры, четвертую – жителям Химса»¹.

О. Г. Большаков считает, что подворное расселение арабов в Бухаре и Самарканде с целью контроля за местными жителями, по всему шахристану могло иметь место лишь в первый период завоевания, а затем они занимали отдельные кварталы².

Расселение арабов в Дербенте сразу по кварталам было обусловлено тем, что жители города, согласно сообщениям ат-Табари, уже на первом этапе выступают союзниками арабов против хазар.

Подобное расселение арабов в Дербенте сыграло значительную роль в формировании исторической топографии города, в сложении его застройки и общественно-торгового центра в верхней части Дербента, в определенной специфике дальнейшего социально-экономического развития шахристана. Название кварталов по племенной принадлежности сохранялось в топонимике Дербента еще в XVII–XVIII вв.

Превращение Дербента арабами в крупный военно-административный центр, где оседала значительная часть огромной военной добычи и налогов, собираемых со всего Дагестана и многих других областей Восточного Кавказа, переселение в город многих тысяч арабских воинов, резко повысило спрос на различные товары широкого потребления и ремесленную продукцию, а также на предметы роскоши, что способствовало бурному развитию ремесла и торговли, широкому притоку в город торговцев, находящих обширный рынок для своих товаров.

Особенно быстро стал расти город со второй пол. VIII века, когда между арабами и хазарами устанавливается определенное равновесие, лишь эпизодически нарушаемое военными столкновениями. В это время уже ни одна из противоборствующих сторон не ставила перед собой столь обширных военных задач, как в VII – первой половине VIII вв., что создавало благоприятные условия для широкого развития международной торговли по Прикаспийскому пути, способствовало росту и процветанию Дербента, превращению его в крупнейший феодальный город Кавказа.

Период второй половины VIII–X вв. – это время расцвета «арабской» торговли в Прикаспии. Арабы сумели парализовать традиционные торговые магистрали византийцев на Черном море и повернули торговые пути на восток, в бассейн Каспия, захватив контроль над важнейшей трассой Каспий – Волга³, что привело к расцвету и бурному росту городов на его побережье и в первую очередь столь значительного центра как Дербент. В это время происходит возвышение наиболее значительных городов Восточного Кавказа, таких, как Бардаа, Баб ал-абваб, Гянджа, Ардебиль, которые стали играть роль ведущих торговых центров региона, оттеснив на второй план многие ранее известные города Закавказья⁴. Это было связано с тем, что торговые операции халифата пошли по другому руслу и сосредоточением их стали другие кавказские центры⁵.

¹ Ат-Табари. История... С. 52; Бартольд В. В. Дербент.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 151.

³ Заходер Б. Н. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. – СВ, 1955, № 3. С. 108–118.

⁴ Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 198.

⁵ Месхиа Ш. А. Из истории грузинского феодального города IX–XIII вв. – Труды Ин-та истории АН Груз. ССР, Тбилиси, 1956, т. II. С. 133–134.

Однако помимо торгово-экономического значения Дербент продолжал играть роль главного оплота мусульманского мира на северных границах государства. Его население имело целый ряд привилегий по сравнению с другими обитателями средневековых городов халифата. Жители Дербента не только не платили налогов в государственную казну, но и получали огромные суммы от халифов за охрану границы. На содержание воинов и газиев Дербента шли доходы с нефтяных и соляных промыслов Баку, которые, возможно, использовались для этой цели уже при Сасанидах¹. Правители Дербента занимали очень высокое положение в феодальной иерархии арабских наместников на Кавказе, но в отношении населения города и особенно городской знати, в основной своей массе арабского происхождения, они вынуждены были соблюдать большую гибкость. Так, халиф Харун ар-Рашид, назначая правителем города Хафса б. Омара, сказал ему: «Все дела Дербента в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербента свергнуть тебя»².

Омайяды и сменившие их позднее Аббасиды придавали Дербенту особое значение и всемерно укрепляли границу, поддерживая в образцовом порядке всю грандиозную систему оборонительных сооружений и переселяя сюда многочисленные мусульманские семьи из Сирии и Месопотамии. Негибкая политика центрального правительства по отношению к Дербенту порой имела весьма губительные последствия для Закавказья. Так, в 183 г. х. – 799 г. сын правителя Дербента Хайюн б. Неджм (или ал-Мунаджжим) ас-Сулами, недовольный действиями наместника халифа Харун ар-Рашида в Закавказье, изменил центральному правительству и призвал на помощь хазар, которые, пройдя беспрепятственно через Дербент, разграбили всю территорию до Куры и угнали большое количество пленных³. Харун ар-Рашид вынужден был сменить своего наместника, а его преемнику Йазиду ибн Мазьяду, назначенному правителем Азербайджана и Армении, с большим трудом удалось утвердить власть багдадских халифов в Дербенте. И хотя Хайюн б. Неджм был казнен за предательство⁴, халиф милостиво обошелся с жителями города, дербентцам были пожалованы новые доходы, собираемые в Ширване, а беднейшей части обитателей города были отданы в вакф какие-то сады и мельницы Дербента (возможно, принадлежавшие ранее Хайюну б. Неджму).

Подобную политику аббасидские правители продолжали и в дальнейшем. При халифе Мутамиде, например, в 270 г. х. – 883/84 г. у ширванцев были полностью отобраны и пожалованы (вакф) все доходы с нефтяных и соляных источников и указ Мутамида гласил, «что тот, кто эту нефть и соляные промысла возьмет у жителей Дербента, да будет врагом Аллаха и пророка»⁵.

Ослабление халифата и мощное движение курдов и дейлемцев в Иране, освободившее всю западную часть страны, способствовали уменьшению власти Аббасидов в Закавказье и появлению здесь независимых от Багдада правителей.

В Дербенте к власти пришла местная династия Хашимидов, происходивших из крупной арабской знати города, интересы которой в это время самым тесным образом переплетались с общеджестанскими.

¹ Али-заде А. А. Некоторые сведения о Ширване. – Изв. АН Азерб. ССР, Баку, 1947, № 12. С. 9.

² Derbend-Nameh. P. 135; Минорский В. Ф. История... С. 165.

³ *Ibn Wadhih qui dictur al-Jacubi*. Historiare. – M. Th. Houtsman Lugduni Batavorum. 1883. Pars II. P. 518; Derbend-Nahem. P. 132–133.

⁴ Бартольд В. В. Дербент. С. 422.

⁵ Derbend-Nameh, P. 590, 592.

3. Наследие великих халифов – Дербентский эмират XI – сер. XIII вв.

Новый период в истории средневекового Дербента был связан с дальнейшим социально-экономическим и политическим развитием города в X – середине XIII вв., крупными сдвигами в его ремесленном производстве и в сфере торговой деятельности. К началу этого периода исторического развития Дербента происходят существенные изменения в политической обстановке на всем мусульманском Востоке, в том числе и на Восточном Кавказе, сыгравшие определенную роль в процессе формирования средневекового города. С X в. Дербент перестал быть оплотом халифата в борьбе с кочевниками на северных границах и вышел из его состава, превратившись в крупное феодальное образование Кавказа. С разгромом Хазарского каганата в значительной мере понизилась опасность вторжения с севера, что отразилось на военно-политическом положении Дербента и на его роли форпоста «мусульманского мира».

В VIII–IX вв. арабские халифы не жалели денег на поддержание фортификации Дербента и гарнизона города. Огромные доходы с нефтяных и соляных промыслов Баку, налоги с населения Дагестана и Ширвана, казна арабских наместников – шли на содержание защитников Дербента и многочисленных «борцов за веру» – газиев¹.

Однако со второй половины IX в. Аббасиды начинают терять свою власть на кавказской границе и зависимость Дербента от Багдада значительно уменьшилась. Начало этому процессу было положено в правление ат-Мутаваккила (847–861 гг.), когда в 237 г. х. – 851 г. Дербент и прилегающие к нему земли были пожалованы халифом в виде феодального владения Мухаммаду б. Халиду, наместнику Азербайджана, Армении и Ар-рана, основателю ширванской династии Йазиидов. «Тарих Баб ал-абваб» сообщает, что «Мутаваккил пожаловал Мухаммаду б. Халиду в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями»². Вскоре после его смерти ок. 861 г., в 255 г. х. – 869 г., в Дербенте к власти приходит местная династия Хашимидов, первый представитель которой Хашим б. Сурака был избран на этот пост местной феодальной верхушкой. Источник прямо указывает, что Хашим пришел к власти не по назначению халифа, а опираясь на дербентскую знать. «Когда после убийства Мутаваккила (247/867) халифат распался, ввиду того, что тюркские клиенты захватили управление, жители ал-Баба и газии пограничных областей собрались и сделали Хашима своим эмиром и преданно повиновались ему»³. Халиф Мухтади, занятый борьбой с мятежными тюркскими эмирами, не смог восстановить власть центрального правительства в городе и Дербент с этого времени становится лишь номинально зависимым от Багдада. То обстоятельство, что Хашимида пришли к власти не по назначению халифа, а благодаря поддержке дербентской знати, будучи избранными из рядов ее представителей, ставило эту династию в зависимость от последних, считавших дербентских эмиров лишь «первыми среди равных»⁴. В начале X в. была предпринята попытка восстановить твердую власть халифата в Закавказье. Влияние

¹ Derbend-Nameh, P. 590, 592; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 47; Аишурбейли С. Б. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 51.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 46.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 163.

Аббасидов значительно здесь усилилось при Йусуфе (288–315 г. х. – 901–928 гг.) из династии Санджидов, находившейся в вассальной зависимости от Багдада и стремившейся поддержать прежние традиции халифата. К 305 г. х. – 917 г. Йусуф восстановил стены Дербента¹ и укрепил здесь свое влияние, но после его смерти Хашимида становятся фактически независимыми правителями.

К середине X в. управление городом окончательно перешло в руки местной династии и Дербент превратился в независимый эмират, который наряду с Ширваном выступает крупнейшим феодальным образованием Восточного Кавказа, своеобразным городом-государством, весьма напоминавшим по своему положению и устройству, по образному сравнению В. Ф. Минорского, Новгород Великий².

История Дербента этого периода характеризуется острыми социальными конфликтами и наполнена эпизодами борьбы за власть между городской знатью – раисами и феодальными правителями – эмирами. В этой борьбе активное участие принимали правители Ширвана и феодальных владений Дагестана, а нередко отряды русов, выступавших во всех известных случаях на стороне дербентских эмиров и даже находившихся у них на службе в качестве телохранителей. Дружины русов, наводившие ужас своими набегами на все южное и западное побережье Каспия, ни разу не тронули Дербента. В. В. Бартольд полагал, что Дербент не был разграблен во время походов русов благодаря наличию хорошо укрепленного порта³. Действительно, арабские авторы этого времени сообщают о надежной защищенности дербентского порта и ал-Истахри писал в X веке о нем, что «вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь, и, таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа»⁴.

Однако представляется вероятным, что не только надежными укреплениями дербентского порта (хотя это, несомненно, одна из основных причин) объясняется отсутствие набегов русов на Дербент. Наличие среди телохранителей и в войсках дербентских эмиров русов, выступавших союзниками последних и в их походах против Ширвана, позволяет думать, что отряды русов поддерживали довольно тесные отношения с правителями города. Дербентские эмиры видели в них орудие борьбы со своими злейшими врагами ширваншахами и мятежной городской знатью и оказывали русам покровительство, возможно, позволяя использовать Дербент как стоянку для судов и базу в их набегах на юго-западное побережье Каспия. И не случайно главным обвинением, предъявленным мусульманами города дербентскому эмиру Маймуну, «когда в 379/989 году в ал-Бабе начались беспорядки, вызванные Мусой ат-Тузи, проповедником из Гиляна»⁵, была его связь с русами и покровительство им. Вероятно, правители Дербента поддерживали с русами постоянную связь, так как иначе им было трудно надеяться на своевременную помощь последних. Так, в 377 г. х. – 987 г. эмир Маймун б. Ахмад, теснимый своими политическими противниками – раисами, прибег к помощи русов, которые прибыли к нему на восемнадцати судах⁶. По подсчетам средневековых авторов (Мас'уди), подобная флотилия должна была доставить в Дербент около 1800 человек⁷. Несколько позднее, в 379 г. х. – 989 г. русы уже состав-

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 40, 98.

² Там же. С. 166.

³ Бартольд В. В. Дербент. С. 424.

⁴ ВСА, I, 184, Пер. В. Ф. Минорского. История... С. 168.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 153.

ляют значительную, если не основную часть гуламов дербентского эмира, который, будучи осажден в крепости собственными подданными-мусульманами, предпочел отказаться от престола, но не выдал на смерть своих телохранителей¹. Однако через год, в 381 г. х. – 991 г., Маймун вновь захватил престол в Дербенте, видимо, не без помощи тех же русов. Дербентские эмиры не только опирались на русов в борьбе со своими внутренними врагами-раисами, но и использовали их против своего главного противника Ширвана.

Анализ письменных источников, и в первую очередь столь важного как «Тарих Баб ал-абваб», свидетельствует, что в конце X–XI вв., несмотря на прилагаемые ширваншахами усилия, Дербент и зависимые от него земли, включая Шабиран не входили в состав Ширвана и не подчинялись ширваншахам. И хотя правителям Ширвана порой удавалось на короткое время сажать на дербентский престол своих ставленников, эти события являлись следствием не политической слабости Дербентского эмирата, а отражали сложные процессы социального развития его феодального общества и острые классовые и сословные противоречия в нем. В этом плане Дербент в значительной мере напоминал некоторые крупные города Древней Руси, особенно Новгород, где нахождение и частая смена у власти различных князей, не была показателем политической слабости или зависимости от соседних феодальных владений. Сепаратистские тенденции дербентской феодальной знати, стремившейся с помощью правителей Ширвана ограничить власть дербентских эмиров, хотя и приводили ширваншахов иногда на трон последних, не давали им реальной власти над городом.

Этот период истории Дербента характеризовался резким обострением сословных и классовых противоречий внутри дербентского феодального общества, нашедших отражение в ожесточенной борьбе между крупными политическими группировками и в выступлениях городских низов. Наибольшего накала эта борьба достигла в конце X–XI вв., когда раисам – крупным представителям городской знати, ярым сторонникам ослабления верховной власти и выразителям центробежных тенденций – удавалось неоднократно изгонять из города эмиров, олицетворявших в дербентском обществе тенденции государственной централизации и феодального абсолютизма. Так, эмир Ахмад б. 'Абд-ал-Малик (939–976 гг.) трижды изгонялся раисами из Дербента, а его сын, эмир Маймун б. Ахмад б. 'Абд ал-Малик (976–997 гг.) за 21 год своего правления дважды изгонялся раисами из города и даже был заключен ими в «правительственное здание» как пленник².

Интересы дербентских эмиров, в отличие от предшествующих периодов развития города, в X – середине XIII вв. более тесно переплетались с общедагестанскими и это крупнейшее феодальное владение играло значительную роль в историческом развитии Дагестана. Связанные династическими браками и общими политическими интересами, дербентские эмиры нередко опирались в своей борьбе с ширваншахами и другими противниками на поддержку крупных феодальных правителей Дагестана (Серир, Табасаран, Хайдак, Карах, Шандан). В 358 г. х. – 968–69 г. войска эмира Ахмада совместно с жителями Маската разбили отряды Саллара Ибрахим б. Марзубан ад-Дейлеми, вступившего в Ширван и пытавшегося покорить Дербент. В том же году дербентский «эмир с сарирцами напал на владения Ширваншахов и разграбил их»³.

¹ Там же. С. 68–69, 153.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 66–69.

³ Там же. С. 67.

Нередко правители феодальных владений Дагестана оказывали помощь дербентским эмирам и в борьбе с внутренними врагами, а властители Дербента в свою очередь постоянно вмешивались в дела Серира, Караха, Табасарана, Шандана, Хайдака. «477/11 июля 1055 года, благодаря посредничеству владетеля Серира, дербендцы ввели в пограничную область (т. е. в Дербентский эмират – А. К.) эмира Мансура б. 'Абд ал-Малика»¹, а «в 456/1064 году эмир обратился к соседям за помощью против раисов, и много хайдаков и прочих оказали ему содействие»².

Находясь на границе «мусульманского мира» дербентские эмиры вынуждены были балансировать между исламскими и немусульманскими феодальными владениями Кавказа, путем активных военных действий и политических союзов то с аланами и русами, то с феодальными правителями Дагестана, сохраняя свою независимость и влияние в регионе. И надо сказать, что Дербенту удавалось довольно успешно сохранять свои позиции одного из крупных феодальных государств Кавказа, игравшего активную роль в его истории и оказавшего значительное влияние на социально-экономическое и культурно-политическое развитие этих областей.

В середине XI в. внутренние противоречия и политическая борьба в Дербенте достигли особого накала. В 1043 г. раисы провозгласили эмиром четырехлетнего Мансура б. Абд ал-Малика, но «на деле правителем от его имени был раис Абу-л-Фаварис 'Абд ас-Салам б. Музаффар б. Аглаб»³. После смерти последнего в 1054 г. эмир попытался взять власть в свои руки, но потерпел поражение и бежал из города.

В 1064 г. эмиру удалось одержать крупную победу над раисами, отколов от них народ Дербента, но позднее, нарушив клятву, раисы убили эмира и жестоко наказали жителей города. Отсутствие твердой власти и сепаратистская политика раисов самым неблагоприятным образом отразились на экономическом и политическом положении Дербента. В 456 г. х. – 1064 г. «аланы захватили много исламских земель (принадлежавших Дербенту – А. К.)», а в 1065 г. эмир Мансур вынужден был выступить против напавших на Маскат курдов, «чтобы пресечь их беззакония и злоумышления»⁴, но был убит раисами. «В ал-Бабе положение (стало неустойчивым): то правил в нем Ширваншах и его представители, то власть захватывали раисы»⁵.

Ослабленный сословными противоречиями и междоусобной борьбой, Дербент не смог оказать сопротивления сельджукским войскам и в 1068 г., «когда сельджукский султан Алп-Арслан занял Азербайджан, он послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шау-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб»⁶, город был захвачен тюрками. Однако сельджуки не смогли в этот период установить здесь свой твердый контроль «и Сау-Тегин назначил Аглаба б. Али своим заместителем в ал-Бабе, а сам вернулся домой к султану»⁷, после чего в городе опять начались междоусобные беспорядки. Этим воспользовался ширваншах, который захватил Дербент и увез с собой в Ширван в цепях большинство раисов, оставив правителем города своего сына.

В 1068–69 гг. разгорелась борьба за обладание Дербентом между правителями Ширвана и Аррана и город неоднократно переходил из рук в руки, что самым па-

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 73.

² Там же.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

губным образом оказалось на его развитии. Автор «Тарих Баб ал-абваб» сообщает, что «от этой борьбы большая часть округи (савад) ал-Баба оказалась разрушенной»¹.

В 1069 г. сельджуки сделали вторую попытку установить свой контроль в Дербенте и военачальник султана Алп-Арслана Йагама «отнял у ширванцев и город, и цитадель», но в 1070 г., после его ухода «народ ал-Баба снова призвал эмира 'Абд ал-Малика»². В 1071 г. жители Дербента вновь изгнали эмира и сдали город ширваншаху.

В 1075 г. султан пожаловал Дербент Сау-Тингину и город попал под власть сельджуков, а правление местной династии Хашимидов было прервано на довольно длительное время. Однако уже в первой половине XII века испанский араб Абу-Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати, посетивший Дербент между 524–545 гг. х. (1130–1150 гг.), называет правителем города местного независимого эмира Сайф ад-Дина Мухаммада б. Халифа ас-Сулами, нисба которого позволяет полагать, что он принадлежал к известной дербентской династии Хашимидов Сулами, связанных с арабским племенем Сулайм³.

Еще более определенно на независимое положение Дербента в этот период указывает сообщение Ибн ал-Азрака, находившегося на службе у грузинского царя Дмитрия и посетившего вместе с ним в 549 г. х. – 1154 г. Дербент⁴.

В этот период Дербентом правил местный эмир Абу-л-Музаффар, который был женат на дочери царя Дмитрия. Столь близкий родственный союз правителей Дербента и христианской Грузии, авторитет которой на Кавказе в этот период сильно возрос, был бы невозможен без весьма прочного и независимого положения дербентских эмиров в данном регионе, на что недвусмысленно указывал Ибн ал-Азрак. О высоком месте эмиров города в феодальной иерархии правителей Кавказа свидетельствует и одна из од Хакани, посвященная Сейф ад-Дину Арслану Музаффару и Мухаммаду дара-йи Дер-бенди (т. е. обладателю Дербента, но с поэтическим намеком на великого ахеменидского царя Дария)⁵, которого поэт называет «сардаром», «саларом», «шахом», «шахиншахом», арабом «по природе и рождению», указывая на происхождение эмира от местной ветви бану Сулайм⁶. Еще в одной касыде Хакани прямо намекает на вражду дербентских эмиров и ширваншахов и на независимость первых. Поэт пишет, что «имея обиду на Ширван, он обратил свой взор на пограничную область (сагр) Счастья»⁷.

Об усилении Дербента в XII в. может свидетельствовать и та поддержка, которую, по сведениям источников, грузинские цари оказывали Ширвану для отражения натиска дербентских эмиров. Наиболее крупное вторжение в Ширван произошло при эмире Бек-Барсе в 1173 г. или 1175 г., когда в составе дербентских войск были русы, аланы, хазары, потерпевшие тогда поражение в районе Баку. В отражении этого нападения дербентцев в составе грузинского войска участвовал будущий византийский император Андроник, гостивший у грузинского царя⁸.

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 184.

⁴ *Ибн ал-Азрак ал-Фарики. Тарих Маййафарикин. Пер. В. Ф. Минорского. История...* С. 184, 222–225.

⁵ *Хакани. Диван. Изд. 'Абд ар-Расули. Тегеран, 1316/1937. С. 187 - 195; Минорский В.Ф. История...* С. 185.

⁶ *Минорский В. Ф. История...* С. 185 - 186.

⁷ Там же. С. 186.

⁸ *Minorsky V. Knagani and An, P. 550–578; он же. История...* С. 186.

Независимость феодальных правителей Дербента в XII–XIII вв. подтверждается обширным нумизматическим материалом, анализ которого был проведен Е. А. Пахомовым¹. Многочисленные монеты с именами местных правителей, сопровождаемые лишь именами халифов, власть которых давно уже не распространялась на Дербент (феодальные правители мусульманского Востока и Кавказа признавали в этот период только духовную власть халифов) и была лишь данью мусульманской традиции, свидетельствуют о полной самостоятельности эмиров Дербента и продолжении существования здесь независимой местной династии. Наиболее часто встречаются монеты эмира ал-Малик ал-адил Музаффар б. Мухаммад б. Халифа, относящиеся к 555–559 г. х./1160–64 гг. Этот правитель, упоминаемый у Ибн ал-Азрака как Абу-л-Музаффар, являлся, вероятно, сыном эмира, правившего в Дербенте в период посещения города ал-Гарнати. В большом количестве встречаются также монеты Бек-Барса б. Музаффара и Абд ал-Малик б. Бек Барса с именами халифов Мустади (566–75 г. х. /1170–80 гг.) и Насира (575–622 гг. х./1180–1225 гг.).

Появление на монетах дербентских правителей второй половины XII – первой половины XIII вв. тюркских имен (Бек-Барс, Арслан) отражали, видимо, не только процесс тюркизации имен под влиянием сюзеренов, как справедливо отмечал В. Ф. Минорский², но и общий процесс тюркизации населения города. Дербенту, находившемуся на границе оседлого мусульманского и тюркского кочевого миров постоянно приходилось балансировать между феодальными правителями первого и мощными объединениями последнего, нередко используя своих северных соседей против Ширвана. После разгрома Хазарского каганата население города стало значительно пополняться за счет тюркского элемента («Тарих Баб ал-абваб» сообщает о прибытии сюда в 456 г. х. – 1064 т. остатков хазар)³ и тюркский язык, по сообщению источников, получил широкое распространение в Дербенте, наряду с арабским и дагестанскими языками.

Дербентские эмиры, подобно другим правителям средневекового Востока и Кавказа, широко привлекали к участию в походах тюркские отряды, которые совместно с русами и аланами стали их главной военной силой. Вероятно, в значительной мере их поддержке был обязан Дербент своим независимым положением в регионе.

В XII – начале XIII вв., в связи с усилением Грузии, ее влияние на Восточном Кавказе сильно возросло и грузинские цари, пытаясь распространить свою власть на Ширван, несомненно стремились подчинить себе и столь важный военно-политический и торгово-экономический центр западного Прикаспия, как Дербент. Однако ни данные нарративных источников, ни нумизматический материал не дают никаких оснований говорить о том, что даже на короткий период Дербент оказался в сфере влияния Грузии⁴.

Поражение объединенных отрядов дербентцев, русов, хазар, находившихся, вероятно, на службе у эмиров Дербента, от грузинско-ширванского войска под Баку в 1173 г. (или 1175 г.) не оказало существенного влияния на положение Дербента в регионе, хотя на некоторое время его правители и потеряли город Шабиран⁵.

¹ Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII–XIII вв. – Изв. Аз. ГНИИ. Баку, 1930, т. I, вып. 2. С. 3–13.

² Минорский В. Ф. История... С. 185.

³ Там же. С. 186.

⁴ Крымский А. Е. Низами и его современники. Баку, 1981. С. 165.

⁵ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Соч., М., 1963, т. II, ч. I. С. 692.

В 582 г. х. – 1186 г. ширваншах Ахситан I был разбит атабеком Кызыл-Арсланом и Ширван попал в зависимость от иракских сельджукских султанов, что нашло отражение на монетах этого периода, где вместе с Ах-ситаном упомянуты имена султанов Арслан-шаха (1161–1176) и Тогрула III (1176–1194)¹. Судя по всему, Дербент сохранил в это время свою независимость и имена сельджукских султанов не упоминаются на монетах местного чекана, нет подобных данных и в нарративных источниках.

В период конца XII – начала XIII вв. о Дербенте мало что известно. В 614 г. х. – 1217–18 г., после разгрома хорезмшахом Ала' ад-Дином Мухаммадом (1200–1220) атабека Азербайджана Узбека, Ширван признал свою вассальную зависимость от первого и «с минбаров городов Ширвана до самого Дербента в честь султана провозглашали хутбу»².

Признал ли эмир Дербента себя вассалом хорезмшаха, сказать трудно, но исходя из того, что ширваншах поспешил изъявить покорность с целью предотвращения вторжения в Ширван, можно предполагать, что при отсутствии непосредственной угрозы городу со стороны Ала' ад-Дина, его (правитель мог и не спешить с признанием своего вассалитета.

Монголы, вторгшиеся в Закавказье в 617 г. х. – 1220–21 г., т. е. через три года после указанных событий, застали Дербент сильно укрепленным и независимым городом. Сюбегетей-багатур и Джэбэнойан, даже не сделав попытки овладеть Дербентом, обошли его укрепления по горам. Источники в связи с этим сообщают, что монголы сначала обратились к правителю Дербента, который назван ширваншахом, с просьбой о мире, но потом захватили высланное посольство, «убили одного из них, а оставшихся под страхом смерти заставили показать проходы через горы на север»³.

О том, сколь труден был этот путь и какие неудобства доставила монголам непокорность Дербента, свидетельствует Киракос Гандзакеци, писавший, что монголы «пересекли Кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и снаряды, и ушли в свою страну»⁴. А Джувайни сообщал, что «никто не помнит, чтобы какая-либо армия когда-либо прошла через проходы эти»⁵.

После ухода монголов к Дербенту прибыло большое количество разгромленных ими кыпчаков, которые умоляли владельца города Рашида дать им убежище, обещая ему за это верную службу: «Мы твои мамлюки и для тебя мы завоюем области и ты – наш султан»⁶. Однако после того, как Рашид отказал им в убежище, кыпчаки хитростью захватили город, а Рашид был вынужден бежать в Ширван. Вскоре кыпчаки были разгромлены объединенными грузинско-ширванскими и дагестанскими

¹ Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978. С. 158–159.

² Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с арабск., ком. и прим. З.М. Буниятова, Баку, 1973. С. 61.

³ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль, IX. С. 340; Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. С. 164; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. О. И. Смирновой, М.-Л., 1952, т. I, кн. 2. С. 228–229.

⁴ Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. и ком. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 103.

⁵ Juwaini. The history of the World – Conqueror. – Transl. From Persian by J. A. Boule. Manchester, 1958. Vol. I. P. 149.

⁶ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль, IX. С. 348–349; Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. С. 165.

войсками и почти полностью уничтожены или попали в плен, и «...кыпчакский мамлюк продавался в Дербенде Ширвана по (самой) низкой цене»¹.

Хотя Ибн ал-Асир назвал здесь город «Дербендом Ширвана», этот факт вряд ли является свидетельством его зависимого положения. Наоборот, сам Ибн ал-Асир именует правителя города ширваншахом, носившим, причем, нетрадиционное для этой династии (обычно ширваншахи носили иранские имена) арабское имя Рашид. Можно предположить, что в данное время Ширван или признал свою зависимость от Дербента, или данный Рашид самовольно присвоил себе титул ширваншаха. Однако сообщения еще одного авторитетного автора и современника описываемых событий Йакута (1179–1229), который ставил Дербент выше столицы Ширвана Шемахи, названной его округом, позволяет думать, что Ширваншахом правитель Дербента назван не случайно. В разделе своего труда, посвященном Шемахе, Йакут писал: «Это – главное место (касаба) Ширвана в районе Аррана. Оно считается округом (‘амал) Баб ал-абваба, и его властитель, Ширваншах, является братом властителя Дербенда»². Неясно, был ли Рашид действительно братом правителя Ширвана, или это только принятая на средневековом Востоке форма взаимоотношения государей, связанных какими-то политическими обязательствами, но, вероятно, надо признать историческим фактом то, что владетель Ширвана в этот период находился на более низкой ступени иерархии, чем правитель Дербента.

Несколькими годами позднее (около 624 г. х. – 1227 т.) Дербентом управлял несовершеннолетний эмир, возможно, сын Рашида, но фактическая власть принадлежала его опекуну атабеку ал-Асаду, который пользовался особым покровительством последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина. Понимая стратегическое значение Дербента, Джалал ад-Дин всячески поддерживал ал-Асада и передал ему, в качестве своеобразной оплаты за охрану прохода, значительные земли в Ширване «...одарил его, и назначил на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербенд казался ничтожно малым»³. Позднее ал-Асад был схвачен людьми хорезмшаха, но сумел спастись и успешно отстаивал Дербент, сохранявший независимость и в этот период.

Во время второго нашествия монголов на Кавказ им удалось захватить Дербент в 1239 г. Сейчас неясно, на каких условиях город был сдан монголам, но Дербенту удалось избежать судьбы многих крупных средневековых городов Закавказья. При археологических раскопках в культурных слоях города первой половины XIII в. не отмечено следов катастрофического разрушения и массового истребления жителей⁴. Вероятно, учитывая особую стратегическую значимость Дербента и грандиозную мощь его стен, монголы посчитали более выгодным покорить этот город на каких-то почетных условиях. Это подтверждает и Рубрук, побывавший в Дербенте 17–18 ноября 1254 г., который сообщает, что монголы разрушили лишь верхние части башен и зубцы стен⁵.

¹ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль, IX. С. 348–349; Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. С. 165.

² Jakut, s geographisches Wörterbuch. – Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1871. Bd. III. S. 317.

³ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насами. Жизнеописание... С. 221.

⁴ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982. С. 74–118.

⁵ Вильгельм де Рубрук. Путешествия в восточные страны... Введ. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 85–173.

Однако именно с монгольским нашествием связано начало упадка города, от которого Дербент уже не смог оправиться. Монголы подорвали экономику и торговлю города, нарушили традиционные торговые пути и связи его с восточными, закавказскими и внутридагестанскими рынками, нанесли тяжелый урон сельскому хозяйству и ремесленному производству. Особенно тяжелы были для Дербента последствия ожесточенной борьбы между ханами Золотой Орды и монгольскими государями Ирана, претендовавшими на этот важный военно-политический и торговый центр.

После монгольских завоеваний Дербент, несмотря на отдельные периоды подъема, и расцвета, не смог, хотя и остался самым значительным городом Дагестана, достичь своего бывшего могущества и прежнего уровня социально-экономического развития.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

Возникновение и развитие средневековых городов Дагестана было тесно связано с дальнейшим развитием производительных сил, зарождением новых производственных отношений и бурными историческими событиями на Кавказе в этот период.

Столкновение интересов крупнейших государств Переднего Востока, пытавшихся распространить свою власть на районы Восточного и Северо-Восточного Кавказа, с интересами мощных объединений кочевников, проникших в районы приморского Дагестана вплоть до Дербента, значительно повысило военно-стратегическую роль Прикаспийского пути и способствовало появлению в важнейших местах этой известной караванной трассы и на местных коммуникациях опорно-стратегических пунктов.

Как уже говорилось, большинство средневековых городов Северо-Восточного Кавказа сложилось на базе более древних укреплений скифского и албано-сарматского времени, расположенных вдоль Прикаспийского пути и у разломов предгорных массивов или речных долин в местах их выходов на приморскую равнину, т. е. в местах пересечения местных и международных коммуникаций.

Возникнув первоначально в основном как значительные военно-политические пункты на внутридагестанских и транскавказских коммуникациях, многие из них оказались в дальнейшем втянутыми в сферу международных торговых связей, что привело к превращению их в крупные торгово-ремесленные центры Дагестана.

Археологическими исследованиями был выявлен целый ряд крупных городищ – остатков средневековых городов той поры, расположенных в плоскостном и предгорном Дагестане, таких как Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Аркаское, Капчугайское, Гурджиюртовское, Таркинское, Махачкалинское, Гентурунское, Урцекское, Каякентское, Эскиюртовское, Чакавуркентское, Мамедкалинское, Турпагкалинское, Дербентское, Топрахкалинское, Хорельское, Арменкалинское и др. Однако большинство этих памятников пока еще очень слабо исследованы и многие вопросы их возникновения и динамики развития, территориального роста и застройки, внутренней структуры и этапов становления остаются совершенно не освещенными в исторической литературе.

Отсутствие многолетних стационарных раскопок на средневековых памятниках Дагестана сильно сказалось на уровне их изученности и проблема сложения исторической топографии городов Северо-Восточного Кавказа этой поры все еще очень слабо освещена в дагестанской историографии.

Изучение исторической топографии Дербента и путей ее формирования имеет большое значение для понимания процессов сложения феодальных городов не только Дагестана и Восточного Кавказа, но и восточного города вообще.

Проблема сложения топографии мусульманского восточного города, возникновения и развития отдельных частей его структуры, территориального соотношения и динамики роста шахристана и рабада, их социально-экономических характеристик в последнее время весьма остро стоит в отечественной и зарубежной исторической литературе. В этом плане многолетние стационарные исследования средневекового Дербента, опиравшиеся на большой археологический материал, данные нарративных и эпиграфических источников, а также хорошо сохранившиеся планировку, структуру, фортификацию и топонимику феодального города, представляют особый интерес.

Многие мусульманские города Кавказа и Средней Азии не сохранили в своем облике ни древней планировки, ни структуры и судить о их исторической топографии довольно трудно. Другие города относительно хорошо сохранились, но полностью, или почти полностью, обойдены вниманием письменных источников, что не позволяет исследовать многие вопросы их исторического развития. Дербент в этом плане выгодно отличается от всех остальных средневековых памятников Дагестана и Восточного Кавказа.

Сложение исторической топографии феодального Дербента в основном приходится на два важнейших периода его истории: раннесредневековый (VI – начало VIII вв.) и средневековый (VIII – середина XIII вв.). Первый из них характеризовался ожесточенными войнами и широким фортификационным строительством, вызванным столкновением на Северо-Восточном Кавказе интересов огромной Сасанидской державы и мощных объединений кочевников, границей между которыми стали дербентские укрепления. Это был период формирования фортификации и двухчастной городской структуры Дербента, сложения его межстенной территории и внутренней топографии шахристана.

Второй период в сложении исторической топографии Дербента начался после арабского завоевания и продолжался вплоть до монгольского нашествия. В это время окончательно оформилась его трехчастная городская структура, сложная внутренняя планировка и застройка шахристана и рабада, сформировался экономический и общественный центр мусульманского города, начался процесс территориальной концентрации и специализация отраслей его ремесленного производства.

Однако, как показали раскопки, Дербент начал складываться не на пустом месте и имел значительный период досасанидского развития, в который сформировались отдельные важные элементы его исторической топографии, сложилось древнее ядро города и планировка одной из основных частей городской структуры – цитадели.

1. Структура и застройка Дербента в сасанидский период

Своеобразие планировки Дербента, протянувшегося узкой лентой через весь проход, и отсутствие в раннесредневековых источниках каких-либо конкретных данных о самом городе способствовали тому, что Дербент вошел в историческую литературу как город с весьма своеобразной структурой¹. Вследствие подобной постановки вопроса появилось даже мнение, что Дербент до арабского завоевания или даже до самого конца X в. вообще не был городом, а представлял собой лишь военную крепость с небольшим гарнизоном иноземных воинов. Как ни скудны сведения источников о топографии Дербента этого периода, они все же позволяют считать его довольно значительным раннесредневековым городом с развитой внутригородской планировкой и четкой, исторически сложившейся структурой, неоспоримо засвидетельствованных в процессе многолетних археологических исследований.

Так, в «Армянской географии» Анания Ширакаци (VII в.), где впервые город именуется «Дербентом», он назван «городом Чорского прохода, великой твердыней, по-

¹ Бартольд В. В. Дербент. С. 423–424; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 280.

строенной среди моря»¹, Левонд именует Дербент «городом» у ворот Каспийских², а Мовсес Каланкатвази называет его «великим городом»³.

Мовсес Каланкатвази, в связи с взятием Дербента в 627 г. хазарами, сообщает о внутренней планировке города, включавшей систему улиц и площадей, на которых кочевники «как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них (жителей Дербента – А. К.) и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города»⁴.

О том, насколько был уже велик город ко времени арабского завоевания, свидетельствует, как уже отмечалось выше, то, что полководец Маслама сразу переселил в город ал-Баб-у-ал-абваб (Дербент) «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии»⁵, а территорию его разделил на четыре (по данным «Дербенд-наме» – семь) квартала. «Одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую – жителям Куфы, третью обществу Джазиры, четвертую – жителям Химса»⁶.

При этом следует заметить, что уже при Хосрове Ануширване в Дербенте действовал водопровод, отремонтированный Масламой, а первые арабские наместники, по данным письменных источников, благоустраивали улицы города. Свидетельством уже значительного развития города является наличие в Дербенте VI–VII вв. монументальных памятников архитектуры и даже «восточного патриаршего дворца»⁷. Исторические условия, определившие появление раннесредневекового Дербента, как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона.

Первоначально он являлся военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников-марзпанов, хранителей границ, значительным административным центром, местопребыванием большого гарнизона. Здесь оседал определенный процент местной знати, перешедшей на службу к персам, и землевладельцев округа, искавших защиту за крепкими стенами города. Значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних районов Ирана. Наличие здесь внушительного количества солдат, чиновников, служителей культа и военных колонистов, несомненно, привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, которые должны были обеспечивать обитателей города всем необходимым.

Однако в это время торгово-экономическая деятельность не являлась главной причиной формирования и развития города, пока она носила второстепенный характер. Основой становления и роста Дербента оставались военно-политические факторы. Большую роль в превращении Дербента из чисто стратегического пункта в развитый раннесредневековый город сыграла широкая строительная деятельность Сасанидов.

Огромные масштабы фортификационного строительства, проводимого иранцами в Дербенте, потребовали длительного пребывания здесь большого количества рабочих самых различных профессий. Особое развитие получают специализирован-

¹ Патканов К. П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. С. 30.

² История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. С. 26.

³ История агван Моисея Каганкатвази. С. 105.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Баладзори. Книга завоевания стран. С. 17; *Тарихи Дербенд-наме*. С. 78–79; Бартольд В. В. Дербент. С. 421.

⁶ *Ат-Табари*. История пророков и царей. С. 52.

⁷ История агван Моисея Каганкатвази. С. 261.

ные виды строительных работ и камнеобрабатывающий промысел. В этот период здесь появляются специализированные каменоломни, где добывался местный ракушечник, распиливаемый на стандартные блоки, которые доставлялись в Дербент по морю, а дальше его отправляли по специально проложенным дорогам в районы строительства. Обследования Горной стены показали, что она на всем протяжении, включая самые отдаленные участки и форты, удаленные более чем на 40 км от Дербента, возведена из ракушечника, резко отличающегося от местного камня этих районов горного Дагестана и полностью аналогичного ракушечника дербентских карьеров. Помимо рабочих, занятых добычей, распиловкой и доставкой камня, в строительном процессе участвовали каменотесы, мастера-камнеукладчики, приготовители специального раствора, подносчики, землекопы, разнорабочие.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли.

В этот период, помимо камнеобработки и строительного дела, в городе широкое развитие получают гончарное производство, металлообработка, зарождаются стеклотеление, специализированное ткачество и другие виды ремесел.

Таким образом, причины военно-политического характера, обусловившие возникновение и первоначальное развитие Дербента, на втором этапе тесно переплетались с экономическими, в основе которых лежал значительный подъем ремесла и товарного производства, при котором, по словам Фридриха Энгельса, продукты производятся «уже не для собственного потребления, а для обмена»¹.

Резкое увеличение спроса на ремесленную продукцию и связанное с ним развитие товарного производства оказали решающее влияние на рост внутреннего рынка и значительное увеличение товарооборота города. Тесно соприкасаясь с рынком, ремесленник переходит «...к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем»². Уже на этом этапе часть высококачественной посуды, очевидно, стала производиться на заказ. Это, вероятно, было характерно и для изделий других отраслей ремесленного производства, достигших в этот период значительного развития. «Первой формой промышленности, отрывающейся от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»³.

Результаты археологических исследований, проводимых в городе в последние годы, убедительно свидетельствуют, что в сасанидский период Дербент стал не только самым мощным опорным пунктом на Кавказе, но и значительным торгово-ремесленным центром⁴.

Развитие ремесла и торговли способствовало дальнейшему росту и заселению Дербента, который в этот период предстает, по данным археологических исследований, весьма большим раннесредневековым городом с четко выделенной внутренней структурой.

¹ Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 202.

² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 329.

³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 329.

⁴ Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента (VI–XVIII вв.). М., 1979. С. 134–145; Кудрявцев А. А. Основные этапы развития ремесленного производства Дербента VI–XIII вв. – IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. С. 45–46.

Процессы, оказавшие влияние на формирование внутригородской топографии и структуры раннесредневекового Дербента, значительно различались на двух этапах сасанидского строительства.

Возведение сырцовых и каменных оборонительных сооружений Дербента, хотя и было вызвано общими причинами военно-политического характера, совершенно по-разному повлияло на динамику развития, территориальный рост и застройку города, на сложение шахристана.

Первый этап, не отличавшийся широким размахом и специализацией строительных работ, не был связан со скоплением в Дербенте столь крупных масс людей и не оказал существенного влияния на экономическое развитие города, рост его ремесла и торговли, территориальное развитие и застройку. Раскопки позволили установить, что основное ядро города на первом этапе сасанидского строительства находилось на дербентском холме и территория его застройки ограничивалась цитаделью (4,5 га) и районами, примыкавшими к ней с востока (5–6 га) и юга (2–3 га). Стратиграфические исследования, проводившиеся в различных районах Дербента¹, от вершины холма до побережья, показали, что, несмотря на появление мощной сырцовой стены, перекрывшей на первом этапе формирования исторической топографии весь проход, большая часть территории раннесредневекового города от цитадели до Джума-мечети не обживалась. Главным районом сосредоточения военно-административной и экономической жизни Дербента, как и в древности оставалась вершина холма, и особенно ее северо-восточная часть, где в это время Сасанидами была возведена или перестроена цитадель со стенами из сырцового кирпича. Раскопки показали, что на данном этапе эта территория являлась местом наиболее интенсивного обживания, здесь выявлены значительные культурные наслоения и архитектурные остатки V – начала VI вв.² Обживалась территория к югу от цитадели и верхняя часть восточного склона холма. В юго-западной части вершины холма, рядом с территорией древнего могильника, были выявлены развалы керамических печей³, остатки гончарного производства и крупная открытая печь, типа тандыра, неясного назначения с остатками водоводов из керамических труб и камней⁴. Отсутствие культурных напластований V – начала VI вв. на большей части восточного склона холма, в его центральных и приморских районах, свидетельствует о том, что формирование территории шахристана и его застройки на первом этапе сложения топографии раннесредневекового Дербента еще только начались. Динамика его развития и территориальная застройка в V – начале VI вв. была во многом сходна с древним периодом истории Дербента. В это время вся военно-политическая и экономическая жизнь города была сосредоточена в районе вершины дербентского холма, в цитадели и на прилегавшей к ней территории.

¹ Кудрявцев А. А. К вопросу о размерах Дербента в эпоху Сасанидов. – Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С. 30–32; он же. Территориальное развитие и застройка средневекового Дербента в свете новых археологических данных. – Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг. Махачкала, 1980. С. 8–11.

² Кудрявцев А. А. К истории Дербента. – В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 164–166; он же. О структуре раннесредневекового Дербента. – Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 102–104.

³ Кудрявцев А. А. и др. Исследования в Дербенте. С. 125.

⁴ Там же.

Археологическое изучение Дербента этого времени и анализ раннесредневековых письменных источников позволяет предполагать, что в V – начале VI вв. он выступает скорее как крупный военно-политический центр, мощный укрепленный пункт на северной границе Сасанидского Ирана, чем как значительный город с развитыми ремеслом и торговлей. На первом этапе сложения топографии раннесредневекового города, коснувшегося в основном его фортификации, Дербент являлся самым мощным опорным пунктом иранцев на Восточном Кавказе, первой «длинной стеной», «пограничной крепостью», «крепостью Чора», как его именуют источники того времени.

Второй этап сложения топографии Дербента раннесредневековой поры начался с возведением мощной каменной фортификации города, причинами возникновения которой были также факторы, в основном, военно-политического характера. Однако, как уже отмечалось, широкая строительная деятельность Сасанидов способствовала и экономическому подъему Дербента, быстрому расширению внутреннего рынка и росту ремесленного производства. С VI в., судя по данным археологических исследований, сведениям письменных источников и значительному нумизматическому материалу, вновь начинается некоторое оживление международной торговой деятельности по Прикаспийскому пути, что способствовало дальнейшему экономическому подъему Дербента, отразившемуся и на формировании его исторической топографии.

Развитие ремесла и торговли способствовало активному заселению межстенной территории города, где при раскопках отмечается широкая концентрация застройки и ремесленного производства. Рост городской застройки Дербента вниз, от цитадели к морю, по восточному склону холма, привел к территориальному выделению шахристана в структуре города, окончательно оформившейся с появлением южной городской стены. Южная стена, как уже отмечалось, хотя и возникла в сасанидский период, но была возведена позднее каменных стен цитадели и северной городской стены. Появление этой стены, строительство которой не было продиктовано известными военно-политическими причинами, знаменовало собой окончательное оформление межстенной территории раннесредневекового Дербента, где постепенно складывалась одна из основных частей структуры феодального города – шахристан. Теперь это уже не только грандиозная «длинная стена», но «город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома...»¹. Одновременно возведение южной стены, продолжавшейся, как и северная, в море, знаменовало собой и оформление порта города.

По площади внутристенной городской территории, которая достигает у Дербента около 150 га, он значительно превосходил многие крупнейшие раннесредневековые города Переднего Востока, Закавказья и Средней Азии. Однако в сасанидское время обживалась не вся внутристенная территория города, а только его верхние районы². Стратиграфические раскопы, заложенные в различных районах Дербента, показали, что во второй период территорию обживаемой и застраиваемой части города составляло его межстенное пространство от цитадели до Джума-мечети и ворот Орта-капы включительно³, с большей концентрацией застройки в южных районах, у городской

¹ *Энгельс Фридрих*. Происхождение семьи... С. 188.

² *Кудрявцев А. А.* К вопросу о размерах Дербента... С. 30–32; он же. Город, не подвластный векам. С. 122–124.

³ Там же.

стены и в юго-западных, у подножья восточного склона дербентского холма¹. Свидетельством территориального роста и развития планировки раннесредневекового Дербента может служить наличие двух крупных ворот в южной стене, связанных с уличной сетью города (Баят-капы и Орта-капы). От остальной, незастроенной части города, обживаемую территорию отделяла мощная каменная стена, остатки которой были выявлены в районе Джума-мечети². Эта упоминаемая источником XI в. стена³ сохранилась еще на планах Дербента 20-х годов XVIII в. и является наиболее древней из всех поперечных стен города. В обживаемую территорию города были включены только безопасные южные ворота, а за городской чертой раннесредневекового шахристана оставались наиболее опасные ворота северной стены – Кирхляр-капы. Обживаемая часть города имела площадь около 21–22 га. Не исключена возможность, что активно обживалась в этот период и приморская часть города, связанная с портом, район которого пока еще слабо изучен. Вместе с цитаделью общая площадь обживаемой территории города, без учета малообследованного приморского района, достигает 26–27 га. Несмотря на то, что обживаемая территория Дербента занимает, согласно археологическим данным, всего около 1/6 от его внутрисканского пространства, он предстает как весьма значительный раннесредневековый город. Для сравнения приведем опубликованные данные размеров крупнейших городищ Средней Азии – остатков наиболее известных раннесредневековых городов этого региона: Бухара – 35 га, Термез – 20 га, Пенджикент – 13–14 га, Кяфир-кала – 16 га, Варахша – 19 га⁴ (при публикации данных о площади Варахши произошла, видимо, опечатка, площадь этого городища – около 7–9 га). Как видно из переведенных данных, Дербент в сасанидский период по своим размерам превосходил, даже с учетом лишь только обживаемой его территории, большинство раннесредневековых городищ, являющихся остатками наиболее известных городов – крупных центров высокоразвитых экономически и политически областей Средней Азии. Он уступал по размерам лишь самым крупным ее центрам, таким, как Самарканд – 65 га и Мерв – 200 га, но и у этих городов, как показали раскопки, площадь застройки оставляла лишь часть их территории.

Дербент вошел в историческую литературу как памятник с весьма своеобразной исторической топографией и планировкой, выпадающими из общей схемы двух- и трехчастного деления города, где обязательными компонентами его выступают цитадель и собственно город, а иногда и пригород. Считалось, что Дербент стал соответствовать этой схеме лишь в период средневековья, а точнее, только после X века, когда в его структуре появились цитадель и пригород⁵.

В. В. Бартольд установил, что почти все домусульманские города Средней Азии состояли из двух четко отличных одна от другой частей: цитадели и собственно города (шахристана), а археологические наблюдения показали, что данная схема впол-

¹ Кудрявцев А. А. К вопросу о размерах Дербента... С. 30–32; он же. Город, не подвластный векам. С. 122–124.

² Кудрявцев А. А. Интерпретация некоторых сведений «Тарих Баб ал-абваб» по исторической топографии Дербента в свете новых археологических данных. Бартольдовские чтения. 1981. М., 1981. С. 48; он же. Древний Дербент. С. 152–155.

³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 62, 77.

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 6.

⁵ Бартольд В. В. Дербент. С. 426; Тревер К. В. Очерки... С. 280.

не типична для раннесредневекового восточного города¹. Однако в отношении Дербента он считал подобную схему неприемлемой и полагал, что цитадель могла здесь появиться лишь после X в., а на холме, где она построена, до этого складывали штабель дров для сигнального костра.

Археологические раскопки, проведенные в цитадели в 1971–1992 гг., позволили пересмотреть динамику развития города и проблему формирования его структуры, четко выделить две составные части раннесредневекового Дербента: цитадель (кухендиз) и собственно город (шахристан)².

Цитадель. В комплексе Дербентских оборонительных сооружений цитадель, называемая в настоящее время Нарын-калой, занимала особое место – это резиденция правителя города, местопребывание его двора и гарнизона, административный, военно-политический и культурный центр. Первые сообщения о цитадели Дербента имеются уже у ряда авторов VIII–IX вв.³, что служит дополнительным подтверждением возникновения ее до X в. Балами, давший наиболее полное описание топографии Дербента X в., четко различает части города: цитадель – «кала» (перс. кухендиз) и собственно город – «медина» (перс. шахристан), а о городе в общем понятии он говорит – «шахр»⁴. В «Тарих Баб алабваб» неоднократно упоминается цитадель и сообщается, что «кала» – место пребывания дербентских эмиров⁵.

Эти сведения подтверждаются данными эпиграфики. Нами было обнаружено на стенах цитадели большое количество раннеарабских куфических и три пехлевийских надписи⁶, которые не оставляют сомнений во времени появления этих стен, возведенных несомненно значительно раньше X в.

Выявленные раскопками культурные отложения раннесредневекового времени, связанные с сасанидским периодом формирования топографии цитадели, включают в себя три слова, обильно насыщенные строительными остатками, керамикой и другими материалами. Из них самым незначительным является первый слой, толщиной в 10–20 см, основной материал которого позволяет отнести его к V в. Второй слой достигает толщины на восточных участках до 40–60 см, а на южных и северо-западных – 30–40 см, хронологически он относится к V–VI вв.⁷. Третий слой достигает на восточных участках 50–70 см, а на остальных в 40–60 см, керамика, обнаруженная в нем, резко отличается от посуды Дербента и всего Дагестана албанского времени и характерна для гончарных изделий сасанидских памятников Передней и Средней Азии, а также ряда районов Закавказья VI–VII вв.⁸.

В результате археологического изучения топографии Дербента удалось установить не только факт пребывания иранцев в районе цитадели уже в пер. половине V в., но и выделить два этапа строительства ее⁹. Особенно важными представляются данные

¹ Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 7.

² Кудрявцев А. А. К истории древнего Дербента. С. 165; он же. О структуре раннесредневекового Дербента. С. 102–104.

³ История халифов. С. 28; *Баладзори*. Книга завоевания. С. 17.

⁴ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 26.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 51, 62, 70.

⁶ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 93.

⁷ Кудрявцев А. А. О датировке... С. 249; он же. Город... С. 130.

⁸ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. – Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Махачкала, 1975. С. 19–20; он же. Город... С. 87–88.

⁹ Кудрявцев А. А. О структуре... С. 103–103; он же. Город... С. 82–116; он же. О датировке... С. 257.

о сырцовой фортификации, которые не только снимают вопрос о существовании цитадели, как составной части раннесредневекового Дербента, но и на целое столетие отодвигают ее возникновение¹.

Выявленная археологическими исследованиями четкая «перевязка» блоков каменных стен цитадели и северной стены города, полностью аналогичных между собой по характеру, конструкции и размерам камней кладки, обнаруженные на ее стенах пехлевийские надписи, а также наличие в цитадели и на территории города культурных слоев VI–VII вв., позволяют утверждать, что на втором этапе формирования топографии раннесредневекового Дербента он имел двухчастную структуру (кухендиз-шахристан)², сохранившуюся в древней топографии до наших дней.

Основу застройки раннесредневековой цитадели составлял крупный архитектурный комплекс у восточной стены. Как в албанское время, большая часть строений концентрировалась в восточных, наиболее безопасных и благоприятных для застройки районах цитадели.

Вскрытые здесь в процессе раскопок сооружения сасанидского времени резко отличаются по строительному материалу, планировке, технике возведения и конструкции от построек предшествующих эпох. Прежде всего это касается крупного архитектурного комплекса у восточной стены, внушительные размеры, монументальность и богатство оформления которого позволяют отождествлять его с дворцовыми постройками Дербента раннесредневековой поры³.

В гражданской архитектуре основным строительным материалом служил бутовый и хорошо обработанный местный камень-ракушечник.

В жилищно-бытовых и административных постройках, выявленных в восточной, южной и северо-западной частях цитадели, отмечено применение сырцового кирпича, бутового камня и тщательно обработанных крупных плит, аналогичных по размерам плитам кладки оборонительных сооружений. Впервые в гражданской архитектуре Дербента появляются конструкции из жженого и сырцового кирпича размером 40–42 x 40–42 x 10–11 см и 38–39 x 38–39 x 10–11 см⁴, применение которого в постройках раннесредневекового города было связано с проникновением сюда новых ближневосточных строительных традиций. К этому же периоду относится широкое распространение известкового раствора, неизвестного ранее как на памятниках Дербента, так и в архитектуре всего Северо-Восточного и Восточного Кавказа.

Исследование крупного архитектурного комплекса сасанидского времени у восточной стены цитадели показало, что он представляет собой монументальные дворцовые постройки с помещениями жилого, административного, общественного и хозяйственно-бытового назначения, общей площадью свыше 3000 кв. м⁵.

Стратиграфическое изучение памятника и анализ многочисленного археологического материала, связанного с его функционированием, позволяет датировать

¹ Кудрявцев А. А. О структуре... С. 103–103; он же. Город... С. 82–116; он же. О датировке... С. 257.

² Там же.

³ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 121.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. – АО – 1973. М., 1974. С. 115.

⁵ Кудрявцев А. А. Историческая топография цитадели как показатель социального развития Дербента VI–XIII вв. – Материалы, сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1980–1981 гг. Махачкала, 1982. С. 5; он же. Исследования в цитадели древнего Дербента. – АО – 1981, М., 1982. С. 127.

этот дворцовый комплекс VI–VII вв. н. э.¹ Раскопки показали, что данный комплекс имел определенную территориальную концентрацию помещений по назначению. В северо-восточной и центральной его частях группировались крупные и богато оформленные комнаты административного и жилого назначения, а в южной и юго-восточной частях комплекса располагались помещения хозяйственно-бытового назначения, уступавшие первым в размерах и оформлении.

В северо-восточной части архитектурного комплекса были вскрыты остатки крупного зала с колонным оформлением. Подобно базам ионического ордера каменные базы его колонн, высотой около 0,6 м, состояли из двух частей: плинта и основания базы². Плинт имеет размеры 0,92 x 0,92 x 0,24 м, а основание базы приближается по форме к низкому бочкообразному цилиндру с расширенной нижней частью, диаметр которой равен 0,84 м. Учитывая, что высота ионической колонны в эпоху архаики приближалась к восьми диаметрам, а позднее превышала девять диаметров³, можно приблизительно вычислить высоту колонн дербентского архитектурного комплекса, которая должна была достигать не менее 6–7 м.

Стены парадных северо-восточных помещений комплекса были покрыты глиняной штукатуркой с тонким слоем белой гипсовой обмазки снаружи или резным штукатуром чуть розоватого цвета. Здесь отмечены фрагменты резных архитектурных деталей и украшений из местного камня-ракушечника и даже крупные фигурные плиты в виде антропоморфных изображений неясного назначения.

Стены южных и юго-восточных помещений не имели декоративного оформления, они покрывались простой глиняной штукатуркой или вообще не имели ее (возможно, не сохранилась). Здесь в значительном количестве отмечены крупные, заглубленные в пол, очаги с тщательной внутренней обмазкой и несколько расширенной южной частью, а также хозяйственные ямы с тщательной известковой обмазкой.

Остатки рухнувших сводов и перемычек, а также сохранившиеся архитектурные памятники Дербента раннесредневековой поры позволяют говорить об использовании в выявленных дворцовых сооружениях цитадели нескольких типов перекрытий.

А. А. Бестужев-Марлинский предполагал, что «сводный замок строителям Кавказской стены был неведом... Коридоры покрыты или широкими плоскими плитами, или плитами в выступ, или, наконец, кровлей из плит, сложенных как карточный домик, треугольником»⁴.

Однако эти данные А. А. Бестужева-Марлинского, очень важные для исследования Горной стены, нельзя переносить на всю архитектуру города и считать доказанным отсутствие здесь в раннесредневековое время других видов перекрытия, в том числе арок и куполов. В фортификационном строительстве Дербента, как и всего Дагестана, и в средневековый период широко применялись описанные в Горной стене типы перекрытий, как наиболее рациональные и доступные для данного вида архитектуры. В то же время, выявленные при раскопках остатки плоско-клинчатых перемычек, рухнувших каменных сводов, баз колонн, находки большого количества замковых камней и керамической черепицы, как плоской с высоким бортиком, так и коньковой, желобчатой формы, свидетельствуют о применении как в дворцовой, так

¹ Там же.

² Всеобщая история архитектуры. М., 1973, т. 2. С. 38–39.

³ Там же. С. 38.

⁴ Бестужев-Марлинский А. – Соч., СПб., 1834, т. II. С. 239.

в культовой и гражданской архитектуре раннесредневекового города и других видов перекрытий. Конструкции перекрытий древнейших ворот Дербента, базиличного здания Джума-мечети, крестово-купольного храма в цитадели, позволяют полагать, что наряду с простыми коробовыми и плоскими перекрытиями, строителям города были известны плоско-клинчатые и арочные перемычки, строительные конструкции, полуциркульные арки, простейший тип куполов на тропках¹, широко применявшихся в архитектурных сооружениях Сасанидского Ирана². Не исключено, что дворцовая архитектура Дербента включала в себя такой вид постройки, как айван, широко распространенный на памятниках раннесредневекового Ирана и достигший наивысшего развития в знаменитом дворце Так-и-Кисра в столице Сасанидов Ктесифоне (Месопотамия)³. Значительно меньшие по размерам, монументальности и богатству оформления строения, выявленные в южной, западной и северо-западной частях цитадели, являются остатками жилищно-бытовых административных и культовых сооружений ее, два из которых можно отождествить с казарменными помещениями и крестово-купольным храмом⁴.

Изучение дворцового комплекса в цитадели, значительно превосходящего по размерам и оформлению известные памятники гражданской архитектуры крупных раннесредневековых центров Кавказа, подтверждает сообщения письменных источников о высоком месте дербентского правителя не только в местном обществе, но и в иерархии сасанидских наместников и феодальных правителей всего региона.

Раскопки подтвердили, что в V–VII вв. цитадель была резиденцией правителя Дербента и в то же время административным, военно-политическим, и в определенной мере культурным центром города. В сасанидский период цитадель являлась ядром раннесредневекового города, откуда он стал расти по склону холма, это место наиболее раннего заселения и интенсивного обживания Дербента⁵.

Шахристан. Стратиграфические исследования, проводившиеся на территории раннесредневекового шахристана города, показали, что толщина культурных отложений сасанидского времени не одинакова на различных участках его. Наиболее интенсивно обживались западные районы шахристана, расположенные ближе к цитадели. Толщина культурных напластований этого периода здесь достигает до 0,7–0,85 м и стратиграфически в них удалось выделить два слоя. Нижний из них, обильно насыщенный архитектурными остатками и керамикой, достигал толщины 0,45–0,50 м. Массовый керамический материал, включавший кувшины с раструбовидной горловиной, чаши с сильно утолщенным, заостренным вниз венчиком, тарные сосуды с многоядным волнистым орнаментом, подделки из стекла и металла, позволяют датировать его концом V – началом VII вв.⁶. Второй слой, толщиной 0,3–0,4 м, представляет в структурном отношении темно-серый грунт с большим включением строительных остатков, керамики, угля, золы, значительных зольников, сплошь перекрывавших местами поверхность полов. Формы и качество керамики, использование в орнаментации зиг-

¹ Кудрявцев А. А. О связях Дербента с Ближним Востоком в эпоху средневековья. – Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981. С. 73.

² Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 328.

³ Там же.

⁴ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 127–128.

⁵ Кудрявцев А. А. К истории... С. 165; он же. О структуре... С. 103.

⁶ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 110–114.

загообразного, рубчатого, елочного штампованного орнамента, красного и светлого ангоба и некоторых других приемов, характерных для позднеасанидской посуды Дербента, предметы вооружения и украшения, две медные монеты позволяют датировать этот слой VII – началом VIII вв.¹

Стратиграфические исследования в восточных районах обживаемой территории раннесредневекового шахристана показали, что толщина культурного слоя здесь меньше, чем в западных и достигает 0,3–0,45 м². Ряд изделий из верхней части этого слоя находит самые тесные аналогии с сосудами хазарских памятников Северного Кавказа и Дагестана VII–VIII вв.³

Любопытно отметить, что наряду с красноглиняной, очень высококачественной посудой, типичной для керамики Дербента сасанидского периода, на территории шахристана обнаружены и гончарные изделия с специфически красным и бордовым ангобом, аналогичные по формам и орнаментации местной посуде албанского времени⁴.

Количество подобной керамики в слоях города сасанидского времени относительно невелико, однако распределение ее явно неравномерно. Основная часть подобной посуды найдена в шахристане города, в большинстве своем в его восточных районах⁵.

Вероятно, такое распределение ее в некоторой мере отражает расселение в городе пришлого и местного этнического элемента, хотя несомненно, что и местное население пользовалось более высококачественной красноглиняной посудой.

Появление в верхней части культурных наслоений раннесредневекового Дербента небольшого количества сероглиняной керамики, видимо, было связано с периодом арабо-хазарских войн во второй половине VII – начале VIII вв., когда город временно попадал под власть кочевников. Роста обживаемой территории и застройки в это смутное время в культурных наслоениях шахристана не отмечено. Возможно, что в моменты нахождения там хазар жители покидали свои дома и уходили в горы или спасались в цитадели, а потом возвращались обратно.

Выявленная стратиграфия культурных отложений позволяет полагать, что развитие города в сасанидскую эпоху в раннесредневековый период формирования его топографии, шло постепенно от цитадели к морю и сначала были застроены и обжиты западные его районы, а потом восточные, до поперечной стены. Многочисленные прослойки угля и зольники в слоях Дербента этого периода красноречиво свидетельствуют о нелегком историческом пути города, лежавшего на границе с кочевым миром.

Гражданская архитектура сасанидского времени на территории шахристана представлена постройками из бутового камня на глиняном, реже известковом растворе, а также небольшим количеством архитектурных остатков из обработанного камня, который в культурных наслоениях шахристана этого периода встречается нечасто. Выявленные остатки жилищ сасанидского времени представлены прямоугольными строениями, достигавшими порой длины 4–5 м, при ширине 3–4 м, стены в основном сложены из бутового камня на глиняном или известковом растворе, толщина их достигает 0,4–0,6 м. Широко использовалась панцирная кладка с внутренней забутов-

¹ Там же.

² Кудрявцев А. А. К истории... С. 165–166; он же. К вопросу о размерах... С. 31.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

кой, в определенной мере повторявшая конструкцию дербентских городских стен, но не столь тщательно выполненная.

Полы в домах устраивались из хорошо уплотненной глины, нередко покрытой сверху тонким слоем извести и ганча. Очаги были напольного типа или складывались из камней.

Наряду с подобной гражданской архитектурой, в шахристане Дербента этого времени имелись внушительные культовые сооружения, наиболее значительным из которых является крупнейший древний религиозный памятник Кавказа – Джума-мечеть.

Новые данные, полученные в результате археологических исследований в Дербенте в последнее десятилетие, позволяют полагать, что правы были те исследователи, которые относили возведение Джума-мечети к доарабскому периоду и связывали его с распространением здесь христианства. Стены храма выполнены из крупных плит, аналогичных по размерам и способу укладки сасанидским стенам города.

Наличие в шахристане раннесредневекового города подобного крупного культового сооружения свидетельствует о значительном количестве его населения и о преобладании среди него христиан, что соответствует данным письменных источников о Дербенте, как о крупнейшем христианском центре на Восточном Кавказе.

Наряду с сосредоточением в шахристане культовых сооружений, свидетельствовавших об активизации здесь общественно-культурной жизни города, на его территории были отмечены многочисленные следы ремесленного производства. Так, при исследовании юго-восточной части шахристана, в слое VI – начале VIII вв. было обнаружено большое количество металлических, стеклянных и керамических шлаков, железных криц, железных штырей и ремесленных отходов¹. Многочисленные шлаки, приспособления для обжига керамической посуды (штыри, полки, подставки), бракованные изделия, остатки гончарных печей были обнаружены в северо-восточных и северо-западных частях шахристана². Все это позволяет говорить о том, что территория шахристана города стала местом концентрации ремесленного производства раннесредневекового Дербента, центром его экономической жизни.

Сплошная современная застройка не позволяет достаточно четко представить внутреннюю планировку Дербента, но археологические исследования и изучение позднесредневековых планов города начала XVIII в.³ дают возможность проследить ее в общих чертах.

Воссоздание первоначальной планировки средневекового города представляет большую трудность, так как более поздняя бессистемная застройка с сетью многочисленных кривых и узких улочек, тупиков, асимметричных кварталов, значительно изменяет городскую топографию. Однако опыт выявления планировки известных античных городов Востока с четкой геометрической сетью улиц и регулярной застройкой, утраченной в средневековый период (Дамаск, Алеппо), позволил сделать попытку изучения внутригородской топографии раннесредневекового Дербента.

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента. – В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала. 1977. С. 79.

² Кудрявцев А. А. Территориальное развитие и застройка... С. 9.

³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1959, 1961, 1253; ВУА, д. 21855; ЦГАДА, ф. 192, д. 15; Хан-Магомедов С. О. Дербент, рис. 2; 4; 5.

Используя метод реконструкции планировки древних городов, разработанный Ж. Саваже для ряда городов (Дамаск, Алеппо, Латакия)¹ и успешно примененный при изучении средневековой Бухары², удалось воссоздать примерную планировку Дербента сасанидской поры, основу которой составляли длинные продольные улицы, разделенные перпендикулярными поперечными улицами на прямоугольные кварталы³, вытянутые с севера на юг. Подобная правильная планировка типична для ряда передне- и среднеазиатских раннесредневековых городов⁴, построенных одновременно, на основе античных принципов планировки и градостроительных традиций⁵, что отличает их от городов другого типа, складывавшихся постепенно и стихийно вокруг древних укрепленных пунктов, поселений или замков феодалов⁶. Регулярная планировка верхних районов Дербента позволяет полагать, что ранне-средневековый город застраивался в основном планомерно, согласно существовавшим в сасанидском Иране канонам градостроительства, несущим в своей основе многие черты античного города. Квартальная планировка, когда сеть маленьких улочек разбивает городскую территорию на блоки, нередко изолированные, характерна для восточного города, как в античное, так и в средневековое время⁷. Квартальная система деления территории Дербента, отмеченная арабскими авторами еще в начале VIII в., сохранилась в его верхней части до настоящего времени.

Три главных улицы Дербента тянулись сверху вниз от подошвы дербентского холма до района Джума-мечети, к которой с запада примыкало, судя по данным стратиграфических исследований, значительное незастроенное пространство, вероятно, площадь города⁸, упоминаемая раннесредневековыми источниками⁹. Их пересекало не менее семи-восьми поперечных улиц. При этом следует отметить, что две продольные улицы шли вдоль северной и южной стен города и одна по центральной части его территории. Северная улица проходила в непосредственной близости от северной стены города, к которой примыкала более ранняя сырцовая фортификация с незастроенным околостенным пространством, что диктовалось необходимостью активной защиты этой части стены. Южная улица проходила в 40–60 м от южной стены, которой отводилась в обороне города второстепенная роль, и к ней вплотную примыкали дома¹⁰. Подобная планировка была продиктована конкретной историче-

¹ *Sauvaget J. Esquisses d'une histoire de la ville de Damas. – REI, 1934. Cahier IV. P. 421–480; Sauvaget J. Alep. Essai sur le developpement d'une grande ville syrienne des origines au milieu du XIX siecle. Paris, 1941. Vol. I. P. 40, fig. 13; Sauvaget J. Le plan de Laodicee – sur – mer. Memorial Jean Sauvaget. Damas, 1954. T. I. P. 114–139.*

² *Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 235–238.*

³ *Кудрявцев А. А. Город... С. 123–124; он же. Древний Дербент. С. 123–124.*

⁴ *Sauvaget J. Alep. P. 40–41; Sauvaget J. La plan de Laodicee – sur – mer. P. 114–139; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 236–237; рис. 94.*

⁵ Там же.

⁶ *Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. – Л., 1948. С. 352–353.*

⁷ *Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 28; Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 236–237; Литвинский Б. А. Кушанский город. – В кн.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 123.*

⁸ *Кудрявцев А. А. К вопросу о размерах Дербента... С. 30–31; он же. Сложение исторической топографии средневекового Дербента. – В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 205; он же. Древний Дербент. С. 124.*

⁹ *История агван... С. 105; ал-Мукаддаси. Лучшее из делений... С. 9.*

¹⁰ *Кудрявцев А. А. Город... С. 124; он же. Сложение... С. 194–195.*

ской обстановкой, сложившейся в Приморском Дагестане в V–VI вв., когда практически в обороне города участвовала лишь одна северная сторона, так как военное давление оказывалось в основном с севера.

Представляется вероятным, что оформление межстенной территории шахристана раннесредневекового Дербента, появление регулярной квартальной застройки в верхних районах города с системой «улиц и площадей», надо связывать со строительной деятельностью Хосрова I и экономическим подъемом города в период его правления. Именно в этот период в основных чертах сложился шахристан Дербента – важнейшая часть его городской структуры, где была сосредоточена экономическая и общественная жизнь города.

Все это дает основание утверждать, что Дербент уже в этот период формирования своей исторической топографии по структуре не отличался от основной массы домусульманских раннесредневековых городов Передней и Средней Азии¹, развитых областей Кавказа², в том числе и Дагестана³. Подобно им, он состоял из двух самостоятельных частей – кухендиза и шахристана, отражавших уровень социально-экономического и политического развития раннесредневекового Дербента.

Изучение раннесредневековых городов Прикаспийского Дагестана и всего Западного Прикаспия показало, что подобная схема сложения исторической топографии была присуща целому ряду наиболее значительных из них, возникших как крупные фортификационные сооружения на Прикаспийском пути: Беш-Бармак, Шабиран, Топрах-кала, Дербент, Семендер.

Начавшийся во второй половине VII в. период арабо-хазарских войн за обладание Дербентом неблагоприятно отразился на дальнейшем развитии города, его территориальном росте и застройке. С середины VII в. и до начала VIII в. роста обживаемой территории и развития застройки в топографии Дербента не отмечается.

¹ Бартольд В. В. К истории Мерва. – Соч., т. IV, М., 1966. С. 134, 139; Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. – ВДИ, № 4, 1951. С. 95–96; он же. К изучению прошлого Старого Мерва. – Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963. С. 5–16; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. – Тр. ИИАЭ, АН Каз. ССР, т. V, Алма-Ата, 1958. С. 66–72; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 16–20; Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 5–13, 163–254; Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С. 13–17.

² Марр Н. Я. Ани. С. 14–17; Кафадарян К. Город Двин... С. 170–180; Чилашвили Л. А. Город Рустави. С. 14–15; он же. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964. С. 21–28; 121; он же. Города феодальной Грузии. С. 172–189; История Азербайджана. Т. I. Баку, 1958. С. 133, 148; Ашурбейли С. Б. Очерки истории средневекового Баку. С. 61–63; Джидди Г. А. Крепость Гюлистан. Баку, 1967; он же. Шемаха-Йезидия и крепость Гюлистан. – МКА, Баку, 1973, т. VII. С. 325–330; он же. Средневековый город Шемаха. С. 40–43; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование городища Кабалы. – МКА, Баку, 1967, т. V. С. 45–50; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979.

³ История Дагестана. Т. I. С. 136–137; Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. С. 195–242.

2. Топография и городская структура Дербента в арабское время в VIII–X вв.

Стабилизация политической обстановки на Восточном Кавказе и в соседних регионах со второй половины VIII в. и экономический подъем этих областей, в связи с активизацией в VIII–X вв. волжско-каспийской торговли, самым благоприятным образом отразились на развитии Дербента.

Фортификационное строительство в Дербенте на этом этапе формирования топографии города не имело столь широких масштабов, как в предшествующую эпоху, и сводилось в VIII–X вв. в основном к восстановлению разрушенных участков городских стен, Горной стены и ремонтным работам по их поддержанию.

Ожесточенные арабо-хазарские войны и неоднократные штурмы города сказались на состоянии его оборонительной системы, отдельные участки которой разрушались во время военных действий и арабами, и хазарами¹.

Основные ремонтные работы по восстановлению фортификации Дербента были произведены в первой половине VIII в. арабским полководцем Масламой, который был назначен в 725/726 г. правителем Армении и Азербайджана и, по единодушным сообщениям арабских и кавказских авторов того периода, в 115 г. х. – 733/734 г. «вторично выстроил Дербент»², «исправил разрушенные места в городе и украсил его»³.

К этому времени надо относить перестройки отдельных участков южной стены города между воротами Баят-капы и Орта-капы, фрагменты кладки ее между воротами Кала-капы и Баят-капы, а также части восточной, западной и северо-восточной стен цитадели.

Фортификация города и Горная стена поддерживались в образцовом порядке на всем протяжении VIII–IX вв. и арабские халифы не жалели финансов на перестройки и ремонты дербентских стен. В тех случаях, когда казна халифа не имела средств для поддержания фортификации, изыскивались различные другие пути. Так, Я'куби сообщает, что халиф Мансур (первый халиф из династии Аббасидов), наученный горьким опытом борьбы с кочевниками и ролью в ней дербентской фортификации, не имея достаточно денег на их ремонт, собрал по тюрьмам 7 тысяч пленных и послал их укреплять Баб ал-абваб⁴. По данным ал-Куфи, это были не пленные, а 7 тысяч лучших храбрецов Сирии, ал-Джазиры, Ирака и «...каждый воин стоил нескольких»⁵.

Арабские наместники на Кавказе не только усиленно укрепляли Дербент, но и вели широкое гражданское и культовое строительство в городе.

В этот период в Дербенте появляются крупнейшее на Кавказе мусульманское культовое сооружение – Джума-мечеть и квартальные мечети (не менее 4–8), свидетельствующие о значительных размерах города и его многолюдности уже в первой половине VIII в.

Возросшее значение Прикаспийского торгового пути, небывалый расцвет морской торговли на Каспии и бурное развитие ремесленного производства оказали огромное влияние на территориальный рост города и формирование его топографии.

¹ История халифов... С. 28; Баладзори. Книга завоевания... С. 17.

² История агван... С. 261.

³ Баладзори. Книга завоевания стран. С. 17.

⁴ Я'куби. История. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 9.

⁵ Ахмад Ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 64.

Ибн Хаукал писал, что в этот период «в Арране нет города крупнее Барза'а, ал-Баба и Тифлиса»¹, а остальные многочисленные города Кавказа: Байлакан, Варсан, Бардидж, Шакки, Джанзан, Шамкур, Хунан – уступают по величине Баб ал-абвабу, который «богаче Ардебиля своими возделываемыми землями» и «больше Тифлиса»². Таким образом, уже к X веку Дербент предстает как крупнейший город Кавказа, превосходящий такие известные центры как Тифлис и Ардебиль, а последний в этот период был, по высказываниям арабских авторов, «самый крупный и превосходный город Азербайджана»³.

Исследования показали, что в основных чертах облик феодального города сложился в VIII–X вв. и именно в этот период сформировалась новая внутригородская топография средневекового Дербента.

VIII–X вв. отмечены бурным территориальным ростом и застройкой города, происходившими в пределах его межстенного пространства.

Академик В. В. Бартольд, исходя из сообщений арабского историка X в. ал-Истахри о размерах средневекового города, который в это время был больше Ардебиля и Тифлиса и всех остальных многочисленных городов Кавказа, уступавших «по величине Баб ал-абвабу», полагал, что домонгольский Дербент имел очень большой рабад (пригород). По его мнению, начиная с X в., каменные стены ограждали территорию самого города (шахристана), а часть города, лежащая вне этих стен (рабад), была окружена стенами «из обожженного кирпича и глины». Этот пригород, располагавшийся с южной стороны Дербента, «имел в длину и ширину две мили»⁴, т. е. 4 x 4 км (арабская миля – около 2 км).

Однако археологические исследования позволили проследить совершенно другую картину динамики роста и развития города, чем рисовалась она согласно принятой ранее в исторической литературе схеме сложения его топографии, основанной на сведениях ряда арабских авторов X в.

Раскопки показали, что в период VIII–X вв. произошло дальнейшее развитие обоих четко выделенных частей городской структуры Дербента, и главные изменения коснулись топографии его шахристана.

Цитадель выступает в структуре города, как и в предшествующий период, одной из важных частей Дербента. На первом этапе нового периода формирования топографии города ее застройка и территориальное развитие во многом совпадают с предшествующей сасанидской эпохой. Цитадель и в исследуемый период остается административным центром города, резиденцией правителя Дербента (в VIII–IX вв. наместника арабского халифа), местопребыванием его двора и гвардии. Как и в предшествовавшую эпоху, строения группировались в цитадели комплексами, основу которых составляли дворцовые сооружения правителя города.

Историческая топография цитадели складывалась на протяжении нескольких веков и комплексы дворцовых построек не раз меняли свое месторасположение и планировку.

¹ *Viae et regna*. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal. – BGA. II. Lagduni Batavorum. 1873. P. 242.

² *Viae regnorum*. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi fl-Istakhri. – BGA. I. Lugduni Batavorum. 1870. P. 184.

³ *Ibn Haukal*. *Viae et regna*. P. 242.

⁴ Бартольд В. В. Дербент. С. 422.

Изучение шести выявленных средневековых дворцовых комплексов Дербента, три из которых относятся к исследуемому периоду сложения феодального города в VIII–XIII вв., позволило составить представление об исторической топографии цитадели и определить места наиболее интенсивной застройки ее на разных этапах развития.

Комплекс дворцовых сооружений VIII–X вв. группировался в восточной части цитадели, служившей местом сосредоточения застройки еще в албано-сарматский и сасанидский периоды, а два дворцовых комплекса X – середины XIII вв. располагались в северо-западной части ее¹.

Раскопки в восточной части цитадели позволили выявить здесь крупный архитектурный комплекс, в основном из обработанного камня, со сложной многокомнатной планировкой. Стратиграфически в наложениях арабского времени, перекрывающих раннесредневековые культурные отложения V–VIII вв., удалось выделить два слоя, в основании каждого из которых лежал известковый пол толщиной 0,12–0,2 м. Известковые полы были выявлены по всей площади архитектурного комплекса и связаны с двумя этапами его обживания. Структурно нижний из двух слоев VIII–X вв. представляет собой довольно плотный желтоватый грунт с включением большого количества архитектурных остатков, керамики и других материалов. Толщина слоя достигает 0,4 м. Массовый керамический материал, включающий в себя образцы самой ранней поливной посуды Дербента, появление которой здесь датируется серединой VIII в.², и четыре раннеарабские монеты, две из которых определены как арабские дирхемы, чеканные в Васите в 127 г. х. (746/747) и в Армении в 153 г. х. (770 г.)³, позволяют отнести этот слой и связанный с ним первый известковый пол раннего этапа существования архитектурного комплекса к VIII – началу IX вв.⁴.

Второй выделенный слой арабского времени структурно представлял собой серый или серо-желтоватый грунт толщиной от 0,2 м до 0,4 м с включением архитектурных остатков, керамики и других материалов.

Поливная посуда, составляющая около 40 % керамического материала слоя, включает в себя изделия с подглазурной росписью окисью марганца по ангобному покрытию и росписью ангобом по непокрытому черепку, типичные в орнаментации поливной посуды памятников Закавказья, Переднего и Среднего Востока IX–X вв. Несколько медных монет с куфическими легендами плохой сохранности, обнаруженных в слое и на уровне второго известкового пола, относятся к этому же периоду⁵.

Восточный дворцовый комплекс, относящийся к VIII–X вв., сохранился хуже остальных, так как был сильно потревожен при возведении более позднего дворца Фет-Али-хана, под мощные фундаменты которого были отрыты глубокие траншеи. Вскрытие значительной части комплекса и исследования его отдельных участков

¹ Кудрявцев А. А. Работы Дербентской экспедиции. С. 106; он же. Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте. С. 13.

² Кудрявцев А. А. Поливная художественная керамика Дербента VIII–X вв. – В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 11–132.

³ Монеты определены М. Е. Массоном, приношу ему глубокую благодарность.

⁴ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982. С. 45.

⁵ Там же. С. 45–46.

стратиграфическими раскопками позволяет сказать, что он представлял собой внушительное сооружение, площадь которого составляла не менее 1500–1600 кв. м.

Исследованные строения представляют собой несколько смежных помещений, сгруппированных около длинного коридора, вытянутого с запада на восток более чем на 10 м. Размеры их 4 х 4 м, 4,8 х 4,8 м, 5,6 х 4,8 м и др. Стены в основном сложены из обработанного камня и плит, толщина их достигает 0,6–1 м, раствор известковый, хорошего качества¹.

Наряду с камнем, в кладке стен отмечено применение жженого кирпича, но в весьма небольших количествах². Обычно кирпич применялся при выкладке опорных колонн (в основном квадратного сечения), арочных сводов и перемычек, а также при отдельных ремонтных работах. Раскопки позволяют полагать, что в архитектуре этого дворцового сооружения применялись плоские клинчатые перемычки и стрельчатые арки, т.е. наиболее ранние формы клинчатых перемычек³.

Во вскрытой части дворцового комплекса удалось выделить помещения хозяйственного и жилого назначения. Жилые комнаты располагались в западной части комплекса, а хозяйственные – в восточной. Подобное расположение жилых и хозяйственных помещений отличает этот дворцовый комплекс от вышележащего позднесредневекового, в котором жилые и административные комнаты располагались в восточной части дворца.

Стены помещений покрывались белой гипсовой штукатуркой, иногда окрашенной в розоватый или желтоватый цвет, а в отдельных комнатах покрывались резным штукатуром.

Фрагменты штукатурки и штукатурной резьбы обнаружены пока только в жилых помещениях и это позволяет предположить, что стены хозяйственных помещений не покрывались. В жилых комнатах около стены или в углу имелся очаг, обычно напольного типа, и в виде ям, с обмазкой или специальной выкладкой, реже в виде камина. В хозяйственных помещениях широко применялись очаги типа тандира и ямные очаги с обмазкой или специальным керамическим бортиком. Здесь же имелись специальные ямы-хранилища с известковой обмазкой внутри.

Наличие каменных стволов и баз колонн диаметром до 0,3–0,4 м и кирпичных колонн квадратного сечения (0,4–0,5 х 0,4–0,5 м), фрагментов рухнувших арок и архитектурных деталей, характерных для стрельчатых сводов, а также исследования сохранившихся архитектурных памятников средневекового Дербента этой поры, позволяют полагать, что здесь широко применялись стрельчатые арки и своды, хотя, вероятно, определенная часть помещений имела перекрытие с плоской кровлей.

Широко применялись в конструкции дворца и деревянные колонны на цилиндрических или фигурных каменных базах диаметром до 0,3–0,35 м⁴. Отдельные части опорных столбов и каменные базы, служившие им опорой, украшались резьбой.

Возможно, что деревянные колонны применялись и в айванах, оформлявших внутренний двор дворцового комплекса.

Шахристан составлял вторую неотъемлемую часть структуры средневекового Дербента VIII–X вв. Стратиграфические исследования средневековых слоев го-

¹ Кудрявцев А. А. Отчет 1973 года. – РФ ИИЯЛ, № 394. С. 23–30; он же. Великий город на Каспии. С. 49–50.

² Там же. С. 13, 23, 27, 33.

³ Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента. – АН, 1972, № 20. С. 141.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки средневековых ханских дворцов... С. 12.

рода, проведенные на территории шахристана и за его пределами, показали, что в VIII–X вв. Дербент продолжал развиваться в границах своего межстенного пространства. Наиболее интенсивно обживалась верхняя часть города, включавшая в себя районы шахристана раннесредневекового Дербента, застроенные еще в сасанидский период, и его приморская часть, которая вместе с центральной входила в территорию новой застройки города VIII–X вв.

В культурных отложениях шахристана Дербента удалось выделить два слоя, относящихся к VIII – началу IX вв. и к IX–X вв. Структурно слой раннеарабского времени (VIII – нач. IX вв.) представляет собой плотный коричневатый или коричнево-желтоватый грунт, толщиной от 0,3 м до 0,45 м с большим включением архитектурных остатков, керамики, предметов вооружения, инвентаря.

Ниже Джума-мечети и в приморских районах Дербента культурные наслоения раннеарабского времени (VIII – нач. IX) не столь значительны по мощности и толщина их там не превышает 0,1–0,25 м. В центральной части города на ряде участков слой этого времени не был выявлен.

В VIII в. Дербент еще не вступил в полосу своего расцвета, несмотря на значительные меры, предпринимавшиеся арабами для подъема города, что было связано с целым рядом причин внутреннего и внешнего характера. Территориальное развитие и застройка города шли в это время не столь бурными темпами как в последующий период IX–X вв., когда он стал превращаться в крупнейший торгово-ремесленный центр. Широкое строительство, проводившееся арабами в VIII в., затронуло, в основном, верхнюю и приморскую часть Дербента.

Хронологические рамки периода отложения этого слоя помогают установить многочисленные материалы, обнаруженные в нем: предметы вооружения и украшения, поливная керамика, покрытая мутными полупрозрачными щелочными глазурями, типичными для изделий VIII–IX вв., серебряные и медные арабские монеты второй половины VIII века¹.

Второй слой арабского времени, выявленный почти на всей межстенной территории города, перекрывал отложения VIII – начала IX вв. Структурно он представлял собой коричневато-серый или серый слой толщиной до 0,4–0,7 м с очень большим включением самых разнообразных культурных остатков. Наиболее четко датирует этот слой поливная керамика, приемы орнаментации которой были типичны для ближневосточной и закавказской глазурованной посуды IX–X вв., что позволяет относить время отложения второго слоя к этому периоду². Подобная датировка второго слоя арабского времени подтверждается и другими многочисленными материалами: предметами украшения, вооружения, быта, импортными изделиями, медными и серебряными монетами конца VIII–X вв.³, наиболее ранние из которых, чеканенные в Двине, датируются 153 г. х. – (770 г.)⁴.

Стратиграфические исследования за пределами стен города, в том числе за южной стеной, где предполагалось нахождение рабада средневекового Дербента пока-

¹ Кудрявцев А. А. Поливная художественная керамика... С. 112–121; он же. Великий город на Каспии. С. 53–55.

² Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. С. 56–58.

³ Монеты слоя определялись М. Е. Массоном, Г. А. Федоровым-Давыдовым, М.-С. Саидовым, приношу им свою глубокую благодарность.

⁴ См.: Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 92.

зали, что в арабское время территория за пределами стен не обживалась¹. Изучение культурных напластований средневекового Дербента позволило проследить динамику территориального развития и роста города, в которой наметилась некоторая специфика и определенное отличие от сасанидского периода. С одной стороны, как и в предшествующий период, развитие города шло от древнего ядра, с запада на восток, от цитадели к морю, но в то же время обживались и приморские районы, и территориальный рост Дербента шел также с востока на запад, от моря к цитадели. Бурное территориальное развитие Дербента IX–X вв. способствовало тому, что, хотя внешне город сохранил свою двухчастную структуру и основной рост его шел за счет широкой застройки обширной межстенной территории, здесь намечается выделение двух обособленных частей. Эти части города были четко выделены поперечной и городскими стенами Дербента. Более древняя часть города, включавшая территорию от цитадели и до Джума-мечети, сохранила свое значение и продолжала развиваться как шахристан средневекового Дербента. Новая городская территория, включавшая районы от Джума-мечети до моря, стала постепенно превращаться в самостоятельную часть города, где концентрировалось ремесленное производство Дербента, и селился его городской люд, т. е. здесь начал формироваться рабад.

Шахристан включал в себя наиболее древние районы средневекового Дербента, планировка которых сложилась еще в VI – начале VIII вв. и потому сохранила основные черты упомянутых кварталов сасанидского времени.

Эти районы города в начале VIII в. были заселены первыми арабскими переселенцами, представители родоплеменной верхушки которых превратились в IX–X вв. в крупных городских аристократов-раисов, игравших огромную роль в торгово-экономической и политической жизни города. Именно в этих верхних районах Дербента в период VIII–X вв. формируется ядро средневекового города – шахристан, его торговый, общественно-политический и культурный центр, сложившийся на базе раннесредневекового города, и влияние этой части города на развитие мусульманского Дербента очень велико.

Вся общественно-политическая и торговая жизнь города концентрируется в шахристане, где группируются торговые ряды и базарные площади Дербента, его общественно-бытовые и культовые постройки. Во многих городах Средней Азии и Ближнего Востока в IX–X вв. шахристаны в значительной мере теряли свое значение или приходили в запустение и центр городской жизни смещался в рабады, которые обносились новыми стенами и превращались во внешний город². В Дербенте эти

¹ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. и др. Новые данные... С. 13–14; Кудрявцев А. А. Территориальное развитие... С. 9–10.

² Бартольд В. В. Берда'а. – Соч. М., 1965, т. III. С. 372; он же. Кеш. – Соч. М., 1965, т. III. С. 460; он же. К истории Мерва. С. 172–195; Якубовский А. Ю. Феодалное общество... С. 4–5; он же. Главные вопросы... С. 7–13; Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана, т. I. С. 204–238; Массон М. Е. К периодизации... С. 166; он же. Новые данные... С. 95–96; он же. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. – Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, т. XIII, 1966. С. 17–55; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. С. 143–145; она же. Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 98–99; Атеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов... С. 72; Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955; История Самарканда, т. I. С. 146–147; Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 166–255.

процессы происходили внутри шахристана. Здесь складывались привилегированная и торговая части города, формировались его жилые кварталы, появлялись площади и базары, общественные здания и культовые сооружения¹. Центрами общественной жизни города становятся базарные площади, вокруг которых группируются торговые ряды, караван-сарай, мечети, общественные здания и дома городской знати. Археологические раскопки, данные письменных источников и изучение исторической топографии позднесредневекового города дают основание полагать, что подобным торгово-экономическим и культурным ядром средневекового Дербента являлись базарные площади в районе Джума-мечети и Кильса-мечети. Так, автор X в. ал-Мукаддаси сообщает, что главная мечеть «стояла в середине базарных площадей», а рядом с ней находился фонтан².

В определенной мере этот район становится и административным центром, и сюда переносятся и административным центром, и сюда переносятся общественно-политические учреждения. В «Тарих Баб ал-абваб» говорится о «правительственном здании»³ в городе, куда был заключен уведенный из цитадели шестнадцатилетний эмир Маймун. Представляется вероятным, что появление подобного административного здания⁴ в самом городе, где эмир принимал «клятвы на верность» от «знатных людей города»⁵, являлось показателем сильно возросшего политического влияния раисов и усиления значения шахристана, как административного центра города.

Представление о торгово-общественном и культурном центре средневекового Дербента дают монументальные архитектурные памятники, сохранившиеся на территории шахристана до наших дней и исследованные в ходе археологических раскопок в этом районе.

Наиболее крупным сооружением в архитектурном ансамбле дербентского центра являлась Джума-мечеть, стоявшая «в середине базарных площадей». В исторической литературе нет единого мнения о времени возникновения и первоначальном назначении этого сооружения⁶. Однако, не касаясь в данном разделе этого спорного вопроса⁷, можно сказать главное, уже в VIII в. это было крупнейшее культовое мусульманское строение не только в Дербенте, но и на всем Кавказе.

Стратиграфические исследования⁸, проведенные на всем пространстве между северной и южной стенами в районе Джума-мечети, выявили здесь значительную территорию, застроенную торговыми и общественными зданиями в VIII–X вв., что подтверждает сообщение ал-Мукаддаси о расположении главной мечети в середине базарных площадей.

С запада и юга «базарные площади» окружали общественные сооружения, причем, с южной стороны сюда примыкали и жилые строения. С востока площадь примыкала к поперечной стене города, а с севера к незастроенному околостенному пространству. Среди общественных зданий особое положение занимали караван-сарай,

¹ Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 203–208.

² Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания климатов. С. 9.

³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 68–69, 73.

⁴ Дословно «дар ал-имара», т. е. резиденция в нижнем городе.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 68.

⁶ Артамонов М. И. Древний Дербент. С. 141–143; Хан-Магомедов С. О. Джума-мечеть в Дербенте. – СА, 1970, № 1. С. 211–214.

⁷ Подробнее о Джума-мечети см. в гл. «Культура».

⁸ Кудрявцев А. А. Отчет 1971 года. – РФ ИИЯЛ, № 345. С. 3–67.

складские помещения и водохранилища. Так, еще в первой половине XVII в. в районе базарной площади сохранилось три караван-сарая, причем, один из них представлял собой внушительное, квадратное в плане, сооружение размером около 50 x 50 м с большим внутренним двором. Представляется вероятным, в IX–X вв., т. е. в период расцвета морской и сухопутной торговли Дербента здесь могло находиться значительно большее количество подобных сооружений и они имели еще более внушительные размеры.

С восточной стороны к площади примыкало несколько зданий общественно-хозяйственного назначения, среди которых выделяются наиболее хорошо сохранившиеся складское помещение и водохранилище. Первое представляет собой длинное прямоугольное сооружение, вытянувшееся с севера на юг почти на 40 м. Массивные стены его сложены из крупных каменных плит, скрепленных известковым раствором. Возможно, это сооружение является одним из складов, построенных, по сообщениям арабских авторов, Масламой б. Абд ал-Маликом в VIII в.

Рядом с ним было выявлено крупное водохранилище¹ прямоугольной формы, ориентированное продольной осью на восток-запад, что отличает подобные сооружения Дербента от большинства общественных и жилых зданий города, вытянутых по оси север-юг. Подобная ориентировка водохранилищ была связана со спецификой местной системы водоснабжения. Цистерна имела массивные каменные стены толщиной до 1,5–2 м и достигала в длину 17,4 м, при ширине 7,4 м и высоте более 10 м. Подобно большинству монументальных сооружений города этого периода, она была перекрыта мощным стрельчатым сводом, укрепленным четырьмя стрельчатыми арками, опирающимися на массивные прямоугольные выступы. Помимо люков в своде водохранилища имелась каменная лестница в северной его стене.

К западу и востоку от базарных площадей были сосредоточены большие бани, типичные для подобных сооружений средневекового Востока, перекрытые купольными и стрельчатыми сводами. Три средневековые бани сохранились в этом районе и до наших дней.

В южной и юго-западной части этого района располагались жилые кварталы, большая часть выявленных домов которых отличается значительными размерами, качеством строительных материалов, богатством интерьера и инвентаря. Исследованные здесь строения и особенно богатое кирпичное здание VIII–XIII вв.² позволяют составить представление о жилищах городской феодальной верхушки – «раисов».

Здание имело прямоугольную форму и было вытянуто с юга на север, длина его более 25 м, ширина 8,3 м. Вход был с восточной стороны, здесь же, видимо, имелась открытая галерея типа айвана. Стены возведены из жженого кирпича размером 27–29 x 27–29 x 5 см, скрепленного известковым раствором очень высокого качества. Толщина стен достигает 1,2–1,3 м, при сохранности в высоту до 2,5–3 м. В здании было вскрыто четыре уровня известковых полов различной толщины, от 5–6 см до 20–25 см, связанных с четырьмя этапами обживания здания в VIII–XIII вв.³ Внутри здания стены были покрыты прекрасным резным шtukом. Следует отметить,

¹ Кудрявцев А. А. Водоснабжение древнего Дербента. – РФ ИИЯЛ, № 430. С. 10–11; он же. Сложение... С. 205–206.

² Кудрявцев А. А. Раскопки в Дербенте. – АО – 1972, М., 1973. С. 132–133; он же. Раскопки богатого здания... С. 74–103.

³ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 74–103.

что подобным же образом были оформлены стены еще трех домов, исследовавшихся в этом районе. Находки настенной штукатурки резьбы в жилых зданиях шахристана являются уникальными для декоративного оформления стен средневековых памятников гражданской архитектуры на Северном и Северо-Восточном Кавказе. Дербент пока единственный во всем регионе памятник, где резной штукатуркой широко применялся при оформлении не только культовых, но и бытовых сооружений.

Внушительные размеры здания и материал, из которого оно было возведено, его интерьер и конструктивные особенности, богатство обнаруженного здесь инвентаря и предметов роскоши позволяют говорить об очень высоком социальном положении обитателей этого здания в структуре местного феодального общества. По местным преданиям, здесь жил «эмир» магала («махалла»), видимо, представитель крупной городской аристократии, именуемой в источниках «раисами».

Исследования показали, что торговый и культурный центр феодального Дербента начал складываться еще в первой половине VIII в. (Джума-мечеть, богатые здания, склады и другие сооружения) и в основных чертах оформился к X веку, хотя некоторые перестройки и изменения происходили в нем и позднее.

Изучение позднесредневековых планов Дербента показало, что вплоть до периода XVII – нач. XVIII вв. его торгово-экономический и общественно-культурный центр сохранял свое значение в топографии города и территориальную привязку.

В результате археологических исследований было установлено, что территория шахристана города от Джума-мечети до цитадели в VIII–X вв. была местом обитания наиболее привилегированной части населения Дербента¹. В основном именно здесь располагались большие, выстроенные из тесаного камня или жженого кирпича дома представителей феодальной знати и зажиточных горожан (жилая площадь таких построек достигала более 200–300 м²), торговые и административные сооружения, «правительственные здания», культовые и общественные постройки, водохранилища. Следует отметить наличие здесь развитой системы водоснабжения с многочисленными водоемами и фонтанами, украшенными, по сообщениям арабских источников IX–X вв., декоративными деталями и скульптурными изображениями людей и зверей².

Территория средневекового города от района Джума-мечети и до моря в IX–X вв. была обжита уже полностью, но застроена не везде с одинаковой плотностью, менее интенсивно в центральной части.

Территория города, расположенная ниже Джума-мечети, была застроена в основном домами, возведенными из бутового камня на глиняном растворе. В подавляющем большинстве дома представляли собой небольшие однокамерные или двухкамерные строения, площадью до 20–40 кв. м., хотя иногда отмечены и более крупные строения до 50–60 кв. м. Дома имели прямоугольную или квадратную, нередко асимметричную планировку и были вытянуты обычно по оси север-юг, стены их сложены из бута крупного и среднего размера (мелкий бут в архитектуре этого времени почти не отмечен), скрепленного, как правило, глиняным раствором³. Толщина стен достигает 0,4–0,8 м, фундаменты под стенами зачастую отсутствовали и камни были уложены прямо на выровненную поверхность земли. Кровля домов, очевидно, в основном была плоская, с деревянным перекрытием и кирово-земляным покрытием,

¹ Кудрявцев А. А. Территориальное развитие и застройка... С. 9–10; он же. Сложение... С. 206–209.

² Якуби. История. С. 6; Ибн ал-Факих. Книга о странах. С. 25–26.

³ Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 209–210.

хотя находки в некоторых раскопах нижней части города (приморской) фрагментов керамической черепицы позволяют предполагать и другой тип кровли, с применением обрешетки. Остатки кирового (нефтепродукт) покрытия крыш, обнаруженных при раскопках, свидетельствуют, что, подобно традиционным плоскокровельным домам современных дербентских магалов, расположенных в древней части города, крыши средневековых домов покрывались уплотненной глиной, а сверху заливались киром. Полы в жилищах устраивались глинобитные, редко с известковой обмазкой. У дверных проемов иногда отмечены пороги из каменных плит и пяточные камни.

Наряду с жилыми строениями в нижней части города отмечены остатки ремесленного производства: шлаки, орудия труда ремесленников, керамические отвалы, бракованные изделия, развалы печей и остатки производственных помещений¹.

И если в слое VIII – начале IX вв. находки следов ремесленного производства не очень многочисленны, то для периода IX–X вв. количество их резко возрастает. Именно с расцветом ремесла и торговли (особенно международной) надо связывать бурный рост застройки средневекового города в IX–X вв. В VIII – начале IX в. для большинства городов Кавказа и сопредельных регионов еще не завершился период застоя и упадка, связанный с общим социально-экономическим кризисом ранне-средневекового города и последствиями арабских завоеваний². Дербент, хотя и был превращен арабами в этот период в крупнейший военно-политический центр Восточного Кавказа, не смог еще развиваться столь бурными темпами, как в IX–X вв., что и нашло отражение в его территориальном росте. На период IX–X вв. приходится расцвет городской жизни многих известных городов Кавказа и Средней Азии³.

То обстоятельство, что наряду с традиционным территориальным развитием Дербента от цитадели к морю, характерным для раннесредневекового периода, в VIII–X вв. город стал расти и за счет застройки приморских районов, надо связывать с активизацией морской торговли на Каспии и с превращением Дербента в главный торговый порт.

¹ Кудрявцев А. А. Территориальное развитие и застройка... С. 10–11; он же. Археологические данные о социальной топографии... С. 28.

² Аракелян Б. Н. Города Армении в IX–XIII вв. – Автореф. ...дис. докт. ист. наук. Ереван, 1954. С. 5–7; Цинцадзе В. Тбилиси. Тбилиси, 1958. С. 77; Ваидов Р. М. Мингечаур в III–VIII вв. Баку, 1961. С. 99; Чилашвили Л. А. Города феодальной Грузии. С. 172–177; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры... С. 143; Массон М. Е. Средневековые торговые пути... С. 17; Губаев А. Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане. – Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1967. С. 4–7; Сюсюмов М. Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. – В кн.: АДСВ, Свердловск, 1965, вып. 3. С. 8; Медведев И. П. Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города. – В кн.: АДСВ, Свердловск, 1969, вып. 6. С. 79–90; он же. Мистра. Л., 1973. С. 10.

³ Чилашвили Л. А. Город Рустави. С. 14–19; История Азербайджана, т. I. С. 133, 148; Шарифли М. Х. Азербайджан в IX–XII вв. – Труды ИИАН Азерб. ССР, Баку, 1957, т. XII. С. 44, 92–93; Аракелян Б. Н. Города и ремесла Армении IX–XIII вв. I. С. 177 и сл.; Чилашвили Л. А. Города феодальной Грузии. С. 180–185; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. С. 93–95; Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха. С. 113–114; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 351; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории... С. 72; Белецкий А. М. и др. Средневековый город... С. 166–210.

3. Территориальный рост и развитие города в конце X – сер. XIII вв.

Новый этап сложения топографии города, пришедшийся на X – середину XIII вв., не внес принципиальных изменений в структурное и территориальное развитие Дербента. Основная застройка города была сосредоточена на территории его огромного межстенного пространства площадью 150 га, где все больше обособливались две ее части: верхняя и нижняя, разделенные поперечной стеной.

В отличие от предшествующих периодов, данный этап не был отмечен широкими фортификационными работами, и в X – середине XIII вв. основные усилия дербентских правителей сводились к укреплению лишь отдельных участков цитадели и южной стены, что не внесло особых изменений в уже полностью сложившуюся фортификационную систему города. Разгром Хазарского каганата и усиление Ширвана, резкое обострение ширвано-дербентских отношений способствовали смене ролей северной и южной городских стен в обороне Дербента. Угроза с севера в этот период значительно ослабевает, а постоянные притязания ширваншахов на престол дербентских эмиров перемещают основную военную опасность на юг, что возвышает роль южной стены, до сих пор имевшей в обороне города второстепенное значение. В это время значительно укрепляются ворота южной стены, фланкирующим башням которых отводится важная роль в обороне всей стены. Перестройке подвергаются ворота Орта-капы, у которых уменьшается проем, появляется новая башня-бастион у ворот Кала-капы. Значительные изменения произошли в этот период в топографии города, где четко оформились три основные части городской структуры: цитадель, шахристан, рабад.

Цитадель в конце X – середине XIII вв. Основные перестройки в оборонительной системе Дербента X–XIII вв. коснулись цитадели. Постоянная борьба эмира с феодальной верхушкой города, нередко опиравшейся на военно-политическую поддержку ширваншахов, привела к тому, что дербентским правителям пришлось превращать свою резиденцию – цитадель – в неприступную крепость, своеобразный феодальный замок. С конца X в. цитадель города выделяется в самостоятельную часть фортификации Дербента, способную вынести длительную осаду не только со стороны внешних врагов, но и со стороны внутренних противников, обитавших в самом Дербенте, а точнее в верхней части его шахристана.

Это привело к тому, что цитадель, и без того являвшаяся одной из наиболее хорошо защищенных частей города, была дополнительно укреплена мощными полуовальными башнями-выступами, расположенными в местах стыка городских стен со стенами цитадели.

Мощные, далеко вынесенные, башни-выступы полностью контролировали подход к восточной (обращенной в сторону города) стене цитадели, фланкируя ее с севера и юга, а центральная часть была усилена полукруглой башней диаметром около 5 м. Южная стена цитадели, ставшая с конца X в. самой опасной и наиболее уязвимой в военном отношении (здесь отсутствуют естественные преграды: крутые склоны холма и глубокие ущелья), была дополнительно укреплена полуовальной, далеко вынесенной башней-выступом, шириной около 6 м, при выносе башни до 11 м.

Помимо этого, с южной стороны цитадели был сооружен значительный ров, остатки которого хорошо прослеживаются до настоящего времени. «Тарих Баб ал-абваб»

упоминает о рве у стен цитадели и относит его сооружение к 1068 г.¹ Ров начинался у юго-западного угла цитадели, защищенного мощной квадратной башней, с примыкавшим к ней участком Горной стены, и тянулся с запада на восток до крутого восточного склона холма. Глубина рва достигает сейчас до 3–4,5 м, при ширине 5–7 м.

В период X–XIII вв. цитадель Дербента продолжает играть роль самостоятельной части структуры феодального города, резиденции дербентских правителей, его административного центра. Здесь находятся двор эмира, его канцелярия и личная гвардия, именуемая в источниках гулами и состоявшая порой из наемников, нередко даже немусульманского вероисповедания (например, русы). Как это ни парадоксально, но дербентский эмир, глава правоверных мусульман, опора ислама и один из главных «борцов за веру», предпочитал отгородиться от своих мятежных собратьев «по борьбе» крепчайшими стенами цитадели и мечами наемных гуламов-русов, тех самых «неверных», против которых он должен был бы прежде всего бороться. Однако политическая борьба в городе в этот период достигала такого накала, что для сохранения своей власти дербентские эмиры – мусульмане вынуждены были нередко искать помощи против своих правоверных мятежных раисов у русов или правителей Серира, Кайтага и других немусульманских областей Дагестана. Отзвуки этой политической борьбы и возросшей опасности со стороны Ширвана нашли отражение в исторической топографии цитадели, в усилении отдельных участков ее стен и в изменении территориальной концентрации дворцовой застройки. Дворцовые сооружения правителей города переносятся из восточной части цитадели в северо-западную.

Северо-западные дворцовые сооружения, бытовавшие в X–XIII вв., включают в себя два архитектурных комплекса, относящихся к двум разновременным строительным периодам². Более ранний из них датируется X – началом XII вв., а другой, вышележащий – XII–XIII вв.³

В культурных напластованиях цитадели, связанных со вторым этапом формирования ее исторической топографии, стратиграфически выделяются два слоя. Нижний слой представляет собой структурно рыхлый серый грунт толщиной от 0,6 м до 1 м, с большим включением архитектуры, керамики и других остатков. Нижний слой связан со временем бытования первого дворцового комплекса. Наличие среди материалов этого слоя значительного количества гравированной керамики, появившейся в XI в., и монет второй половины X–XI вв. позволяет датировать слой концом X – началом XII вв.⁴ Верхний слой достигал толщины 0,4–0,7 м и представлял собой структурно плотный желтовато-серый грунт с большим включением строительных остатков, керамики, металлических, стеклянных изделий и других предметов, относящихся к XII–XIII вв.⁵ Анализ многочисленного керамического и нумизматического материала позволяет датировать слой XII – первой половины XIII вв.⁶ Хронологически он связан со временем бытования второго дворцового комплекса.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 61.

² Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 199–211.

³ Кудрявцев А. А. Сложение... С. 190–211; он же. Исследования в древнем Дербенте. С. 134; он же. Великий город... с. 90.

⁴ Кудрявцев А. А. Работы Дербентской экспедиции. С. 106; он же. Великий город на Каспии. С. 90.

⁵ Там же.

⁶ Кудрявцев А. А. Сложение... С. 119–211; он же. Работы... С. 106.

Северо-западный дворцовый комплекс X – начала XII вв. представляет собой большое многокомнатное строение с рядом смежных помещений жилого и хозяйственного назначения, общей площадью не менее 700–1000 кв. м.

Выявленная планировка комплекса позволяет полагать, что он представлял собой П-образное строение с внутренним двором, примыкавшее к северо-западной стене цитадели. Подобную планировку, с внутренним изолированным двором, имела главная часть дербентского дворца Фет-Али-хана, средневековые дворцовые сооружения в восточной части цитадели и многие архитектурные комплексы позднефеодалного периода¹.

В западной части комплекса было вскрыто три смежных прямоугольных помещения, вытянутых по продольной оси строения, имеющих следующие размеры: 6,5 x 5 м, 4,5 x 5 м (вскрыто частично). По одному крупному помещению (более 30 кв. м каждое) было вскрыто в южной и северной частях комплекса. Стены комплекса достигают ширины 1,4–1,5 м и сложены на известковом растворе из прекрасно обработанных плит размерами 0,9–1,3 x 0,6–0,7 x 0,25–0,4 м, применялись и более вытянутые плиты типа брусков размерами 0,7–1,05 x 0,3–0,4 x 0,25–0,35 м².

Помещения дворцового комплекса группировались вокруг прямоугольного двора, протяженность которого с севера на юг равнялась около 10 м, а с запада на восток не менее 7 м (вскрыто частично).

Стены помещений были покрыты гипсовой штукатуркой, а в северо-западном зале – штукатуркой с резной резьбой. Широко применялись в архитектуре дворцового сооружения клинчатые перемины и стрельчатые арки, о чем свидетельствуют многочисленные находки замковых клинчатых камней, отдельных деталей и фрагментов этих конструкций. Находки многочисленных каменных баз колонн круглого, квадратного, многоугольного сечения, а иногда усеченно-конической или пирамидальной форм, позволяют полагать, что в архитектуре дворца использовались деревянные колонны, фрагменты которых были обнаружены при раскопках. Помимо залов дворцовых помещений они применялись в айванах, оформляющих внутренний двор.

Второй северо-западный дворцовый комплекс XII–XIII вв. представляет собой большое многокомнатное сооружение, планировка которого в основном точно повторяет планировку нижележащего комплекса, послужившего для него основанием, но стены его, в отличие от нижележащих, выложены в западной части дворца отдельными участками³.

Стены сооружения были возведены из жженого кирпича размером 0,2–0,2–0,045 м, уложенного на известковом растворе высокого качества (следует отметить, что прочность раствора значительно больше прочности кирпича). Ширина наружных контурных стен сооружения достигает 1,4 м, ширина участков внутренних стен – 0,8–1,2 м. Промежутки между отдельными участками стен второго архитектурного комплекса были заложены бутовой кладкой в послемонгольское время, когда все сооружение из жженого кирпича было включено в постройки более позднего дворца XIV–XV вв.

Ряд помещений второго архитектурного комплекса, хотя и имеет планировку, аналогичную западным комнатам первого дворца, но весьма своеобразен пол (он значительно отличается от полов из плит и кирпича других помещений), обнаружен-

¹ Хан-Магомедов С. О. Ханский дворец в Дербенте. – ПК, 1961, № 3. С. 163; рис. 4; С. 170–171; рис. 9–10.

² Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 199–200.

³ Там же.

ный в юго-западном помещении комплекса на отметке 2,53–2,55 м. Он состоял из тщательно уложенных больших каменных плит размерами: 1,05 x 0,6 x 0,2–0,35 м, 1 x 0,6 x 0,25 м, 0,9 x 0,6 x 0,3 м, 0,5 x 0,6 x 0,3 м¹ и др. Северный и центральный участки пола сильно обожжены, а в южной части помещения в двух плитах имелось пять круглых углублений диаметром 5–6 см, лежащих на одной оси, ориентированной строго с востока на запад. Не исключено, что эти отверстия могли использоваться при магических обрядах и гаданиях или служили для установки каких-то средневековых астрономических приборов. При подобной постановке вопроса становится объяснима своеобразная конструкция стен помещения.

Монументальность и внушительные размеры вскрытых в цитадели сооружений, их конструктивные особенности и планировка, богатство обнаруженных здесь предметов быта и украшений, среди которых в большом количестве встречается парадная керамика, сосуды со сложнейшим штампованным и гравированным орнаментом, высококачественные стеклянные изделия, многочисленные предметы вооружения, а также дорогостоящий импорт, включающий ювелирные и костяные поделки, редкие сосуды из китайского селадона и фарфора, ближневосточную алебастровую, кашиновую и фаянсовую посуду² – все это не оставляет сомнений в назначении вскрытых архитектурных комплексов и в социальной принадлежности их обитателей.

Раскопки позволили установить, что изменения, произошедшие в топографии цитадели, в ее внутренней планировке и в формировании дворцовой застройки, переместившейся в северо-западную часть, надо связывать с бурными историческими событиями в этот период, характеризовавшимися острой политической борьбой дербентских эмиров с ширваншахами и местной городской знатью, в результате которой наиболее безопасным районом цитадели стала ее северо-западная часть.

Шахристан и рабад Дербента X – середины XIII вв. претерпели в процессе своего развития значительные изменения, что было связано со спецификой их роста и формирования, обусловленной наличием огромной межстенной территории.

В исторической литературе получило распространение мнение о том, что Дербент после X в., т. е. в период, выделенный нами как второй этап формирования исторической топографии города, стал бурно развиваться за счет застенной территории, составившей его пригород-рабад³. Эта территория, располагавшаяся, по мнению В. В. Бартольда, за южной стеной города, была ограждена кирпичными стенами и достигала 16 кв. км.⁴

Раскопки и наблюдения при земляных работах строителей, однако, показали, что территория, прилегающая к стенам города с севера, в средневековый период не обживалась совсем, а с юга обживались лишь отдельные участки у стены от ворот Орта-капы до центральной части города⁵. Но ни по своим размерам, ни по интенсивности обживания, эти застенные участки Дербента не могут быть сопоставлены с его предполагаемым рабадом – главным компонентом структуры средневекового восточного города, составлявшим основу его территории и застройки.

¹ Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 202.

² Там же.

³ Бартольд В. В. Дербент. С. 422.

⁴ Там же.

⁵ Кудрявцев А. А. и др. Новые данные об исторической топографии Дербента. С. 14–15; Кудрявцев А. А. Исследования в Дербенте. С. 126; он же. Территориальное развитие и застройка... С. 10.

Это позволило усомниться в правомерности выдвинутой в исторической литературе (в основном на базе изучения нарративных источников) схемы формирования топографии и структуры Дербента X–XIII вв., основу которых по ней должна была составлять огромная застенная территория города – его рабад. Однако археологические исследования опровергли утвердившееся в историографии мнение о существовании у Дербента огромного застенного рабада и этот важный факт оказывается был отмечен в трудах целого ряда арабских и европейских средневековых путешественников, побывавших в Дербенте в XI–XIII вв., т. е. в период наибольшего расцвета города, когда по выдвинутой схеме основная территория его располагалась за пределами стен.

Так, посетивший Дербент между 1131–50 гг. известный путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал о размерах города: «он длинный – от горы до моря расстояние трех фарсахов, а ширина его – полет стрелы, и есть у него железные ворота»¹. Протяженность города в три фарсаха (фарсах – «парасанг» составлял около 5–6 км), приводимую ал-Гарнати, надо очевидно принимать вместе с укреплениями Горной стены, воспринимавшимися арабскими авторами как одно целое с Дербентом, но нам здесь важна ширина города «полет стрелы», т. е. расстояние между его каменными стенами. В дальнейшем многие путешественники будут отмечать диспропорцию между длиной и шириной города, но сведения ал-Гарнати особенно важны, так как относятся к Дербенту до монгольского нашествия, к периоду его расцвета. Не сообщает о пригороде и Ибн-ал-Азрак, посетивший Дербент в 1154 году с грузинским царем Дмитрием. А посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу, монах Вильгельм Рубрук, посетивший Дербент в 1254 г., т. е. вскоре после взятия его монголами (1239 г.), писал, что «он имеет длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня»². Представляется вероятным, что если бы даже монголы при штурме Дербента (о чем нет ни археологических, ни письменных данных), Рубрук бы отметил это обстоятельство, так как за пятнадцать лет, прошедших после захвата монголами города, каменные строения рабада не могли исчезнуть. Ведь в более позднее время венецианский дипломат Амброзио Контарини, посетивший Дербент в 1475–76 гг., сразу отметил, что в необживаемой к этому времени приморской части города «со стороны моря почти все здания разрушены»³. Данные, аналогичные сведениям ал-Гарнати и Рубрука, приводит Закария Казвини (XIII в.), сообщивший, что город имел в длину 2/3 фарсаха, а в ширину простирался только на полет стрелы⁴.

Таким образом, археологические раскопки и данные письменных источников опровергают сложившееся в исторической литературе мнение о наличии в городской структуре Дербента в период X–XIII вв. крупной застенной территории обживания размером 4 x 4 км, и не дают пока никаких оснований считать возможным существование у города огромного рабада за пределами стен. Однако эта важнейшая часть структуры почти всех значительных городов средневекового Востока, Кавказа

¹ Путешествие Аб-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публ. Большакова О. Г., Монгайт А. Л., Л., М., 1971. С. 24.

² Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 170.

³ Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961, т. I. С. 92.

⁴ Бартольд В. В. Дербент. С. 426.

и других регионов¹ получила дальнейшее развитие и в топографии Дербента конца X – середины XIII вв.

Шахристан, сложившийся в VIII–X вв. в верхней части города, на втором этапе формирования средневекового Дербента, в основном сохранил свою внутригородскую планировку и застройку. Монументальные сооружения культового и общественного назначения: многочисленные квартальные мечети (в том числе соборная Джума-мечеть), крупные складские помещения, бани, караван-сарай, водохранилища, а также крупные жилые здания городской знати, массивные стены которых были возведены «на века», продолжали функционировать и в XI–XIII вв.²

Рабад. Многолетние исследования, проводившиеся на территории города от района Джума-мечети до моря, позволили установить, что вся она активно обживалась в период X–XIII вв. Культурные напластования домонгольского времени, выявленные здесь, достигают до 2 м толщины³.

Здесь удалось проследить два слоя, относящихся ко второму этапу формирования топографии средневекового Дербента, обильно насыщенных архитектурными остатками жилого и ремесленно-производственного назначения, керамикой, фрагментами изделий из стекла, камня, металла и другими предметами, датируемыми в основном концом X – серединой XIII вв. Материалы, обнаруженные в этих культурных отложениях и несколько медных монет X–XIII вв. из них, позволяют относить более ранний, нижний слой к концу X – началу XII вв., а верхний – к XII – середине XIII вв.⁴

Вся межстенная территория города была весьма плотно застроена, особенно верхняя часть, территории, прилегающие с востока к Джума-мечети и к воротам Даш-капы и Енги-капы в центре, а также приморская часть у северной стены.

Плотность застройки здесь столь велика, что культурные слои этого времени были отмечены даже на поверхности сырцово-глиняной стены сасанидского периода, сохранившейся в приморской части города⁵.

Наряду с территориальным ростом и застройкой города, на данном этапе формирования топографии Дербента было отмечено дальнейшее развитие его структуры.

Шахристан продолжал играть активную роль в социально-экономической жизни Дербента X – середины XIII вв., но основное развитие в этот период шло в его нижней части, отделенной от шахристана поперечной стеной. Здесь концентрировалось все ремесленное производство Дербента и обитал его торгово-ремесленный люд, составляющий основу населения города, и это деление носило не только территориальный, но и ярко выраженный социально-экономический характер.

¹ Бартольд В. В. Ани. – Соч., М., 1965, т. III. С. 328–329; он же. Берда'а. С. 372; он же. Бухара. – Соч., М., 1965, т. III. С. 380; он же. К истории Мерва. С. 172–195; Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 210; Иессен А. А. Городище Оренкала. – МИА, 1959, 67. С. 33–50; Аракелян Б. Н. Города и ремесла Армении в IX–XIII вв. Ереван, 1958; Атаев Д. М. Аркаское городище – памятник раннесредневекового Дагестана. С. 11–16; Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище. С. 125–126; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. С. 78–86; Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха. С. 43–44, 144; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Каргер М. К. Древний Киев. Т. I, М.-Л., 1958.

² Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии... С. 205–211.

³ Кудрявцев А. А. и др. Новые данные... С. 14.

⁴ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. С. 101–104.

⁵ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. С. 88–89.

Именно в этой части города были выявлены при археологических исследованиях остатки керамических мастерских, стеклоплавильных печей, горнов, многочисленные шлаки, отвалы, орудия труда ремесленников. Керамические мастерские, включавшие остатки каменных производственных помещений и от 2 до 4 круглоплановых печей, были выявлены в основном у южной городской стены, в районе между воротами Орта-капы и Енги-капы¹.

Любопытно отметить, что каждая из трех обнаруженных гончарных мастерских производила только определенные виды керамических изделий, а именно глубокие поливные чаши с носиками, чаши-блюда, узкогорлые кувшины: сфероконусы и стандартные небольшие чаши, т. е. отмечена явная специализация мастерских. Сосредоточение мастерских у южной стены Дербента свидетельствует, что этот район являлся местом концентрации керамического ремесла города. Еще один район концентрации остатков ремесленного производства был выявлен в нижней части города у северной стены. Здесь были обнаружены многочисленные металлические шлаки, крицы, бракованные изделия из черных и цветных металлов, застывшие куски и потеки металла, заготовки, остатки горна и сопельных трубок, орудия труда ремесленников².

Стеклоплавильная печь этого времени, заполненная застывшей стекломассой, и остатки стеклодательного производства были зафиксированы к югу от территории концентрации гончарного производства. Следы разнообразного ремесленного производства, многочисленные шлаки, бракованные изделия, развалы печей, предметы печного припаса, помимо выявленных мест концентрации отдельных видов ремесла, были отмечены и в других районах этой части города³.

Судя по характеру застройки и выявленным находкам, здесь в отличие от шахристана, где были сосредоточены общественные здания, мечети, торговые ряды, караван-сарай, склады и дома земледельческой и торгово-ремесленной знати, обитал простой люд, ремесленники, мелкие торговцы и были сосредоточены основные центры ремесленного производства. И если в шахристане жилища его обитателей порой не уступают по строительному материалу, интерьеру, богатству обнаруженной здесь посуды, предметов роскоши и дорогостоящего импорта, исследовавшимся в цитадели комплексам дворцов дербентских эмиров, то в нижней части города дома отличаются простотой планировки и значительно меньшими размерами, выстроены они из более скромного материала, интерьер домов значительно проще, находки предметов роскоши и дорогостоящего импорта очень редки.

Эти две самостоятельные части городской структуры (шахристан и рабад) были четко отделены друг от друга поперечными стенами. Археологические раскопки, данные средневековых письменных источников и позднесредневековые планы города, составленные еще в начале XVIII в., позволяют выявить месторасположение этих стен, их социально-политическое значение в жизни феодального города и роль в его внутренней структуре⁴.

Поперечные стены Дербента неоднократно упоминаются в связи с историческими событиями X–XI вв. в «Тарих Баб ал-абваб». Особенно интересно сообщение

¹ Кудрявцев А. А. и др. Новые данные... С. 13–14.

² Кудрявцев А. А. Территориальное развитие... С. 10; он же. Основные этапы... С. 47; он же. Великий город... с. 105–106.

³ Там же.

⁴ Кудрявцев А. А. Археологические данные о социальной топографии и структуре... С. 27–28; он же. Интерпретация... С. 45–47.

о стене, которую разрушал в 464/1072 гг. наместник сельджукского султана Алп-Арслана Йагама. «Йагама разрушил среднюю (поперечную) стену у базара дербентцев»¹. В. Ф. Минорский, издавший этот источник, был озадачен подобным расположением стены в важнейшей части города, где располагался его торгово-экономический и культурный центр, и даже пытался предложить другие чтения. Однако «арабисты, с которыми советовался» он, «настаивают на таком понимании текста. Из него выходило бы, что стена, столько раз упоминаемая в нашем тексте, стояла около рыночной площади»². Проводимые в Дербенте археологические исследования показали, что перевод текста дан совершенно правильно, и в источнике идет речь о поперечной стене «у базара дербентцев» в районе Джума-мечети.

Поперечная стена, делившая город на две части, четко фиксировала изменения, произошедшие в топографии Дербента в средневековый период его развития. В раннесредневековый период эта стена ограждала территорию города, отделяя ее от необживаемого межстенного пространства, а в средневековое время она выделяла две основные части его городской структуры – шахристан и рабад. В отличие от большинства средневековых городов Средней Азии, где медина сложилась в результате слияния ее с прежними рабадами³, в Дербенте она получила развитие на базе раннесредневекового шахристана, сохранила в основном его территорию и черты древней планировки.

Развитие шахристана Дербента не прекратилось в связи с появлением в его структуре новой важнейшей части – рабада, где были сосредоточены ремесленное производство города и основная масса его населения. Здесь, как и в IX–X вв., была сконцентрирована общественно-торговая и культурная жизнь города, расположены его рынки, площади, важнейшие административные, общественные и культовые сооружения.

Изучение средневековых городов Средней Азии показало, что запустение шахристана и перенесение жизни в рабады не было обязательным явлением. В связи с этим О. Г. Большаков пишет, что развитие среднеазиатских городов с IX в. «...идет за счет обрастания шахристанов торгово-ремесленными пригородами, которые в одних случаях с течением времени сливаются с шахристаном, в других (когда почему-либо жизнь на территории шахристана становится неудобной) превращаются в собственно города»⁴.

В ряде известных городов Средней Азии (Бухара, Ахсыкент и др.) торговая и общественная жизнь продолжала развиваться в пределах шахристанов, несмотря на появление больших рабадов⁵. В этом плане данные города весьма напоминают средневековый Дербент и в путях их сложения прослеживаются довольно близкие параллели. Подобную в своей основе структуру в этот период имело и большинство крупных феодальных городов Кавказа (Шарибан, Баку, Ганджа, Байлакан, Шемаха, Тбилиси, Двин и др.), которые в XI – начале XIII вв. переживали процесс экономи-

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 62.

² Там же. С. 62. Примечание 45.

³ Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 178.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. С. 11–13; Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 232–255; Ахраров И. Е. Археологические исследования городища Ахсыкент в 1960 г. – ОНУз, 1962, № 8. С. 53–58; Чулаков Ю. Г. Городище Ахсыкент, СА, 1963. С. 199.

ческого подъема и расцвета городской жизни¹. Значительное сходство в структуре и путях формирования топографии этих городов во многом объясняется сходством в их социально-экономическом и культурном развитии, характерными для данных регионов. И как справедливо отмечал О. Г. Большаков: «Пути сложения городов были различными (хотя более характерно развитие на основе существовавших ранее шахристанов), но их сущность была одинаковой»².

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие исторической топографии, Дербент, не выходящий в своем территориальном развитии за пределы стен, имел, однако, типичную для средневекового восточного города трехчастную структуру. Подобно многим городам средневекового Востока, Кавказа и других регионов он состоял из цитадели – резиденции правителя и административного центра, собственно города – шахристана и торгово-ремесленной части – рабада. В Дербенте роль шахристана стала играть верхняя часть города, где сложились его общественно-торговый центр и привилегированные кварталы, а рабада – нижняя, где концентрировалось ремесленное производство и обитал торгово-ремесленный люд. Третья часть структуры города, появившаяся у него в средневековый период, хотя и отличалась спецификой своего расположения в топографии Дербента, по сравнению со многими другими городами Средней Азии и Кавказа, полностью соответствовала рабадам последних по своей сути и социально-экономическому развитию.

Однако в связи с отсутствием у средневекового Дербента большой обживаемой территории за пределами городских стен встает вопрос о его месте среди других городов средневекового Кавказа и Востока. Мог ли Дербент, имея площадь внутристенной застройки около 150 га, считаться значительным для Ближнего Востока торгово-ремесленным центром и крупнейшим феодальным городом Кавказа, которому, по сообщениям средневековых авторов, уступали Ардебиль, Тбилиси и многие другие известные центры?

Изучение исторической топографии Дербента, его застройки и внутренней структуры, а также выявленный в результате исследований высокий уровень социально-экономического развития, не оставляют сомнений в том, что это действительно был крупный феодальный город не уступавший по размерам многим известным центрам средневекового Востока и Европы. Для сравнения можно отметить, что такой крупный средневековый город Азербайджана, как Байлакан, являвшийся одним из значительных торгово-экономических центров Кавказа, состоял в XI – начале XIII вв., согласно археологическим данным, из «Большого города», площадью 36 га и «Малого

¹ Бартольд В. В. Ани. С. 328; он же. Берда'а. С. 372; Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949. С. 14–15, 102; История Азербайджана, т. I. С. 133–134, 145–150; Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950. С. 200–203, 228; История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951. С. 167; Аракелян Б. Н. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX–XIII вв. – СА, 1956, XXVI; Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 52–53; Чикоидзе Ц. В. К истории г. Телави. – В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии, I, Тбилиси, 1969. С. 44. Джандиери Е. Г. К истории средневекового города-крепости Ахалкалаки (в Джавахети). – В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии. I. С. 70–72; Чилашвили Л. А. Города феодальной Грузии. С. 182–189; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. С. 71–84, 94–95; Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха. С. 113–115.

² Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 210.

города», площадью 14 га¹. Даже такие знаменитые средневековые города Ближнего Востока и Западной Европы, как Дамаск (105 га), Иерусалим (100 га), Халеб (112 га), Палермо (200 га), Неаполь (200 га), Пиза (114 га), Флоренция (105 га), Гент (80 га), Брюгге (80 га)² были в этот период меньше, или равны по площади Дербенту. И если он уступал по размерам отдельным крупнейшим городам Передней и Средней Азии, столицам больших феодальных государств, имевших сложноструктурные огромные рабады с весьма разреженной застройкой³, то при этом Дербент значительно превосходил их по плотности застройки, основу которой составляли относительно небольшие каменные строения, порой в два этажа, с очень маленьким двориком, а иногда и без него.

Плотность застройки и особенности структуры создавали определенное своеобразие внутригородской топографии Дербента, сложившейся в основном в средневековый период. Стремительный рост города в VIII–XIII вв. с типичной для средневекового времени бессистемной застройкой сильно изменил планировку Дербента и, вероятно, она приобрела основные очертания, зафиксированные на позднесредневековых планах города. Три главные продольные улицы раннесредневекового города, идущие от подошвы холма вниз к морю, сохранились, но появились многочисленные кривые поперечные улочки, узкие тупики, базарные площади, теснота, скученность. Свободное пространство у северной стены застраивается полностью, что было связано с изменением роли последней в обороне города и с увеличением плотности застройки в связи с развитием города. Ширина улиц незначительная и обычно не превышает 3–4 м. Помимо продольных улиц прослеживаются еще не менее двенадцати поперечных, пять из которых связаны с городскими воротами.

Значительное количество ворот в городских стенах Дербента (не менее 7–10), появившихся и перестроенных в большинстве своем, согласно данным письменных источников⁴ и строительным надписям⁵, в X–XIII вв., служит ярким показателем изменений внутригородской топографии города, развития его планировки, роста шахристана и рабада, важнейших перемещений его общественно-торгового и культурного центра. В верхней части города, между цитаделью и Джума-мечетью, сохранилась довольно правильная планировка уличной сети, где расположенные примерно на равном расстоянии поперечные улицы очерчивают прямоугольные кварталы. Здесь видимо, сохранилась в основных чертах планировка города сасанидской поры. Ниже Джума-мечети регулярная планировка и пропорциональность кварталов отсутствуют, они достигают порой очень значительных размеров и изрезаны многочисленными тупиками, которых особенно много у южной стены. Наибольших размеров кварталы достигают в центральной части города между двумя продольными улицами. Деление Дербента на кварталы («кисм» – в арабских источниках, «махалла» – в дагестанских хрониках) зафиксировано еще авторами IX–X вв.⁶

¹ Иссен А. А. Городище Орен-кала. С. 33–34.

² Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 256.

³ Там же. С. 197, 256–268.

⁴ Ибн ал-Факих. Книга о странах. С. 25; Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений... С. 9; Тарихи Дербенд-наме. С. 79, 112.

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVIII вв. М., 1966, ч. I. С. 24, 59, 74, 135, 169 и др.

⁶ Ат-Табари. История пророков и царей. С. 52; Бартольд В. В. Дербент. С. 421; Тарихи Дербенд-наме. С. 78–79.

Изучение этапов сложения средневекового Дербента позволило проследить пути развития его исторической топографии и выявить определенные закономерности этого процесса, сопоставив его с другими средневековыми городами Кавказа, Средней Азии и Переднего Востока.

Было установлено, что раннесредневековый Дербент, подобно подавляющему большинству городов Переднего Востока, Кавказа и Средней Азии этого периода имел двухчастную городскую структуру с четко выделенными составными частями города: цитаделью и шахристаном. Подобно многим другим крупнейшим памятникам, возникшим как единовременное плановое сооружение, он имел в IV–VII вв. в основных чертах единую продуманную фортификационную систему, планировку и регулярную застройку. Древнейшая верхняя часть Дербента – его шахристан несет в себе черты плановой, симметричной застройки, сложившейся еще в раннесредневековый период. То обстоятельство, что Дербент являлся крупнейшим памятником фортификационного строительства на Кавказе, мощным опорным пунктом, прикрывавшим северные рубежи огромных государств Переднего Востока, наложило свой отпечаток на развитие его исторической топографии, внесло определенную специфику в сложение средневекового города.

Оборонительное назначение его стен, планировка которых была подчинена при их сооружении основной задаче защиты прохода путем его полного перекрытия, оказало большое влияние на формирование городской структуры Дербента, его застройки и планировки. Наличие огромной межстенной территории давало возможность в течение длительного периода развиваться городу в пределах его стен, т. е. сохранять внешне свою двухчастную структуру. Особенности его военно-политического положения в X–XIII вв., когда Дербент стал самостоятельным феодальным владением, городом-государством, не позволяли появиться за городскими стенами значительному рабаду (пригороду) даже в период, когда территория шахристана и рабада полностью была уже застроена. В отличие от многих средневековых городов Передней и Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы Дербент оставался все же пограничным городом, правителям которого приходилось прилагать много усилий для сохранения своей независимости, постоянно балансируя между опасностью с севера и с юга. Дербент не мог, подобно другим городам, опираться на политическую и экономическую мощь государственной системы, так как был городом-государством, безопасность и благосостояние которого нередко зависели от прочности его стен. Постоянные устремления ширваншахов с юга, опиравшиеся зачастую на поддержку мятежных дербентских раисов, и угроза с севера, со стороны феодальных правителей Дагестана и кочевников, делали территорию за стенами города опасной и мало пригодной для заселения.

Все это способствовало тому, что в процессе сложения структуры мусульманского Дербента наметилась определенная специфика. В отличие от многих средневековых городов Средней Азии, у которых в IX–X вв. центры городской жизни смещаются за стены шахристана, в рабады, достигавшие огромных размеров, в Дербенте торгово-экономическая и общественно-политическая жизнь сосредотачивается в пределах стен, где формируются шахристан с общественно-торговым и культурным центром, и рабад с ремесленным производством и основной массой населения.

Не имея возможности активного территориального роста за пределами городских стен, развитие застройки города, в период его наибольшего расцвета в X – начале XIII вв., шло за счет уплотнения, сокращения размеров домовладений, свободного

городского пространства и участков дворов, повышения этажности построек. В это время теснота и скученность городской застройки значительно превышала позднесредневековую, столь поражавшую европейцев, когда, по описанию А. А. Бестужева-Марлинского, дома города «...пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен».

Сравнение Дербента с известными городами средневекового Востока показало, что по всей своей площади, территории и плотности застройки, структуре и уровню социально-экономического развития Дербент действительно предстает крупнейшим мусульманским городом всего Кавказа, в один ряд с которым письменные источники ставят лишь Берда'а.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОСЛОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕРБЕНТСКОГО ОБЩЕСТВА VI–XIII вв.

Прогресс в развитии города, рост его производительных сил, подъем ремесла и торговли были тесно связаны с зарождением и укреплением в Дагестане, как и на всем Кавказе, новых производственных отношений. Процесс феодализации местного общества имел ряд специфических особенностей и отличался по степени интенсивности в различных районах Дагестана. В его прикаспийских областях, более развитых и тесно связанных со странами Закавказья и Переднего Востока, где феодальные отношения начали утверждаться раньше, процесс этот шел быстрее, а в горных – несколько медленнее. Однако в обоих случаях зарождение и становление феодализма было связано с процессами внутреннего развития дагестанского общества и являлось следствием прогресса, достигнутого им на данном этапе. Вопрос о генезисе феодализма и путях формирования феодально-зависимого крестьянского сословия в странах Закавказья освещается в историографии по-разному в зависимости от признания или отрицания теми или иными учеными существования в дофеодальных обществах Кавказа рабовладельческой формации.

Сторонники существования в Закавказье рабовладельческой формации связывают процесс феодализации местного общества с кризисом рабовладения, в результате которого большая часть рабов трансформируется постепенно в феодально-зависимых крестьян¹. Другие ученые, мнение которых в настоящее время наиболее обоснованно, главную роль в формировании феодальных отношений и зависимого крестьянства отводят эволюции сельской общины, ее социальному разложению и закабалению свободного общинника, постепенно сближавшегося по своему положению с различными категориями зависимых лиц, существовавшими и ранее².

Касаясь генезиса феодализма в Кавказской Албании, закономерности развития которого во многом характерны и для дагестанских ее территорий, А. П. Новосель-

¹ Джанашиа С. Н. Труды. Тбилиси, 1949. Т. 1; 1952. Т. 2. На груз. яз.; Ереван С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении // ВДИ. 1950. № 1; Он же. Опыт периодизации истории Армении периода феодализма // ВДИ. 1951. № 7; Он же. О развитии городов и городской жизни в древней Армении // ВДИ. 1950. № 1; Он же. Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М.; Л., 1954; Очерки истории СССР, ИГ – IX вв.; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Первая серия. Т. I–IV; Саркисян Г. Х. Тигранакерт. М., 1960; Он же. О путях социально-экономического развития древней Армении. Ереван, 1961. На арм. яз. Рез. на рус. яз.; Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963.

² Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934. На арм. яз.; Он же. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; Он же. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973; Он же. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ // История СССР. 1975. №6: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972; Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980; Акопян С. Е. История армянского крестьянства. Ереван, 1957. Т. 1. На арм. яз.; Мамедова Ф. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977.

цев в своей фундаментальной работе «Тенезис феодализма в странах Закавказья» дает социальную структуру албанского общества периода зарождения и укрепления раннефеодальных отношений. Она весьма отчетливо характеризует местное феодализирующееся общество, основу которого в этот период составляют духовные (епископы, корепископы, священники) и светские (азаты, нахарары-ишханы) феодалы, закабаленное население (рамики), подвластное азатам, и свободные крестьяне-общинники (шинаканы)¹. Убедительно показав разницу между рамиками и шинаканами, под которыми некоторые исследователи понимали простонародье, в том числе крестьян, ремесленников и городской люд, А. П. Новосельцев приходит к выводу, что «албанское свободное крестьянство (шинаканы) в своей массе потеряло свободу где-то на рубеже VII–VIII вв. С этим связаны упадок царской власти и резкое усиление княжеских домов»².

Как уже отмечалось, процесс закабаления свободных общинников в Дагестане протекал более медленно, чем в странах Закавказья, и раннефеодальные отношения отличались здесь особой устойчивостью, надолго сохранив патриархально-феодальный характер и относительную свободу общинников³.

Одной из особенностей развития феодализма в Дагестане было подавляющее преобладание натуральной ренты и слабое развитие отработочной в связи с отсутствием крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде, что было характерно для многих стран средневекового Востока. В связи с этим как на равнине, так и в горах получила особое распространение сдача земли в аренду, широко практиковавшаяся в средневековом Ираке⁴, Иране⁵, Азербайджане⁶ и других странах.

Однако процесс становления феодальных отношений в Дагестане развивался не везде одинаково. Определенная неравномерность генезиса феодализма объяснялась как внутренним социально-экономическим развитием различных его районов, так в некоторой степени и внешними влияниями. Дербент и прилегавшие к нему районы, составлявшие в средневековый период территорию этого феодального государства, оказались в наиболее выгодном положении, и развитие феодальных отношений здесь шло более быстрыми темпами, во многом соответствуя аналогичным процессам в Ширване, Арране и ряде других государств средневекового Востока.

Развитие феодальных отношений во многих горных районах Дагестана, в основном центральных и северо-западных, характеризовалось устойчивостью пережиточных форм общинного быта в виде патронимии, сельско-общинных социальных институтов, элементов военно-демократического уклада, специфического характера рабства, подчиненного интересам утверждения феодальной формации. Во многом

¹ Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 186–207.

² Там же. С. 189.

³ История Дагестана. Т. 1. С. 144.

⁴ Якубовский А. Ю. Об испольных арендах в Ираке в VIII в. // СВ. 1947. 4. С. 171–180.

⁵ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 308–313.

⁶ Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 76–77; Буниятов Зия. Азербайджан в VII–IX вв. С. 128.

сходный путь развития феодализма был характерен для горских обществ Центрального и Северного Кавказа¹.

Генезис феодальных отношений в Дагестане является одной из актуальных тем историографии. Здесь наиболее слабо изучена проблема социального развития средневекового городского общества, его структура, феодальная иерархия, классовый состав. «Формирование антагонистических классов-сословий, составляющих социальную основу феодального общества... является главной чертой генезиса феодальной формации»². В Дагестане домонгольской поры социальная структура феодального общества наиболее четко прослеживается в Дербенте, который в этом плане выступает в полном смысле феодальным городом.

Раннесредневековый Дербент, подобно городам сасанидского Ирана, служил административным и экономическим центром прикаспийского Дагестана (области Чора); что нашло отражение в его социальной структуре. Можно предполагать, что она во многом была сходна со структурой общества раннесредневековых городов Ирана и Закавказья. Н. В. Пигулевская справедливо отмечала, что в раннесредневековый период происходят значительные изменения социальной структуры города и его роли в социально-экономическом развитии феодализирующегося общества. Экономически города «были центрами ремесла и торговли, а также административными единицами. Политически они становились опорой укреплявшейся феодальной знати, когда попадали в зависимость от нее, особенно в более поздний период развития средневекового общества»³. В раннесредневековых городах Ирана и Закавказья население обладало более льготными условиями существования, чем крестьянство⁴.

Обширная строительная деятельность, военно-политические и экономические мероприятия Сасанидов в Дербенте способствовали росту города и увеличению состава его населения.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, привело к быстрому развитию здесь ремесла и росту внутреннего рынка, значительному увеличению среди обитателей города числа ремесленников и торговцев.

1. Торгово-ремесленный люд средневекового города

Изучение топографии и застройки шахристана Дербента VI – начала VIII в. дает основание считать, что значительную часть населения города этой поры составлял торгово-ремесленный люд, который в отличие от периода конца IV–V в. стал преобладать над военной и другими категориями его населения. В этом сыграли свою роль в основном два фактора: первым и решающим был экономический подъем города, связанный с развитием его ремесла и торговли, а вторым – значительное уменьшение

¹ Меликишвили Г. А. К вопросу о характере... С. 90; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Регион, науч. конф. Махачкала, 1980. С. 3–5.

² Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 173.

³ Пигулевская Н. Города Ирана... С. 267.

⁴ Там же.

количества воинов в связи с появлением мощной каменной фортификации Дербента, сильно облегчившей защиту «ворот»¹.

Выявленный в ходе археологических исследований высокий уровень экономического развития раннесредневекового Дербента, несомненно, отразился и на социальной структуре местного общества.

Подобно ряду других раннесредневековых городов Ирана и Закавказья, здесь на первое место в количественном отношении выдвинулись ремесленники и мелкие торговцы, на что указывают характер застройки шахристана этого времени и выявленные остатки различных видов ремесленного производства (гончарного, металлообрабатывающего, ткацкого, стеклоделательного и др.), а также разнообразные приспособления и орудия труда ремесленников. В раннесредневековом Дербенте ремесленник – свободный производитель, как и везде на Востоке², постепенно становился центральной фигурой. Однако исследования этого сословия в раннесредневековых городах Ирана и Закавказья показали, что оно занимало одну из самых низких ступеней в социальной иерархии и в зороастрийском Иране даже не имело своего священного огня³. «Не только Авеста, но и памятник, воспевающий Арташира I, – Карнамаг знает в Иране только три сословия – жреческое, военное и земледельческое»⁴. Рост числа городов и их экономический подъем в сасанидском Иране, увеличение количества ремесленников и их возросшая роль в феодализирующемся обществе способствовали выделению особого «городского сословия», которое характеризовалось как «прислуживающее» или «услуживающее»⁵. Подобная социальная стратификация, надо полагать, была присуща и дербентскому раннесредневековому обществу. Это «четвертое сословие» в Дербенте не было однородно, и углубление процессов феодализации общества вело к его социальной и имущественной дифференциации. Имущественное расслоение внутри этого сословия, видимо, дополнялось неравным положением отдельных этнических групп городского населения, слагавшегося, несмотря на значительную пестроту, в основном из двух частей: местной и пришлой, переселенной сюда сасанидскими правителями из других частей государства. Некоторые данные археологических исследований дают основание думать, что местное население составляло беднейшую, или более бесправную, часть городского люда и обитало в основном на окраинах шахристана. Возможно, более высокая квалификация и покровительство иранских правителей Дербента ставили переселенцев-ремесленников (сирийцев, евреев, греков и др.) в привилегированное положение по сравнению с местными жителями.

В связи с положением отдельных категорий сельского и городского населения Закавказья в период персидского владычества А. П. Новосельцев пишет «о неодинаковом положении различных категорий трудящегося люда, равно как и об их постепенном сближении в процессе феодализации»⁶.

Экономический подъем Дербента в IX – начале XIII в., расцвет ремесла и торговли в городе средневековой поры не могли не сказаться на развитии дербентского

¹ *Баладзори*. Книга завоевания стран. С. 7; *Ибн ал-Факих*. Книга о странах. С. 17; *Кудам*. Книга о харадже / Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1903, XXXII. С. 33.

² *Пигулевская Н.* Города Ирана... С. 272.

³ Там же. С. 272–273.

⁴ Там же. С. 272.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 112–113.

общества, углублении процессов его феодализации, социальном составе. Ремесленники самых различных профессий становятся здесь, как и в других крупных городах средневекового Востока, основой городского населения, главным компонентом его социальной структуры. Материалы археологических раскопок и данные письменных источников служат ярким доказательством этого.

Два крупных исторических сочинения: «Тарих Баб ал-абваб» и «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», составленные в Дербенте в XI в., – называют целый ряд профессий, существовавших в средневековом городе, в том числе «дубильщиков»¹, а также продавцов книг и бумаги, шелководов, рыболовов, мыловаров, портных, врачей².

Эпиграфические памятники города свидетельствуют о высокой специализации строительного дела и о существовании здесь профессиональных мастеров-строителей, зодчих, камнерезов³. Но особенно внушительное представление о разнообразии ремесленных профессий и о месте ремесленников в социальной структуре города дает археологическое изучение средневекового Дербента. Остатки ремесленного производства, развалы печей, разнообразные орудия труда и многочисленные бракованные изделия позволяют говорить о наличии в составе дербентского населения гончаров, стеклодувов, каменотесов, специалистов резьбы по дереву и камню, ткачей, кузнецов, медников, оружейников, ювелиров, косторезов, плотников, шорников, мукомолов, рыбаков, моряков, сельхозрабочих и др.⁴.

В средневековых городах Востока ремесленники нередко были объединены в специальные корпорации, напоминающие цеховые организации Западной Европы, но несколько отличающиеся от них внешним оформлением и внутренней структурой. Отдельные сообщения источников позволяют предполагать существование подобных объединений ремесленников по специальностям и в средневековом Дербенте. Так, «Тарих ал-абваб» упоминает о «ранее дубильщиков»⁵, что позволяет говорить о существовании подобного профессионального объединения в средневековом Дербенте. В. Ф. Минорский установил, что «раисы» обычно стояли во главе ремесленных объединений или купеческих гильдий и известны «и в Арране, и в Ширване»⁶. Наличие подобного объединения у дубильщиков Дербента позволяет предполагать существование аналогичных организаций и по другим профессиям городских ремесленников⁷. В пользу этого свидетельствуют и неоднократные упоминания в названном источнике многочисленных дербентских раисов⁸, игравших важную роль в политической жизни Дербента X–XI вв. Подобные объединения существовали и

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 75, 164.

² Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 6–7.

³ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... Ч. 1. С. 74; Шихсаидов А. Р. Надписи... С. 72–73.

⁴ Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р. Опыт периодизации экономического развития Дербента. Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 136–137; Кудрявцев А. А. Основные этапы развития ремесленного производства Дербента VI–XIII вв. С. 45–47; Он же. Территориальное развитие... С. 10–11; Он же. Древний Дербент. М., 1982. С. 155–163.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 74, 164.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Алиев В. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 51.

⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 67–70, 73–77, 163.

в других средневековых городах Кавказа (мы знаем о раисах Баку, Ганджи, ряда других городов Ширвана)¹, но нигде нам не известна столь сильная и многочисленная социальная прослойка городской знати, стоявшая во главе ремесленных корпораций и торговых гильдий, как в Дербенте.

Согласно сведениям «Тарих Баб ал-абваб», именно позиция городских низов оказывала нередко решающее влияние на исход политической борьбы за власть в средневековом городе². Источник четко выделяет городской люд в социальной структуре города, именуя его народом ал-Баба, горожанами, простолюдинами³, и, упоминая о жителях Дербента вообще, делит их на «знатных людей и простолюдинов»⁴. Несомненно, что в «простолюдинах» Дербента надо видеть его торгово-ремесленное население, составлявшее основу феодального города.

Средневековые города Востока были обычно крупными центрами ремесла и торговли. Там процветали самые разнообразные ремесла с узкой специализацией металлообрабатывающего, ткацкого, кожевенного, гончарного и других видов производства⁵. Подобная же картина отмечена для крупных средневековых городов Кавказа домонгольского времени, где ремесленники разнообразных профессий составляли наиболее многочисленную группу их населения⁶.

2. Городская знать и характер феодального землевладения в Дербенте VI–XIII вв.

Господствующий класс феодального Дербента отличался значительной социальной пестротой и разнообразием. В раннефеодальном обществе города основу его составляла военно-феодальная знать, духовенство и «бюрократическая» прослойка государственных чиновников, а в период наивысшего развития феодальных отношений в Дербенте, приходящегося, как в Передней Азии и Закавказье, на X–XII вв.⁷, их дополняет многочисленный влиятельный слой торгово-ремесленной знати. В X – начале XIII в. в Закавказье, как и на всем средневековом Востоке, бурно развивается товарное производство, растут города, денежное обращение, что повышает роль торгово-ремесленной знати в социальной структуре городского общества и происходит постепенное слияние части ее с землевладельческой знатью.

Военно-феодальное сословие в городском обществе раннесредневекового Дербента было представлено в основном военной администрацией и войсками иранского гарнизона, а также феодальным ополчением из Албании и Армении, вспомогательными отрядами из местной знати. До военной реформы Хосрова Ануширвана

¹ Ашурбейли С. Б. Очерки истории... С. 101; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 164.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 73, 74, 367.

³ Там же. С. 68, 72, 73 и др.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932. С. 4–5.

⁶ Бейлис В. М. Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и песен Масуда ибн Намдара (ок. 1111 г.) // Письменные памятники Востока, 1968. М., 1970. С. 19; Аракелян Б. Н. Развитие ремесла... С. 120–121, 146.

⁷ Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 183.

все войско Сасанидов состояло из ополчения, главной силой которого была конница из свободных. Подобное ополченское войско было трудноуправляемым и весьма ненадежным, особенно в борьбе сасанидских правителей со знатью. Оно было заменено Хосровом Ануширваном на регулярную армию, состоявшую на жаловании у царя, а потому целиком преданную ему основу которой также составляла конница¹.

Подобная политика способствовала формированию новой военно-феодальной прослойки, служившей опорой царю в его борьбе со старой знатью.

Упоминание источниками о «десяти тысячах конницы» войска «марзпана Чора» позволяет полагать, что и в Дербенте, подобно другим областям сасанидского государства, в основе военных сил стояла кавалерия. Из конницы формировались отряды албанских и армянских нахараров, которые, по сообщениям раннесредневековых армянских авторов², несли охрану ворот вместе с персами. Армянские и албанские конные отряды («азатагунд или азатахумб» – конное войско) состояли из мелких и средних феодалов-азатов, вассалов царей, нахараров и церкви³.

По мнению А. П. Новосельцева, азаты в IV–VIII вв. «в своей массе не что иное, как сохранивший свободу и влившийся в состав господствующего класса остаток народа-войска»⁴. Однако азаты в Армении и Албании не совсем тождественны этому словословию в Иране, несмотря на идентичность терминологии. Скорее всего, армянским и албанским азатам «соответствуют дехкане, т. е. верхушка общинного крестьянства, выделившаяся в Иране где-то в V–VI вв., часть которой затем, сменив уничтоженную или слившуюся с ней родовую знать, стала в конце VI–VII в. крупнейшими земледельцами Сасанидского государства кануна его падения»⁵. К периоду крушения сасанидского Ирана относится упоминание источниками социального термина «дехкан» для Дербента. «Самое раннее упоминание уроженцев ал-Баба мусульманские источники дают под 15 г. х./636 г. (или 637. – А. К.): некий дихкан из ал-Баба, по имени Шахрийяр, чья наружность (подобно верблюду) поразила арабов, командовал отрядом сасанидской армии и был убит в единоборстве с одним арабом в Куса, около ал-Мадаина»⁶. Масуди сообщает о «дехкане» Хурмузе из Чарой-Баб ал-абваба⁷.

А. П. Новосельцев, исследовавший вопросы формирования феодальных классов-сословий в странах Закавказья, считает, «что термин «дехкан», причем в иранском варианте, имел хождение в Кавказской Албании. Правда, у Каланкатвази, как и в прочих памятниках на грабаре, этого слова нет, но мы знаем о его употреблении в более позднее время, вплоть до XI–XII вв., когда дехкане Ширвана и Аррана были средними землевладельцами»⁸. Термин этот, мало употреблявшийся и быстро исчезнувший в армянской среде, «бытовал в Албании, а затем в Ширване, где прошел ту же эволюцию, что и в Иране»⁹. Есть основания полагать, что все сказанное по поводу термина «дехкан» и социально-экономического положения этой прослойки в феодальном обществе указанных регионов справедливо и для Дербента, крупнейшего города Албании с иранским и местным албанским населением.

¹ Дьяконов М. М. Очерк истории... С. 311–312.

² Егише. О Вардане и войне армянской.../ Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 53.

³ Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 197.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 197–198.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 38.

⁷ Масуди. Мурудж ад-Джахаб. С. 208.

⁸ Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 187.

⁹ Там же.

Арабское завоевание не оказало существенного влияния на традиционное положение военно-феодального сословия в социальной структуре города, изменился лишь его этнический состав, в котором преобладание иранского элемента было заменено арабским. Правители Дербента вынуждены были считаться с различными военно-феодальными группировками Дербента, которым покровительствовали арабские наместники Кавказа и халифы. При Омайядах и первых Аббасидах правитель города назначался непосредственно халифом и являлся прямым представителем центрального правительства, однако отношения феодальной знати Дербента с представителями верховной власти были весьма сложными и несколько необычными. Баладзори писал, что ни один наместник халифа не допускался в город до тех пор, пока он не раздавал жителям деньги и подарки. А по версии местной исторической хроники «Дербенд-наме», халиф Харун ар-Рашид разрешил жителям города изгонять правителей, злоупотреблявших властью.

Так, Харун ар-Рашид, назначив в 180 г. х. (796 г.) Хафса б, Омара правителем Дербента, сказал ему: «Все дела Дербенда в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя»¹. Право управлять городом в случае смерти или смещения наместника халифа было предоставлено известному дербентскому феодалу Аглабу ас-Сулами, а в дальнейшем его потомкам: «Если бы правитель Дербенда умер или оказался бы тираном, Аглаб Сулейми (Сулами) должен был стать заместителем до прибытия нового правителя»². Сообщения «Дербенд-наме» и данные ряда арабских авторов, возможно, несколько преувеличивают роль местной арабской знати в управлении городом, но В. В. Бартольд справедливо отмечал, что «история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени сулейм от Усейда б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейф ад-дина Мухаммада б. Халифы, упоминаемого в VI/XII в. путешественником Абу Хамидом Андалуси»³.

В X – начале XIII в. городская феодальная знать составляла наиболее могущественную социальную группировку Дербента, обладавшую большой экономической и политической силой. Феодальная верхушка, первоначально состоявшая в большинстве своем из предводителей знатных арабских родов и видных военачальников, получивших здесь большие земельные наделы и разбогатевших на эксплуатации сельского и городского населения, а также в многочисленных походах «за веру», уже при омайядских и аббасидских наместниках представляла собой внушительную силу.

По мере экономического и политического развития средневекового Дербента, углубления процессов феодализации происходило дальнейшее расслоение общества и внутри господствующего класса выделилась крупная землевладельческая знать, основу могущества которой составляли огромные доходы от внушительных поместий, обширной международной торговли, ростовщичества и военной добычи, включавшей и живой товар – «рабов из стран неверных». Она стала главной оппозицией верховной власти города – эмирам, их постоянным политическим противником. Эти представители городской аристократии именуются в источниках «раисами» (руаса – «начальники»), и их влияние на политическую жизнь города и

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 165.

² Там же.

³ Бартольд В. В. Дербент. С. 425.

расстановку социальных сил в нем было очень велико. В странах мусульманского мира раисы обычно являются выборными представителями местного населения из наиболее уважаемых семей и они выступают как бы связующим звеном «между администрацией и населением, передавая правительственные распоряжения и дела представления от имени жителей города»¹. Влияние раисов на жизнь Дербента огромно, фактически они были хозяевами города, и уже в X в. эмиры порой полностью зависели от раисов. Так, «Тарих Баб ал-абваб» сообщает: «Эмир Маймун оставался в правительственном здании как пленник, а вся власть была в руках раисов»². В 381, 383, 412, 414, 427, 430, 446, 456, 457, 468 гг. х. раисы ал-Баба неоднократно восставали и изгоняли своих эмиров, а иногда лишали их не только власти, но и жизни³.

Высокое положение раисов в дербентском обществе было традиционным, и В. Ф. Минорский в связи с их местом в социальной структуре города отмечал, что, «каково бы ни было положение раисов в других местах, в ал-Бабе с самого начала мусульманской администрации они занимали особое и важное положение»⁴. По версии «Дербенд-наме», Харун ар-Рашид в определенной мере подчинял местным раисам своего наместника. Так, Халиф говорит наместнику Дербента: «Я поручил Абду-л-Малику б. Аглабу быть надзирателем [назир] над тобой. Я назначил его командующим войском [сар-лашкар] и даруга, так как он наш верный человек»⁵.

Термин «раис», употребляемый источником для определения городской знати Дербента, вероятно, в определенной мере собирательный и скрывает за собой различные категории феодальной верхушки города⁶. Им обозначались как крупные, так средние и мелкие феодалы, занимавшие различное положение в местной социальной иерархии.

В некоторых из них можно отчетливо видеть представителей крупной феодальной аристократии города, обладавших большими «дийа», обрабатываемыми зависимыми крестьянами и издольщиками, собственными вооруженными силами, вассалами, телохранителями-гуламами и многочисленной челядью. Они могли даже осуществлять судебные функции⁷. Их власть была наследственной и в «Тарих Баб ал-абваб» сообщается об одном из таких представителей высшей феодальной знати города – ранее Али б. Хасане б. Анаке, который «унаследовал власть раиса от своих предков и обладал отвагой царей и величием султанов»⁸. О том, сколь велика была власть упомянутого раиса, свидетельствует сообщение того же источника, отмечавшего, что «цари и эмиры боялись его»⁹. Этот раис действительно не уступал эмирам ни в знатности рода, ни в богатстве, ни в политическом влиянии. Он был женат на дочери «эмира Хайдака», а дочь этого раиса уже после смерти отца вышла замуж за эмира. Дербента Мансура, причем последний пошел на этот брак явно из политических соображений¹⁰.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 163.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 68–77.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Derbend-Nameh. Н. 135; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 165.

⁶ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 118.

⁷ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Из истории... С. 48.

⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 74.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 75.

Источник сообщает и о другом ранее, занимавшем очень важное положение в городе и именуемом в тексте названного сочинения раисом раисов (начальником начальников). Судя по сведениям «Тарих Баб ал-абваб», этот представитель феодальной верхушки города по имени Муфарридж б. Музаффар был одним из крупнейших землевладельцев Дербента, которому принадлежали большие надель, поместья, пастбища «между двумя реками»¹, видимо Рубасом и Самуром. В лице Муфарриджа б. Музаффара мы сталкиваемся с наиболее влиятельной категорией феодальной знати Дербента, стоявшей на самых высших ступенях иерархической лестницы. Это обладатели крупных пашен, поместий, скота и целых селений, где на них работало множество «крестьян и издольщиков»². Они опирались на значительные военные силы, состоявшие из телохранителей и зависимых людей. Так, в свои многочисленные поместья, «лежащие между двумя реками», глава раисов Муфарридж б. Музаффар отправился «со своим родом (‘ашира), семьей и раисами, а кроме того, с гулами и подчиненными»³. О том, что здесь идет речь о раисах, зависимых от этого крупного феодала, весьма определенно сообщается в другом отрывке источника, где прямо указывается, что «Муфарридж б. Музаффар с другими раисами, принадлежащими к его дому, и их гулами убил эмира»⁴.

В цитируемых нами источниках неоднократно подчеркивается, что часть дербентских раисов являлась владельцами земельных надель в различных районах эмирата, а некоторые из них были очень крупными землевладельцами. Исследователи отмечают существование в средневековом Дагестане домонгольской поры пяти форм земельной собственности: государственная, дийа, икта, вакф и общинная⁵.

Рост феодальной собственности на землю в районах, прилегающих к Дербенту, стал развиваться уже при Сасанидах, чему в немалой степени способствовала их земельная политика, но значительно интенсивнее этот процесс стал протекать после арабских завоеваний. Специалисты отмечали, что арабы стали, практиковать пожалование земель в условную форму держания – икта⁶, а знатные феодальные роды по мере углубления процессов феодализации местного общества стремились превращать икта в безусловную феодальную собственность, т. е. «закрепить юридические функции верховных собственников в отношении тех земель, с которых они когда-то имели право взимать харадж»⁷. Несомненно, что при арабах в Дагестане, и особенно в районах Дербента, произошло определенное перераспределение земельного фонда, но, как отмечал А. П. Новосельцев, на Кавказе верховное право мусульманской общины (фактически халифата) «на покоренные земли сочеталось с существованием

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 57, 74.

² Там же. С. 57, 74, 75.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Из истории... С. 14–37; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 61–85.

⁶ Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. С. 4; Он же. Вопросы периодизации... С. 36; Петрушевский И. П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л., 1949. С. 153–157; Он же. Земледелие и аграрные отношения... С. 256–269; Аяи-Заде А. А. Социально-экономическая... С. 169–185; Пигулевская Н. В. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке // УЗ ИВ. 1958. Т. 16. С. 16–19; Надирадзе Л. И. Проблема государственной собственности в халифате в VII–VIII вв. // Арабские страны: История экономики. М., 1970. С. 183.

⁷ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 315.

Иранского дехкана, армянского нахарара, грузинского мтавери и т. д. на принадлежащую ему землю. Поэтому на практике это верховное право мусульманской общины было даже в ранний период (VII – нач. VIII в.) в значительной мере фикцией, хотя, быть может, сперва и имело большое значение»¹. Вероятно, уже с IX в. верховная собственность Арабского халифата на землю в Дагестане была в значительной мере формальной². Однако в отношении Дербента положение было несколько иным, и имеющиеся многочисленные данные о раздаче здесь пригородных земель множеству арабских воинов позволяют думать, что значительная часть этих земель была государственной. Но широкая раздача земель, отданных, очевидно, в икта, хотя вопрос о форме собственности на эти земли в дагестанской историографии не решен, способствовала быстрому сокращению фонда государственных земель в районе Дербента. Вероятно, с целью его пополнения в начале IX в. было ликвидировано «царство Маскат»³, а обитавшие в междуречье Самура и Рубаса маскуты были вытеснены за реку Самур⁴. В 237 г. х. (851 г.) халиф Мутаваккил пожаловал «в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями»⁵ основателю ширванской династии Йа-зидов Мухаммаду б. Халиду. Это позволяет предполагать, что к середине IX в. значительная часть земель в районе Дербента причислялась к разряду условных держаний без права отчуждаться, т. е. не была мультком.

Дальнейшее распространение институт икта получил, очевидно, после утверждения в Дербенте власти сельджукидов (1075 г.), когда «султан пожаловал пограничную область Сау-Тегину»⁶. Хотя в самом тексте источника не говорится об икта, но земельная политика сельджукских султанов, широко практиковавших раздачу в икта, причем в ее условной форме, позволяет говорить, что здесь идет речь именно об условном держании⁷. Эта форма феодального землевладения продолжала существовать в Дербенте и накануне монгольского завоевания. Источники сообщают, что последний хорезмшах султан Джалал ад-Дин (1220–1231 гг.), одарив воспитателя малолетнего эмира города Асада. «назначил на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербент казался ничтожно малым»⁸.

Углубление процессов феодализации местного общества, усиление феодальной знати и ослабление власти верховного правителя, дальнейшее закабаление рядовых общинников и захват феодалами общинных земель способствовали росту феодальной собственности на землю, постепенному превращению бывших условных землевладений в безусловные, т. е. наследственные.

В «Тарих Баб ал-абваб» неоднократно упоминаются дийа⁹, принадлежавшие крупным дербентским феодалам в XI в.¹⁰. В связи с этим В. Ф. Минорский отмечал,

¹ Новосельцев А. П. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1973. С. 34–35.

² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 63. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 64.

³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 64.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 68–69.

⁸ Шихаб ад-Дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Магасбурны / Пер. и коммент. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 221.

⁹ Подробно о дийа в Дагестане см.: Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Из истории... С. 19–24.

¹⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 47, 53, 57, 62, 74.

что упоминаемые в тексте источника дийа, «очевидно, были в пользовании князей и высшего класса... Дийа, по-видимому, были обширными личными поместьями, жалуемыми (первоначально?) из земельного фонда халифов»¹. Однако А. Р. Шихсаидов предполагает, что в Дагестане «под термином "дийа"» выступает феодальное имение независимо от его размеров, как крупное, так и мелкое. Более того... дийа можно понимать также и как земли, находящиеся в собственности свободных крестьян (мульк)»².

А. П. Новосельцев считает, что дийа арабских авторов соответствует агаракам и дастакертам армянских и грузинских источников³ и, что в Армении в IX–XIII вв. под ними можно понимать обрабатываемые земли, а также поселения, где жили крепостные крестьяне.

Анализ исторической хроники «Тарих Баб ал-абваб» свидетельствует, что подобный вывод справедлив и для Дербента, где под дийа крупных феодалов города можно понимать обрабатываемые земли, поместья и поселения с крепостными. В связи с этим следует отметить, что, сообщая о землях и поместьях, принадлежавших в Маскате эмиру и раисам, в которых эмир Мансур собирался пресечь «беззакония и злоумышления» курдов, источник упоминает в них «крестьян и издольщиков»⁴.

Одной из категорий земельной собственности являлись вакфные земли, появление которых в Дагестане, и в первую очередь в Дербенте, связано с арабским господством и распространением ислама. Вакф в Дагестане, в том числе и в Дербенте, рассмотрен в работах Ш. М. Ахмедова и А. Р. Шихсаидова, что позволяет нам не останавливаться подробно на этой форме собственности. Отметим лишь, что в Дербенте, как и в других пограничных областях халифата, вакф получил большое распространение и значительная часть его шла на содержание военно-религиозных группировок города и его округа – «гази» (борцов за веру). В Дербенте в качестве вакфной собственности выступали пахотные участки, сады, колодцы, мельницы, караван-сарай, кроме того, в вакф городу были отданы доходы с нефтяных и соляных промыслов Ширвана (Баку)⁵.

Таким образом, источники позволяют говорить, что в Дербенте существовали все основные виды феодальной собственности на землю, характерные для многих районов Дагестана и развитых стран Закавказья. Наличие среди феодального класса-сословия Дербента крупных, средних и мелких землевладельцев, которым принадлежали как многочисленные очень значительные по размерам «дийа», так и более мелкие наделы земли, «дийа жителей ал-Баба», находившиеся в условном или безусловном держании, свидетельствует о зрелости феодальных отношений здесь и о далеко зашедших процессах феодализации местного городского общества, в котором землевладельческой аристократии принадлежала ведущая роль.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 157–158.

² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 72–73.

³ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути... С. 120.

⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 75.

⁵ Derbend-Nameh. P. 590, 592–593.

3. Торгово-ремесленная знать феодального Дербента

Наряду с землевладельческой торгово-ремесленная знать играла значительную роль в жизни феодального города. Она именовалась в источниках различными терминами, отражавшими, вероятно, положение различных ее категорий в социальной структуре Дербента: «раисы», «знатные люди», «купцы и уртаки», «а'йан ас-суфуф».

По поводу очень сложного и многозначного термина «ране» В. Ф. Минорский писал: «Мы слышим о раисах и в Арране, и в Ширване, и некоторые из них, несомненно, были главами городских гильдий»¹. Так, в «Тарих ал-абваб» несколько раз упоминается о «раисе дубильщиков», который играл значительную роль в политической жизни средневекового города². В феодальной иерархии Дербента он занимал более низкую ступень, чем такой крупный феодал, как Муфарридж б. Музаффар, который мог приказывать первому³ как подчиненному. Однако роль раиса дубильщиков в политической жизни средневекового Дербента была весьма значительна, и этот глава одного из ремесленных объединений города более 30 лет находился в центре его событий.

В отличие от феодальной верхушки Дербента торгово-ремесленная знать не стояла в столь непримиримой оппозиции к эмирам, чем, возможно, и объясняется приказание Муфарриджа раису дубильщиков выступать посредником в перемирии между раисом раисов и эмиром. Однако это не означает, что крупные землевладельцы города не были связаны с торгово-ростовщическим капиталом, а представители торгово-ремесленной знати не обладали значительными земельными наделами. Подобное слияние феодальной и торгово-ремесленной знати стало отчетливо проявляться в политических и экономических центрах халифата уже при ранних Аббасидах, где наблюдалось сосредоточение в одних руках торгового капитала и землевладения⁴, и получило дальнейшее развитие в городах средневекового Востока домонгольского и монгольского времени. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в столь крупном торгово-экономическом центре, как Дербент, в лице крупного землевладельца-раиса мы можем видеть и представителя торгового капитала, участника международных торговых сделок, хозяина оптовых партий товара, караванов и караван-сараев.

Развитие караванной и морской торговли и особая роль Дербента как одного из главных посредников в торговых сношениях между «северными странами» и мусульманским Востоком способствовали сложению в составе господствующего класса города значительной прослойки торговой знати. Дербент был местом, куда съезжались купцы «из Джурджана, Табаристана, Дейлема», «Серира и других стран неверных». Подобно торговым гостям в городах Древней Руси они пользовались покровительством феодальных правителей⁵, получавших значительный доход с привозимых товаров. Однако средневековые источники сообщают не только об иноземных торговых гостях Дербента, но и о местных купцах, занимавшихся как крупной международной, так и внутренней торговлей. У Мас'уди есть сведения о дербентских купцах,

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 163.

² Там же. С. 70, 75, 79.

³ Там же. С. 75.

⁴ Якубовский А. Ю. Ирак на грани VIII–IX вв. // Тр. I сессии арабистов. М.; Л., 1937. С. 46.

⁵ Тихомиров М. Я. Древнерусские города. М., 1956. С. 154.

которые имели налаженные связи с причерноморскими степями¹. Шафран и марена, вывозимые вплоть до Индии, льняное полотно и полотняные одежды, прославившие ткацкое ремесло города на весь средневековый Восток, знаменитые северные меха и «рабы из стран неверных», перекупаемые на дербентских базарах, открывали широкие возможности перед купцами Дербента и позволяли им успешно конкурировать на рынках средневекового Востока Хазарии, Древней Руси. В этот период в городе существовали торговые объединения, «товарищества» купцов, характерные для крупных экономических центров средневекового Востока. Мы знаем об «уртаках и купцах» Дербента, которые, по сообщению Рашид ад-Дина, были ограблены в 1228 г. монгольским отрядом². Рашид ад-Дин употребил для обозначения этих представителей дербентской торговой знати два термина – «уртаки» и «купцы». Уртак – это купец, который ведет торговое дело в компании с другими купцами, один из членов купеческих товариществ, характерных для средневекового Востока предмонгольского времени и державших в своих руках транзитную торговлю и целые караванные трассы³. А. Ю. Якубовский писал, что «это были организации, обладавшие большими капиталами, которые вкладывались в торговлю, связанную с очень отдаленными странами, вплоть до Монголии и Китая»⁴. Видимо, и дербентские уртаки были участниками подобных компаний и организаторами торговых караванов, «которые ходили туда и обратно»⁵.

Наряду с представителями крупного торгового капитала, занимавшимися в основном оптовой международной торговлей, в средневековом городе существовала и более мелкая торгово-ростовщическая знать, образно охарактеризованная исследователями как «аристократия базаров» или «знать среднего класса»⁶. Речь идет о социальной прослойке города, обозначенной в «Тарих Баб ал-аббаб» термином «а'йан ас-суфуф», который не имеет себе параллелей в арабской социальной терминологии мусульманского Востока. В. Ф. Минорский, исследовавший значение этого термина, предположил, что, вероятно, в источнике «речь действительно идет об именитых (купцах) из (торговых) рядов»⁷. Исследуя довольно сходный термин «ахл ас-суфуф», В. М. Бейлис пришел к аналогичным выводам для средневекового Байлакана, где «суфуф» (ряды) объединяли торговцев и ремесленников города, так же как и в Дербенте⁸. Этот разряд дербентской знати держался в отличие от раисов на стороне эмиров, которым он оказывал прямую поддержку, или оставался лояльным в период смут и междоусобиц⁹. Думается, что эта торгово-ростовщическая «знать среднего класса», «аристократия базаров», связанная в основном с местной торговлей, нуждалась в сильной централизованной власти и потому поддерживала дербентских эмиров.

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений... С. 160.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М., 1946. Т. 3. С. 118.

³ Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 122.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 167.

⁷ Там же. С. 73, 167.

⁸ Бейлис В. М. Из наблюдений над текстом и терминологией... С. 19.

⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 73, 78.

4. Роль духовенства в социальной структуре средневекового города

Дербент в течение многих веков являлся одним из крупнейших идеологических центров средневекового Кавказа, где получили распространение и в определенные периоды сосуществовали три мировые религии: зороастризм, христианство, ислам. В период V–VII вв. в Дербенте господствовали христианство и зороастризм и служители этих культов играли большую роль в жизни местного общества.

Христианское духовенство занимало особое положение в социальной структуре дербентского общества, что было связано не только с очень сильными позициями христианской церкви в Дербенте, как и во всем Закавказье, но и со сложными противоречиями идеологического характера, которые возникали в силу различного вероисповедания сасанидской военно-административной верхушки и основной части населения города. Христианство, начавшее укрепляться в Дербенте еще в IV в.¹, в V в. уже было религией основной части иранского населения города. Христианское духовенство являлось «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья»², и духовенство Дербента не было исключением в этом плане. Близость Ватнианского поля, где погиб мученической смертью от рук маскутов один из первых христианских миссионеров на Восточном Кавказе – епископ Григорис³, и пребывание здесь албанского царя Ваче II, яркого противника зороастризма, потерявшего корону из-за своей приверженности к христианству⁴, выделяли Дербент среди других раннехристианских центров Восточного Кавказа. В V–VII вв. город был крупнейшим идеологическим центром Кавказской Албании, где, по сообщениям ранне-средневековых источников, находилась резиденция католикоса (патриарха) страны, перенесенная в середине VI в. в Партав⁵.

Особое положение среди высшей духовной знати Албании глава дербентской церкви сохранил и после перенесения престола, о чем свидетельствует титулатура албанских католикосов, подписывавшихся на бумагах «католикос агванский, лбинский и Чога (т. е. Дербента. – А. К.)»⁶. Это позволяет думать, что две данные области, Лбиния и Чога, являлись какими-то особыми епископствами, занимавшими более высокое положение по сравнению с другими областями Албании, что и подчеркивалось в титулатуре католикоса. Как свидетельствует автор «Истории агван», подобная титулатура католикоса была введена главой албанской церкви Тер-Аббасом, при котором престол был перенесен в Партав и «вошло в обыкновение писать на адресе бумаг – католикосу Агвани, Лпинии и Чора»⁷.

Все это позволяет полагать, что, несмотря на усиление власти Ирана в районе Дербентского прохода и на наличие в самом городе значительного персидского гарнизона. Дербент оставался крупным христианским центром Кавказа с многочисленным христианским населением и духовенством, имевшим характерную для этого

¹ История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М. А. Гёворгяна. Ереван, 1953. С. 14.

² Новосельцев А. П. Генезис феодализма... С. 202.

³ История Армении... С. 34.

⁴ Егише. О Вардане и войне армянской. С. 169–170.

⁵ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 90.

⁶ Там же. С. 131; История Дагестана. Т. 1 С. 164.

⁷ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 280.

сословия в Кавказской Албании иерархическую структуру. У нас нет прямых данных о взаимоотношениях христианского духовенства со светской властью Дербента, представленной иранскими правителями, исповедовавшими зороастризм. Однако археологические исследования последних лет, подтверждавшие факт существования в раннесредневековом городе христианских памятников¹, в том числе и огромного христианского храма V–VII вв.², а также данные письменных источников, сообщавших о существовании здесь еще в начале VIII в. «восточного патриаршего дворца»³, который не рискнул тронуть арабский полководец Маслама, свидетельствуют о весьма высоком месте, занимаемом христианским духовенством в социальной структуре раннесредневекового Дербента.

Подобно многим раннесредневековым городам Западного Ирана и Закавказья, где, несмотря на присутствие крупных персидских гарнизонов, преобладало христианское население, основу торгово-ремесленного люда Дербента составляли христиане, среди которых было много переселенных сюда иранцами сирийцев и греков. М. М. Дьяконов писал, что в сасанидском Иране «городское население запада состояло в основном из сирийцев, евреев и греков, преимущественно ремесленников, переселенных сюда из завоеванных сасанидскими царями городов»⁴. Подобное положение было характерно и для раннесредневекового Дербента, христианские культовые памятники которого имеют очень близкие параллели с сирийскими⁵.

М. М. Дьяконов, об аналогичных Дербенту городах сасанидского Ирана, где христианское население «составляло значительную часть жителей или даже основную», отметил, что там «религиозный глава играл роль посредника между шахом и его христианскими подданными – горожанами. Несторианскому католику, например, передавалось право собирать подати с христиан для передачи их в казну»⁶. Вероятно, аналогичную роль осуществлял и глава дербентской церкви, выступавший посредником между сасанидской администрацией и христианским населением города, но, учитывая специфику Дербента, права его могли быть значительно шире. Все это позволяет предполагать, что, несмотря на противоречия идеологического характера, христианское духовенство не в меньшей степени, чем зороастрийское, служило опорой сасанидской администрации Дербента, и одной из главных причин подобной веротерпимости было совпадение их интересов в деле защиты от набегов кочевников Закавказья и западных провинций Ирана, где преобладало христианское население.

У нас нет конкретных данных о зороастрийском духовенстве Дербента, но, учитывая наличие здесь значительного количества иранцев (верховная власть, административно-чиновничий аппарат, воины гарнизона), можно предположить существование в городе зороастрийского жречества, служившего опорой власти и занимавшего традиционно высокое положение в социальной структуре восточного

¹ Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 48–51.

² Артамонов М. И. Древний Дербент // С А. 1946. №8. С. 141–143; Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте. С. 49–50.

³ История агван Моисея Каганкатвацци. С. 261.

⁴ Дьяконов М. М. Очерк истории... С. 285.

⁵ Артамонов М. И. Древний Дербент. С. 142–143; Хан-Магомедов С. О. Джума-мечеть в Дербенте. С. 211–214, 220.

⁶ Дьяконов М. М. Очерк истории... С. 286.

общества. Влияние зороастрийского духовенства на персидскую часть населения города было, вероятно, весьма велико.

В первой четверти VII в. Дербент после ожесточенных арабо-хазарских войн вошел в состав халифата и превратился в один из главных опорных пунктов арабов на Кавказе. В город и возведено не менее восьми мечетей¹, главная из которых (Джума-мечеть) была перестроена из христианского храма. С этого времени Дербент стал оплотом мусульманского мира на северных границах, крупнейшим центром распространения ислама, а мусульманство – господствующей идеологией основной части его населения. Если на первом этапе укрепления своей власти в Дербенте арабы весьма уважительно отнеслись к главе христианского духовенства города², то позднее, в VIII–IX вв., в период распространения и укрепления ислама на Восточном и Северо-Восточном Кавказе, связанных с многочисленными походами дербентских «газиев» против «неверных», мусульманские правители города отличались значительно меньшей веротерпимостью.

Социально-экономическое и политическое развитие Дербента в VIII–XIII вв. способствовало сложению в городе определенной прослойки мусульманского духовенства, которое, опираясь на многочисленные военно-религиозные группы дербентского населения, играло значительную роль в его жизни.

Мусульманское духовенство, несомненно, играло большую роль в социальной жизни Дербента, но, однако, судя по источникам, эта категория представителей господствующего класса города не была столь сильной, как землевладельческая и торгово-ремесленная знать. У нас нет сведений о каких-либо больших группах крупных духовных феодалов в городе средневековой поры и о том, что духовенство выдвигало свои экономические и политические требования или отстаивало свои интересы. В связи с этим Р. М. Магомедов писал, что «духовенство Дербента, судя по материалу письменных источников, не проявляло себя во внутренней борьбе как социальная прослойка, сознающая свои особые интересы и способная их отстаивать»³. Однако думается, что роль мусульманских священнослужителей и различных военно-религиозных группировок в жизни средневекового города была более весомой и заметной.

Мусульманское духовенство не имело столь сложной иерархической структуры, как христианское, но и здесь существовала определенная градация служителей культа. В письменных источниках применяют при упоминании мусульманского духовенства города такие термины, как «имам»⁴, «шейх»⁵, «проповедник»⁶, «кади ал-кудат»⁷.

К духовному сословию весьма близко примыкали определенные прослойки населения Дербента, условно названные нами военно-религиозными группами, которые в значительной мере служили социальной опорой мусульманского духовенства го-

¹ *Тарихи Дербенд-наме*. Тифлис, 1898. С. 78–79.

² История агван Моисея Каганкатвацци. С. 261.

³ Магомедов Р. М. Дагестан. Махачкала, 1971. С. 64.

⁴ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XX вв. М., 1980. Ч. 3. С. 17, 19, 27.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 78; Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 6–7 и след.; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники. Ч. 3. С. 17, 27.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 68–69.

⁷ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... Ч. 3. С. 17, 27.

рода. К ним можно отнести «чтецов корана» (курра), «мусульманских добровольцев» (муттави'и), в определенной мере «борцов за веру» (гази)¹.

Взаимоотношения дербентского духовенства с светской властью города домонгольской поры носили весьма сложный характер и менялись по мере социально-экономического и политического развития Дербента, углубления процессов феодализации местного общества, обострения классовых и внутрисословных противоречий в нем.

В VIII–IX вв. в Дербенте духовенство еще не играло достаточно весомой роли в политической жизни города и о представителях этого сословия почти нет упоминаний в письменных источниках. Вероятно, в этот период происходит процесс формирования сословия и выделения его в самостоятельную социальную категорию обитателей города.

В основе интересов дербентского духовенства и многочисленных представителей военно-религиозных групп лежит в этот период главным образом «джихад» (война с неверными), в которой они целиком поддерживают политику наместников омайядских и аббасидских халифов. Эта категория населения города и «воины исламских центров» составляли главную социальную опору дербентских правителей в многочисленных «походах за веру», уступив, однако, последним приоритет идеологического руководства в них. Вероятно, это было связано с тем, что в военизированной жизни пограничного города, своего рода форпоста мусульманской идеологии и передового рубежа «борьбы за веру», светские феодалы в значительной степени подменили духовную власть и взяли на себя многие функции последней. Правитель Дербента считался не только крупнейшим светским феодалом, но и главой всех мусульман города и округи. Дербентские эмиры неоднократно возглавляли походы «гази» «в страны неверных»². В этом видели одну из главных своих обязанностей перед «мусульманским миром» как наместники халифа, так и сменившие их у власти Хашимида. Обогащаясь в этих многочисленных походах, проводившихся под идеологическими лозунгами «борьбы за веру», и давая возможность поживиться за счет «неверных» самым различным социальным слоям города и округи, дербентские правители выступали в них не только как военные предводители, но и как идеологические вожди. Опираясь на наиболее фанатично настроенные социальные прослойки города, сделавшие «джихад» своей профессией, эмиры в определенной мере сами оказывались зависимыми от этих мусульманских военно-религиозных группировок и в угоду им вынуждены были поддерживать знамя «священной войны», выступая ревностными поборниками веры и защитниками ислама. В этом плане показательным поведением уже первого эмира из местной династии Хаши-мидов, Хашима б. Сурака, который, едва укрепившись на престоле, сразу же «сделал набег [гази] на Серир и перебил много народу»³. Повторяли дербентские эмиры набеги неоднократно и позднее. На ранних этапах эти социальные группы, являвшиеся главной силой в попытках распространения ислама на север, были основной военной опорой правителей Дербента. Когда город был пожалован халифом Мутаваккилом в 237 г. х. (851 г.) Мухаммаду б. Халиду, то последний нашел полную поддержку у газиев Дербента. «С помощью газиев ал-Баба Мухаммадб. Халид также ходил на неверных, живущих по-соседству с ал-Бабом и Дербентом»⁴.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 46, 48, 65, 68, 70, 163.

² Там же. С. 46–47, 65, 68, 70 и др.; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 168.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 46.

При халифе Мансуре (754–775 гг.) его наместник Йазид ас-Сулами обложил нефтяные и солеваренные промыслы Шир-вана налогами в пользу жителей Дербента (имелись в виду прежде всего «борцы за веру»), собираемыми специальным чиновником¹. От имени халифа подати в пользу защитников северных границ брались в Южном Дагестане и Ширване. В 803 г. Дербент получил от Харун ал-Рашида фирман на право ежегодного сбора доходов с нефтяных источников и соляных промыслов, которые шли на содержание военных сил города. В 270 г. х. (883/84 г.) халиф Мутамид приказал отобрать все нефтяные и соляные промыслы у ширванцев и подарил их жителям Дербента, назначив управляющего для сбора налогов². При назначенном халифом правителе Ширвана Мухаммаде Ибн Иазиде управляющий промыслами принимал все что добывалось под расписку, а сам ширваншах и эмиры подписали и скрепили печатью грамоту о передаче всех доходов от соли и нефти (в вакф) воинам Дербента. Грамота была вручена правителю Дербента, и ширван-шах из этих доходов «ни на крупинку, ни на динар не польстился»³. Центральные власти снабжали газиев хлебом, доставлявшимся из Ширвана. Известно, что при правителе Ширвана Хай-саме б. Мухаммаде «весь урожай свозился в амбары, которые он построил в своей столице, после чего он правильно распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев»⁴. Но уменьшение зависимости Дербента от Багдада и превращение его в самостоятельное феодалное владение лишили газиев этого источника существования. Дербентские эмиры не имели возможности, подобно наместникам халифов, содержать столь значительные силы самостоятельно, что привело к отходу этих социальных групп от правителей города. С этого времени начинают меняться и взаимоотношения правителей города с духовенством, тесно связанным с данными военно-религиозными мусульманскими группировками.

В X – начале XIII в. начался новый этап развития Дербента, характеризовавшийся дальнейшим углублением социальных противоречий в его феодалном обществе и острой борьбой с Ширваном за гегемонию на Восточном Кавказе. В борьбе с мятежной знатью города, именуемой в источниках «раисами», дербентские эмиры не могли рассчитывать на мусульманские военно-религиозные группировки, переставшие служить им опорой, или на помощь торгово-ремесленного люда, находившегося под значительным влиянием раисов. Главной опорой их становятся личные телохранители – гуламы, нередко состоявшие из иноверцев-русов. Вмешательство мусульманского Ширвана в дела Дербента и поддержка, оказываемая ширваншахами мятежным раисам, поощрявшим сепаратистские, центробежные тенденции дербентской феодалной знати, заставили дербентских эмиров искать союзов с немусульманскими правителями Северо-Восточного Кавказа⁵, против которых они ранее вели «священную войну за веру». Все это осложняло отношения эмиров с мусульманским духовенством города и создавало нередко конфликтные ситуации между главными «защитниками» ислама и его священнослужителями, заканчивавшиеся порой поражением эмиров. Мы знаем случаи, когда в результате обострения противоречий между духовенством и светской властью эмир был вынужден покинуть город, а мусульманский «проповедник сосредоточил в своих руках все государственные дела»⁶.

¹ Баладзори. Книга завоевания стран С. 20.

² Derbend-Nameh. P. 590, 592.

³ Ibid., P. 592–593.

⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента С. 47.

⁵ Там же. С 51, 61, 67, 70. 73. 78 и др.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 68.

Иногда мусульманское духовенство диктовало самым жестоким образом дербентским правителям свои условия. Так, мусульманский проповедник Муса ат-Тузи, восстановивший население города против эмира и его телохранителей-русов, «требовал у эмира выдать ему его телохранителей-русов (гуламов), чтобы им был предложен ислам или смерть. Так как эмир ответил отказом, начались беспорядки, и ...дела приняли такой оборот, что эмир был вынужден просить проповедника обеспечить ему безопасность (аман) с условием, что он сдаст ему цитадель, а сам со своими гуламами уйдет в Табарсаран»¹.

Подобной ситуацией нередко пользовалась знать города, стремившаяся с помощью духовенства ослабить власть эмиров и усиленно раздувавшая их недовольство светскими правителями. Тородская феодальная верхушка, имевшая и при наместниках халифа большое влияние на решение духовных дел в городе и даже хранившая у себя ключи от «Хазаватских ворот»² (ворота Баб-ал-Джихад), сумела еще больше его упрочить в X–XII вв.

Мусульманское духовенство Дербента, не нашедшее в этот период ни политической, ни экономической опоры в лице светской власти, было вынуждено ориентироваться на различные группировки городской знати, весьма пестрые по социальному составу и разнохарактерные по своим сословным интересам. Являясь выразителями интересов различных слоев феодальной и торгово-ремесленной знати Дербента, духовное сословие не было едино и находилось под значительным влиянием очень сильных в экономическом и военно-политическом отношении лидеров этих социальных группировок. А. Ю. Якубовский, занимаясь изучением Сарай-Берке, отмечал, что в средневековых городах Востока представители различных социальных группировок знати и ремесленников имели своих идеологических наставников – шейхов³. А. Р. Шихсаидов, отмечая упомянутых в «Тарих Баб ал-абваб» «шейхов города» (шуйух ал-белад), предположил, что они были не случайно упомянуты вместе с «а'йан ас-суфуф» и, возможно, речь идет о «шейхах, наставниках дербентского купечества и ремесленников»⁴. Если подобное предположение верно, то своих шейхов должны были иметь и другие сдои населения средневекового города.

Огромное влияние мусульманское духовенство оказывало на городские низы Дербента, и здесь особая роль принадлежала суфийским шейхам и дервишам, являвшимся идеологами торгово-ремесленного люда города.

Дербент в средневековый период был одним из крупных центров суфизма. Рассматривая идеологию суфизма, И. П. Петрушевский отмечал, что «суфийско-дервишские ордена были связаны с ремесленными корпорациями: в проповеди суфиев слышались протест против богатства и роскоши высших классов, идеализация бедности»⁵. Исследования в этой области свидетельствуют, что Дербент не только был одним из очень значительных очагов суфизма на Кавказе, но и оказывал большое влияние на широкое распространение этого течения в Дагестане⁶. До нас дошло одно из интереснейших произведений по суфизму – «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», составленное в городе в XI в., где упомянуты имена многих шейхов-суфиев

¹ Там же. С. 68–69.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 165.

³ Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. С. 27.

⁴ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 168.

⁵ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 356

⁶ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 168.

Дербента¹. На суфийские маджлисы в Дербенте приходили многочисленные ремесленники и мелкие торговцы (продавец бумаги и книг, шелковод, мыловар, рыбак, портной, лекарь и др.)², составлявшие основу населения средневекового города. Подобная картина была характерна и для других суфийских центров средневекового Востока, где «на суфийские маджлисы, устраивавшиеся дервишскими шейхами, собиралось много слушателей, большинство которых составляли ремесленники и мелкие торговцы»³.

Роль дервишских общин в жизни средневековых городов была значительна, и «связь с дервишами облегчала ремесленнику борьбу с крупными предпринимателями и купечеством»⁴.

Вероятно, дервишские шейхи составляли одну из самых многочисленных прослоек духовенства города и, являясь беднейшими представителями мусульманских служителей культа, были выразителями идеологии городских низов.

5. Сословные противоречия и социальные конфликты в дербентском феодальном обществе

Феодално-клерикальная литература, как и буржуазная историография, старалась умалчивать о народных выступлениях и недовольстве масс. Однако наличие даже в таких источниках некоторых данных о городских восстаниях в Дербенте и острых классовых противоречиях внутри его общества может свидетельствовать о том, что в социальной жизни средневекового города им принадлежало особое место. Классовая борьба в Дербенте, одном из наиболее развитых городов средневекового Дагестана, характеризовалась как выступлением городских низов, так и восстаниями зависимого крестьянства дербентской округи.

Страдая от налогового гнета верховной власти и феодальной знати, разоряемые многочисленными войнами и грабежами, городской люд и крестьяне зависимых земель не раз поднимали восстание против эксплуататоров. Нередко выступления, начавшиеся в городе, перекидывались в сельскую местность, где феодальная эксплуатация зависимых крестьян и издольщиков была более сильной, чем ремесленников-горожан в самом Дербенте. Так, в период смут в городе в середине X в. «восстали крепости и деревни, принадлежавшие Дербенту»⁵.

Крупные волнения вспыхнули в Дербенте в 955–956 гг. в связи с попыткой марзбана Саллара б. Мухаммада увеличить налоговое бремя⁶, что в первую очередь, видимо, ударило по городским низам «и вызвало в Дербенте восстание, которое Марзбан ибн Мухаммад усмирил»⁷.

¹ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5–7.

² Там же.

³ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1966. С. 523.

⁴ Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература М.. 1965. С. 41.

⁵ Derbend-Nameh. P. 591.

⁶ *Ibn al-Athiri*. Chronicon quod perfectissimus inscribitur / C. J. Tornberg // Upsaliae et Legduni Batavorum, 1851–1876. Vol. VIII. P. 376.

⁷ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 682.

Усиление феодального гнета приводило к острому недовольству народных масс средневекового Дербента, выражавшемуся в многочисленных выступлениях городского люда против правителей города. Так, «в 414/1023 году жители ал-Баба изгнали эмира Мансура из своего города»¹, а в 1035 г. население ал-Баба снова «выгнало [своего] эмира Абд ал-Малика»². Позднее городские низы еще неоднократно участвовали в волнениях 1044, 1054, 1065, 1071, 1075 гг.³. Однако в большинстве случаев политические и экономические выгоды от подобных выступлений извлекали не народные массы, являвшиеся главной движущей силой восстаний, а городская аристократия – раисы, которые в силу своей организованности, экономического могущества и сословных привилегий обычно оказывались у руля управления, а нередко и главными подстрекателями подобных волнений.

Феодальная знать города, выступавшая главной сторонницей ослабления централизованной власти, старалась использовать в борьбе с дербентскими эмирами недовольство ремесленного и торгового люда и организовать выступления этих мощных сил в своих целях. В связи с этим многие выступления горожан во главе с раисами против эмира надо рассматривать не только как борьбу внутри господствующего класса-сословия, но и как проявление выступлений городских низов против высшей феодальной власти. Аналогичные явления были присущи и антикняжеским выступлениям жителей в древнерусских городах, где «непрерывную смену князей в стольных городах» часто считают лишь борьбой внутри господствующего класса и «до сих пор еще не учитывают роли горожан в княжеских усобицах»⁴. Как в средневековых городах Древней Руси «смену князей и междоусобицы» нельзя рассматривать лишь «как проявление борьбы между князьями»⁵, так и в Дербенте изгнание раисами очередного эмира не было проявлением борьбы лишь только внутри феодальной верхушки города.

Протест городских масс против гнета феодальной верхушки и торгово-ремесленной знати Дербента нашел отражение и в широком распространении здесь суфизма, проповедывавшего отказ от богатства и роскоши и идеализировавшего бедность и равенство. К. Маркс отмечал, что религиозная окраска «черта, общая для всех восточных движений»⁶ и в Дербенте одной из форм социального протеста низов было широкое восприятие суфийских идей.

Однако наряду с классовой борьбой социальное развитие Дербента характеризовалось и обострением противоречий внутри господствующих слоев средневекового города. Эмиры, стремившиеся монополизировать политическую власть в городе и выступавшие ярыми сторонниками централизации, сталкивались с центробежными устремлениями феодальной знати Дербента, пытавшейся всячески ограничить права центра. Эта борьба особенно обострилась с приходом к власти в городе Хашимидов, которые были лишь «первыми среди равных» и поначалу решали все дела «только посоветовавшись с мудрыми стариками ('укала) и начальниками (ру'аса)»⁷.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 53.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 55.

³ Там же. С. 55–57, 72–73, 79.

⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 215.

⁵ Там же.

⁶ Маркс К. Китайские дела // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 529.

⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 45–46.

Но попытки феодальной верхушки города свести эмиров до роли послушных марионеток встречали ожесточенное сопротивление последних, что выливалось в острые социальные конфликты, затрагивавшие все слои феодального общества¹.

В связи с острой политической борьбой внутри господствующего класса встает вопрос о том, на какие слои опирались в ней эмиры и раисы. В тех случаях, когда в этой борьбе принимали участие и городские низы, победа доставалась той группировке господствующего класса, которая сумела направить выступление народных масс в выгодное для себя русло и навязать им свои идейные лозунги и социально-экономические требования. В большинстве случаев это были раисы, более тесно связанные с торгово-ремесленным людом и нередко возглавлявшие специализированные ремесленные корпорации и торговые гильдии. Когда раисам удавалось сплотить широкие слои населения города против эмира, правитель терпел поражение, даже несмотря на поддержку наемных отрядов русов² и войск соседних феодальных правителей³. Но в тех случаях, когда эмирам удавалось отколоть народные массы от раисов, терпели поражение они. В 1064 г. дальновидный и тонкий политик эмир Мансур сумел переманить народные массы Дербента: «жители перешли на сторону эмира и покорились ему», а раисы потерпели поражение⁴. Любопытно, что раисы сейчас же попытались наказать дербентцев сначала с помощью сирийцев, угнавших городское стадо скота⁵, а позднее, предательски убив эмира в его поместье, «велели гуламам разграбить город (балад). И в эту же ночь в городе произошло великое бесчинство, о подобном которому никто в этих краях не слыхивал»⁶.

Значительную роль в этих ожесточенных столкновениях феодальной верхушки играли гази, служившие в VIII–IX вв. одной из главных военных сил правителей города, но позднее, с приходом к власти Хашимидов, которым было не под силу поддерживать финансами их многочисленные отряды, гази стали отходить от эмиров и больше ориентироваться на раисов.

Судя по данным источников, поддержку эмирам оказывали «купцы из торговых рядов» (а'йан ас-суфуф), нуждавшиеся в сильной централизованной власти⁷.

Непосредственно военной силой, на которую опирались как эмиры, так и раисы, были их гуламы, целиком преданные своим господам, а также наемные отряды и войска феодальных правителей Восточного Кавказа и Дагестана. Эмиры чаще всего использовали в своей борьбе табасаранцев, серирцев, кайтакцев, иногда хазаров и русов⁸, а раисы обычно опирались на военную помощь Ширвана⁹.

Исследования засвидетельствовали сложную структуру общества средневекового города и острые конфликтные ситуации, характеризующие его социальное развитие, которое было связано с дальнейшим углублением феодальных отношений, обострением классовых и внутрисословных противоречий.

¹ Там же. С. 67–79.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 67–68.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 73–74.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 166–167.

⁸ Там же. С. 66, 68–69, 72, 73–79.

⁹ Там же. С. 67, 70, 72, 73–75 и след.

6. Социальная топография Дербента VI–XIII вв.

Социальная структура феодального общества Дербента и его острые внутренние противоречия нашли яркое отражение в исторической топографии города VI – середины XIII в. Определенным показателем социальной стратификации дербентского общества служит четко засвидетельствованная нашими исследованиями структура самого города, отражавшая уровень его социально-экономического развития: двухчастная в раннесредневековый период и трехчастная в средневековый. Раскопки показали, что в сасанидское время цитадель была резиденцией правителя города – иранского наместника (марзпана), местопребыванием его двора, административно-чиновничьего аппарата, воинов, слугителей культа. Здесь были обнаружены монументальные дворцовые постройки с помещениями жилого, административного, хозяйственно-бытового и общественного назначения общей площадью свыше 3000 кв. м. Сопоставление дворцового комплекса раннесредневековой цитадели с многочисленными памятниками гражданской архитектуры шахристана показало, что по своей монументальности, сложноплановости, многим конструктивным решениям, разнообразию архитектурных деталей, богатству интерьера и инвентаря он намного превосходит жилище представителей всех остальных слоев города, что подчеркивает особое положение обитателей дворца в социальной структуре Дербента.

По размерам и архитектурному оформлению дворцовые сооружения раннесредневековых правителей Дербента не могут быть пока сопоставлены ни с одним из аналогичных комплексов крупнейших памятников Восточного Кавказа этой поры, что, видимо, надо воспринимать как свидетельство высокого места дербентского правителя в феодальной иерархии региона.

В арабское время цитадель продолжает играть ту же роль в структуре города, что и в раннесредневековый период: она остается резиденцией правителя города. Ни по размерам, ни по богатству оформления и обнаруженного в нем инвентаря дворец правителя города VIII–IX вв. не сопоставим с любым другим гражданским сооружением шахристана. Внушительные размеры и монументальность дворцовых сооружений, сложность планировки и наличие крупных помещений с квадратными колоннами, сплошь орнаментированных резным шtukом, богатство внутреннего убранства и обнаруженных здесь материалов, включающих самую раннюю поливную посуду, дорогие изделия из стекла и металла, оружие, многочисленные импортные предметы и ювелирные украшения свидетельствуют, что, подобно сасанидским наместникам, омайядские и аббасидские правители города стояли на самой высокой ступени иерархической лестницы.

Большие изменения отмечены в топографии цитадели X – середины XIII в. В этот период, как и в более раннее время, цитадель остается резиденцией дербентских эмиров, местопребыванием их двора, личной гвардии, административно-бюрократического аппарата, но дворцовые сооружения переносятся из восточной части цитадели в северо-западную. В этом перемещении дворцовых комплексов правителей Дербента нашла отражение та острая социальная борьба в городе, которая была присуща развитию его феодального общества. Ни сасанидским наместникам, ни арабским правителям не приходилось особенно опасаться угрозы со стороны самого города, от неприятеля же защищенного мощными оборонительными стенами. В противоположность им дербентским эмирам пришлось столкнуться не только с внешними

врагами, но и с внутривластными противниками, которые стали даже опаснее первых. Именно обострение социальных конфликтов вынудило дербентских эмиров перенести свой дворец в более безопасную с X в. северо-западную часть цитадели и дополнительно укрепить обращенную в сторону города восточную стену. Здесь появляются мощные, далеко вынесенные полукруглые башни, фланкировавшие торцы восточной стены цитадели в местах ее стыка с северной и южной стенами города, а также полукруглая башня, которая дополнительно укрепила восточную стену цитадели от нападения со стороны города. С X в. цитадель выделяется из общей оборонительной системы города и в значительной степени изолируется от него. Дворцы X–XIII вв. отличаются несколько меньшими размерами и монументальностью, чем комплексы правителей города сасанидской и арабской поры, но значительно превосходят жилые дома в городе. Во внешнем оформлении дворцовых комплексов меньше парадности и величия, но интерьер их даже превосходит оформление дворцов сасанидского и арабского времени. Здесь очень много резных архитектурных деталей и украшений, плит с надписями, стены помещений покрывались простой и цветной штукатуркой, резным шtukом, штукатуркой с цветной росписью и росписью золотом. Разнообразием и богатством отличаются обнаруженные здесь материалы, включающие прекрасную поливную местную и импортную посуду, богатое оружие, изделия из слоновой кости, китайский фарфор (в том числе большое количество селадона), ближневосточный фаянс, сосуды с люстровой росписью из Рея и Кашана, разнообразные ювелирные украшения и многие другие дорогостоящие предметы.

Изучение исторической топографии цитадели как одной из составных частей структуры средневекового города убедительно свидетельствует, что в местном феодальном обществе на вершине иерархической лестницы находился правитель Дербента, проживавший в отделенной от остального города его части. Цитадель, полностью господствуя над городом, была неотъемлемым составным компонентом его структуры и в то же время несла в себе черты социального развития Дербента феодальной поры. В X – середине XIII в., в период наибольшего развития феодальных отношений и обострения социальных конфликтов в местном обществе, цитадель выступает не только как резиденция правителя и административный центр города, но и как надежное убежище эмиров, совершенно самостоятельная часть дербентской фортификации, своего рода неприступный феодальный замок, способный выдержать осаду со стороны как внешних врагов, так и собственных подданных.

Не менее ярким показателем социального и имущественного расслоения дербентского общества, углубления процессов его феодализации является историческая топография двух других составных частей структуры города – шахристана и рабада.

Шахристан Дербента отличался плановой, регулярной застройкой, основу которой составляли симметричные кварталы, начавшие складываться еще в сасанидский период. Здесь были сосредоточены крупнейшие гражданские и культовые сооружения, общественно-торговый центр, дома городской знати. Большая часть выявленных здесь жилых строений уступает по размерам дворцам дербентских эмиров, но превосходит основную массу жилищ города. Крупные дома достигают площади 200–300 кв. м и имеют довольно значительные дворы с хозяйственно-бытовыми и жилыми пристройками.

В качестве строительного материала в подобных домах использовался только тщательно обработанный камень и жженный кирпич, уложенные на известковом растворе. Инвентарь, обнаруженный в этих домах, отличается разнообразием и богат-

ством. Здесь широко встречаются высококачественная местная и привозная поливная керамика, многочисленные предметы и украшения из стекла и кости, дорогое оружие, импортный, в том числе китайский, фарфор и фаянс, прекрасные сосуды с люстровой росписью ювелирные украшения и другие дорогие предметы. Ряд дорогостоящих импортных изделий, как, например, очень редкие белоянсовые сосуды из Китая, орнаментированные «цеком» или «краклэ», не встречаются даже во дворцах эмиров. Несомненно, что обитатели подобных домов принадлежали к высшим слоям дербентского общества. По убранству и богатству инвентаря некоторые из этих домов не уступали дворцовым комплексам цитадели и, видимо, являлись жилищами крупных аристократов-раисов типа Муфарриджа б. Музаффара, оспаривавших у эмиров права на политическое и социально-экономическое господство в средневековом Дербенте. В IX–XIII вв. шахристан Дербента превратился в привилегированную часть города, где в основном обитала дербентская знать с зависимыми от нее людьми.

Рабад составлял самую значительную часть городской структуры Дербента. Он появился у города в VIII–X вв. и продолжал развиваться в X–XIII вв. Основу его застройки также составляли кварталы, но планировка их не отличалась симметричностью, а застройка регулярностью. Кварталы здесь имеют самые различные размеры и очертания, улицы узкие, кривые, с большим количеством тупиков и переулков, столь типичных для планировки средневекового восточного города. Выявленные в рабаде жилые дома отличаются небольшими размерами (до 20–60 кв. м.), очень маленькими дворами (или без них) простотой, а нередко асимметричностью планировки и строительных материалов (в основном бутовый или частично обработанный камень на глиняном растворе), относительной бедностью инвентаря, в котором отсутствуют предметы роскоши, дорогостоящий импорт, высококачественные стекло, керамика, оружие, украшения. Находки многочисленных остатков ремесленного производства: развалов печей, горнов, криц, шлаков, натеков стекла, металла, поливы, бракованных изделий и керамических отвалов, самых разнообразных орудий труда не оставляют сомнений, что основной частью населения шахристана являлся ремесленный люд. Наличие специализированных мастерских, выпускавших, например, только сфероконы или столовую поливную посуду, свидетельствует о большой специализации ремесленного производства. Тот факт, что остатки отдельных видов ремесла средневекового Дербента группировались в определенных районах рабада, позволяет говорить не только об узкой специализации ремесла, но и о территориальной концентрации его производства по отраслям (керамическое, стеклоделательное, металлообрабатывающее и т. д.). Это дает основание полагать, что, подобно другим крупным городам средневекового Востока и Закавказья, в Дербенте существовали специализированные кварталы ремесленников. Территориальное объединение ремесленников по кварталам наряду с их объединением в профессиональные корпорации дает представление об уровне социального развития средневекового города, организации его ремесленного производства, роли этого слоя населения Дербента в социальной структуре.

Квартальная планировка была характерной чертой многих древних и средневековых городов Переднего и Среднего Востока, Кавказа и других регионов. Подобно им, в феодальном Дербенте кварталы были не только территориальными, но социальными, этноплеменными и административными единицами. Первые сведения о кварталах относятся к началу VIII в., когда Маслама поделил Дербент на четыре квартала и в каждом построил мечеть, т. е. выделил их в особые единицы. Сначала

кварталы формировались по этноплеменному признаку, и, согласно данным Балами, расселенные в них арабы «происходили из Дамаска, Химса, Куфы и ал-Джезиры»¹. По данным «Дербенд-наме», Маслама разделил город на семь кварталов, «построил в каждом по одной мечети, которые по именам преобладающих в каждой части племен получили название: первая – Хазарской, вторая – Палестинской, третья – Дамасской, четвертая – Хамасской, пятая – Кайзарской, шестая – Джазайр и седьмая – Мосульской»². Как видно из показаний этого источника, в городе уже в тот период существовали не только арабские, но и местные кварталы. По мере социально-экономического развития Дербента кварталы выступают уже не только этноплеменными и территориальными, но и социально-административными единицами. Аналогичная картина характерна для Средней Азии, где «квартал был ячейкой феодального города не только в территориальном отношении. Он являлся административной единицей, с которой имели дело городские власти, действовавшие через старшин кварталов»³. «В XI–XV вв. это было характерно для мусульманских городов от Египта до Средней Азии»⁴. Квартальная планировка была типична для дагестанских средневековых аулов⁵. Порой кварталы городов средневекового Востока отделялись друг от друга стенами⁶, хотя это было характерно не для всех городов⁷. Дербент не имел стен, разделяющих кварталы, но у него существовали «поперечные стены», выделявшие отдельные части его структуры.

О «средней (поперечной) стене» Дербента «Тарих Баб-ал-аб-ваб» сообщает неоднократно⁸ в основном в связи с важнейшими политическими событиями в жизни города, развитие которого в X–XI вв. характеризовалось острыми социальными конфликтами и сословными противоречиями. «Средняя стена» города привлекала особое внимание исследователей тем, что к ее возникновению и функционированию имели отношение две крупные враждующие группировки средневекового Дербента: феодальные правители и городская знать.

Представители двух враждующих партий, одну из которых возглавляли дербентские эмиры, а другую – оспаривавшие у них власть раисы (за ними стояли различные социальные слои города), отмечали свои политические победы разрушением «средней стены». В. Ф. Минорский⁹ и некоторые последующие исследователи¹⁰ уже отмечали особую роль этой стены в борьбе различных феодальных группировок за власть в периоды обострения внутренних противоречий в местном городском обществе.

¹ Бартольд Б. Б. Дербент. С. 421.

² Тарихи Дербенд-наме. С. 78–79.

³ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 17.

⁴ Lapidus J. M. Muslim cities and Islamic societies // Middle Eastern cities / Lapidus. Berkeley, 1969. P. 47–49.

⁵ Косвен М. О. Семейная община и пагромация. М., 1963. С. 190–194; Исламма-гомедов А. И. Материальная культура аварцев. Махачкала. 1967. С. 117–118.

⁶ Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 125; Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагуидов // СВ. 1948. 5. С. 37–38.

⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1966 Т. 6. С. 157; Кудрявцев А. А. О численности населения. С. 86–88.

⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 52, 62, 68, 72, 77.

⁹ Там же.

¹⁰ Магомедов Р. М. Дагестан. С. 65; Шихсаидов А. Р. Дагестан. С. 141.

Возводя или разрушая ее, противоборствующие группировки пытались добиться определенного военного и политического преимущества¹.

Однако подобное толкование сведений «Тарих Баб ал-абваб» о «средней стене» не объясняет имеющихся в них противоречий. Согласно данным источника, стену разрушали обе противоборствующие группировки – и эмиры и раисы, причем нередко разрушение и строительство следовали одно за другим с незначительными промежутками. Так, после смерти дербентского эмира Ахмада в 366 г. х. (976 г.) раисы сумели захватить власть в городе и его сын эмир Маймун б. Ахмад б. 'Абд ал-Малик был «заключен в правительственном здании, а жители начали разрушать среднюю (поперечную) стену [города]»².

В 378 г. х. (988 г.) эмир Маймун восстановил цитадель Дербента и укрепился в ней с помощью русов, что вызвало недовольство жителей города, которые во главе с гилинским проповедником Мусой ат-Тузи изгнали в 379 г. х. (989 г.) эмира, а «Тузи разрушил среднюю стену и, захватив управление городом, послал приглашение Ширваншаху³. Однако, собрав силы, эмир Маймун вернулся в Дербент и в 383/993 г. он отвоевал цитадель у Ширваншаха и разрушил среднюю стену»⁴.

Таким образом, в течение 16 лет «средняя стена» была разрушена трижды, причем два раза противниками верховной власти города и один раз самим эмиром. Факты разрушения «средней стены» отмечены и в другие периоды⁵.

Подобные сообщения источника стали объяснимы лишь в свете широких археологических раскопок в Дербенте, в результате которых были обнаружены две поперечные стены города X–XI вв.⁶

Стараясь уничтожить эти поперечные стены, каждая из враждующих группировок преследовала свои военные и политические – цели. Так, разрушая нижнюю поперечную стену, эмиры лишали обитателей верхней, привилегированной части города (раисов и их приближенных) территориальной обособленности от городского люда, обитавшего в нижней части Дербента и нередко выступавшего на стороне эмиров. Кроме того, верхний город становился более доступным для войск союзных дербентским эмирам правителей прикаспийского Дагестана (через ворота Кирхляр-капы) и терял возможность бесконтрольного общения с Ширваном (через ворота Орта-капы), который активно вмешивался в этот период в дела Дербента и поддерживал антиправительственные настроения местной феодальной знати.

Уничтожение верхней стены ослабляло оборону цитадели, способствовало ее изоляции от союзников в самом городе и за его пределами. Однако поперечным стенам Дербента принадлежала более важная роль в истории города, чем это можно было предположить исходя из данных «Тарих Баб ал-абваб». Было установлено, что появление поперечных стен было не только свидетельством обострения социальных противоречий в дербентском феодальном обществе, но и отражением основных процессов социально-экономического развития города и формирования его структуры.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 166.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 68.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 72, 77.

⁶ Кудрявцев А. А. Интерпретация сведений «Тарих Баб ал-абваб» по исторической топографии средневекового Дербента в свете археологического изучения города // Источниковедение и текстология Ближнего и Среднего Востока М., 1984. С. 48–49.

Поперечная стена, проходившая в районе Джума-мечети, расположение которой заставило В. Ф. Минорского усомниться в правильности своего перевода одной фразы источника, делила город на две части: верхнюю – привилегированную и нижнюю – торгово-ремесленную.

Территориальное сопоставление этих двух частей феодального Дербента показало, что шахристан занимал площадь около 26–27 га, а рабад около 130 га, т. е. около 5/6 территории города. Проведенные нами подсчеты количества населения Дербента¹ в период его наибольшего расцвета, в X – начале XIII в., свидетельствуют, что подобное соотношение площади шахристана и рабада заключало в себе и определенную социальную характеристику дербентского феодального общества. Сначала для сравнения нами были проведены подсчеты населения поздне-феодального Дербента, для чего были использованы планы города начала XVIII – первой половины XIX в. (т. е. когда его планировка не претерпела еще изменений, произведенных впоследствии русской военной администрацией). В это время площадь обживаемой части Дербента составляла около 45–50 га и на этой территории, согласно данным источников, имелось 2189 жилых домов, 15 мечетей, армянская церковь, 6 караван-сарая, 500 лавок, монетный двор, 30 шелковых и 115 хлопчатобумажных мастерских². Таким образом, на 1 га застроенной территории города приходилось 44 домовладения средней площадью 227 кв. м (сюда вошел определенный процент незастроенной территории и площадь нежилых помещений). Средняя численность семьи в средневековую эпоху для Европы и мусульманских стран Востока составляла, согласно многочисленным данным советских и зарубежных исследователей, 6 человек, что позволило вычислить плотность населения на 1 га обживаемой территории поздне-феодального Дербента – 264 человека. Общее количество его обитателей, согласно этим расчетам, составляло в указанный период 13200 человек. Сопоставив эти данные с материалами переписи населения Дербента в 1824 г., когда в городе имелось 1818 домов и проживало 11060 жителей³, мы пришли к выводу, что примененный метод подсчета дает результаты, полностью соответствующие действительности, и приводит к верным выводам.

Зная площадь застройки шахристана и рабада города X–XIII вв. и размеры одного домовладения (без учета незастроенной территории и нежилых строений) – около 200–400 кв. м для шахристана и около 40–140 кв. м в рабаде⁴, можно сделать приблизительные подсчеты количества обитателей в них. В шахристане могло быть около 900 домов (с приблизительной средней площадью домовладения около 300 кв. м), т. е. около 5 тыс. человек, а в рабаде около 13 тыс. домовладений (с приблизительной средней площадью 100 кв. м), т. е. около 78 тыс. человек. Если учесть, что в городе заселена не вся территория (проезжая часть улиц и площадей, нежилые строения) и уменьшить количество домов на 20 %, как это делает О. Г. Большаков для феодальных городов Средней Азии⁵, то, следовательно, население шахристана могло составить около 4,5 тыс. человек, а рабада – 62–63 тыс. человек. Однако надо учитывать, что в рабаде выявлены также дома, площадь которых не превышает 20–40 кв. м, и дома

¹ Кудрявцев А. А. О численности населения. С. 86–88.

² Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета...» С. 202; Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана II История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 143.

³ Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958. С. 29.

⁴ Кудрявцев А. А. О численности населения. С. 88.

⁵ Беленицкий А. М., Бейтович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город. С. 263.

без дворигов. Кроме того, в домах дербентской знати, помимо семьи, жили зависимые люди (возможно, и рабы), а эмир имел двор, личную гвардию, зависимых людей, какой-то процент населения составляло духовенство (дервиши, шейхи, кадии, ученики медресе). Все это позволяет оценивать общее количество населения феодального Дербента в период расцвета города примерно в 70–80 тыс. с возможным отклонением в ту или другую сторону на 15–20 %.

Приведенные подсчеты наглядно свидетельствуют о социальном составе дербентского феодального общества, основу которого, как и в большинстве городов средневекового Востока, составлял торгово-ремесленный люд. Таким образом, историческая топография средневекового Дербента является ярким показателем внутренней структуры и классового состава феодального общества города, его социальной дифференциации и имущественного неравенства, свидетельствующих о высоком уровне развития феодальных отношений.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРБЕНТА

В VI – СЕР. XIII вв.

1. Ремесленное производство средневекового города и периодизация его развития

Бурный территориальный рост Дербента, интенсивна застройка его шахристана и увеличение численности населения города были неразрывно связаны и являлись прямым следствием социально-экономического развития Дербента, дальнейшего подъема его производительных сил и новых производственных отношений, расцвета ремесла и торговли города в VI – середине XIII вв., углубления процесса феодализации и социальной дифференциации городского общества.

Обширные данные археологических исследований средневекового Дербента, полученные в 1970–1995 гг., и анализ письменных источников позволяют проследить пути становления и социально-экономического развития средневекового Дербента, которым принадлежит решающая роль в превращении его в крупнейший феодальный город Кавказа.

Впервые в дагестанской историографии делается попытка проследить этапы экономического роста крупного феодального города, выявить и классифицировать основные виды городского средневекового ремесла, установить периодизацию развития и роль торговли в его становлении.

Дербент пока единственный средневековый город Северного Кавказа, где четко прослеживаются сложная структура местного городского общества, острые классовые и внутрисословные противоречия, связанные с процессами феодализации и социальной дифференциации его, роль различных городских слоев в общественно-экономическом и политическом развитии крупного дагестанского города.

Экономическое и территориальное развитие города было неразрывно связано с ростом и развитием его ремесла, без наличия которого он не может выступать как центр производства и обмена, т. е. не может быть городом в полном смысле этого слова. Рост населения Дербента, первоначально связанный с военно-политическими обстоятельствами, способствовал развитию ремесла и увеличению числа ремесленников в городе, а дальнейший процесс становления города, обусловленный уже экономическими причинами, способствовал резкому подъему ремесленного производства и превращению свободного ремесленника в основную и главную фигуру городского средневекового общества. Это привело к значительному изменению социального состава города, а следовательно, и основной массы потребителей готовой продукции, что поднимает ремесленное производство на новую ступень развития, способствует упрощению основной массы продукции, рассчитанной на широкого потребителя, удешевлению товарного производства. В свою очередь, это неизбежно ведет к усовершенствованию технологии изготовления, более узкой специализации отдельных видов ремесла, что являлось, в конечном счете, главным и необходимым условием его дальнейшего развития.

Археологический материал, полученный в результате многолетних раскопок в различных районах города, позволяет выделить крупные комплексы самых разнообразных изделий, включающих в себя керамику, посуду и украшения из стекла, поделки и конструкции из камня, предметы вооружения и быта из металла, разнообразные украшения и утварь.

Культурные слои, из которых происходят выделенные археологические комплексы изделий, относятся к трем периодам развития Дербента, датируемым, согласно данным стратиграфии, нумизматики, эпиграфики и обширным аналогиям синхронных материалов сопредельных областей, VI – началом VIII вв.; VIII–X вв.; XI – серединой XIII вв.

Полученный в результате археологических исследований 1970–1995 гг. материал позволил установить существование в Дербенте VI–XIII вв. основных видов ремесленного производства, типичных для развитого средневекового города, и в первую очередь таких, как гончарство, стеклоделие, строительное дело и камнеобработка, ткачество, резьба по штукатурке и кости, металлообработка, а также ряд ремесел, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства. Сведения об уровне развития этих ремесел в средневековом Дербенте были существенно дополнены сообщениями письменных источников, данными эпиграфики и архитектурно-археологических обследований, а также находками орудий труда и различных предметов припаса ремесленников, остатков печей, мастерских, следов ремесленного производства в различных районах города. Анализ многочисленных изделий каждого вида ремесла позволяет проследить специфику становления отдельных комплексов, связанных с различными периодами развития Дербента, дают возможность установить основные этапы его становления, время наибольшего расцвета, процессы, характеризующие его поступательное движение вперед, усовершенствование технологии производства, его специализации и рост уровня организации.

Строительное дело и камнеобработка

Большие строительные работы, связанные с необходимыми ремонтами и перестройками фортификации Дербента, а также с возведением различных общественных, культовых и бытовых сооружений требовали значительного количества строительных рабочих, занятых в различных его сферах.

Подавляющее большинство оборонительных и бытовых построек Дербента различных эпох его существования были сооружены из камня, что говорит о древних традициях камнеобработки здесь, требовавших наличия среди его обитателей значительного числа опытных мастеров-каменщиков, а так же большого количества подсобных рабочих и людей, занятых добычей камня. Археологические исследования показали, что строительное дело и камнеобработка находились на весьма высоком уровне уже в античное время¹, а строительные профессии, совместно с гончарством, являлись древнейшими в ремесленном производстве Дербента². Однако подлинный расцвет строительного дела и камнеобработки в Дербенте начался с VI в., в связи с возведением грандиозной оборонительной системы, впечатляющие фортификационные сооружения которой принесли Дербенту всемирную славу.

Первые оборонительные сооружения Сасанидов в Дербенте, возникшие во второй четверти V в.³, были возведены из сырцового кирпича, материала, типичного

¹ Кудрявцев А. А. Первые исследования досасанидского Дербента. – В сб.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. – Махачкала, 1977. С. 135–137.

² Там же. С. 136.

³ Кудрявцев А. А. Город не подвластный векам. С. 91–92.

для архитектуры Сасанидского Ирана и вообще памятников Переднего и Среднего Востока. Сырцовая стена, толщиной в 8 м., была возведена из кирпича традиционных для Сасанидского строительства размеров: 39–42 x 39–42 x 10–12 см, резе 44 x 44 x 13 см¹. Это позволяет полагать, учитывая полное отсутствие в Дагестане традиций сырцового строительства, что значительное участие в сооружении этой стены принимали квалифицированные мастера переднеазиатского или среднеазиатского происхождения, а местное население использовалось в основном в качестве чернорабочих, занятых приготовлением глины, переноской тяжести, земляными работами.

Эта строительная традиция не нашла дальнейшего распространения в Дагестане, однако исторические события на Кавказе в этот период показали, что данная сырцовая фортификация оказалась не в силах выполнить возложенную на нее миссию. Возросшая активность степняков и появление в Прикаспии и на Северном Кавказе крупных объединений кочевников потребовали новых, более значительных фортификационных работ, выполнение которых должно было опираться на кавказские традиции. Необходимость широкого фортификационного строительства, столь характерного для архитектуры Ближнего и Среднего Востока, но чуждого местным строительным традициям и малоприспособленного для данных географических условий. Камень вновь стал основным строительным материалом, определившим пути развития строительного дела и камнеобработки в городе на многие века, включавшие и период XV–XVIII вв.

Период VI–VII вв.

Огромные масштабы фортификационных работ, проводимые Сасанидами в Дербенте и работы по застройке города потребовали наличия большого количества строительных рабочих и квалифицированных мастеров, связанных с обработкой камня. Архитектурно-археологические обследования и широкие раскопки, проводимые здесь, показали, что иранцы использовали в качестве основного материала сырцовый кирпич лишь на первом этапе строительства, в V в., но уже с VI в. они самым широким образом применяли камень. Все известные сооружения Дербента VI–VII вв. были возведены из камня, хотя находки при раскопках крупного жженого кирпича Сасанидского типа указывают на возможность применения в строительстве и этого материала, однако широкого распространения он не получил.

Применение камня, в отличие от сырцового кирпича, требует наличия более квалифицированной рабочей силы, а при характере кладки сооружений, типичных для архитектуры Дербента, еще и узкой специализации отдельных строительных профессий.

Письменные источники, хотя и донесли до нас определенные сведения о строительстве и организации строительных работ в Дербенте в данный период, мало что сообщают о непосредственных производителях работ, строительных профессиях, об организации производства.

Судя по сообщениям Моисея Каганкатвадзе, писавшего, что «цари персидские изнуляли страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы...»², основным производителем работ было местное население этого района и других областей Кавказской Албании, а руководство осуществляли иранские инженеры и архитекторы. Это было закономерно, так как местное население имело богатые традиции каменного строительства, и местные мастера-каменщики опирались на

¹ Там же. С. 83.

² История ангван... С. 105.

тысячелетний опыт поколений горцев, возводивших свои постройки из камня еще в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Мусульманская литературная традиция приписывает руководство строительными работами в Дербенте самому Хосрову Ануширвану, что вызывает значительное сомнение, так как даже в ней сохранилась версия, по которой строительство вел не сам царь, а его наместник Нарсе б. Джамсп, предок ширваншахов¹. Грузинские источники, в связи с событиями III в. в Картли, называют руководителем строительства некоего Ардама, посланного Афридоном² в Дербент³. Трудно сказать, кто действительно осуществлял верховное руководство строительством в Дербенте, но пехлевийские надписи донесли до нас имя и титул одного из исполнителей этих работ, явившегося чиновником сасанидского административного аппарата. Так, в одной из групп среднеперсидских надписей на стенах города сообщается, что «это и от этого вверх сделал Дарпуш (в чтении Г. Н. Ниберга и Е. А. Пахомова – Барниш – А. К.) сын Атурпатака, хамаркар»⁴. Еще одно имя производителя работ зафиксировано в IV группе надписей – «сделано Атургкшнаспом»⁵ (в переводе Г. С. Ниберга – «положено Атуреном»⁶). Никаких данных о непосредственных производителях работ в надписях не сообщается, да такие данные и не могли иметься на подобных грандиозных сооружениях, где работы выполнялись не одним-двумя высококвалифицированными специалистами, как скажем на многих средневековых памятниках, а десятками и сотнями каменщиков.

Конструктивные особенности дербентской кладки и определенная специфика возведения стен требовали довольно значительной специализации в области строительных работ.

Из строительных профессий наибольшее развитие получили добыча камня, его обработка и укладка.

Все оборонительные сооружения Дербентского каменного комплекса имеют двустороннюю облицовку из крупных блоков ракушечника, добывающегося в специальных карьерах, которые были обнаружены в результате понижения уровня Каспия⁷, в четырех километрах к северу от города. В карьере сохранились не до конца вырубленные заготовки камней, близкие по размерам и форме блокам облицовки стен. Каменные глыбы сначала добывали в виде заготовок. Вокруг заготовок, с двух или трех сторон выбивался желоб шириной около 10 см и глубиной 15–30 м, а затем с торца, пользуясь значительной сложностью и мягкостью камня, выламывалась заготовка⁸. По ширине и толщине обнаруженные в карьере заготовки соответствуют

¹ Бартольд В. В. Дербент. С. 420.

² Афридон, сообщает Феридуну древнеиранского эпоса, подробнее об этом см.: Мамулиа Г. С. Источники Леонти Мровели и Джуаншера. – Вестник Отдел. Общ. наук АН Груз. СССР, 1964, № 4. С. 243–275 (на груз. яз.).

³ Мровели Леонти. Жизнь картлинских царей. Пер. и ком. Цулая Г. В. М., 1979. С. 26.

⁴ Новый перевод надписей любезно предоставлен автору В. Г. Лукониным в рецензии на статью «О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте». Пользуюсь случаем, принести ему свою глубокую благодарность.

⁵ Там же.

⁶ Ниберг Г. С. Материалы по истолкованию... С. 32.

⁷ Апполов. Каспийское море и его бассейн. – М., 1956. С. 76.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Стены и башни Дербентской крепости. – Архитектурное наследие, № 17. – М., 1964. С. 127.

облицовочным блокам стен, а по длине превышают их вдвое (длина заготовок обычно около 2 м) и в процессе дальнейшей обработки их еще распиливали на два блока. Процесс добычи камня был весьма трудоемкий и требовал определенных навыков, так как малоквалифицированный рабочий мог поломать заготовку, что не только бы испортило данный блок, но и затруднило бы выламывание следующего ряда камней определенного формата. Еще более сложной была работа каменотесов, которые тщательно обрабатывали все четыре ребра блока и нужную широкую сторону. Камень столь тщательно отесывался, что при раскопках нижних, неветренных слоев кладки, зазор между блоками практически отсутствует и туда нельзя просунуть даже иголку, столь хорошо они примыкают друг к другу. Насколько высока была техника обработки камня дает представление кладка древнейших ворот Орта-капы, где в плоско-клинчатом перекрытии ворот использован огромный замковый камень с зубцами, точно соответствующий зубцам боковых замыкающих камней.

Наиболее ответственной операцией при строительстве из блоков была их укладка. Блоки клали насухо с чередованием «ложков» и «тычков», а пространство между внешним и внутренним рядом облицовки стены заполнялось бутовой кладкой на растворе.

Арабские авторы сообщают данные об употреблении при строительстве свинца, который по сведениям ал-Мукаддаси¹, использовался в качестве раствора. По данным Якуби и Ибн-ал-Факиха, стена Хосрова Ануширвана скреплялась железными болтами. Несомненно, использование подобных конструктивных приемов кладки требовало наличия мастеров-каменщиков самой высокой квалификации. Еще более сложный способ возведения дербентских стен сообщает Хилаль ас-Саби, который пишет, что блоки стен имели два отверстия каждый, в которые вставлялись железные стержни и заливались свинцом, а новый блок уже одевался на эти штыри и т. д.² С этим же методом возведения стен познакомил в Куфе арабов, по сообщениям ат-Табари, прежний архитектор царя Хорсова Парвиза³. Насколько был сложен процесс подобного строительства и сколь высокой должна была быть квалификация мастера-каменщика, говорить не приходится.

Представляется вероятным, что при строительстве дербентских фортификационных сооружений и других памятников, где применялся тот же способ кладки, существовала узкая специализация профессий. Были укладчики облицовки стен, мастера самой высокой квалификации, были каменщики, выполнявшие кладку тела стены (забутовку), а так же строительные рабочие, выполнявшие подсобные работы и подсеку камня на месте⁴. Помимо этих специальностей должны были существовать рабочие, изготавливавшие известковый раствор очень высокого качества, впервые появившиеся в этот период в архитектуре Дербента и опытные резчики-каллиграфы, наносившие строительные надписи на блоки, столь широко теперь известные научному миру. Причем, надписи, судя по четкости их нанесения и полной аналогичности, наносились опытным мастером на блок, который еще не был уложен в стену.

Исследования пехлевийских надписей позволяет думать, что приведенная нами специализация строительных профессий, возможно, была зафиксирована и в их тексте. Так, известное сообщение третьей группы надписей, читаемые Г. С. Нибергом, как «мною сделан акан» (тап акап кач)⁵, в котором слово «акан» было переведено

¹ Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания климатов... С. 9.

² Хилаль ас-Саби. Вузара. С. 217 и сл. См.: Баотольд В. В. Дербент. С. 422.

³ Там же.

⁴ Хан-Магомедов С. О. Стены и башни... С. 125.

⁵ Ниберг Г. С. Материалы по истолкованию... С. 30–31.

им как «штукатурка», сразу вызвало возражения специалистов¹, а такие крупнейшие иранисты, как Ф. А. Розенберг и В. Ф. Минорский авторитетно указали, что «акан» в персидском языке означает «набивка», «начинка»². Это позволило предположить, что данная надпись сообщает о выполнении забутовки стен – одного из важнейших процессов строительства³, производившейся, видимо, уже после укладки блоков, специалистами другой квалификации.

Касаясь вопроса о большой специализации и строительном деле Дербента VI–VII вв., надо отметить, что обследования проводимые автором в последние годы⁴, показали полную идентичность строительного материала и раствора Горной стены на всей ее протяженности. Было установлено, что облицовочные блоки самых отдаленных участков горной стены выпилены в дербентских каменоломнях и представляют собой типичный для всех сооружений города этого времени ракушечник, скрепленный известковым раствором, так же аналогичным для всех сооружений. Исключение составляет забутовка стены, устроенная не из дербентского ракушечника, а из местных пород камня. Это еще раз подтверждает предположение о раздельной постройке этих двух частей стены.

Представляется вероятным, что не только облицовочные блоки, но и целый ряд специальных архитектурных деталей, применявшихся в конструкции стен Дербента, вытесывался не на месте, а заранее в каменоломнях или специальных мастерских по установленным стандартам и потом только подтесывался, при необходимости, в процессе укладки. К таким деталям, несомненно, можно отнести зубчатые завершения оборонительных стен Дербента.

Обследования дербентских стен VI–VII вв. позволили установить, что они завершались ступенчатыми зубцами⁵, с четырьмя прямоугольными ступенями каждый, размер которых пропорционально уменьшался от основания к вершине. Основание нижней ступени зубца имело ширину 82–85 см, ширина верхней части зубца (верхняя ступень) 20–25 см, высота зубца 80–85 см⁶. Эти «ступенчатые зубцы, получившие такое широкое распространение в арабской и производных от последней ветвях архитектуры» были известны: лишь в репродукциях..., но только в развалинах этой стены находим ее в реалиях⁷. Считалось, что последний образец подобного зубца был зафиксирован Е. А. Пахомовым в 1928 г., но обследование Горной стены автором в 1971–1877 гг. позволили выявить еще два подобных уникальных зубца⁸, значительно пополнивших представление о подобных деталях завершения стен Дербента и установить факт их массового стандартного изготовления с последующей установкой на всех участках Горной стены⁹.

¹ Пахомов Е. А. К истолкованию... С. 15–16.

² Там же. С. 16.

³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре... С. 352.

⁴ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г., Салимов С. Б., Хазанов А. М. Новые данные... С. 13.

⁵ Марлинский (Бестужев) А. А. – Полное собрание соч. т. II, СПб., 1934. С. 239.

⁶ Размеры зубца даны по выявленным автором в 1971 г. образцам с двух участков Горной стены Дербента VI–VII вв.

⁷ Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники Сасанидского строительства... С. 45.

⁸ Оба зубца хранятся в ДКМ, в цитадели Нарын-кала.

⁹ Городские стены Дербента в верхней части неоднократно перестраивались и судить об их завершен трудно.

О высоком уровне строительного дела в Дербенте в период VI–VII вв. могут свидетельствовать и морские стены города, сооружение которых арабские авторы единодушно приписывают Хосрову Ануширвану. Учитывая даже минимальную их протяженность в море, которая по наименьшим данным, приводимым Истахри и Хилалем ас-Саби, достигала около 500 м¹, а по наибольшим, которые приводят Баладзори, Кудама, Ибн Русте – 3 арабских мили², т. е. 6 км, можно представить себе всю сложность и трудоемкость подобных работ. О впечатлении, которое оказывали эти морские стены на средневековых историков и географов, свидетельствуют многочисленные данные, о постройке этих стен в источниках. Но даже столь осведомленные авторы X в., как Мас'уди и Кудама, или как Захария Казвини (XIII в.) приводят весьма сомнительные рассказы о строительстве стен с помощью бурдюков, что является скорее переосмыслением этого сложного строительства последующими поколениями³, чем реальным фактом. Лишь Баладзори дает правдоподобную картину осуществления этого грандиозного, по тем временам, предприятия. «И приказал он (Хосров) возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, то он построил на них стену...»⁴.

Исследования архитектуры Дербента и уровня развития строительного дела в нем позволяет сделать вывод о том, что в VI–VII вв. начался совершенно новый период его фортификационного и бытового строительства. Это касалось не только процессов организации строительного производства, о чем говорилось выше, но и конструктивных приемов и техники возведения сооружений, строительных традиций и архитектурно-планировочных решений.

Обработанный камень применялся в архитектуре Дербента и в предшествующие эпохи⁵, но широкое распространение в строительстве, как массовый материал, он получил только с VI в. В раннесредневековый период получили дальнейшее развитие не только техника обработки камня, достигшая в это время небывалого расцвета, но и приемы возведения стен и различных конструкций сооружений. Прежде всего, это касается оборонительных стен города, которые сплошь перекрывали узкий приморский коридор и обходные местные коммуникации в горах.

Видоизменение некоторых оборонительных функций дербентских укреплений, которые теперь не только контролировали с вершины холма проход⁶, но и совсем перекрывали его, привело к изменениям планировки и конструкции фортификации Дербента.

Мощные стены города, толщиной до 4 м и высотой до 12–15 м были призваны, подобно плотине, удерживать мощные волны кочевников.

Значительное увеличение толщины стен в Сасанидское время, отмеченное не только в оборонительных сооружениях Кавказа, но и в Средней Азии⁷ было связано с применением усовершенствованных стенобитных орудий, получивших широкое распространение в раннесредневековый период⁸. Для усиления оборонительного

¹ Бартольд В. В. Дербент. С. 424.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Баладзори. Книга завоевания стран. С. 7.

⁵ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. С. 53–54.

⁶ Там же. С. 48–50.

⁷ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 249.

⁸ Артамонов М. И. История хазар. С. 278.

значения стен и уменьшения мертвого околостенного пространства они возводились с некоторым наружным уклоном¹ или со ступенчатой конструкцией основания стен².

Изменение конструкции оборонительных стен в раннесредневековый период значительно повысило роль башен в системе обороны³, что было характерно и для фортификации Дербента. Расстояние между башен дербентских стен соответствует наиболее благоприятной прицельной стрельбе из лука, а мощнейший круглый бастион, возведенный справа от главных северных ворот города – Кырхляр-капы (Баб ал-Джихад) полностью контролировал подходы к ним и позволял защитникам города обстреливать нападающих с неприкрытой щитом правой стороны.

Дербентские стены обладают развитой системой башен, количество которых достигает 73, хотя пока трудно объяснить наличие в северной, наиболее важной в системе обороны города, стене одновременно круглоплановых и трапециевидных башен. Видимо это было продиктовано спецификой обороны города.

Круглоплановые башни, количество которых в северной стене достигает 22 штук, менее уязвимы для стенобитных машин и их появление в системе раннесредневековых укреплений связывается с процессами конструктивно-планировочного развития парфянской фортификации⁴, оказавшей большое влияние на формирование строительных традиций в возведении оборонительных сооружений Сасанидского Ирана и Византии⁵. В раннесредневековый период они широко распространились в фортификационной архитектуре Переднего Востока и Кавказа⁶, найдя наиболее законченное воплощение в сасанидских укреплениях Дербента.

Пока трудно сказать, имелись ли в оборонительной системе раннесредневекового города выносные башни, получившие широкое распространение в архитектуре Средней Азии⁷, но факт их существования в послемонгольское время⁸ позволяет считать подобное предположение вполне вероятным для периода VI–VII вв.

Большие изменения в период VI–VII вв. произошли, по сравнению с предшествовавшими эпохами, в приемах возведения сооружений и конструкциях стен. Прежде всего, надо отметить появление в строительстве известкового раствора, используемого для скрепления камней. До этого времени в архитектуре Дербента применялся глиняный раствор или кладка велась насухо.

¹ Воронина В. Л. Из истории средневековой фортификации. – СА, 1964, 2. С. 45.

² Северная стена города и стены цитадели имеют подобные основания.

³ Марр Н. Я. Ани. Книжная история и раскопки на месте городища. – М.-Л., 1934. С. 49; Исми-заде О. Ш. Кабала – столица древней кавказской Албании. – В сб.: Вопросы истории Кавказской Албании. – Баку, 1962. С. 61; Воронина В. Л. Из истории... С. 47; Абдуллаев Х. П. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала. – СА, 1968, № 2. С. 201.

⁴ Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. С. 241.

⁵ Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. – СА, 1963, № 2. С. 71.

⁶ Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. С. 241; Орбели И. А. Избранные труды. – Ереван, 1963. С. 114; Джиди Г. Историко-археологический очерк крепости Гиблистан. Автореф. канд. дис. – Баку, 1962. С. 9; Абдуллаев Х. П. Гильгильчайская оборонительная стена... С. 200.

⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. – М., 1948. С. 169; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – Тр. ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958. С. 48; Воронина В. Л. Из истории... С. 49; Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб. – СА, 1967, № 1. С. 60.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Дербент. С. 46-48, рис. 2.

Состав известкового раствора был очень сложным, и он выдерживался в течение длительного времени в специальных ямах или крупных тарных сосудах – хумах¹. Необычной прочностью известкового раствора во многом обязаны памятники и сооружения города VI–VII вв. своей хорошей сохранностью. Известковый раствор, появившись в архитектуре Дербента в VI в., оставался основным скрепляющим составом в конструкции стен и перекрытий крупных оборонительных, культовых, общественных и бытовых памятников города вплоть до периода монгольских завоеваний. В послемонгольское время известковый период в строительстве использовался редко.

В фортификационных и гражданских сооружениях Дербента известковым раствором в основном скреплялось тело стены, внутреннее заполнение межблокового пространства. Облицовочные «ложковые» блоки внутренней и наружной граней стен имели необработанную внутреннюю поверхность и плотно скреплялись с телом стены известковым раствором за счет повышенного сцепления этих необработанных сторон блоков². Но главную прочность конструкции стен придавали «тычковые» блоки, строго чередующиеся с «ложковыми». «Тычковый» блок входил на всю глубину (0,9–1,2 м) в тело стены и прочно скреплялся с ним раствором, кроме того, боковые вертикальные грани «ложковых» блоков слегка подтесывались с уклоном наружу так, что «тычковый» блок так же чуть подтесанный заклинивался между ними, наподобие замка клинчатой перемычки.

Конструкция дербентских стен не являлась исключением в фортификационном строительстве Кавказа и соседних регионов, а наоборот, была одним из наиболее распространенных приемов возведения оборонительных сооружений, получивших наименование облицовочной или панцирной кладки. Техника подобной кладки получила особенно широкое развитие в фортификационном строительстве Кавказа³, Переднего и Среднего Востока⁴, Северного Причерноморья⁵ в IV–VI вв. и в этом

¹ Большое количество крупных хумов со следами извести внутри было обнаружено вдоль южной стены города на нескольких участках (районы рынка, завода шлифовальных станков, площади и др.). Подобные находки были отмечены и у северной стены, а так же при подводных работах Л. Н. Гумилева у основания морских стен Дербента (см.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. – М., 1966. С. 82 и сл.).

² Хан-Магомедов С. О. Стены и башни... С. 125.

³ Щерблякин И. П. Остатки крепостных стен Кабалы. – ДАН Азерб. ССР, т. 1, № 2. – Баку, 1945. С. 90; его же. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. – Баку, 1943; Аракелян Б. Н. Гарни I, Археологические раскопки в Армении. – Ереван, 1951. С. 39; Исмизаде О. Ш. Кабала – столица древней... С. 59–62; Леквинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса – Неокалакеви. – СА, 1959, № 3. С. 144; его же. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. – Византийский временник, XX, 1961. С. 232; Челашивили Л. А. Городище Урбниси. – Тбилиси, 1964. С. 162; История искусства народов СССР, т. 2. – М., 1973. С. 256.

⁴ Гиришман Р. Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе. – КСИИМК, XV, 1947. С. 43; Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. – М., 1958. С. 68.; Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. – КСИИМК, 1956, 64. С. 77.

⁵ Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермана. Готский сборник. – Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1–8, 1932. С. 206; Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье. – Изд. МГУ, вып. 143. С. 135; Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. – МИА, № 85, 1958. С. 162; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – МИА, № 63, 1959. С. 70; его же. О средневековых крепостных стенах Мангупа. – КСИИМК, XXIX, 1949. С. 62 и сл.; Очерки истории СССР, III–IX вв. – М.,

плане оборонительные сооружения Дербента представляют собой одну из наиболее высоких ступеней в развитии подобного фортификационного искусства, один из наиболее ярких образцов каменного строительства с применением конструкций облицовочных блоков.

Подобная техника взведения стен опирается на римско-византийское строительные традиции, нашедшие широкое распространение в сасанидской архитектуре. Наибольшие параллели подобная кладка Дербента находит в памятниках Северного Причерноморья IV–VI вв. н. э.¹

Большие сдвиги в строительном деле города были отмечены освоением его в архитектуре новых конструкций. Прежде всего, это коснулось перекрытий зданий и сооружений, а также оконных и дверных проемов, проемов ворот.

Дербентские строители не только успешно развивали и использовали балочные формы перекрытий помещений и проемов. О разнообразии этих способов в Горной стене сообщал А. А. Бестужев-Марлинский, писавший, что там «коридоры накрыты или широкими плоскими плитами, или, наконец, кровлею из плит, сложенный, как на карточном домике, треугольником»². Находки в слоях Дербента этого времени керамических кровельных черепиц³ свидетельствуют об использовании этого материала в строительстве города и о наличии среди строительных профессий Дербента и кровельщиков, выполнявших сложную работу по сооружению кровельной обрешетки и укладке черепицы.

Сейчас трудно сказать, была ли осуществлена иранцами вся программа строительства Дербентского оборонительного комплекса или к началу арабских завоеваний Сасаниды выполнили только часть задуманного плана. Но и в первом, и во втором случае, начавшиеся с середины VII вв. арабско-хазарские войны, в которых обе стороны придавали обладанию Дербентом особое значение, ознаменовали окончание очень важного периода в развитии строительства средневекового города. Этот период, пришедший на VI–VII вв. характеризовался своеобразной спецификой развития строительного дела и камнеобработки в Дербенте, связанных с огромными масштабами фортификационного строительства здесь. Однако первый период ознаменовался не только возведением системы оборонительных сооружений и развитием в связи с этими определенными направления и узкой специализации в строительстве, но и широким бытовым строительством, определившим дальнейший подъем в городе строительного дела и камнеобработки. К этому времени Дербент превращается в значительный раннесредневековый город, превосходивший по размерам многие раннесредневековые города Средней Азии и Кавказа⁴, а столь бурный рост самого города, его застройки, основу которой составляли каменные строения, не мог не сказаться на дальнейшем развитии этой отрасли городского ремесла. Успешное развитие строительного дела в Дербенте было прервано периодом арабо-хазар-

1958. С. 539–542; Веймарн Е. В. история и археология средневекового Крыма. – М., 1958. С. 7; его же. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. – В сб.: Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. С. 47–61.

¹ Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации... С. 135; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес... С. 70 и сл.; Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 539, 542.

² Марлинский-Бестужев А. А. Полное собр. Соч. С. 239–240.

³ Кудрявцев А. А. Отчет за 1972 г., альбом к отчету, табл. XXIX.

⁴ Кудрявцев А. А. Город... С. 122–124.

ских войн, в результате которых город подвергался неоднократным разрушениям и разграблению и на некоторое время пришел в упадок. Изучение конструктивных особенностей и архитектурно-планировочных решений сооружений Дербента VI–VII вв. дает основание считать, что хронологический этап существования города в VI–VII вв. является очень важным периодом развития строительного дела и камнеобработки здесь. Этот период характеризовался расцветом фортификационного и бытового строительства, организованной добычей и обработкой огромного количества камня, новыми конструктивными особенностями и приемами возведения сооружений. Наиболее важными последствиями этого развития были возросшая роль строительных работ в экономике города, резкое увеличение в Дербенте количества рабочих, занятых в сфере строительства, узкая специализация работ, наметившаяся в этой области. В это время строительные профессии становятся одними из наиболее распространенных специальностей среди обитателей раннесредневекового города и строительные рабочие, наряду с ремесленниками других отраслей производства, составляли значительную часть его населения.

Все это позволяет выделить данный этап в строительстве Дербента в важный период развития строительного дела и камнеобработки города, сыгравшего большую роль в процессе экономического становления Дербента в VI – нач. VIII вв.

Период VIII–X вв.

Завершение арабо-хазарских войн и стабилизация положения в этом регионе благоприятно отразились на торгово-экономическом развитии Дербента, но не понизило его военно-политической роли. Город продолжал оставаться границей двух миров и важнейшим опорным пунктом Арабского халифата. Эта роль Дербента, как главной заградительной линии на Кавказе, способствовала проведению здесь широких фортификационных работ, в основном связанных с восстановлением уже существовавших оборонительных сооружений, пришедших в упадок в период арабо-хазарской борьбы за обладание городом.

Конечно, масштабы этих строительных работ не могли сравниться с колоссальными объемами фортификационного строительства Сасанидского времени, но все же они были очень велики и оказали существенное влияние на развитие строительного дела и камнеобработки в Дербенте в этот период.

Арабские халифы и их наместники на Кавказе не жалели своих средств на перестройки и ремонт дербентских стен и фортификационные сооружения города и Горной стены поддерживались в образцовом порядке. В это время в строительном деле и камнеобработке в Дербенте наметился ряд важных сдвигов и процесс их развития в VIII–X вв. имел свою специфику, отличаясь во многом от предшествовавшего периода.

Как и в сасанидское время в VII–X вв. большие строительные работы проводились в связи с возведением крупных фортификационных объектов. Военно-политическое значение Дербента продолжало играть большую роль в развитии строительного дела. Изучение оборонительных сооружений города показало, что к арабскому периоду строительства в Дербенте следует отнести переделки и ремонты, выполненные из блоков аналогичных Сасанидской кладке стен и уложенных с помощью тех же конструктивных приемов техники облицовочных блоков, но несколько отличных от них.

Письменные источники донесли до нас сведения о больших ремонтных работах дербентских оборонительных стен, проводимых здесь арабским полководцем Масламой¹, которые подтверждаются и архитектурно-археологическими обследованиями. Так, отдельные участки южной стены города между воротами Баят-капы и Орта-капы, относятся к периоду арабского строительства в Дербенте². К этому же времени можно отнести перестройку северо-восточных и западного участков стен цитадели, на последнем из которых в большом количестве были обнаружены ранние арабские надписи, выполненные подчерком «куфи»³. О крупных строительных работах в Дербенте в первой половине VIII в. имеются данные в арабской надписи, обнаруженной в городе Д. К. Кантемиром в 1722 г., где сообщается о восстановлении городских стен в 728 г. или 734 г.⁴. Несмотря на все старания арабских халифов и огромные суммы, которые они, по сообщениям историков и географов VIII–X вв., расходовали на строительство в Дербенте, к середине VIII в. город еще только начинал оправляться от пережитого во второй половине VII – начале VIII вв. упадка, и строительное дело в это время было, видимо, одним из наиболее развитых видов городского производства. Так, судя по сообщениям Я'куби, в городе в середине VII в. столь интенсивно велись строительные работы, что даже не хватало местных строительных рабочих и халиф Мансур (первый халиф из династии Аббасидов) вынужден был для строительства в Дербенте собрать по тюрьмам семь тысяч пленных и послать их укреплять Баб ал-абваб⁵.

Быстрый рост шахристана города в последующее время, резкое увеличение его населения и экономическое возвышение способствовали дальнейшему подъему строительного дела и камнеобработки Дербента, увеличению числа рабочих различных строительных профессий.

Участки стен города, возведенные или перестроенные при арабах, отличаются от кладок сасанидского времени строгой горизонтальностью швов⁶, т. е. блоки не подтесывались в процессе строительства, что связано с их ремонтным назначением.

При этом следует подчеркнуть, что на участках стен, где имеются перестройки или ремонты арабского времени, отмечено наличие стандартных облицовочных блоков, положенных не только обычным способом на ребро, но и плашмя. Подобный конструктивный прием был характерен для позднесасанидских кладок Дербента и отмечен, например, на памятниках Горной стены⁷. В период IX–X вв. этот прием

¹ История халифов вардапета Гевонда. С. 27, 28; История агван Моисея Каганкатвази. С. 261; *Боладзори*. Книга завоевания стран. С. 17; *ал-Табари*. История пророков и царей. С. 51, 52; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 421.

² *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни... С. 127.

³ Куфические надписи были обнаружены нами на западной стене цитадели на различной высоте, достигающей порой 7–8 м, что позволяет предполагать их нанесение при перестройке или ремонте. Находка этих надписей, по мнению Л. И. Лаврова, имеет важное значение при решении вопроса о существовании цитадели в арабское время, так как в исторической литературе отсутствие куфических надписей на стенах цитадели (в противоположность стенам города) считалось подтверждением существующего мнения о возникновении цитадели только после X в.

⁴ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники северного Кавказа. Ч. 2, М., 1968. С. 24.

⁵ Я'куби. История. С. 9.

⁶ *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни... С. 125, 127.

⁷ *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 137; *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни... С. 127.

получает дальнейшее развитие, и блоки приобретают более вытянутую, брусчатую форму, а размеры их становятся в пределах 0,6–1,1 x 0,4–0,6 x 0,3–0,5 м¹.

Из сказанного видно, что в VIII–X вв. продолжали существовать строительные традиции и приемы обработки камня, сложившиеся в первый период развития, т. е. еще в Сасанидское время. Стандартизация блоков кладки и использование прежних конструктивных приемов возведения сооружений этого времени, предполагало и продолжение сложившейся в VI–VII вв. узкой специализации в этой области. Бурное развитие шахристана и впечатляющие масштабы бытового, культового, общественного строительства создавали благоприятные условия для дальнейшего развития и усовершенствования строительного дела.

По данным письменных источников, Маслама построил в городе «амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия: он приказал вычистить цистерну (городскую), исправил разрушенные места в городе и украсил его»², им были сооружены квартальные мечети и соборная мечеть³ (перестроенная из православного храма). Археологические раскопки показали, что в этот период действительно были возведены внушительные, многокомнатные сооружения в цитадели из обработанного камня на известковом растворе⁴ и многочисленные здания в шахристане города, причем в строительстве использовался не только камень, но и жженный кирпич⁵. Те огромные строительные работы, которые велись в Дербенте по восстановлению его фортификации и по застройке территории города (как шахристана, так и цитадели), в который только Масломой было переселено 24 тысячи человек, несомненно, способствовали дальнейшему развитию строительного дела. Широко развернувшееся бытовое строительство способствовало резкому увеличению использования обработанного камня при возведении жилых объектов, что повлекло за собой и изменения в размерах блоков. Значительные размеры стандартных блоков сасанидского образца были удобные и хорошо приспособлены для возведения крупных фортификационных и общественных сооружений, где широко использовался подневольный труд многочисленных подсобных рабочих, выполнявших в основном все тяжелые работы. Но они были тяжелы и малоудобны при возведении обычных бытовых построек, работы на которых велись, как правило, небольшим количеством мастеров-каменщиков и лично свободных чернорабочих-поденщиков, именовавшихся на средневековом Востоке коргарами или муздварами⁶. Массовое использование обработанного камня в бытовом строительстве повлекло за собой значительное уменьшение размеров блоков, которое в этот период коснулось в основном размеров по ширине. При этом в строительстве бытовых и общественных зданий стали применять новый способ укладки на ребро только ложковой стороной.

Новым явлением в строительстве Дербента VIII–X вв. было появление сооружений из жженого кирпича, уложенного на известковом растворе. Находки жженого

¹ Кудрявцев А. А. Исследования в древнем Дербенте. С. 133; его же. Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

² Боладзори. Книга завоевания стран. С. 17.

³ Тарихи Дербенд-наме. С. 78, 79.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114, 115; его же. Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

⁵ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 75–79, рис. 1, 4; Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть в Дербенте. С. 208–210, рис. 8.

⁶ Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 288.

кирпича в слоях раннесредневекового города позволили говорить об использовании этого материала в постройках Дербента уже в сасанидское время, но малочисленность и фрагментарность подобных находок заставляет думать, что в VI–VII вв. жженный кирпич использовался лишь в отдельных конструкциях. Во второй же период из жженого кирпича возводились постройки дербентских правителей¹, дома феодалной верхушки города², крупные культовые здания³. Кирпич, применявшийся в строениях VIII в., отличается крупными размерами 27–20 х 27–20 х 5 см⁴, приближающимися к размерам сасанидского жженого и сырцового кирпича (38–42 х 38–42 х 11–13 см). В период IX–X вв. в основном применялся кирпич несколько меньших размеров: 20–24 х 20–24 х 4,5–5 см⁵. Характерной особенностью кирпичных кладок VIII в. являются толстые швы известкового раствора, достигавшие толщины кирпича 4–5 см⁶, что придавало большую прочность сооружению.

Следует отметить, что наряду с многочисленными строениями фортификационного, культового и бытового назначения, возведенными из отесанных камней, уложенным типичным для сасандских построек способом, широкое распространение получили кладки из бутового (рваного) камня на глиняном растворе. Кладки подобного типа отмечены главным образом в домах рядовых обитателей Дербента⁷.

Обследование памятников различного назначения Дербента VIII–X вв. показало, что большие изменения произошли в конструкциях сооружений. Эти конструктивные изменения коснулись как бытовых и культовых, так и фортификационных построек. Одним из основных новшеств этого периода стали арочный свод и стрельчатая арка⁸, не известные, по мнению С. О. Хан-Магомедова, на памятниках города сасанидского времени.

К этому периоду относится значительное количество памятников бытового и общественного строительства, перекрытых арочным сводом и стрельчатой аркой. В цитадели – это крупная прямоугольная цистерна в северо-восточной части, дворцовые сооружения в восточной части, возможно, разгрузочная стрельчатая арка над западными воротами; в шахристане – крупное складское помещение VIII в. в районе Джума-мечети, прямоугольное и квадратное водохранилища, расположенные здесь же, пристройка из жженого кирпича к Джума-мечети, богатое кирпичное здание у южной стены, ворота Даш-капы и другие памятники VIII–X вв. древнейшие ворота Орта-капы и Кырхляр-капы перекрыты плоско-клинчатыми перемычками. Хотя над северными воротами Кырхляр-капы устроена разгрузочная стрельчатая арка. Это, видимо, было связано с тем, что древнейшие ворота южной и северной стены города мало перестраивались в арабское время.

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114.

² Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 74–103.

³ Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть в Дербенте. С. 208–210.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 75; Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть... С. 208.

⁵ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114; Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть... С. 208.

⁶ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 75; Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть... С. 208.

⁷ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. Новые данные об исторической топографии Дербента. – В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. – Махачкала, 1978. С. 13–14; Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. С. 148.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента. – Архитектурное наследство, 1972, 20. С. 141.

Однако, несмотря на то, что появление большинства гражданских и фортификационных архитектурных памятников, перекрытых арочным сводом и стрельчатой аркой, относятся в VIII–X вв., существование арок в архитектуре Дербента уже в сасанидское время весьма возможно. Сейчас имеются весьма веские основания относить постройку здания Джума-мечети и крестообразного сооружения в цитадели к V–VII вв., а первый из этих памятников имеет трехнефную композицию с перекинутыми между колоннами арками, а второй – крестово-купольную композицию, с четырьмя подпружными арками.

Однако широкое распространение новые перекрытия нашли лишь в VIII в. и арочный свод и стрельчатая арка в значительной мере вытесняют существовавшие ранее виды перекрытия и плоско-клинчатые перемычки, являющимися наиболее древними в архитектуре Дербента¹.

Возведение стрельчатых арок и арочных сводов, которые стали в это время основным видом перекрытия во всех значительных сооружениях, требовало, несомненно, высокой квалификации мастеров-строителей и способствовало росту их профессионального уровня.

Большое количество общественных и бытовых построек, включавших в себя мощные фортификационные сооружения, крупные культовые памятники, такие, как Джума-мечеть и квадратные мечети, караван-сарай, бани, несколько больших водохранилищ и фонтанов, различные складские здания, дворцовые комплексы, дома городской знати и многие другие постройки – служат ярким показателем высокого уровня развития строительного дела, его количественного и качественного роста.

Характерной особенностью архитектуры этого времени стало широкое применение в конструкциях опорных колон из камня, жженого кирпича и дерева². При использовании деревянных колон применялись каменные базы, нередко резные.

В этот период широко применяются и достигают особого размаха архитектурный декор и художественная резьба по камню. Резные архитектурные детали широко использовались в бытовых, культовых и даже фортификационных сооружениях города³. При раскопках бытовых памятников в большом количестве встречаются различные детали карнизов, дверных проемов, очагов, арочных сводов и перемычек, капителей и баз колон⁴. В мечетях украшались углы помещений, капители и базы колон, карнизы⁵, а отдельные памятники, фонтаны и водоемы украшались даже скульптурными изображениями⁶. Стены города украшались консольными выступами, профилированными кронштейнами, резными водоводами, машикулями⁷, а проемы ворот богато орнаментировались резными деталями. Главные в этот период, ворота Орта-капы и Кырхляр-капы (Баб ал-Джихат) были орнаментированы по сообщениям авторов X в, резными колонами с профилированными капителями и

¹ Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента... С. 141.

² Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. – АО, 1973. М. 1974. С. 114.

³ Ибн ал-Факих. Книга о странах. Пер. Н. А. Караулова. – СМОМПК, Тифлис, 1902, XXXI. С. 25.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114; он же. Раскопки в Дербенте. – АО – 1972. М., 1973. С. 132; он же. Работы дербентской экспедиции. – АО – 1976. М., 1977. С. 106.

⁵ Хан-Магомедов О. С. Джума-мечеть... С. 205–211, рис. 3–5, 66, 9.

⁶ Ибн ал-Факих. Книга о странах... С. 25.

⁷ Хан-Магомедов С. О. Стены и башни... С. 126; он же. Ворота Дербента. С. 130–131, рис. 3.

скульптурными украшениями львов¹, сохранившимися на них до сегодняшнего дня². Арабские авторы IX–X вв. описывают многочисленные резные украшения города, среди которых, конечно, особого внимания заслуживают сообщения об изображении из камня фигуры человека с лисицей у ног, в пасти которой гроздь винограда³. Эти сведения проливают новый свет на вопросы обработки камня в средневековом городе и служат прекрасным показателем мастерства местных камнерезов, их высокого профессионального и художественного уровня, на развитие которого не смогли оказать влияния даже строгие каноны ислама.

Все это позволяет утверждать, что в VIII–X вв. декоративная обработка и художественная резьба по камню являлась одной из развитых отраслей городского ремесла и, видимо, немногие города средневекового Востока могли соперничать в этот период с Дербентом в искусстве обработки камня и массовости его применения. Не менее ярким показателем уровня развития строительного дела, его специализации по отраслям, а также искусства художественной резьбы могут служить находки в слоях средневекового города резного штука, или гипсовой штукатурки, по которой в сыром виде наносился разнообразный резной орнамент. Искусство обработки гипса или алебаstra зародилось еще в древности, более двух тысяч лет назад, а в средневековый период стало одним из замечательных видов архитектурного декора, распространившегося на памятниках монументального искусства. Прекрасные штукковые рельефы украшали стены дворцов и мавзолеев правителей Варахши, Термеза, Самарканда, Самарры, Мерва, Бухары и даже те немногочисленные остатки их, которые дошли до нас сквозь разрушающую силу веков, поражают мастерством исполнения и сложностью композиции, где «узоры, словно ковер, сплошь покрывают стены зала, не оставляя свободными от орнамента ни одного вершка поверхности. Сливаясь в единую арабеску, узор как бы перебегает с одной плоскости на другую, фантастически меняя свои формы, и производит впечатление чего-то нереального, сказочного»⁴.

Подобным новым приемом архитектурного декора в Дербенте VIII–X вв. являлся резной штук или стук, обнаруженный на памятниках города этой поры. Понятие «резной штук» прочно вошло в специальную литературу, хотя в зарубежной литературе по искусству Востока обычно употребляется «стук». «Стук», согласно трактовке Витрувия, – отделочный слой, чаще всего на известково-песчанной основе, применяемый в практике римских мастеров. Среднеазиатский штук или резной ганч – это местная разновидность гипса, содержащего естественные примеси лёса⁵.

На Кавказе резной штук не получил широкого развития, находки его известны на культовых памятниках средневекового Азербайджана и Дагестана, в Двине, но он не типичен для памятников Грузии, Армении, исключение Двин, Северного Кавказа. Помимо Дербента, штукковая резьба известна в Дагестане на мечетях селений Луткун и Калакорейш, причем штукковый михраб последней, представляет собой прекрасный образец подобной резьбы, «близкий по орнаментальным мотивам резьбе Азербайджана и Средней Азии»⁶.

¹ Ибн ал-Факих. Книга о странах... С. 25; Бартольд В. В. Дербент. С. 422.

² Бартольд В. В. Дербент. С. 422; Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента. С. 130–135, рис. 3, 7.

³ Ибн ал-Факих. Книга о странах... С. 25.

⁴ Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. – М., 1948. С. 18.

⁵ Архаров И., Румпель Л. Резной штук Афрасиаба. – Ташкент, 1971. С. 29.

⁶ История Дагестана. – М., 1967. т. 1. С. 221.

В Дербенте резной штук был обнаружен на нескольких памятниках бытового и культового назначения, но во всех случаях находки его связаны не с рядовыми объектами – это крупнейшая мечеть (Джума-мечеть)¹, дворцовые комплексы цитадели², наиболее богатые жилые здания верхней части шахристана³. Причем, Дербент пока единственный памятник Кавказа, на котором резной штук был обнаружен на бытовых объектах⁴.

В большинстве случаев штук покрывал стены и отдельные части сооружений из жженого кирпича, что свидетельствует о зрелости подобной архитектуры и уверенности обращения с данным материалом. Наиболее распространенным способом нанесения штука было использование двухслойного способа, когда штук наносился на черновую штукатурку или подоснову. Назначение двухслойного способа – дать плотную основу верхнему резному слою штука. Подслой грунтовал и выравнивал поверхность и позволял делать резьбу глубокой, без затруднения выбирая массу до подслоя. Однако в Дербенте отмечен и однослойный способ нанесения штука, когда он наносился на поверхность стены слоем толщиной до 2–3 см. этот способ имеет некоторые неудобства при резьбе и не позволяет хорошо прорабатывать мелкие детали. Находки однослойного резного штука связаны с памятником VIII – начала IX вв., тогда как двухслойный более характерен для сооружений IX–X вв. и более позднего периода⁵, когда порой применялся и трехслойный штук⁶.

И однослойный, и двухслойный способ нанесения штука был типичен для настенной резьбы, т. е. когда работы выполнялись по невысохшему нанесенному на стену слою гипса, но наряду с этим практиковался, хотя и несколько реже, способ крепления к стене уже готовых деталей и даже, видимо целых панно. Скрепление этих навесных деталей велось на быстросхватывающемся растворе.

Наиболее распространенным видом резьбы по штуку в Дербенте была глубокая и массивная резьба, первая из которых отличается выпуклостью, пластичностью и лежит, обычно, в одной плоскости.

Основной композицией резьбы по штуку, представленной в Дербенте, является геометрический орнамент в виде отдельных медальонов, квадратов, кругов, заполненных глубокими круглыми вдавлениями, резными треугольниками и шестиугольниками, которые сочетаются по бокам основной композиции с полупальметками, остролистниками, округлыми листьями и стеблями, спиралями. Наряду с геометрическим, в орнаментальных композициях штуковой резьбы широко применялся растительный орнамент в виде стилизованных стеблей винограда, листьев, полупальметок, спиральных завитков и других узоров.

¹ Дибиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. – М., 1966; История Дагестана. Т. 1. С. 221.

² Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114; он же. Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

³ Кудрявцев А. А. Итоги первых раскопок в древнем Дербенте. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели... С. 114; он же. Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте. – В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973–75 гг. – Махачкала. 1976. С. 12.

Дербентский резной sztuk находит себе значительные параллели среди аналогичного архитектурного sztukового декора Варахши¹, Афрасиаба², дворца арабских халифов в Самарре³, сасанидских и более поздних памятников Ирана⁴, средневековых сооружений Азербайджана⁵ и Дагестана⁶. Находки резного sztuk в Дербенте проливают новый свет не только на развитие одного из важных видов архитектурного декора в монументальном искусстве города, но свидетельствуют о наличии здесь еще одной специальной отрасли ремесла, связанной со строительством. Резьба по мокрой, быстро твердеющей гипсовой штукатурке требовала от исполнителя не только художественного мастерства, но и больших профессиональных навыков, и выполнять подобную работу могли только резчики-профессионалы, квалификация которых была достаточно высока. Появление и развитие в Дербенте техники резьбы по sztukу неотделимо от процессов развития архитектуры и строительного дела города, от периодов его экономического становления.

Экономический расцвет Дербента в VIII–X вв. сильно изменил лицо средневекового города, поставив перед архитектурой многообразные и ответственные задачи, решение которых потребовало дальнейшего подъема строительного дела и увеличение среди его ремесленного населения людей, самых различных строительных профессий, в том числе мастеров-профессионалов высокой квалификации.

Находки на памятниках Дербента резного sztuk, который, как особый вид архитектурного декора, обычно применялся на крупных объектах монументального искусства, характерных для развитых средневековых городов Переднего Востока, Средней Азии и Кавказа, могут служить своего рода показателем уровня развития строительного дела в городе. Резной sztuk, использовавшийся, как правило, в архитектуре значительных торгово-ремесленных и политических центров средневекового Востока, дополнительно характеризовал социально-экономическое и политическое положение города в своем регионе.

Находка sztuk на памятниках внутреннего Дагестана, экономическое и политическое развитие которого не позволяет предполагать наличие здесь местных традиций резьбы по sztukу, дали основания исследователям считать, что данные работы были выполнены приезжими мастерами по заказу местных феодальных правителей. Оба селения, где были обнаружены sztukовые рельефы, находятся в непосредственной близости от Дербента и в средневековый период были с ним тесно связаны политически, экономически, культурно, что прослеживается в резьбе по камню, гончарном ремесле, металлообработке. Это позволяет полагать, что данные sztukовые рельефы могли быть выполнены дербентскими мастерами в X–XI вв., что соответствует принятым датировкам этих рельефов и уровню организации ремесленного производства Дербента этого времени, когда здесь начинают появляться профессиональные ремесленные корпорации.

¹ Шишкин В. А. Варахша. С. 166–185, рис. 81, 93–97.

² Архаров И., Румпель Л. Резной sztuk Афрасиаба... С. 95–111, рис. 72, 73, 75, 86, 88.

³ Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А. Искусство арабских народов. – М. 1960. С. 43; Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана... С. 17.

⁴ Фрай Ричард. Наследие Ирана. – М., 1972. рис. 111, 113; История искусств народов СССР. Т. 2. С. 288.

⁵ История искусств народов СССР. Т. 2. С. 288; Дибиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. С. 25–33; История Дагестана. Т. 1. С. 221.

⁶ Дибиров П. М. Архитектурная резьба... С. 25 и сл.; История Дагестана. Т. 1. С. 221.

Изучение строительного дела и камнеобработки Дербента в VIII–X вв. свидетельствует о дальнейшем развитии этой отрасли городского производства, совершенствовании приемов возведения зданий и сооружений, появлении новых строительных конструкций и строительной техники кладки, о дальнейшем расцвете искусства камнеобработки и резьбы по камню, а также гипсовой штукатурке-штучку.

Все это позволяет хронологический этап VIII–X вв. выделить в особый, второй период развития строительного дела и камнеобработки Дербента.

Период середины XI–XIII вв.

Строительное дело и камнеобработка, определенный рост и экономическое возвышение Дербента в XI–XIII вв., в связи со стабилизацией обстановки в Передней и Средней Азии и Кавказе после создания огромной державы Тимура, куда вошел Дербент, способствовали развитию строительного дела и камнеобработки в поздне-средневековом городе. Однако в этой отрасли городского ремесла наметились значительные изменения.

К началу XV в. закончилась эпоха бурных военных потрясений на Кавказе, связанных с монгольским нашествием, борьбой монгольских правителей Ирана и ханов Золотой Орды, завоеваний Тимура и Тохтамыша, в которых Дербенту отводилась важная стратегическая роль.

Второй период в отличие от первого, не был прерван длительными войнами, упадком и разрушениями, напротив, город начал снова расти и развиваться, стал превращаться в значительный торгово-ремесленный центр. Но в этот период произошли значительные исторические события, затронувшие весь средневековый Восток и Кавказ и оказавшие определенное влияние на Дербент. В X в. Арабский халифат не был уже тем могущественным, единым государством, которое подчинило себе в VII–VIII вв. Переднюю и Среднюю Азию, Средиземноморье, Кавказ, от него отпали многие области, ставшие самостоятельными феодальными владениями, а ряд провинций сохранял лишь номинальную зависимость от центрального правительства. На Восточном Кавказе в это время продолжали существовать два крупных феодальных государства: Ширван и Дербент, причем в последнем уже со второй половины X в. к власти пришли правители местной Хашимитской династии, проводившие гибкую самостоятельную политику, ориентированную на поддержку Тимура и враждебную Ширвану. Следствием этих исторических событий было назначение дербентского эмира Ибрагима Халила Дербенди одновременно правителем и Дербента, и Ширвана. Это обстоятельство не могло не сказаться на развитии экономики города, его территориальном росте, а, следовательно, и на тесно связанных с ними камнеобработке и строительном деле Дербента. Однако в этот период почти не ведутся крупные фортификационные работы, исключение составляют лишь сооружения цитадели, участка южной стены да незначительные ремонты городских стен. В строительстве Дербента совершенно исчезают каменные блоки крупных размеров. Наиболее крупные обработанные камни достигают длины 30–50 см при ширине 20–30 см. Новой традицией в обработке камня стало появление блоков, отесанных лишь с наружной стороны, а так же по боковым граням и краям наружной стороны. Блоки хорошо отесаны по ребрам и подогнаны друг к другу, скреплены известковым раствором, размеры камня в среднем 30 x 20 x 13–18 см. Из рустованного камня были выполнены только башни и выступы цитадели, а так же башни и небольшие участки южной стены, что указывает на появление опасности в этот период с юга. Это было

время активизации дербентско-ширванских противоречий, и главная опасность грозила городу не с севера, где уже не существовало мощных объединений кочевников и разгромленных теперь древнерусским государством Хазарии, а с юга. Однако эти оборонительные работы местного значения не могли сравниться с размахом фортификационного строительства в VI–VII вв., VIII–X вв. и можно утверждать, что в этот период фортификационное строительство уже не оказывало существенного воздействия на развитие камнеобработки и строительного дела в Дербенте.

Наряду с камнем в архитектуре Дербента продолжал применяться кирпич, хотя он все же не мог составить серьезную конкуренцию камню, который оставался основным строительным материалом. Обычно это были не целые сооружения из кирпича, а отдельные конструкции (арки, купола колонны), отмеченные в слоях этого времени как в цитадели, так и в шахристане города¹. Кирпич употреблялся несколько меньших размеров, чем в домонгольское время, обычно 20–24 x 20–24 x 4,5–5 см, иногда 18–19 x 18–19 x 4–4,5 см². в кирпичных сооружениях раствор всегда был известковый, а в постройках из рваного камня все чаще использовалась для скрепления глина. По качеству известковый раствор XV–XVIII вв., хуже раствора более ранних периодов, что было связано, видимо, с меньшим сроком его выдерживания и ухудшением технологии изготовления. В бытовых постройках рядовых граждан главным строительным материалом оставался бутовый камень, кирпич и обработанный камень, в основном употреблялся в крупных культовых и общественных зданиях, дворцовых сооружениях, богатых домах и служил своего рода социальным показателем. Находки керамической черепицы в слоях XV–XVIII вв. могут свидетельствовать, что подобный вид покрытия кровли продолжал применяться в Дербенте, но одновременно надо отметить, что кровли из черепицы главным образом характерны для памятников цитадели, а на основной территории города более типичны были плоские деревянные крыши с покрытием кровли киром (нефтепродукт) и уплотненной землей. В оформлении стен богатых зданий, дворцовых комплексов и крупных культовых памятников использовался резной штук, и глиняная, известковая или гипсовая штукатурка, толщиной в 0,07–0,25 см, окрашенная нередко в розовый, красный, синий цвета³. В отдельных случаях штукатурка сохранила следы стеной росписи.

Широкое распространение в этот период получают резные надгробия-саркофаги, украшенные растительным и геометрическим орнаментом, а так же обширными надписями, нередко выполненные поздним «куфи» и «насхом». Резные архитектурные детали и многочисленные поделки из камня в XV–XVIII вв. становятся неотъемлемой частью крупных бытовых и общественных построек, но нередко они встречаются и в домах рядовых горожан, что свидетельствует о дальнейшем развитии и широком распространении обработки камня в средневековом городе⁴. Но данные об изготовлении дербентскими мастерами антропоморфных и зооморфных изображений из камня в этот период отсутствуют, что, возможно, связано с влиянием ислама

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки цитадели Нарын-кала в Дербенте. С. 117; его же. Отчет за 1977 г.

² Там же.

³ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. С. 114; его же. Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

⁴ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г., Салимов С. Б., Хазанов А. М. Новые данные... С. 13–14.

на камнерезное искусство. Исключение составляет водомет над воротами Орта-капы в виде скульптуры льва, вероятно, копии с более ранней скульптуры IX–X вв. или даже сасанидского периода.

Высокий уровень профессионального мастерства и организации строительного дела в средневековом Дербенте XV–XVIII вв. подчеркивают строительные надписи города. В этом отношении Дербент представляет собой уникальный памятник, на стенах которого высечены строительные надписи, относящиеся ко всем основным периодам развития строительного дела города: сасанидский (V–VIII вв.), арабский (VIII–X вв.), хашимитский (X–XIII вв.), ширванский (кон. XIV–XV вв.), османский (XVI в.), сефевидский (XVII в.), период XVIII в. Однако строительные надписи Дербента периода XV–XVIII вв. несколько отличаются от более ранних. Они не только дают информацию о времени постройки того или иного сооружения и об имени основного производителя работ, но в них зафиксировано так же профессиональное звание строителя. Несомненно, что подобное сообщение указывало не только на профессию высокую квалификацию данного строителя. Но и имело социальный смысл.

Исследователями, по данным строительной эпиграфики, было установлено бытование в Азербайджане XI–XIX вв. трех профессиональных терминов, обозначающих звание квалифицированных строителей и мастеров архитектурного декора¹. Обычно термин употреблялся в зависимости от принадлежности мастера к той или иной архитектурной школе. Так, термин «ал-банна» (строитель) был более характерен для нахичеванской архитектурной школы и употреблялся в основном в XII–XIV вв., термин «ми'мар» (архитектор) и «устад» (мастер) был связан в основном с ширвано-апшеронской школой, причем первый термин бытовал в XI–XV вв., а второй в XI–XIX вв.².

Подобным термином мог пользоваться лишь мастер-профессионал, достигший высокой квалификации. «Несомненно, что званием «устада» обладали зодчие, достигшие определенной степени признания и имевшие учеников»³.

Профессиональные термины «ал-банна» и «ми'мар» встречаются в Дагестане очень редко, в отличие от термина «устад», который был распространен почти во всех районах Дагестана, особенно с XVII в.⁴.

В Дербенте были зафиксированы все три термина «ал-банна», «ми'мар», «устад»⁵, что, видимо, может свидетельствовать о весьма широком распространении здесь профессии строителя и значительном смешении различных архитектурных школ. Наиболее раннее упоминание мастеров «Ахмада б. Абу (?) или 'Али б. Йунуса» связано с перестройками ворот Орта-капы в 1044 г.⁶. Надпись, сделанная на северной стороне ворот Таш-капы упоминает термин «ал-банна», причем указывает на семейную преемственность строительной профессии «...написал это ал-Харис сын Йазида ал-банна (строителя)»⁷. Видимо, сын строителя принимал участие в строительстве,

¹ Бретаницкий Л. С. и Саламзаде А. В. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана. – Эпиграфика Востока, XIII, 1960. С. 18–25.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 25–26.

⁴ Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. – Махачкала, 1969. С. 72–73.

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... Ч. 2. С. 25; Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают... С. 73, 75.

⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... Ч. 2. С. 25.

⁷ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... ч. 1. С. 64.

причем обладал уже достаточной квалификацией, мог сам составить строительную надпись, но титула «ал-банна» еще не получил. О постройке минарета в Дербенте посломонгольского времени сообщает надпись с именем мастера Са'ида б. Худайшара¹.

Нередко в надписях сообщались имена попечителей, видимо, финансировавших те или иные строительные работы. Так, постройка ворот Таш-капы в северной городской стене Дербента была «выполнена благодаря заботам Дажбара б. Ибрахима»².

Исследование строительной эпиграфики Дербента позволяет сделать вывод, что в этот период в строительном деле средневекового города определенное положение занимали резчики, выполнявшие строительные надписи, надгробные эпитафии и другие подобные работы и упоминавшие свое имя после имени мастера. Так, надпись на южной стороне у ворот Дубары-капы содержит дату строительства и имена: Мухаммад б. Махмуд и Йусуф б. Баба б. 'Али-Ибрахим, а написал Махмуд Гилянский³.

Исследования строительных надписей Дербента позволяет говорить о весьма высоком уровне организации строительного дела в средневековом городе. В этот период здесь существуют профессионалы-строители самой высокой квалификации, ремесло которых, видимо, было наследственным. Специальные термины, употребляемые в строительной эпиграфике города для обозначения этих мастеров свидетельствуют об уровне развития этого ремесла и степени его организации. Не исключено, что строители города были в этот период объединены в своего рода профессиональные корпорации, наличие которых для других видов городского ремесла этого времени зафиксировано в письменных источниках⁴.

Возможно, что отдельные бригады дербентских мастеров выполнили строительные работы и оформление мечетей в ряде известных центров Нагорного Дагестана по заказу местных феодальных правителей.

Бытование в Дербенте терминов различных школ, определяющих звание мастера-строителя, можно объяснить широкими культурными и экономическими связями города с Азербайджаном и Ираном как в домонгольский период, так и в XV–XVIII вв.

Изучение строительного дела и камнеобработки в Дербенте VI–XIII вв. показало, что здесь можно выделить три периода их становления и развития. Связанные с тремя основными этапами экономического развития средневекового города, каждый из трех выделенных периодов имел свои специфические черты развития, определявшиеся порой причинами не только экономического, но и военно-политического характера.

Первый период развития строительного дела и камнеобработки характеризовался грандиозным фортификационным строительством, способствовавшим появлению в городе большого числа рабочих строительных профессий и узкой специализации процессов добычи и укладки камня. Однако относительная несложность и полная идентичность конструктивных приемов кладки, постоянная повторяемость выполняемых каменщиком-профессионалом операций не требовали участия в процессе строительства высококвалифицированных мастеров-зодчих и подобных специалистов в Дербенте VI–VII вв. было, видимо, немного.

Бурный рост шахристана города в VIII–X вв. и экономический расцвет Дербента в этот период положили начало новому подъему его строительного дела и камнеобработки, развитие которых было прервано почти вековым периодом арабо-хазарских войн. Второй период характеризовался значительно меньшими масштабами фортификационного строительства, хотя объем его все еще был велик, особенно

¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... ч. 2. С. 27.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 25.

⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 163–167.

в VIII – начале IX вв. Этот период, в отличие от предшествующего, был ознаменован небывало широким размахом бытового, культового и общественного строительства. Дербент в VIII–IX вв. являлся крупнейшим центром и оплотом мусульманства на Кавказе, основным очагом распространения ислама на север, что влекло за собой обширное строительство мечетей и других культовых сооружений. Резкое увеличение количества населения города и сильно возросшее его торговое значение способствовало широкому общественному строительству, здесь возводились водохранилища, склады, фонтаны, караван-сарай, общественные бани.

Размах строительства способствовал подъему камнеобрабатывающего искусства, повышению его художественного и эстетического уровня, что придало новое направление искусству камнерезов. В городе получает широкое развитие художественная обработка камня, и появляются мастера архитектурного декора, прославившие Дербент своими произведениями на весь средневековый Восток. Одной из специальных отраслей строительного дела в VIII–X вв. стала резьба по штукатурке, не получившая на средневековых памятниках Кавказа значительного распространения, но довольно широко представленная в архитектурном декоре бытовых и культовых сооружений Дербента VIII–X вв.

Третий период, связанный с развитием строительного дела и камнеобработки в XI–XIII вв., характеризовался обширным бытовым и общественным строительством и незначительными объемами фортификационных работ. В это время наибольший расцвет получает бытовое строительство, возводятся два новых дворцовых комплекса в цитадели и многочисленные дома зажиточных и рядовых горожан в шахристане. На третьем этапе развития строительного дела в эпиграфике города зафиксированы профессиональные термины строителей, характеризующие высокий уровень мастерства и квалификации специалистов в этой отрасли городского ремесла. Существование в Дербенте подобных мастеров-зодчих свидетельствует о высоком уровне организации строительного дела в средневековом городе, о степени профессионализма в этой области и может быть, о возникновении здесь своеобразных специализированных объединений ремесленников-строителей, существование которых для других видов городского ремесла зафиксировано письменными источниками.

Керамическое производство

Керамические изделия составляют основную часть археологического материала, получаемого при исследовании бытового памятника. Особенно обширен керамический материал при изучении крупного средневекового города, где он является продукцией одной из наиболее развитых отраслей городского ремесла. По степени распространения керамических изделий в быту и по уровню их сохранности с ними не может сравниться ни один другой вид ремесленной продукции. Столовая, кухонная и хозяйственная посуда, благодаря своей массовости и незаменимости в быту, широко проникала во все слои населения средневекового Дербента и потому, несомненно, является одним из наиболее обширных и важных исторических источников о жизни обитателей города на различных этапах его существования.

Период VI – начала VIII в.

Первый период развития керамического производства средневекового Дербента был связан с событиями большого военно-политического значения. Дербент был

превращен в самый значительный опорный пункт сасанидского Ирана на Кавказе и в крупный административный центр, тесно связанный с высокоразвитыми его областями. Значительно изменился состав населения города, резко возросшего за счет переселенцев из внутренних районов Ирана: греков, сирийцев, евреев, составляющих основу городского люда в западных его провинциях, и многочисленных строительных рабочих из различных областей Кавказа и Передней Азии. Это не могло не повлиять на местные керамические традиции, так как значительную часть переселенного сюда населения составляли ремесленники, в том числе и гончары, принесшие с собой более передовую технологию изготовления керамики из крупных ремесленных центров Переднего Востока.

Огромное количество керамики самого различного назначения. Столовая и кухонная посуда, большие тарные сосуды, многочисленные трубы водоводов, жженный кирпич, черепица, развалы печей, приспособления для обжига посуды и керамические отвалы, обнаруженные в культурных напластованиях раннесредневекового Дербента, убедительно свидетельствуют о высоком уровне развития местного керамического производства города.

Керамика Дербента сасанидского времени, связанная с первым периодом экономического развития средневекового города, весьма многочисленна и разнообразна. По цвету, качеству теста и обжига, технологии производства, формам и приемам ornamentации она резко отличается от посуды Дербента и Дагестана предшествующего времени.

От местных, в значительной массе весьма однотипных изделий с своеобразным ангобным покрытием и довольно грубым лощением, с большими примесями шамота, коричневатым или серым тестом, в основном изготовленных на медленно вращающемся круге или без него, керамика Дербента сасанидского периода отличается высококачественным, тонко отмученным тестом, хорошим обжигом, ornamentацией и изготовлением на быстро вращающемся гончарном круге¹. Почти вся она красноглиняная и даже внешне составляет довольно резкий контраст с местными гончарными изделиями предшествующего времени.

По назначению всю керамику раннесредневекового Дербента можно разделить на тарную, кухонную, столовую².

Хронологически вся керамическая посуда из слоев города сасанидского периода делится на две большие группы. Первая из них, более ранняя, относится к V – началу VI в. и связана хронологически с первым этапом сасанидского строительства в Дербенте.

Вторая, поздняя группа керамических изделий, хронологически связанная со вторым этапом сасанидского строительства в Дербенте и превращением его не только в крупнейший военно-политический пункт Кавказа, но и в значительный торгово-ремесленный центр, охватывает VI–VII вв.³.

Тарная посуда. Этот вид керамики представлен большими хозяйственными сосудами, служившими для хранения сыпучих материалов и продуктов, воды, вина, а иногда и строительного раствора. Так, в нескольких районах Дербента у северной

¹ Подробную классификацию, типологию и хронологию древней и раннесредневековой керамики Дербента см.: Кудрявцев А. А. Древний Дербент: (Опыт ист.- археол. изучения): Дис. ... канд. ист. наук. (Далее: Кудрявцев А. А. Древний Дербент: Дис.). Махачкала, 1975. С. 94–120, 154–187; Он же. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 55–68; Он же. Древний Дербент. М., 1982. С. 110–114.

² Кудрявцев А. А. Город... С. 55–68; Он же. Древний Дербент. С. 110–114.

³ Там же.

и южной стен города были обнаружены вкопанные в землю большие хозяйственные сосуды с известью, которые использовались, видимо, при возведении или ремонте городской стены.

По назначению дербентские тарные сосуды аналогичны раннесредневековым среднеазиатским хумам, закавказским кюпам и карасам.

Производство тарной керамики, достигавшей обычно в дербентских образцах от 0,7 до 1,5 м высоты при ширине тулова 0,5–1 м и диаметре горловины 0,25–0,6 м являлось весьма сложным и трудоемким процессом. Изготовление крупных тарных сосудов, делавшихся в большинстве своем из нескольких составных частей, места соединений которых украшались наклепными валиками, требовало не только значительного мастерства ремесленника и определенного уровня специализации в этой области керамического производства, но и специальных обжигательных печей, превосходивших обычные по размерам¹. Это приводило к узкой направленности в этой отрасли городского ремесла, изготовлению продукции по заказу потребителей², что должно было способствовать дальнейшему совершенствованию этого вида керамических изделий, улучшению технологии их производства, стандартизации тарных сосудов и удешевлению их изготовления. Все это вело к дальнейшей специализации керамического производства города, к появлению здесь гончаров-профессионалов.

Изготовление тарной керамики в Дербенте опирается на древние традиции³, но в средневековье ее производство поднимается на качественно новый уровень. В сасанидское время в Дербенте в большом количестве выпускаются тарные сосуды самой различной величины, наиболее крупные из них достигали высоты 1,5 м и более при толщине стенок до 3–4 см. подобные хумы состояли из нескольких частей. В то же время здесь делали тарные сосуды средних размеров, высотой до 1 м, которые нередко состояли всего из двух частей – тулова и горловины, что свидетельствует о высоком уровне производства в этой области.

Экономическое развитие города в VI – начала VII вв. и огромное фортификационное строительство, развернувшееся здесь в связи с возведением всего Дербентского оборонительного комплекса, в результате которых значительно возросла потребность в крупнообъемных сосудах, оказали большое влияние на увеличение выпуска тарной керамики и дальнейший рост этой отрасли керамического производства. Особенно возрос в этот период выпуск крупных толстостенных сосудов, которые составляют около 59–60 % от всей тарной посуды из слоев города VI – начала VIII в. В общей массе гончарных изделий указанного периода тарная керамика составляет около 12–13 %, что говорит о высоком уровне гончарного ремесла и, в свою очередь, свидетельствует о значительном прогрессе в экономическом развитии средневекового города.

Тарная керамика периода VI – начала VIII в. представлена в основном четырьмя типами изделий: а) толстостенные (толщина стенок 2–4 см) сосуды с плоским дном и вытянутым слабовыпуклым туловом, расширяющимся в верхней части и переходящим непосредственно в прямой или несколько отклоненный внутрь венчик (без горловины) диаметром 40–60 см, несколько расширяющийся к краю, утолщенный наружу или прямой невыделенный; б) сосуды с округло-вытянутым, яйцевидным туловом

¹ Якобсон А. Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. №2. С. 202.

² Там же.

³ Кудрявцев А. А. Первые исследования досасанидского Дербента // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1977. С. 140–145.

со стенками средней толщины (до 1–1,5 см) и относительно невысокой конусовидной, слабо выделенной горловиной с утолщенным наружу венчиком подпрямоугольной или округлой формы диаметром 25–30 см, дно плоское, довольно небольшого диаметра; в) сосуды округло-вытянутой, яйцевидной формы с очень невысокой горловиной, несколько отклоненной у венчика наружу (иногда горловина почти отсутствует), и сильно утолщенным наружу венчиком диаметром 35–55 см, разнообразной формы; г) толстостенные сосуды с округлым, вздутым туловом и плоским венчиком диаметром 35–40 см, широко отогнутым прямо от плечиков сосуда, венчик, обычно подтреугольного или квадратного сечения, имеет плоский верхний край шириной до 5–7 см.

Тесто сосудов всех типов красное, красновато-коричневое, реже розово-красное с примесями рубленой соломы, иногда морского песка и толченой ракушки, очень редко шамота. Обжиг, как правило, качественный, хотя среди сосудов типов «а» и «г» иногда встречаются недообожженные экземпляры, тесто изделий этих типов также несколько грубее, с большим количеством примесей, чем у керамики типов «б» и «в», что объясняется более крупными размерами и большей толщиной стенок, связанных с их различным назначением.

Керамика всех типов орнаментировалась налепными валиками с насечками, вдавливаниями и защипами, расположенными на плечиках, тулове, горловине сосудов и прикрывавшими обычно места соединения отдельных составных частей хумов.

Наряду с валиками применялся волнистый процарапанный и вдавленно-прочерченный орнамент в виде пяти- или семирядных прямых или волнистых полос. Отдельные сосуды орнаментировались светлым ангобным покрытием. На ряде тарных изделий были обнаружены клейма мастеров в виде квадратов, прямоугольников, овалов с перекрестьем внутри, наносившиеся на венчик, редко на тулово сосуда до обжига.

Анализ тарной керамики раннесредневекового Дербента показал, что она имеет значительное сходство с азиатскими хумами¹, тарными сосудами Кавказа² и Дагестана³, широко распространенными на памятниках IV–VII вв.

¹ Массон В. М. Хумы Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1953. Т. 2. С. 416–433, рис. 5; 16; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) // МИА. 1953. 37. С. 291, рис. 27; Бентович И. Б. Керамика Пянджикента // Там же. С. 135. рис. 2; Усманов З. И. Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. 12. С. 81, рис. 40; Таишходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы // Там же. С. 110, рис. 8; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971. С. 107–119, рис. 31, 34–35; Древний Ташкент / Отв. ред. И. Ахраров. Ташкент, 1973. С. 134, рис. 38; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 55, рис. 25.

² Чубинов Г. Декоративное убранство анийских карасов. Пг., 1917. Т. 5. С. 21, табл. IX, 1, 2; Марр Н. Я. Ани. Л.; М., 1934. Табл. XIV, 192; Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952. С. 185, рис. 158; Ваидов Р. М. Мингечаур в III–VII веках. Баку, 1961. Табл. II, III; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование городища Кабалы // МКА. Баку, 1965. Т. 5. С. 62, табл. XII. 2; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. 106. Рис. 34, 1, 2; Чилашвили Л. А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964. Табл. XXXVII–XXXIX; Оруджев А. Ш. Раннесредневековое поселение в Салман-тепе // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 137, табл. III.

³ Пиккуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 году: (Полевой отчет) // РФ ИИЯЛ. 1963. № 3255. С. 90, табл. XI, 3; Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1972 году // Там же. 1973. № 4943. Альбом, рис. 30, 31, 54.

Кухонная керамика. Кухонная посуда Дербента широко представлена среди керамических изделий города, относящихся к первому периоду его экономического развития. Основу ее составляют котлы, сковороды, горшки, количество фрагментов которых в слоях VI – начала VII в. доходит до 20 % от общей массы керамической продукции.

Наиболее многочисленны в кухонной керамике котлы, которые, судя по находкам их фрагментов в слоях города этого времени, были одним из основных видов посуды для приготовления пищи. Значительное многообразие форм котлов и самые различные размеры их указывают на весьма широкий диапазон и разносторонний характер применения этих изделий в быту населения города. Подобное разнообразие форм этого вида кухонной посуды может свидетельствовать о широком ассортименте приготовляемой в них пищи, а наличие среди дербентских котлов экземпляров со сливами различных форм указывает на то, что в число изготавливаемых в котлах блюд входили и жидкие кушанья. В отличие от большинства подобных раннесредневековых изделий Кавказа и многих районов Средней Азии дербентские котлы в основном сделаны с помощью гончарного круга, что служит показателем высокого уровня керамического производства города и указывает на их изготовление профессиональными ремесленниками. Это сближает их с котлами верхнего слоя Пенджикента (VII – начала VIII в.), с которыми дербентские котлы имеют много сходства в формах и приемах орнаментации.

Кухонная посуда в отличие от многих других видов керамических изделий должна отвечать целому ряду специальных требований, главными из которых являются ее высокая термостойкость и способность выдерживать резкие перепады температур. Исследования среднеазиатских керамических котлов показали, что они обжигались при температуре 500 °¹ и могли выдерживать температурные колебания до 200–300 °.

Высокая термостойкость дербентских котлов обеспечивалась специальными составами глины, подбор которых был хорошо продуман и опирался на глубокие традиции, и формами кухонной посуды, наиболее оптимальными для температурных колебаний. Для предохранения котлов от трещин и деформации при большом нагревании и смене температур в тесто изделий добавляли большое количество отошителей. Характерной чертой дербентской кухонной керамики является использование в качестве отошителей толченой ракушки и морского песка. Наряду с толченой ракушкой и песком в тесте отдельных сосудов этого времени содержится кварц, использовавшийся также в качестве отошителя.

И кварц, и известковые включения широко применялись в кухонной керамике различных регионов², но в Дербенте, обладающем неисчерпаемыми запасами легкодоступных известковых отошителей, они использовались чаще всего, а изделия, содержащие в тесте кварц, надо связывать с наличием в культурных слоях города привозной керамики, в частности с проникновением ее сюда из районов Северного Кавказа и Прикаспия.

Несмотря на значительное многообразие дербентских раннесредневековых котлов, представляется возможным выделить три основные формы изделий: 1) окру-

¹ Бурнашева Ф. А. К вопросу использования химико-технологических методов при изучении керамики (котлов) средневековья // ИМКУз. Ташкент, 1964. Вып. 6. С. 170.

² Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе, 1966. С. 29; Она же. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 82; Бурнашева Ф. А. К вопросу... С. 169.

глые, несколько приплюснутые котлы с отклоненными внутрь стенками, образующими несколько западающее устье; 2) полусферические котлы, более раскрытого типа, с прямым или чуть отклоненным внутрь венчиком; 3) более вытянутые котлы со слабо выпуклыми боками и четко выраженным дном. У последнего типа котлов нижняя часть лепилась отдельно, видимо на шаблоне, а верхняя изготовлялась на гончарном круге. Основные отличия котлов заключались в формах венчиков и устья, в наличии сливов, а также в формах и способах крепления ручек-держалок.

По формам тулова, венчиков, ручек-держалок и сливам из всей массы обнаруженной кухонной керамики удалось выделить четыре основных вида изделий, в каждом из которых отмечено по несколько вариантов:

1) плоскодонные котлы с округлым туловом, широким устьем и массивными дугообразными ручками, крепящимися вертикально к верхней части тулова (этот тип имеет три варианта: а) котлы с валикообразным венчиком, несколько отклоненным внутрь, и небольшими дугообразными ручками, которые могут быть двух видов – дугообразные, круглого сечения или подковообразные, плотно прижатые к тулову, своего рода выступы; б) котлы с прямым, чуть расширенным венчиком и массивными дугообразными ручками; в) котлы с отклоненными внутрь стенками и утолщенным венчиком с плоским верхним краем, имеющим иногда желобок для плотного прилегания крышки);

2) округлые небольшие котлы с широким устьем и прямым невыделенным венчиком, в котором устроен слив (этот тип котлов имеет три варианта: а) котлы с желобообразным, сильно вытянутым сливом; б) котлы со сливом, устроенным за счет сжатия венчика с боков (типа энохой); в) котлы со сливом, устроенным за счет сильного отгиба утолщенного края венчика, по верху которого проходит желобок);

3) котлы с шаровидно-округлым туловом, уплощенным дном и утолщенным или невыделенным венчиком, к которому крепятся горизонтальные ручки-держалки полукруглой, трапециевидной, прямоугольной или овальной формы (здесь выделяются два варианта: а) котлы с сильно отклоненными внутрь венчиками, обычно у этого варианта ручки-держалки крепятся к верхней части тулова; б) котлы с прямым, как правило, расширенным в верхней части венчика, к которому крепятся ручки-держалки, образующие с ним одну плоскость);

4) котлы с округлым приземистым туловом, небольшим уплощенным дном и сильно отогнутым наружу венчиком (венчик имеет четыре варианта формы: с широко отогнутым наружу горизонтальным краем; сильно утолщенный подквадратный; утолщенный подтреугольный; сильно утолщенный наружу валикообразный).

Почти все дербентские котлы довольно толстостенны; обычно толщина стенок достигает 0,4–0,8 см, реже 0,8–1,2 см, дна – 0,4–1 см. Они имеют темно-серое, темно-коричневое, реже бурое или темно-красное тесто с значительными примесями толченой ракушки и морского песка, а иногда и кварца. Орнаментация котлов проста или вообще отсутствует. В основном это насечки, витые ручки, иногда лощение, наиболее распространенным видом орнаментации являются прямые и волнистые многорядные, вдавленно-прочерченные линии, иногда врезные линии и насечки на ручках-держалках или округлые вдавления у основания дугообразных ручек.

Подобная орнаментация была широко распространена на передне- и среднеазиатской керамике этого времени и, в частности, на котлах раннесредневекового времени.

Дербентские котлы при всем их большом сходстве с аналогичной гончарной продукцией раннесредневековых памятников кавказского, переднеазиатского и среднеазиатского регионов отличаются значительным своеобразием форм и деталей отдельных вариантов этих изделий, что указывает на местное происхождение подобных форм и творческое переосмысление дербентскими гончарами достижений известных центров керамического производства.

Сопоставление основных типов котлов Дербента VI – начала VII в. с подобной посудой других регионов показало, что значительные параллели им прослеживаются в основном в аналогичных кухонных изделиях раннесредневековых и средневековых памятников Кавказа¹ и Средней Азии².

Столовая посуда. В керамике раннесредневекового Дербента столовая посуда составляет самую многочисленную и разнообразную группу. От остальной керамики ее выделяет более высокое качество теста и обжига, изящество форм и развитая орнаментация. Посуда Дербента этого периода резко отличается от столовой керамики предшествующего времени по качеству теста и обжига, по количеству форм и орнаментации, приемам изготовления и технологическим особенностям. Однако в этом виде гончарной продукции в значительной степени отмечена и преемственность определенных керамических традиций предшествующей эпохи, которая более четко прослеживается в изделиях ранней группы из слоев города V – началах VI в. и почти исчезает в посуде VI–VII в., стоящей по своим признакам весьма близко к керамике Дербента средневекового периода. Но четкую грань между изделиями ранней и поздней групп сасанидского периода провести нельзя, так как основные гончарные традиции и технологические приемы керамистов-ремесленников города сасанидской поры были на этом этапе общие и развитие производства шло за счет углубления и закрепления достигнутых технологических успехов.

Керамику VI–VII вв. отличает большое разнообразие представленных форм и усложнение орнаментации изделий. Наряду с этим отмечена стандартизация сосудов, широкое распространение определенных, наиболее рациональных и приспособленных для массового изготовления типов кувшинов и чаш, значительное сокращение технологических приемов изготовления посуды, характерных для гончарного производства предшествующей эпохи (состав теста, обжиг, гончарный круг, приемы орна-

¹ Кафадарян К. Город Двин... С. 199., табл. 174; Геюшев Р. Б. Керамика города Кабалы (I–X вв.): Автореф. Дис. ...канд. ист. наук. Баку, 1962. С. 16; Чилашвили Л. А. Городище Урбниси. С. 112, рис. 47; Якобсон А. Л. Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г. // МИА. 1965. 133. С. 23, рис. 16, 2, м., н.; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... С. 56, табл. VI, 4, 5; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика Орен-кала // МИА. 1969. 67. С. 189, табл. I, 1–3; Нуриев А. Б. О кувшинных погребениях Шергоха // МКА. Баку, 1973. Т. 7. С. 23, табл. I, II; Оруджев А. III. Раннесредневековое поселение... С. 153, 155, табл. I, II.

² Вяткин В. Л. Городище Афрасиаб. Самарканд. 1926. С. 37, рис. 44; Тереножкин А. И. Раскопки в кукендизе Пянджикента // МИА, 1950. 15. С. 89, 90, табл. 41, 1, л. к. 3з; Беленицкий А. М. Работы Вашского отряда в 1946 г. // Там же. Табл. 65; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 25, табл. I, 1, 6; Мандельштам А. М., Левхнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. 1958. 66. С. 315–317, рис. 27, 3; Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII–VIII вв.) // Там же. 1964. 124. С. 272–290, рис. 10; 30–31; Древний Ташкент. С. 35–46, рис. 11, 4; Дьяконов М. М. Археологические работы... С. 288, рис. 24; Левина Л. М. Керамика... С. 139, рис. 49, 26.

ментации), что надо связывать с окончательной победой новой технологии в гончарном ремесле города и его широкой ориентацией на массового потребителя.

В VII – начале VIII в. несколько ухудшается качество теста посуды, а порой и доброкачественность обжига. Наряду с красноглиняными и розовоглиняными сосудами встречаются изделия с коричневато-серым тестом, отмечены отдельные экземпляры с тестом плохо промешанным и довольно грубым. Подобные недообожженные и более низкокачественные изделия характерны для верхней части слоя, и мы связываем это явление с экономическим упадком города в период арабо-хазарских войн.

По назначению столовая посуда Дербента делится на пять групп: кувшины, чаши, горшки, бокалы, кубки.

Кувшины составляют самую многочисленную (более 40 % от всей керамической посуды этого времени) и разнообразную группу дербентской посуды. Внушительное количество представленных здесь форм и приемов орнаментации, высокое качество изготовления и обжига изделий служат ярким свидетельством уровня развития керамического производства города в этот период, показателем высокого профессионального мастерства его керамистов.

В VI – начале VIII в. наибольшее распространение получили двенадцать типов кувшинов, из которых некоторые бытовали и на первом этапе сасанидского господства в Дербенте в V – начале VI в.: а) плоскодонные сосуды средних размеров (высотой 28–35 см) с вытянутым яйцевидным туловом и прямой высокой горловиной среднего диаметра (от 7 до 10 см), подчеркнутой по основанию тонким валиком или врезной линией, к верху горловины и плечикам кувшина крепится округлая или Г-образная массивная ручка (по формам венчика и способам крепления ручки здесь выделяются два варианта); б) крупные (высотой 35–50 см) плоскодонные сосуды с округлым туловом и высокой горловиной широкого диаметра (свыше 10 см), плавно расширяющейся к тулову и венчику кувшина; в) крупные (высотой 35–50 см) плоскодонные сосуды с округлым туловом и высокой несколько конической, расширенной к основанию горловиной среднего или широкого диаметра (обычно 8–10 см или 10–13 см); г) крупные и средние (высотой 35–50 см, 20–30 см) плоскодонные сосуды с округлым вздутым туловом и расширенной сверху горловиной (диаметром 8–12 см) с энохоевидным сливом, образованным за счет сжатия венчика с двух сторон, к верху горловины и тулова крепится округлая массивная ручка; д) небольшие (высотой 15–25 см) плоскодонные сосуды с вытянутым или округлым туловом и высокой узкой (диаметром 3–6 см) горловиной, иногда воронкообразно расширяющейся в верхней части; е) плоскодонные кувшины с округлым несколько вздутым туловом и широкой, очень низкой (высотой 2–3 см) прямой горловиной в виде невысокого бортика, переходящего в невыделенный валик, диаметр горловины лишь немного меньше диаметра тулова, этот тип представлен весьма немногочисленным количеством изделий; ж) крупные кувшины с округлым, яйцевидным туловом и высокой, довольно широкой (диаметром 10–12 см) цилиндрической горловиной с двухваликовым утолщенным наружу венчиком; з) плоскодонные кувшины с округлым туловом, невысокой широкой горловиной и сильно утолщенным наружу венчиком, этот тип нашел широкое распространение в раннесредневековой посуде Дербента; и) небольшие кувшинчики (высотой 13–18 см) типа «кринки» с округлым, несколько вздутым туловом, заужен-

ным ко дну, и приподнятыми плечиками, от которых резко отходит чуть расширенная к основанию горловина (диаметром 8–10 см), этот тип представлен в керамике раннесредневекового Дербента довольно небольшим количеством изделий; к) небольшие кувшины с округлым шаровидным туловом и высокой, резко выделенной раструбовидной горловиной с невыделенным валиком, диаметром 7–10 см; л) большие сосуды (высотой 45–60 см) с относительно высокой цилиндрической или чуть конусовидной горловиной диаметром 9–12 см, к верхней части которой и к плечикам кувшина крепятся две массивные ручки (типа амфоры); м) большие сосуды (высотой 40–60 см) с округлым, несколько вздутым туловом и относительно широкой горловиной диаметром 8–10 см, чуть расширенной кверху, с зооморфно оформленным сливом, вариантом этого типа являются кувшины средних размеров с более стилизованным зооморфным сливом.

Представленное многообразие дербентских кувшинов VI – начала VIII в. служит ярким свидетельством развития керамического производства раннесредневекового города и его значительного прогресса по сравнению с предшествующей эпохой.

Некоторые типы сосудов были распространены и на ранних этапах сасанидского господства в Дербенте и широко представлены среди кувшинов V – начала VI в. (типы «а - д», «к»). Одни из них получили дальнейшее развитие в следующий период (типы «а» и «д»), другие почти исчезли из употребления в это время, и находки их единичны (типы «б», «к»). Тип «б» представлен очень небольшим количеством фрагментов и в слоях V – начала VI в., а в слоях VI – начала VIII в. обнаружено всего три фрагмента подобных кувшинов. Тесто этих сосудов светло-желтого и светло-коричневатого цвета отличается от основной массы красноглиняной посуды Дербента, имеющий розоватый, красный, темно-красный оттенки. Отличается оно и от коричневатого теста местной керамики албанского времени, в котором обычно имеются значительные примеси шамота. Снаружи кувшины этого типа иногда покрыты лощением невысокого качества. Пока трудно достаточно обоснованно судить о происхождении этих кувшинов, но значительное сходство их с аналогичными изделиями памятников первого тысячелетия нашей эры нижнего и среднего течения Сырдарьи позволяет думать о возможности проникновения подобной посуды из Средней Азии вследствие культурных взаимовлияний или прямых контактов между данными регионами, в ходе которых мог использоваться и кратчайший морской путь через Каспий, существовавший, по мнению В. В. Бартольда, еще в «дохристианское время».

Изучение кувшинов Дербента из слоя VI – начала VIII в. показало, что в этот период в раннесредневековом городе бытовали сосуды, в формах и приемах ornamentации которых отчетливо ощущается влияние крупнейших ближневосточных и среднеазиатских керамических центров (типы «а», «б», «д», «ж», «з»), а также определенное воздействие гончарных традиций Северного Причерноморья и Средиземноморья (амфоровидный тип «д»). Однако наряду с подобными формами кувшинов здесь представлены сосуды, в формах которых отчетливо прослеживается преемственность наиболее распространенных типов подобной керамики предшествующих эпох и влияние местных керамических традиций. Так, можно отметить, что сосуды с энохоевидным сливом на венчике, образованным за счет сжатия его с двух сторон (тип «г»), являются одним из наиболее распространенных типов кувшинов Кавказской Албании и широко представлены в керамических материалах албанской

и предшествующей эпох памятников Азербайджана¹ и Дагестана², в том числе и в Дербенте³. Другие типы, например «в» и «к», также были широко распространены в гончарной посуде памятников Дагестана албано-сарматского времени⁴.

Чаши. В раннесредневековой керамике Дербента значительная часть столовой посуды представлена чашами различных форм и размеров, составляющими около 15 % от всей массы гончарных изделий, относящихся к VI – началу VIII в.

По форме здесь выделяются пять типов подобной керамики: а) плоскодонные средних размеров (диаметр венчика до 15 см) чаши округлой формы с слабовыпуклыми, иногда почти прямыми стенками и невыделенным, заостренным вверх венчиком (вариантом этого типа являются чаши на плоском поддоне, иногда с выступающими краями); б) плоскодонные небольшие (диаметр венчика до 10 см) чаши (обычно весьма невысокие) округлой формы с замкнутым внутрь венчиком (по форме венчика здесь выделяются два варианта: чаши с невыделенным венчиком; чаши с утолщенным венчиком каплевидной формы); в) большие (диаметр венчика до 25–30 см) плоскодонные чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками и сильно утолщенным наружу широким венчиком (по форме венчика здесь выделяются два варианта чаш: чаши с широким валикообразным венчиком; чаши с заостренным вниз (клювовидным) венчиком); г) глубокие плоскодонные чаши диаметром до 25–30 см, округлой формы, с утолщенным наружу широким венчиком, несколько отклоненным внутрь; д) плоскодонные чаши со слабовыпуклыми стенками и сильно отклоненным внутрь, с перегибом, венчиком (по форме венчика выделяются два варианта чаш). Чаши первого и второго типов (типы «а» и «б») шире представлены в слоях города V – начала VI в., а в указанный период, хотя формы их и получают некоторое развитие, количество их значительно сокращается, особенно это касается изделий типа «б».

Чаши первого типа несколько отличны от второго. В первом случае они имеют тесто весьма высокого качества, красного или розового (иногда светло-розового) цвета и хороший, равномерный обжиг, а во втором – тесто коричневого, темно-коричневого, реже розового цвета, хорошего качества и тонкой отмучки, но здесь нередко встречаются и лощеные экземпляры. Все они сделаны на гончарном круге. Чаши типов «а» и «б», характерные и для ранней группы посуды Дербента V – начала VI в., имеют большое сходство в формах с аналогичными изделиями предшествующего периода, однако чаши первого типа более тяготеют к посуде памятников античного времени, точнее, первой половины I тысячелетия н. э. Закавказья⁵, Средней

¹ Исмизаде О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956. Табл. XII, XIV–XVIII, XXIII; Он же. О раскопках на холме Карапете в 1957 г. // МКА. Баку, 1962. Т. 4. С. 171–199, табл. IV, V, VIII, X; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960. Табл. XXI–XXII.

² Крупнов Е. И. Новые памятники древних культур Дагестана // МИА. 1951. 23. С. 218, рис. 9; Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албаносарматского времени у сел. Карабуздакент // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 191, рис. 21, 309; Маммаев М. Знаки на керамике Урцекского городища // Там же. 1973. Т. 3. С. 93, рис. 5; Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 180–181, табл. X–XI.

³ Кудрявцев А. А. Первые исследования... С. 146, 156, табл. VIII, 1, 3.

⁴ Пиккуль М. И. Хабадинский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 148–157, табл. X, 8; Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники... С. 170, 215, 216, рис. 3; 39; 40; Маммаев М. Знаки... С. 89, рис. 1, 10.

⁵ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1939 г. // МКА. Баку, 1973. Т. 7. С. 237, 4, 6, 7; Ваидов Р. М. Мингечаур... Табл. V, 7, 8, 13;

Азии¹, а также к краснолаковой посуде областей, где так или иначе ощущалось влияние средиземноморской античной культуры², а чаши второго типа находят большие параллели в посуде северных районах Дагестана³.

Чаши комплекса VI – начала VIII в. отличаются от подобной посуды раннего этапа сасанидского господства в Дербенте (V – начала VI в.) большим разнообразием форм, в котором ощущается синтез передневозосточного и среднеазиатского влияний с местными кавказско-дагестанскими керамическими традициями. Характерной особенностью чаш этого времени является появление большого числа толстостенных изделий, что свидетельствует о разнообразии их назначения. Значительно увеличивается и общее количество чаш, но здесь, как и в изготовлении кувшинов наблюдается некоторое огрубление качества изделий, определенная стандартизация в их изготовлении и орнаментации, ухудшение обжига отдельных экземпляров. Около половины представленных экземпляров принадлежат фрагментам толстостенных чаш. Все это было связано с дальнейшим развитием керамического производства, более массовым изготовлением керамической продукции, рассчитанной на массового потребителя, более разнообразным ее назначением. Ухудшение качества немногочисленных чаш из верхней части слоя, несомненно, надо связывать с временным экономическим упадком Дербента (в том числе и керамического производства) в период арабо-хазарских войн за обладание городом. В верхней части слоя количество чаш вообще очень незначительно и иногда встречаются фрагменты сероглиняных изделий, более типичных для северных районов Дагестана и Кавказа, что, видимо, было связано с эпизодическими пребываниями здесь хазарских войск.

Анализ столовой посуды VI – началу VIII в. показал, что она является продукцией высокоразвитого ремесленного производства и выполнена гончарами профессионалами, основные навыки и керамические традиции которых складывались в тесном культурном и экономическом взаимодействии с ремесленными центрами сопредельных областей, с учетом лучших достижений местных гончаров предшествующей

Толордава В. Материалы к истории Иберийского царства в последние века I тысячелетия до н. э. // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. Табл. V, 7, 8; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 172, рис. 5, № 113; *Оруджев А. Ш.* Раннесредневековое поселение... С. 153, табл. I, 4.

¹ *Книпович Т. Н.* Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода // КСИИМК. 1949. 28. С. 76, рис. 17; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. 4. С. 63–220. С. 133, рис. 30, 4, 7, 8, 11, 12, 21, и др.; *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. 1964. 124. С. 230, рис. 22, 1–3; *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА, 1964. 124. С. 102, рис. 9, 3; *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы... С. 299, рис. 6, 9, 10; *Литвинский Б. А.* Керамика их могильников Западной Ферганы. М., 1973. Табл. 9, 10, 39, 51, 52; *Левина Л. Н.* Керамика... С. 130, рис. 44; С. 143, рис. 51 и др.

² *Бердзенишвили К. И.* К изучению «краснолаковой керамики Бичвинты» // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. С. 113, рис. 2, 2; С. 113, рис. 3, 1, 4; *Путуридзе Р. В.* Краснолаковая керамика из Сухунской древней крепости // Там же. 1965. Т. 4. С. 101, рис. 9; С. 102; рис. 11; *Селантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. 85.

³ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 191, рис. 21; С. 122, рис. 22; С. 195, рис. 24; С. 202, рис. 26; С. 207, рис. 32; С. 210, рис. 35; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 152, рис. 28, 2; *Маммаев М.* Знаки... С. 89, рис. 1, 5; *Атаев Д. М., Магомедов Н. Г.* Андреяульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 315, рис. 35, 8–10.

эпохи. Эти связи и взаимовлияния четко прослеживаются в тех широких аналогиях и значительном сходстве, которые обнаруживают кувшины Дербента с подобной керамикой раннесредневековых памятников Кавказа¹, Средней Азии² и Дагестана³.

Исследования остатков гончарных печей, обнаруженных в верхней части города, на дербентском холме к югу от цитадели⁴, позволяют говорить, что в этот период в Дербенте использовались круглые печи. Плохая сохранность печей не позволяет достаточно обоснованно говорить о их конструкции, но, судя по всему, они были двухъярусные, с топкой в нижнем отделении и обжигательной камерой в верхнем. На раннем этапе экономического развития Дербента в V – начале VI в. наблюдается определенная концентрация гончарного производства на вершине холма, к югу от цитадели. Здесь были выявлены водоводы из керамических труб, связанных с печами, снабжавшие, видимо, гончаров водой. Вода в город во все периоды его существования (вплоть до сегодняшнего дня) подавалась по водоводам из родников, находящихся на склонах Джалганского хребта, что, видимо, сыграло определенную роль в концентрации гончарных печей на вершине холма, ближе к источнику, так как на первом этапе сасанидского господства в V – начале VI в. Дербент еще не имел той развитой системы водоснабжения с крупными общественными водохранилищами в самом шахристане, которая свойственна была городу в средневековое время. Находки керамических шлаков, предметов печного припаса, полок и штырей для обжига посуды, а также бракованных изделий в слое VI – начала VIII в. в верхней части межстенной территории города позволяют говорить, что широкое развитие гончарного производства в данный период происходило уже на территории выделившегося между стен Дербента шахристана. Видимо, этому способствовало и развитие системы водоснабжения города при Хосрове Ануширване.

¹ Яковсон А. Л. Археологические исследования... С. 23, рис. 16, а; Кузнецов В. А. Аланские племена... Рис. 27, 9; 3, Б, 7; Ахмедов Г. М. Некоторые итоги археологических раскопок городищ Орен-кала в 1959–1963 гг. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965. С. 135, рис. 1; Чилашвили Л. А. Городище... Табл. XXX, XXXI, XI; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... Табл. VIII, 2, 6, 7; IX, 2; Рамишвили. Археологические раскопки в Бичвинта // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. С. 74, рис. 5; Ваидов Р. М. Мингечаур... Табл. II, 2; IX, 2; Исмизаде О. III. О раскопках на холме... С. 207, Табл. V.

² Большаков О. Г. Отчет о раскопках в северо-восточной части объекта III // МИА. 1964. 124. С. 101, рис. 8, 1, 2; Литвинский Б. В. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. Табл. 46. 2, 1, 3; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города... С. 27, табл. II, 1, 2, 6; С. 31, табл. IV, 7, 8; С. 51, табл. XII, 10; Зауров Е. З. Керамические печи VII–VIII вв. на городище Гнур-кала Старого Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. 11. С. 198–204, рис. 17, 21–22; Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афритского периода // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 229, рис. 1, 13; Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 60–61, рис. 29–30; Левина Л. М. Керамика... С. 97–98, 102, 126, 128, 171, рис. 25, 26, 29, 40, 42, 57.

³ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1. С. 232, табл. VI, 1. 3; Маммаев М. М. Знаки... С. 89, рис. 1; С. 93, рис. 5; Федоров Г. С. Случайные археологические находки из Карабудахкента // МАД. Махачкала. 1973. Т. 3. С. 100, табл. 1. 2; Гмыря Л. Б. Из опыта классификации керамики // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981. С. 53–54, рис. 1–2.

⁴ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Новые данные об исторической топографии Дербента // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3. С. 13; Они же. Исследования в Дербенте // АО. 1977 г. М., 1978. С. 125.

Исследования показали, что город в раннесредневековый период превратился в значительный и своеобразный керамический центр, где соприкоснулись и в тесном взаимодействии развивались наиболее передовые в то время керамические традиции известных ремесленных центров Переднего и Среднего Востока, Закавказья и местных гончаров, опиравшихся на большой опыт предшествующих эпох. Дербент в силу специфики своего развития был втянут в сферу экономического и культурного влияния огромного Сасанидского государства и оказал, в свою очередь, большое воздействие на сложение традиций керамического производства многих областей Восточного и Северо-Восточного Кавказа.

Период VIII–X вв.

В VIII–X вв. отмечаются большие изменения в развитии керамического ремесла VIII–X вв. В этот период не только происходит улучшение качества выпускаемых изделий, состава их теста и обжига, увеличение производства продукции гончарного ремесла, но и осваиваются новые виды изделий, расширяется сфера их применения, значительно возрастает ассортимент и многообразие посуды, появляются совершенно новые приемы орнаментации. Наиболее значительным новшеством в производстве керамики было появление поливных изделий. Массовое производство поливной посуды открыло новый период в развитии гончарного ремесла, потребовало новой технологии изготовления керамической продукции, соответственной сырьевой базы и орудий производства, более высокого уровня мастерства ремесленника. На этом этапе керамическое производство становится одним из наиболее массовых и доступных видов прикладного искусства, в котором нашло отражение повседневное творчество мастеров-керамистов, создававших нередко высокохудожественные произведения, сочетающих простоту и четкость форм с разнообразнейшей цветовой гаммой и прекрасной росписью или резьбой. Поливная керамика значительно больше других видов гончарных изделий дает представление о социальном неравенстве населения города и уровне имущественной дифференциации, так как здесь значительно четче, чем в других материалах, ощущается парадность посуды, сделанной для богатого потребления, и скромность монохромных изделий массового пользования.

Средневековая керамика Дагестана долгое время не служила предметом специального исследования, а поливные изделия вообще не изучались. Классификация и хронология их до нас не разрабатывались. Объем данной работы не позволяет остановиться на подробном анализе поливной и неполивной керамики Дербента VIII–X вв., типологии и подробной классификации, которой посвящены специальные исследования автора¹.

Всю керамическую посуду средневекового Дербента можно разбить на две большие группы: неполивную – более многочисленную (около 70 % от общего количества гончарной посуды города VIII–X вв.), но менее разнообразную в плане орнаментально-художественном и поливную (около 30 % от общей массы керамики города этого периода), весьма разнообразную по цветовой гамме и орнаментальным мотивам.

¹ Кудрявцев А. А. Керамическое производство средневекового Дербента: (Классиф. неполив. керамики VIII–XIII вв.) // Там же. 1977. № 78. С. 3–96; Он же. Поливная художественная керамика Дербента VIII–X вв. // Народное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 111–132; Он же. Поливная керамика Дербента XI – середины XIII в. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. С. 78–109; Он же. Великий город на Каспии: (Дербент в эпоху феодализма). Махачкала, 1982. С. 98–127.

Неполивная керамика

С появлением в гончарном производстве разнообразных глазурей неполивная керамика как бы отступает на второй план. В орнаментации неполивной посуды значительно труднее было достигнуть ощутимого прогресса, хотя она по-прежнему оставалась незаменимой в быту. Дальнейшее развитие тарной, кухонной, некоторых видов столовой и специальной посуды базировалось на уже известных керамических традициях сасанидского времени. Значительный прогресс, достигнутый в VIII–X вв. в развитии этого направления керамического производства, был связан не только с увеличением выпуска разнообразной посуды, но и с резко возросшей потребностью в других видах гончарной продукции. Бурный рост и развитие города повлекли за собой резкое увеличение производства керамических труб водоводов, жженого кирпича, керамической черепицы, тандыров и других специальных изделий из глины.

Неполивная керамика составляет большую часть гончарных изделий города, полученных в результате раскопок в слоях VIII–X вв. Вместе с поливной посудой она служит важным показателем развития производительных сил, специализации гончарного ремесла, уровня его развития, культурных и экономических связей города с сопредельными областями.

По назначению здесь можно выделить тарные, кухонные, столовые и специальные изделия.

Тарные сосуды, составляющие около 20 % от всего количества неполивной посуды, представлены в керамике Дербента большемерными, толстостенными изделиями, предназначенными для хранения различных сыпучих продуктов, воды и строительных материалов (известковый раствор). Сосуды аналогичного назначения широко были распространены в средневековых городах Закавказья¹, Средней Азии², Северного Причерноморья³.

Наиболее характерными для дербентской тарной посуды этого периода являются два типа: а) очень большие сосуды, высотой до 1,5–1,6 м, с массивным округлым яйцевидным туловом и невысокой цилиндрической горловиной с сильно утолщенным наружу прямоугольным венчиком; б) большие толстенные сосуды с округлым вздутым туловом без горловины и широким, сильно утолщенным венчиком с плоским верхним краем, до 5–7 см.

Тесто сосудов красное, темно-красное, розовое, реже коричневое, примесей мало, обжиг довольно хороший, но встречаются недообожженные экземпляры. Подобные изделия, встреченные в слоях VIII – первой половины IX в., нередко покрывались снаружи белым ангобом.

В орнаментации изделий, особенно типа «а», преобладают толстые налепные валики с защипами и вдавлениями, насечки и проколы. Тарные сосуды использовались не только для хранения продуктов и воды, но и для других хозяйственных нужд, в том числе они широко применялись в строительстве для хранения (или выдерживания) известкового раствора.

¹ Чубинов Г. Декоративное убранство анийских карасов. С. 121; Левиатов В. Н. Украшения на карасах из Старой Ганджи // Изв. АН АзССР. 1945, № 8. С. 51–61; Кафадарян К. Город Двин. Рис. 158; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 192–205, табл. III–V.

² Массон В. Н. Хумы Нисы. С. 113–436; Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма. Керамика Хорезма. М., 1959. С. 274, рис. 1; С. 303, рис. 19–20.

³ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. 17. С. 107–109, рис. 63–69.

Кухонная посуда. Многочисленная кухонная посуда, составляющая около 20 % от общей массы неполивной керамики, представлена в основном двумя видами керамических изделий: многочисленными котлами, отличающимися значительным разнообразием форм, и довольно однотипными крышками, использовавшимися в большинстве своем для котлов, но применявшимися и для накрывания тарных сосудов.

Котлы. Керамические котлы в этот период являлись основным видом кухонной посуды, использовавшейся для приготовления пищи. Ввиду своей практичности, относительной дешевизны и простоты изготовления этот вид кухонной посуды нашел широкое распространение среди самых различных слоев населения средневекового города и является одним из массовых видов керамических изделий, обнаруженных в различных исследуемых частях города.

В средневековый период этот вид керамики широко использовался в быту населением территорий Кавказа¹, Переднего и Среднего Востока², но исследованию и классификации керамических котлов Кавказа пока посвящено еще очень мало специальных работ³, и в этом плане анализ кухонной посуды средневекового Дербента представляет значительный интерес.

Исследования котлов периода VIII–X вв. показали, что по сравнению с аналогичными изделиями VI – начала VIII в. они отличаются более высокой жаростойкостью, которая достигалась за счет увеличения в тесте отощительных примесей и усовершенствования форм сосудов. В тесте котлов VIII–X вв. значительно больше мелкотолченой ракушки морского песка, чем в изделиях предшествующего периода, и в ряде типов они отличаются меньшей толщиной стенок. Изучение термостойкости средневековых котлов Средней Азии показало, что толщина стенок изделия допускается в пределах 0,4–0,7 см, а дна – 0,4–0,8 см⁴. В этом плане дербентские средневековые котлы отвечают выявленным требованиям, и толщина их стенок колеблется в среднем в пределах 0,4–1 см. Большое значение в повышении жаростойкости котла и способности переносить резкие температурные колебания в пределах 200–300° имеет его форма, которая должна по возможности отличаться более плавными за-

¹ Кафадарян К. Город Двин... С. 199, табл. 174; Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку, 1949. С. 69; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 187–192, табл. I–II; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... Табл. VI; Исмизаде О. III. О результатах археологического исследования территории «Ичари Шахар» в 1966 г. // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 167, 169; табл. II–IV; Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. 99; Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977. С. 90, табл. VI; Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Рис. 16, 3–5; 17, 2; Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э. // СА, 1979. № 3. С. 271–274; Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах Мингечаура // МАК. Баку, 1951. Т. 2. С. 66. табл. IV; Калантарян А. А. Двин: Раскопки центрального квартала (1964–1970 гг.) // АРА. Ереван, 1976. № 15. С. 61, рис. 20; табл. XXIV, XXVI; Гегушев Р. Б. Керамика города Кабалы. С. 16–17.

² Вяткин В. Л. Городище Афрасиаб. С. 37, рис. 44; Бернишам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА. 1950. 14. Табл. XXIX, 3, 4; Бентович И. Б. Керамика Пянджикента. С. 134–135, рис. 1.

³ Здесь можно отметить работы Г. М. Ахмедова, В. А. Кузнецова, Г. И. Ионе, Л. Б. Гмыри.

⁴ Бурнашева Ф. А. К вопросу использования... С. 171.

круглениями большого радиуса, некоторым утолщением стенок котла в верхней части¹, что и отмечено на большинстве типов подобных изделий Дербента.

Вероятно, котлы города VIII–X вв. имели весьма разнообразное назначение, что повлияло на их форму, состав теста и обжиг. Четко выделяются две группы котлов, отличающиеся по технологии обжига. Первая группа отличается темно-серым или черным тестом с большим количеством примеси отошителя, а вторая группа – темно-красным, коричневым, темно-коричневым тестом и несколько меньшим включением в состав теста толченой ракушки и песка. Котлы с тестом темно-серого и черного цвета в основном шаровидных или округло вытянутых форм, а формы красноглинянных котлов более разнообразны. Хронологически они сосуществуют. По хронологии, стратиграфии сопутствующему материалу, а также аналогиям с изделиями сопредельных областей дербентские котлы этого времени удалось разделить на две группы, датируемые соответственно VIII–IX вв. и концом IX – началом XI в.

Крышки. Большое количество обнаруженных при раскопках керамических крышек, служивших для покрытия котлов, горшков, крупных хозяйственных сосудов, тондыров и других изделий, позволило выделить их в особую группу хозяйственной керамики. В основной массе своей все обнаруженные в слоях Дербента крышки однотипны и имеют уплощенно-дисковидную форму с невысоким, отогнутым вверх бортиком по краю и круглую цилиндрическую ручку с расширенной шляпкой на конце. Выделить по форме типы или варианты этих изделий нет возможности. При этом следует отметить, что и хронологический диапазон их бытования велик: они были распространены в обиходе самых широких слоев населения средневекового города и встречаются как в слоях VI–VII вв., так и в слоях XII–XIII вв. Наибольшее распространение крышек, однако, приходится на период VIII–X вв., и в слоях этого времени было обнаружено около 60 % всех выявленных изделий. Среди керамических материалов VI–VII вв. находки подобных крышек относительно немногочисленны.

Однако при полной однотипности формы керамические крышки Дербента весьма разнообразны по размерам, и по этому признаку можно выделить три группы подобной керамики: небольшие изделия, диаметром до 16 см; изделия средних размеров, диаметром 20–26 см; крупные изделия, диаметром до 40–50 см.

Небольшие крышки были предназначены для покрытия маленьких мини-котлов, отмеченных в слоях этого времени, и горшков хозяйственного назначения. Однако большинство обнаруженных изделий имеет следы копоты, что указывает на их кухонное назначение. Тесто довольно хорошего качества, красного, розового или светло-коричневого цвета. Ручки у этих крышек расположены в центре изделия и имеют грибовидную форму с сильно расширенной верхней частью, на торце которой имеется округлое углубление, иногда встречаются ручки старой цилиндрической формы.

Крышки средних размеров, как правило, употреблялись для покрытия котлов, они имели довольно массивную цилиндрическую ручку, несколько расширенную кверху, в большинстве случаев со сквозным отверстием для выхода пара. Толщина крышек от 1 до 2 см, тесто весьма грубое, с примесью соломы, черепок красного, темно – красного или розового цвета, обжиг хороший.

Большие массивные крышки не столь многочисленны, как первые два варианта, что, видимо, было связано с определенной трудностью их производства. Толщина их

¹ Там же.

2–2,5 см, тесто грубое, с небольшой примесью толченой ракушки и соломы, черепок красного и темно-красного цвета, обжиг равномерный. Подобные крышки применялись для покрытия тондыров и крупных тарных сосудов.

Все выявленные в Дербенте крышки сделаны на гончарном круге и орнаментированы по поверхности и краю бортика. Обязательной деталью орнаментального мотива крышек являлись глубокие врезные прямые и волнистые линии, бортник украшался зацепками, придающими ему волнистую поверхность. Реже применялись вдавления и проколы. Иногда строго цилиндрические ручки небольших крышек украшались насечками и врезным орнаментом в виде «сегнерова колеса».

Орнаментация керамических крышек в средневековом Дербенте не получила столь широкого развития, как на крышках памятников Закавказья и Средней Азии.

В керамике Пайкенда¹, Нисы², Замахшара³ уже в IX–XI вв. наряду с простыми встречаются сложно орнаментированные крышки. Подобное же явление отмечено для Орен-калы⁴, Карабулака⁵, Двина⁶ в XI–XIII вв. В Дербенте этого усложнения орнамента не наблюдается, хотя многочисленность представленных здесь крышек и внушительные размеры наиболее крупных из них, не имеющих аналогий на других памятниках, говорят о высоком уровне их производства в городе средневековой поры. Видимо, простота орнаментации дербентских крышек была связана с массовостью их выпуска и определенной стандартизацией изготовления, опиравшейся на сложившиеся традиции. Находки в слоях Дербента очень высококачественных крышек с росписью и благожелательными надписями на арабском языке позволяют думать, что орнаментация более парадных изделий такого рода могла идти не по пути нанесения штампованного орнамента, как это делалось на богато орнаментированных крышках памятников других областей, а за счет высококачественной росписи.

Столовая посуда. Неполивная столовая посуда представлена в основном кувшинами, чашами и горшками самых разнообразных форм и размеров. Появление поливной керамики значительно уменьшило употребление в качестве столовой посуды неполивных, изделий, но, несмотря на это, большая часть кувшинов и толстостенных чаш крупных размеров поливой не покрывалась. Это было, видимо, с конкретным бытовым назначением каждого вида керамики, с большей трудоемкостью изготовления поливной посуды, а также с определенными сложившимися традициями в этом виде ремесла.

Кувшины составляют самую многочисленную и разнообразную группу столовой неполивной посуды, общее количество изделий которой достигает 40 % от всей массы неполивной керамики VIII–X вв. Хронологически здесь выделяются две группы: ранняя, относящаяся к VIII – началу IX в. и поздняя – IX– вв.

Ранняя группа представлена сосудами, часть которых в определенной мере повторяет формы изделий местного керамического производства Дербента досасанидского времени и некоторые типы кувшинов первого периода развития Дербента

¹ Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда // КСИИМК. 1949. 28. С. 91, 92.

² Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С.60, рис. 19.

³ Вактурская Н. Х. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959. Т. 4. С. 261–342; С. 280, 282, рис. 5.

⁴ Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 207–208, рис. 1. Табл. IX, 4.

⁵ Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974. С. 53, рис. 32.

⁶ Кафадарян К. Город Двин... С. 201, 202, рис. 177, 178.

в VI – начале VIII в. Здесь выделяются пять типов изделий. Некоторые из них имеют определенные варианты:

а) кувшины средних размеров с округлым вытянутым туловом, плавно переходящим в относительно невысокую горловину диаметром 7–10 см, чуть расширенную к венчику (по форме венчика выделяются три варианта);

б) большие кувшины с округлым, вытянутым туловом и прямой или несколько расширенной к венчику горловиной, на котором иногда за счет сжатия с боков устроен слив (выделяются варианты без слива и со сливом);

в) средних размеров кувшины с округлым, несколько вытянутым туловом и прямой цилиндрической горловиной диаметром 7–11 см, к невыделенному венчику которой и к плечикам сосуда крепится округлая ручка;

г) небольшие кувшинчики с округлым туловом и широкой раструбовидной горловиной, резко выделенной от тулова;

д) большие плоскодонные кувшинчики слегка вытянутым туловом и неширокой горловиной, плавно расширяющейся к тулову и венчику. Тесто кувшинов светло-коричневое, коричневое, темно-красное, красное, хорошего качества, особенно из изделий типа «а» и «в», обжиг равномерный. Наиболее многочисленны в этой группе кувшины типа «а» и «в», которые представлены изделиями с высококачественным тестом, светло-коричневатого, коричневатого или красного цвета. Нередко сосуды типа «а» покрыты светлым или серо-коричневатым ангобом, особенно характерны для типа «а» и имитирующим, видимо, металлические изделия. Кувшины типа «в» покрывались полосчатым вертикальным или горизонтальным лощением, которое использовано в орнаментации примерно третьей части подобных сосудов. Небольшие кувшинчики типа «г» и «д» не получили большого распространения, и находки их малочисленны. В форме и орнаментации этих изделий, покрыты зачастую бардовым, темно-красным или светлым ангобом, отчетливо прослеживаются досасанидские, местные керамические традиции, хотя тесто их резко отличается от более грубого с примесью шамота тесто местной керамики Дербента и памятников Прикаспийского Дагестана албанского времени. Определенное возрождение местных, досасанидских традиций отмечается и в формах некоторых кувшинов типа «б», подобные сосуды со сдавленным сливом широко бытовали в посуде памятников Дагестана и Азербайджана албанского времени¹. Пока трудно сказать, чем вызван определенный возврат к местным керамическим традициям, характеризовавшийся появлением в посуде этого времени кувшинов, похожих по форме на керамические изделия Дербента досасанидского периода и орнаментированных в ряде случаев светлым или бардовым ангобом, широко применявшимся в гончарном производстве Дагестана албанского и раннесредневекового времени. Возможно, это было связано с значительным пополнением населения города за счет жителей соседних городов и селений, разрушенных в результате ожесточенных арабо-хазарских войн, затронувших прежде всего территории Прикаспийского Дагестана.

Поздняя группа кувшинов значительно многочисленней ранней и представлена более унифицированными изделиями трех типов:

а) кувшины в основном средних размеров с округлым, сильно вытянутым туловом, плавно переходящим в высокую (7–10 см) прямую горловину с невыделенным

¹ Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре // МКА. Баку, 1949. Т. I. С. 9–49; С. 39, рис. 32; Исмизаде О. III. Ялойлутепинская культура. Табл. I, VIII, XII, XV и др.; Давудов О. М. Культура Дагестана... Табл. X, XI.

венчиком диаметром 7–11 см, к краю которого и к плечикам сосуда крепиться массивная округлая или Г – образная ручка, возвышающаяся над ним;

б) кувшины с округлым яйцевидным туловом и невысокой подчеркнутой горловиной диаметром около 6–7 см, к верху которой и к тулову крепиться округлая ручка;

в) кувшины больших и средних размеров с округлым яйцевидным туловом и относительно узкой высокой горловиной, расширенной к венчику, которому с помощью специального слива и боковых налепов придан зооморфный вид, ручка крепилась к центру горловины и верху тулова.

Кувшины орнаментированы в большинстве случаев вертикальными или горизонтальными полосами лощения, местами переходящими в сплошное, иногда покрыты светлым ангобом. В отдельных случаях ручка горловины или ребро венчика сосуда орнаментировались насечками, а у кувшинов типа «в» - фигурными вдавлениями и налепами. Тесто сосудов темно-красного, розового цвета, довольно высокого качества, без грубых примесей, обжиг равномерный.

Кувшины типа «а» и «б» находят себе широкие аналогии средневековой посуды памятников Закавказья¹ и Средней Азии² IX–X вв., а сосуды типа «в» были более типичны для подобных изделий Дербента доарабской поры и средневекового Дагестана домонгольского времени³. Аналогичные по форме кувшины известны в материалах Двина⁴ и Орен-калы⁵, где они датируются в пределах IX–X вв.

Чаши. Этот вид столовой посуды представлен в керамике Дербента в значительно меньшем количестве, чем кувшины, и составляет всего 7–8 % от общего числа поливных изделий VIII–X вв. Широкое освоение поливной посуды второго периода развития Дербента сильно сказалось на степени распространения неполивных чаш в быту. Они в значительной степени уступили место более красивым и практичным поливным изделиям, поверхность которых не пропускала жидкость и имела нарядный вид. Этим объясняется весьма небольшое разнообразие форм и орнаментации неполивных чаш, практически не претерпевших изменения на протяжении всего периода.

Здесь выделяются три типа чаш, первый из которых получил широкое распространение еще в VI – начале VIII в.:

а) глубокие плоскодонные чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками и сильно утолщенным наружу широким валикообразным венчиком, все изделия толстостенны, основное отличие от более ранних экземпляров в утолщении венчика и более овальной его форме, подчеркнутой по основанию;

б) чаши полусферической формы на низкой кольцевой ножке или плоском поддоне с прямым не выделенным или немного утолщенным венчиком, иногда срезаны наискось внутрь;

¹ Кафадарян К. Город Двин... С. 187, рис. 160; С. 192, рис. 165; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 211–213, табл. X, 9; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскоп на городской стене Орен-сала в 1953–1954 гг. // МИА. 1959. 67. С. 156, рис. 11, 5; Якобсон А. Л. Археологические исследования... С. 14, рис. 4.

² Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X – начале XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. 11. С. 231, рис. 8; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... С. 298, рис. 8, 8.

³ Декоративное искусство Дагестана. М., 1977. С. 20, рис. 2.

⁴ Кафадарян К. Город Двин... С. 119, табл. 174.

⁵ Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 211, рис. 2; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956–1958 гг. // МИА. 1965. 133. С. 26–46.

в) чаши с прямыми или слегка округлыми в верхней части стенками, резко расходящимися от плоского поддона, и с сильно отклоненным внутрь невыделенным венчиком;

Чаши первого типа в основной массе своей больших размеров, диаметр их достигает 32–40 см, но встречаются экземпляры диаметром венчика до 60 см. Подобные изделия, видимо, использовались для замеса теста и других хозяйственных нужд и аналогичны по своему назначению среднеазиатским «тагара». Этот тип чаш самый распространенный в неполивной посуде VIII–X вв., а в определенной степени бытует и позднее.

Чаши типа «б» нашли меньшее распространение в керамике второго периода развития Дербента и к X в. почти полностью вышли из употребления в неполивной посуде средневекового города. Это было связано с развитием аналогичных по форме и назначению поливных изделий, которые полностью вытеснили этот вид неполивной столовой посуды. В VIII–X вв. чаши полусферической формы были одним из основных видов поливной керамики и гончары, видимо, перестали выпускать их в неполивном варианте, который не мог конкурировать с поливными изделиями не по красоте, ни по практичности.

Чаши типа «в» также характерны лишь для ранних неполивных изделий второго периода развития Дербента и уже со второй половины IX в. практически не встречаются в посуде города, что было связано с широким распространением поливных изделий подобного назначения.

Чаши типа «а» широко бытовали в средневековый период и известны в неполивной посуде памятников Закавказья¹ и Средней Азии² VIII–XI вв. Чаши, аналогичные изделиям типа «б», находят себе самые близкие аналогии в неполивной керамике Орен-калы³, где они, как и в Дербенте, бытовали в период, предшествовавший появлению поливных изделий и на ранней стадии их распространения, а позднее исчезают⁴.

Чаши типа «в» наиболее близки по формам к аналогичным изделиям памятников Дагестана албанского времени⁵, что указывает на определенное переживание традиций и их использование в раннесредневековый период.

Горшки составляют довольно немногочисленную группу неполивной посуды Дербента VIII–X вв., в количественном отношении не превышающую 2 % от общей массы неполивной керамики. Хронологически здесь выделяются две группы изделий: ранняя относящаяся к VIII – началу IX в. и поздняя, датируемая IX–X вв.

Ранняя группа представлена двумя типами изделий, первый из которых наиболее характерен для периода VII – начала IX в., а второй был шире распространен для периода VII – начала IX в., а второй был шире распространен в керамике Дербента VI – начала VIII в.:

а) небольшие плоскодонные горшочки кружечного типа с округлым туловом и широким устьем с несколько утолщенным венчиком, к верхнему краю которого и к тулову крепиться массивная округлая ручка, возвышающаяся над венчиком;

¹ Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 211, 213, табл. X. 2; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... С. 56, табл. VII, II.

² Левина Л. М. Керамика... С. 107, рис. 31, 43, С. 171, рис. 57, 5, 6; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... С. 278, рис. 8, 16.

³ Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 211, 213, табл. X. 1.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники... С. 208, рис. 24, 272, 275; рис. 32, 418, 421.

б) небольшие округлые плоскодонные горшки с прямой невысокой горловиной и чуть заостренным вверх венчиком.

Тесто изделий коричневатое-красное, темно-красное, хорошего качества и равномерного обжига. В орнаментации изделий иногда применяются врезные или вдавленно-прочерченные многояркие линии.

Ранняя группа горшков Дербента VIII–X вв. во многом аналогична подобным керамическим изделиям средневековых памятников Дагестана¹, Азербайджана², а также многих районов Таджикистана³, Хорезма⁴, Южного Казахстана⁵, Ферганы⁶ и других районов Средней Азии.

Поздняя группа представлена более многочисленными, но однотипными сосудами. Это небольшие и средних размеров плоскодонные горшки с округлым приземистым туловом и прямой широкой горловиной с несколько утолщенным наружу валикообразным венчиком. Тесто сосудов хорошего качества, светло-коричневого, палевого, темно-красного цвета, обжиг равномерный. В ряде случаев горшки покрывались орнаментом в виде горизонтальных полос лощения, местами переходящих в сплошное. Обычно лощению подвергались изделия со светло-коричневым и темно-красным тестом.

Подобные горшки, называемые «допу», широко встречаются в керамике памятников Азербайджана IX–XI вв.⁷. Характерен подобный вид изделий и для гончарной посуды памятников Средней Азии⁸ этого времени, хотя типичная для дербентских горшков орнаментация на них отсутствует.

Поливная керамика

Начало освоения поливы в гончарном производстве Кавказа и Средней Азии большинство исследователей относят к VIII в., а точнее, к его второй половине. Распространение поливных изделий было связано с усилением экономических и культурных связей многих областей Средней Азии и Кавказа с крупнейшими ближневосточными ремесленными центрами, такими, как Рей, Самарра, Багдад, где производство поливной керамики опиралось на древние традиции Месопотамии. Быстрое развитие производства высококачественной поливной керамики и широкое распространение ее в короткий срок на обширных территориях Средней Азии и Кавказа было, скорее всего, связано, как это справедливо отмечалось О. Г. Большаковым⁹, с заимствованием уже сложившегося процесса изготовления поливных керамиче-

¹ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 240, рис. 16. 3.

² Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 212, рис. 3, 1.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 57, рис. 26.

⁴ Неразик Е. Е. Керамика Хорезма... С. 242, рис. 6, 16; С. 251, рис. 10, 2.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 63, рис. 33.

⁶ Литвинский Б. А. Керамика... Табл. 2, 1–4.

⁷ Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... С. 48; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскоп на городской стене... С. 156, рис. 11, 2; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 217, табл. XII, 8.

⁸ Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 368, рис. 85, 88; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... Рис. 8, 20, 21.

⁹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 275.

ских изделий, и наиболее вероятным местом заимствования были Ирак и Сузиана, где производство подобной продукции не прекращалось с парфянского времени¹.

Вопрос о времени появления поливных изделий в керамическом производстве Кавказа и Средней Азии, регионов, где изготовление поливной посуды было освоено раньше других районов нашей страны, до настоящего времени остается дискуссионным в исторической литературе.

Ряд исследователей пытаются отнести начало производства поливной керамики на Кавказе и в Средней Азии еще к античному времени² с дальнейшим вторичным возрождением ее изготовления на местной основе в VII – начале VIII в. Однако исследования показали, что пока не известно ни одного достоверного случая изготовления или употребления поливной керамики на памятниках Средней Азии и Кавказа в VII – первой половине VIII в.³ Даже в таком известном политическом и экономическом центре, как Самарканд, первые попытки ее производства относятся к середине VIII в.⁴, а в других областях Средней Азии она стала изготавливаться позднее.

В Азербайджане наиболее раннее, достоверно датированное монетами появление поливных изделий относится к концу VIII – началу IX в.⁵, но пока подобная дата зафиксирована лишь в Кабале, а для других многочисленных памятников этот период начинается с IX в.⁶ Появление поливной керамики в Армении отдельные исследователи относят к VII–IX вв.⁷, но столь растянутая хронология не встретила поддержки у специалистов⁸.

Появление поливной керамики в Дербенте относится к первой половине VIII в.⁹. Наиболее четко этот хронологический рубеж зафиксирован при раскопках богатого здания VIII–XIII вв., расположенного в привилегированной части шахристана средневекового города¹⁰. Уже на первом из четырех этапов обживания этой территории, датируемом в основном первой половиной VIII в., здесь обнаружена поливная посуда трех видов, четко отделенная от других комплексов уровнями известковых полов. Первые два вида посуды, довольно простые в изготовлении и отличающиеся весь-

¹ Schmidt E. F. The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of Achaemenians. Chicago, 1939. P. 101.

² Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана. Баку, 1964. С 5–6; Нуриев А. Б. О некоторых античных сосудах, найденных на территории Кавказской Албании // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 146–148; Рзаев Н. И. Искусство Кавказской Албании. Баку, 1975. С. 157, 158; Сайко Э. В. Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе, 1963. С. 10; Ахраров И. Е. К истории появления средневековой керамики в Средней Азии // ИМКУз Ташкент, 1965. Т 6. С. 148.

³ Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 274, 275; Яacobсон А. Л. Археологические исследования... С. 24.

⁴ Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // ВДИ. 1947. №4. С. 132.

⁵ Наджафова Н., Шелковников Б. Художественная глазурированная керамика Азербайджана IX в. // Изв. АН АзССР. 1958. №4; Наджафова Н. Художественная керамика... С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Кафадарян К. Город Двин... С. 210, 276.

⁸ Яacobсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) // МИА. 1959. 67. С. 244; Он же. Археологические исследования... С. 24.

⁹ Кудрявцев А. А. Поливная художественная керамика... С. 111–132.

¹⁰ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. ... С. 74–103.

ма невысоким качеством, в особенности изделия с темно-зеленой глухой поливной, даже не дающей глянцевой поверхности, нанесенной по толстому слою белого ангоба. Они могут быть признаны продукцией местного гончарного производства города. Находки посуды с подобной поливной хотя и не являются массовыми, но довольно многочисленны. В этот период она отмечена в слоях VIII в. как в цитадели города, так и в шахристане, причем формы и состав теста ее полностью аналогичны основной массе дербентской посуды этого времени. Изделия с поливной третьего типа выделяются, прежде всего, значительно более высоким качеством глазури, составом теста и своей малочисленностью. Они, вероятно, составляют небольшую группу импортной поливной керамики, привезенной сюда, видимо, из ближневосточных центров, о чем свидетельствуют и места обнаружения подобных изделий – богатое здание в привилегированной части шахристана и дворцовый комплекс в цитадели города.

Столь раннее распространение поливной керамики в Дербенте надо, вероятно связывать с тесными контактами города уже в первой половине VIII в. с многими областями Переднего Востока, прежде всего с Ираком и Сирией, известными центрами производства глазурованных изделий, выходцы из которых в первой половине VIII в., согласно данным письменных источников, значительно пополнили состав населения Дербента.

Начало широкого производства поливной керамики Дербенте отмечало новый важный этап в экономическом развитии города, в процессе дальнейшего становления гончарного ремесла – одной из основных отраслей средневекового ремесленного производства. Техническая база для изготовления поливной продукции в Дербенте в определенной степени была подготовлена еще в первый период экономического развития средневекового города зародившимися традициями стеклodelия. Быстрое освоение изготовления поливной керамики было связано с широким заимствованием местными гончарами известных ближневосточных традиций, ставших доступными дербентским ремесленникам. Благодаря исторически сложившимся тесным связям города с этими областями, и наличием здесь сырьевой базы для производства поливы¹. Большую роль в этом сыграл и высокий уровень гончарного производства, достигнутый средневековым городом уже в первый период его развития. Опираясь в определенной степени на разработанную исследователями классификацию поливной керамики Закавказья² и особенно средневекового Байлакана³, можно выделить среди изделий VIII–X вв. девять групп глазурованной посуды, в основу определения каждой из которых была положена типологическая и историко-художественная классификация этого периода⁴.

¹ Оруджев А. Ш. О кустарном гончарном промысле в Кубинском районе. МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 255.

² Левитов В. Н. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII–XV вв. //Изв. АН АЗССР. 1946. № 7; Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность Грузии в XI–XIII вв. Тбилиси, 1956; Майсурадзе З. Грузинская художественная керамика XI–XIII вв. Тбилиси, 1954; Шелковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957; Наджафова Н. Художественная керамика...; Мицишвили М. Н. Из истории производства грузинской поливной керамики. Тбилиси, 1976.

³ Якобсон А. Л. Художественная керамика... С. 228–302.

⁴ Подробную классификацию и описание групп керамики Дербента VIII–X вв. см.: Кудрявцев А. А. Керамическое производство средневекового Дербента... С. 14–48; Он же. Поливная художественная керамика... С. 111–132.

Хронологически вся поливная посуда этого периода разделена на две неравные группы: относительно малочисленную раннюю, относящуюся к середине VIII – началу IX в., и многочисленную позднюю, датируемую IX–X вв.¹

Ранняя поливная керамика Дербента представлена тремя относительно малочисленными группами, из которых две первые составляют ее основную часть, а третья известна лишь по единичным экземплярам.

Группа 1. Керамика с монокромной зеленой непрозрачной поливой, нанесенной по слою белого ангоба.

Группа 2. Полихромная керамика, покрытая чуть желтоватой, немного мутной прозрачной поливой, нанесенной по слою светлого или желтовато-белого с серым оттенком ангоба, орнаментированного темно-зеленой, темно-коричневой (с фиолетовым оттенком) и буровато-желтой расплывчатой расцветкой.

Группа 3. Керамика с монокромной высококачественной зеленой или голубовато-зеленой непрозрачной поливой, нанесенной по непокрытому черепку.

Керамика первой группы, наиболее распространенная среди ранних поливных изделий Дербента, имеет в основном довольно высококачественное, но слегка пористое тесто красного или желтовато-розового цвета, покрытое слоем белого, с чуть серым оттенком, рыхловатого ангоба, по которому нанесена непрозрачная темно-зеленая глазурь. Качество поливы у этих изделий плохое, она не имеет характерного блеска и глянцевой поверхности, содержит крупинки и несколько даже шершава на ощупь. Обычно глазурь покрывает внутреннюю часть изделия и лишь небольшую верхнюю часть снаружи, кромка белого ангоба спускается снаружи чуть ниже границы глазурированной поверхности. Данный тип глазури, вероятно, является самым ранним в производстве поливной керамики города.

Керамика второй группы менее многочисленна и представляет другой тип ранних поливных изделий Дербента. Тесто посуды этой группы высококачественное, розового, красного или желтовато-розового цвета и покрыто слоем светлого или чуть серовато-желтоватого ангоба, по которому нанесена прозрачная мутно-желтоватая полива довольно хорошего качества. По ангобному покрытию идут растекающиеся радиальные полосы темно-зеленого, темно-коричневого и буро-желтого цвета. Затеки от них порой покрывают дно чаши.

Керамика третьей группы отличается высоким качеством поливы, которая весьма хорошо сохраняется и не отслаивается, в отличие от первых двух типов, от черепка. Здесь отмечено и двустороннее покрытие изделий глухой зеленой или прозрачной поливой. Цвет и качество поливы на посуде этой группы значительно отличаются от аналогичных изделий Дербента как этого, так и последующих периодов, что позволяет считать данную керамику импортной из более развитых керамических центров Переднего Востока. Зеленая медно-свинцовая или поташная полива, аналогичная по цвету и качеству поливе дербентских изделий первой группы, известна среди наиболее ранних глазурей Средней Азии и была широко распространена на Ближнем Востоке². Простота изготовления способствовала ее быстрому освоению в Средней

¹ Подробную классификацию и описание групп керамики Дербента VIII–X вв. см.: Кудрявцев А. А. Керамическое производство средневекового Дербента... С. 14–48; Он же. Поливная художественная керамика... С. 111–132.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 275, 276.

Азии, где она использовалась с VIII до XX в.¹ Полива и приемы орнаментации изделий, типичные для дербентской посуды второй группы, также были характерны для наиболее ранних видов глазурованной керамики Кавказа² и Средней Азии³. Принцип радиальной композиции в орнаментации изделий, отмеченный на ранней поливной керамике Дербента, широко отмечается на глазурованной посуде памятников Кавказа⁴ и Ближнего Востока⁵ с VIII–IX вв. Основой этой композиции, видимо, послужила орнаментация дальневосточной керамики эпохи Тан⁶, подражание которой известно уже в Самарре⁷.

Поливная керамика IX–X вв. представлена в посуде Дербента в значительно большем количестве, что было связано с широким распространением ее производства. В этот период улучшается качество глазури, усложняется орнаментация изделий, появляются новые приемы украшения поливной посуды. Поливная посуда этого времени представлена шестью группами (4–9), появление которых в керамике Дербента связано с периодом IX–X вв., но при этом продолжали бытовать глазурованные изделия типичные для первых двух ранних (местных) групп. Отмечаются лишь улучшение качества поливы и более четкая орнаментация полихромной расплывчатой росписью.

Группа 4. Керамика с росписью марганцем или коричневой (реже темно-красной) краской по непокрытому черепку под прозрачной поливой, вариантом этой группы являются изделия, орнаментированные росписью марганцем в сочетании с темно-зеленой росписью.

Группа 5. Керамика с росписью белым (реже светло-желтым) ангобом по непокрытому черепку под прозрачной поливой, вариантом этой группы являются изделия с покрытием прозрачной темно-зеленой поливой.

Группа 6. Керамика с росписью марганцем по ангобному покрытию под прозрачной поливой, эта группа обычно отличается сложной композицией расплывчатой росписи.

Группа 7. Монохромная керамика с прозрачной поливой, нанесенной по сплошному марганцевому или окрашенному коричневой краской фону, придающему изделию глубокие темно-коричневые тона. Эта группа характеризуется наличием толстого слоя высококачественной поливы, наносимой на черепок. Вариантом ее являются изделия, сочетающие толстое внутреннее покрытие по окрашенному фону с тонким наружным по неокрашенному черепку.

Группа 8. Керамика с мутной полупрозрачной (поташной) поливой с полихромной, мало растекающейся обычно геометрической росписью.

Группа 9. Белофаянсовая и другая импортная посуда.

Среди выделенных групп поливной керамики наиболее распространенными являются изделия первых четырех групп, особенно посуда с росписью марганцем

¹ Там же. С. 276.

² Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 326, 237, табл. XV.

³ Сайко Э. В. Глазури керамики... С. 15; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 276.

⁴ Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 235, 237, табл. XV, 1, 2, 5, 6.

⁵ Pézard M. La céramiques archaïque de l'Islame et ses origins. Paris, 1920. XXXV; Koechlin R. Les céramiques musulmanes de Suse. Paris, 1928, XV, 113; Sarre Fr. Die Keramik von Samarra. S. 67. XX, 4; Hobson R. L. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. London, 1932. pl. 13.

⁶ Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 237.

⁷ Sarre Fr. Die Keramik von Samarra. S. 66, 67.

и с поливой по сплошь окрашенному коричневому фону. Несколько уступают им качественно изделия с ангобной росписью по непокрытому черепку и посуда с полихромной росписью по ангобному покрытию, отмеченная еще в наиболее ранней дербентской глазурованной посуде. Однако роспись на керамике восьмой группы более четкая, мало растекающаяся и разнообразная по композиции (радиальные полосы, круги, полудуги, концентрические окружности). Полива на изделиях всех групп IX–X вв. более высокого качества, чем на посуде ранних групп, исключение составляют лишь сосуды третьей группы. Самыми малочисленными являются две последние группы, причем если изделия девятой группы отличается высоким качеством поливы, то посуда восьмой группы имеют весьма плохую поливу с сильно иризированной поверхностью, испорченной цеком. Роспись на посуде этой группы в основном темно-зеленого, коричневого, лимонно-желтого цвета, слегка расплывчатая, ее значительно меньше, чем на изделиях других групп. Малочисленность росписи, что не свойственно основной массе дербентской керамики, качество поливы позволяют полагать, что данная посуда являлась скорее всего предметом импорта или производилась в Дербенте очень недолго. Изделия с поташной мутной поливой невысокого качества и полихромной росписью широко известны среди наиболее ранней глазурованной керамики Средней Азии¹, бытовавшей весьма непродолжительный период². Ряд дербентских изделий этой группы с геометрической росписью имеют близкие аналогии с наиболее ранней поливной керамикой Хорезма³. Наиболее типичные композиции рисунка на дербентских поливных изделиях поздней группы, орнаментированных росписью марганца, иногда в сочетании с темно-зеленой росписью, – это круги, овалы, треугольники и шестиконечные звезды, полудуги, разнообразные сочетания пятен, точек, мазков, радиальных линий и потеков. В более сложных композициях применялся растительный орнамент в виде многолепесткового цветка с радиальными заполнениями фона или радиального рисунка, сочетающего овалы, полудуги, прямые линии, разнообразный геометрический рисунок в сочетании, с точками и кругами.

Основные композиции способы орнаментации дербентской поливной посуды четвертой – седьмой групп не являются локальными особенностями керамического производства города, а находят себе самые широкие аналогии в поливных изделиях IX–X вв. средневековых городов Азербайджана⁴, Армении⁵, Грузии⁶, Переднего и Среднего Востока⁷. Показателем высокого уровня мастерства, достигнутого дербентскими гончарами в этот период, могут служить находки фрагментов антропоморфных и зооморфных глазурованных изделий и скульптурных изображений.

¹ Сайко Э. В. История технологии... С. 4; Она же. Глазури керамики... С. 15; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... С. 285; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 276.

² Там же.

³ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... С. 285, рис. 7, 3.

⁴ Левиатов В. Н. О типах глазурованной керамики... С. 37; Якобсон А. Л. Художественная керамика... С. 231–237; табл. I–V, XIII–XV.

⁵ Якобсон А. Л. Художественная керамика... Табл. XIII, 10.

⁶ Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность... Табл. XII, XIII, XXXIV.

⁷ Stein Aurel. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, IV, XXI; Hobson R. L. The George Eumorfopoulos Collection. Catalogue of the Chinese, Corean and Persian Pottery and Porcelaine. London, 1928. IV, LIV, LV.

Особую группу дербентской керамики составляют разнообразные изделия специального назначения: многочисленные плоскодонные светильники с округлым туловом, цилиндрической горловиной и сильно вытянутым конусовидным носиком с отверстием для фитиля на конце конуса; толстостенные сфероконусы, служившие для перевозки ртути и благовоний; детские игрушки (свистульки, шарики, птички) и атрибуты средневековых игр (фишки, кружочки, пирамидки).

Резко увеличивается в VIII–X вв. выпуск строительной керамики и труб водоводов. Значительное распространение в строительстве получил жженный кирпич, который был в VIII в. крупных размеров (27–29 x 27–29 x 5–6 см), близких к сасанидским стандартам, а в IX–X вв. бытовал кирпич более мелких размеров: 20–24 x 20–24 x 4–4,5 см. Наряду с этим в городе было широко налажено производство кровельной черепицы с высоким бортиком, разнообразных керамических труб водоводов диаметром от 7–8 см до 18–20 см, предметов печного припаса для гончаров (треугольных подставок – «сипая», плоских полок, круглых штырей, крюков), ядер и снарядов для пращей.

Изучение керамического производства Дербента VIII–X вв. убедительно свидетельствует, что этот вид городского ремесла успешно развивался в данный период и поднялся на новую ступень в своем количественном и качественном росте. Наиболее крупным достижением дербентских гончаров во второй период развития керамического ремесла города было освоение и широкое производство здесь поливной керамики. Наряду с этим в городе получил дальнейшее развитие выпуск самых разнообразных керамических изделий, включавших все основные виды посуды, сосуды специального назначения, черепицу, керамические игрушки, облицовочные глазурованные плитки и кирпичи, а также другие строительные материалы и трубы водоводов. Особо следует отметить значительное увеличение выпуска жженого кирпича, из которого стали возводить отдельные конструкции и некоторые значительные постройки.

В отличие от предшествующего, раннесредневекового периода развитие гончарного производства в VIII–X вв. было более тесно связано с местными керамическими традициями, с кавказскими ремесленными центрами. На основе уже существовавшей здесь передовой технологии были разработаны новые приемы изготовления и орнаментации посуды, освоены новые типы и виды гончарных изделий, возросло их количество и качество. Характерной чертой этого времени являются дальнейшая специализация отдельных отраслей гончарного ремесла, возросшая стандартизация изделий, выпускаемых в основном для массового потребителя, для нужд сильно возросшего внутреннего рынка. Однако появление в IX–X вв. значительного количества богато орнаментированных изделий с благожелательными надписями, различными символами и именами владельцев позволяет говорить, что часть дорогой парадной посуды изготовлялась на заказ, очевидно для представителей городской верхушки.

Период VIII–X вв. характеризовался дальнейшим укреплением культурных и экономических связей города с ремесленными центрами сопредельных областей, ростом профессионального мастерства местных гончаров, развитием керамических традиций, основанных на лучших достижениях ближневосточного и местного гончарного производства.

Период XI – середины XIII в.

В конце X – начале XI в. в керамическом производстве Дербента наметился ряд важных сдвигов. Комплекс керамики из культурных слоев города XI – середины XIII в. отличается от аналогичного материала предшествующего периода не только своей многочисленностью и разнообразием, но и целым рядом качественных изменений.

При изготовлении неполивной посуды Дербента этого времени осваивается выпуск штампованных и гравированных изделий, появляется своеобразная белоглиняная и сероглиняная керамика, в подражание фарфоровым и металлическим сосудам. Производство подобной неполивной керамики требовало определенных технологических усовершенствований приемов изготовления посуды и ее обжига. Новым явлением в орнаментации неполивной посуды было широкое применение гравировки. В изделиях этой группы отмечены сосуды, сплошь покрытые высокохудожественной гравировкой, имитировавшей дорогостоящую металлическую посуду. Дербент пока единственный известный центр производства подобных гравированных изделий. Неполивные кувшины, чаши, котлы, горшки и другие изделия Дербента XI–XIII вв., в основных формах которых прослеживается дальнейшее развитие изделий VIII–X вв., находят себе близкие аналогии в керамике Кавказа¹ и Средней Азии² этой поры.

Большие изменения наблюдаются в производстве поливной керамики, связанные с усовершенствованием состава глазури, широким освоением прозрачной свинцовой поливы, открывающей новые возможности орнаментации изделий. Совершенно новым явлением в орнаментации поливной посуды XI – середины XIII в. было широкое использование глубокой подглазурованной гравировки, резьбы и весьма сложной техники «в резерве» или выемчатой техники. В сложноорнаментированных изделиях этого времени гравировка выступает в орнаментации посуды на первое место, причем особого расцвета техника подглазурной гравировки достигает в керамическом производстве города XII – середины XIII в., когда Дербент становится крупнейшим на Кавказе центром изготовления подобной керамики. Широкое распространение в этот период получают зооморфные изображения на керамике, а также антропоморфные и зооморфные поливные керамические (реже неполивные) изделия.

Исследования поливной керамики Дербента XI – середины XIII в. красноречиво свидетельствуют о дальнейшем расширении ее производства (она составляет около 45 % от общего количества гончарной продукции этого периода), массовом применении глазурованных изделий в быту всех слоев населения города, о больших качественных сдвигах в области их изготовления и декоративного оформления.

¹ Левиатов В. Н. Керамика Старой Ганджи // Баку, 1940. С. 4–7; Караханян Г. О. Неполивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954; Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 186–227; Он же. Неполивная керамика Азербайджана. Баку, 1959. На азерб. яз.; Калантарян А. А. К вопросу о способах изготовления керамики в средневековой Армении. Ереван, 1974; Исмизаде О. Ш. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // МКА. Баку, 1964. Т. 5. С. 88–89, табл. IV; Он же. О результатах... С. 173, табл. V; Джиджи Г. А. Средневековый город Шемаха. Баку, 1981. С. 55–61.

² Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда. С. 91–92; Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир... С. 67, рис. 27; Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 286–354; Гражданкина Н. С. К истории керамического производства в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент, 1964. Вып. 5. С. 195–197; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... С. 261–342, рис. 2–3, 5, 22–26.

Период XI – середины XIII в. отмечен расцветом производства поливной керамики, небывалым в истории города взлетом художественно-графического мастерства местных гончаров, новыми достижениями этой отрасли керамического ремесла. Ни в предшествующий период, ни в последующее время производство поливной керамики в Дербенте не достигало таких высот.

Стратиграфически выделяются две группы поливной керамики, несколько отличные по качеству, приемам орнаментации и формам друг от друга. Ранняя из этих групп относится к XI – началу XII в., а поздняя – к XII – середине XIII в.

Ранняя группа поливной керамики служит как бы переходным звеном от поливной керамики IX–X вв. к сложноорнаментированным изделиям XII–XIII вв., однако она четко отличается от посуды VIII–X вв., и прежде всего применением гравированного рисунка и выемчатой техники. Гравировка в отдельных случаях известна и на керамике IX–X вв., но там беглый, слабо гравированный рисунок полностью затенен растекающейся расцветкой, а в посуде XI – начала XII в. гравированный рисунок получает распространение, линии гравировки отличаются четкостью, ясностью, он сливается с общей композицией орнамента. В орнаментации керамики этого времени стала широко применяться выемчатая техника, или техника «в резерве». Суть ее состояла в том, что часть рисунка выполнялась путем углубления фона, за счет выскабливания ангобного покрытия в этих местах до черепка. Это придавало орнаменту выпуклый, объемный вид, особенно красивый в сочетании с полихромной расцветкой.

К посуде XI – начала XII в. относятся четыре группы керамики, обозначенные как группа 10–13.

Группа 10. Керамика с тонкой гравировкой, нанесенной по слою белого или светло-желтого ангоба, и монохромной растекающейся росписью, не совпадающей с рисунком (здесь встречаются сложные гравированные композиции с изображением птиц и рыб).

Группа 11. Керамика с рисунком, выполненным выемчатой техникой (углубленный фон) по слою белого или светло-желтого ангоба под прозрачной светло-желтой, зеленоватой или бесцветной поливой (выделяется два варианта: в сочетании с полихромной расцветкой; с монохромной поливой).

Группа 12. Керамика с монохромной, чаще всего зеленой поливой и глубоким гравированным рисунком, нанесенным по толстому слою ангобного покрытия до фона черепка.

Группа 13. Монохромная керамика с орнаментацией в виде сплошного точечного фона, нанесенного по слою белого или светло-желтого ангоба под прозрачной, желтой, зеленой поливой.

Прием орнаментации поливной посуды гравированным рисунком зарождается в керамическом производстве Дербента в конце второго периода развития, но распространение получает в XI–XIII вв. Способ орнаментации изделий беглой гравировкой с растекающейся полихромной расцветкой не был специфическим приемом дербентских гончаров, но широко известен на керамике Закавказья¹, Переднего и Среднего Востока².

¹ *Яacobсон А. Л.* Художественная керамика... С 242–250, табл. XVIII, XX; *Шелковников Б. А.* Художественная керамика двинских раскопок // Изв. Арм. ФАН СССР. 1940. № 4/5. С. 184, 185, рис. 4.

² *Sarre F. und Herzfeld E.* Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiete. Berlin, 1920. IV. S. 19; *Hobson R. L.* A Guide... P. 8, 24, 25; *Sarre F.* Die Keramik... S. 62; XXVII; *Stein A.* Archaeological Reconnaissances... IV, 169, 258, 311.

Наряду с простейшей гравировкой в виде спиралей и завитков в этой группе встречаются гравированные изображения, выполненные в той же манере тонкого белого рисунка. Роспись в этом случае не совпадает с контурами гравировки. Гравированные подобной техникой рисунки были связаны с изображением птицы со сложенными крыльями, очень напоминающие аналогичную группу гравированной поливной керамики с птицами из Орен-калы¹.

Еще одним новым явлением в орнаментации поливной посуды было применение выемчатой техники или углубленного фона. Эта группа уступает по численности изделиям с гравировкой, но отличается более высоким качеством и художественностью.

Наиболее распространенным изображением на изделиях этой группы были крупные цветы и листья со сложно изогнутыми стеблями и плетенки. Орнамент, выполненный этой техникой, отличается насыщенностью композиции и плотностью деталей изображения, четкой линией рисунка, что придает ему рельефность, яркую выпуклость и парадность.

Керамика, орнаментированная подобным образом, получила распространение на памятниках Азербайджана и Армении с XI в.², а для других областей Кавказа, по мнению исследователей, не была характерна³, однако изучение керамического производства Дербента расширяет ареал ее изготовления. На Ближнем Востоке подобные изделия известны в материалах XI в. крупных керамических центров, таких как Рей, Зенджан, Хамадан, Амул⁴. Отдельные исследователи считают подобную керамику чисто иранского происхождения⁵, что опровергается бытованием ее в это время в Закавказье⁶, а также, как теперь становится очевидным, в Дербенте. Наличие в слоях города XI–XII вв. поливной посуды, орнаментированной сложной выемчатой техникой, свидетельствует о высоком уровне мастерства дербентских керамистов и указывает на тесные связи города с крупнейшими керамическими центрами Закавказья и Ближнего Востока.

Монохромная гравированная посуда, несмотря на простоту своего изготовления, широкого распространения в керамике XI в не получила, что, видимо, было связано с невысокими художественными достоинствами подобных изделий при относительно высоких затратах труда на орнаментацию их новым, еще только осваиваемым способом.

По своим формам посуда XI – начала XII в. больше примыкает к изделиям IX–X вв., но здесь намечаются и определенные изменения. В керамике этой группы исчезают глубокие плоскодонные чаши с прямыми толстыми стенками, значительно уменьшается количество небольших чашечек, появляются блюда и тарелки, хотя количество их пока невелико. Среди чаш появляются изделия более открытых форм, широко бытуют чаши с расширенным верхним краем венчика.

Подобные формы были характерны для поливной керамики этого времени многих средневековых памятников Закавказья, Передней и Средней Азии.

¹ Яковсон А. Л. Художественная керамика... С 248, 249, табл. XX, 3.

² Там же. С. 252.

³ Там же.

⁴ Hobson R. L. A Guide to the Islamic Pottery... P. 24, 25; Pézard M. La céramique..., LXXVII, LXXVIII.

⁵ Hobson R. L. A Guide to the Islamic Pottery... P. 25.

⁶ Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 252.

Поздняя группа. Дальнейший подъем и впечатляющий расцвет производства поливной керамики наблюдается в XII – середине XIII в. На этом этапе совершенствуются и усложняются приемы орнаментации посуды, выработанные в IX–XI вв., осваивается изготовление разнообразных поливных изделий, в том числе производство больших массивных блюд диаметром до 50–60 см, значительно возрастает количество поливных кувшинов. Большое развитие получает гравировка изделий, которая теперь выступает в качестве ведущего компонента орнамента, искусно сочетаясь с яркой полихромной росписью. В орнаментации изделий этого времени росписи тесно связаны с гравированным рисунком и еще больше оттеняют и подчеркивают его контуры.

В отличие от глазурованной посуды ранней группы гравировка на керамике XII – середины XIII в. носит нередко очень сложный растительно-геометрический характер, причем резьба на изделиях этого типа очень глубокая и покрывает почти всю поверхность.

Наряду с подобной богато украшенной и, несомненно, дорогостоящей посудой в XII–XIII вв. широко была распространена простая монохромная керамика с гравировкой или без нее. Она составляет в этот период более 60 % всех поливных изделий Дербента и была, видимо, наиболее массовым видом поливной посуды в быту населения средневекового города.

В это время поливные чаши, блюда, тарелки почти полностью вытесняют аналогичные столовые неполивные изделия. Исключения составляют лишь кувшины.

В посуде XII – середины XIII в. выделяется семь (14–20) групп керамики, имеющих существенные различия в приемах орнаментации и качестве изделий.

Группа 14. Керамика с четкой композиционной гравировкой и полихромной расплывчатой расцветкой, совпадающей с гравированным рисунком.

Группа 15. Керамика с очень широкой и глубокой гравировкой, нанесенной по толстому слою ангобного покрытия и придающей рисунку выпуклость, сочетающуюся с расплывчатой полихромной расцветкой, в основном совпадающей с гравированным изображением.

Группа 16. Керамика с четкой композиционной гравировкой и нерастекающейся полихромной росписью, совпадающей с рисунком или дополняющей гравированную композицию.

Группа 17. Керамика с гравировкой или выскабливанием по марганцевому фону, нанесенному на слой белого ангоба, который становится основой рисунка.

Группа 18. Керамика с полихромной нерастекающейся росписью (вариантом этой группы являются изделия с монохромной росписью).

Группа 19. Монохромная орнаментированная и неорнаментированная керамика.

Группа 20. Импортная посуда.

Наибольший интерес среди поливных изделий XII – середины XIII в. представляет керамика группы 14. Сюда относятся большие блюда и чаши с округлыми толстыми стенками, массивной кольцевой ножкой широко отогнутым наружу горизонтальным верхним краем.

Отличительной особенностью керамики этой группы является сложный гравированный орнамент, покрывающий целиком верхний край изделия и большую часть или всю внутреннюю поверхность, и полностью совпадающая с рисунком полихромная расцветка коричневого, зеленого, буро-желтого или интенсивно-желтого

цвета. Полихромная расцветка в основном строго соответствует определенной части композиции гравированного рисунка и, хотя местами не имеет точного совпадения с его контурами, составляет с гравировкой единую композицию, дополняя рисунок и подчеркивая его. Гравировка нанесена четко и глубоко, с явным подражанием металлическим изделиям. Наиболее типичным является сочетание геометрического и растительного орнаментов в виде больших кругов, овалов, ромбов, квадратов с вписанными в них более мелкими геометрическими фигурами, поле которых сплошь заполнено пальметками, полупальметками, спиралями, завитками, иногда образующими фигуры в виде «сегнерова колеса». Свободное поле между крупными геометрическими фигурами заполнено гравированным растительным орнаментом. Каждая крупная фигура расцвечена определенным цветом, обычно по внутреннему, свободному полю. Поверхность изделия покрыта прозрачной поливой высокого качества. Сочетание сложнейшей гравировки, четко выделяющейся под прозрачной поливой на фоне белого ангобного покрытия, с яркой полихромной расцветкой, подчеркивающей отдельные композиции орнамента и углубляющей рисунок, делало подобную посуду необычно яркой и красочной.

Изготовление подобных изделий, несомненно, было большим шагом вперед в производстве поливной посуды и свидетельствовало о высокой профессиональной квалификации дербентских гончаров, не уступавших в мастерстве керамистам крупнейших ремесленных центров Переднего Востока, Кавказа и Средней Азии.

Обращает на себя внимание однотипность форм посуды этой группы, представленной в основном массивными блюдами диаметром 40–60 см из светло-коричневатой глины, очень высокого качества. Все они имеют сходную гравировку, аналогичную как по характеру рисунка, так и по технике его нанесения. Совпадают даже мелкие детали оформления наружной поверхности, например, полосами белого ангоба. Такое совпадение форм, размеров, качества теста и приемов орнаментации изделий позволяет думать, что они могли быть произведены в одной мастерской или даже одним мастером. Находки подобных блюд только в цитадели и богатых домах указывают на социальный аспект их распространения в быту и на возможность их изготовления по заказу.

Посуда с такой орнаментацией довольно специфична, и наиболее близкие аналогии ей дает пока только чаша из Ани, также относящаяся к XII–XIII вв.¹, но в отличие от дербентских изделий покрытая монохромной поливой. Некоторые параллели прослеживаются и с поливной керамикой средневекового Херсонеса XII–XIII вв.², но они не столь значительны, как в материалах Ани. В керамике средневекового Байлакана сложная гравировка несколько отличается от дербентской, там она наносилась по марганцевому фону³, но чаще применялась выемчатая техника⁴.

Встает вопрос о центре производства подобной керамики и почему наиболее близкие аналогии она находит только в Ани, минуя Азербайджан и Грузию. На чашах из Ани на дне имеются следы от треугольных подставок, использованных при обжиге изделий, которые в слоях Ани не обнаружены⁵. Такие же подставки есть

¹ Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947. Табл. IV; Шелковников Б. А. Поливная керамика... С. 24, 25, 27, рис. 9–11.

² Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. Табл. XIV, 61.

³ Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 273–277.

⁴ Там же. С. 254–270, табл. XXIII, XXIV, XXX.

⁵ Шелковников Б. А. Поливная керамика... С. 27, 28.

в Двине, но двинское происхождение их исключается ввиду явного отличия черепка¹. Подставки-треугольники, использовавшиеся для обжига чаш, широко применялись в Дербенте, и находки их в слоях средневекового времени повсеместны.

Многочисленность подобной керамики в слоях Дербента XII – середины XIII в., несомненное композиционное сходство орнамента и техники нанесения гравировки рисунка данных блюд с более простой посудой XI – начала XII в. позволяют предполагать, что центром производства этих сложноорнаментированных изделий являлся Дербент. Город в это время был тесно связан с крупнейшими экономическими центрами Кавказа, в том числе и с Ани, взаимоотношения этих двух городов могли быть особенно тесные, учитывая наличие в районе Дербента армянских поселений.

Но этот сложный вопрос требует детального изучения, и не исключено, что подобных центров было несколько.

Вариантом группы 14 являются изделия с более простой гравировкой и растекающейся расцветкой, совпадающей с рисунком. Здесь гравировка дополняет цветной фон посуды, сочетаясь с полихромной росписью, но не выступая главным компонентом орнамента. Близкие аналогии подобная керамика находит в посуде Закавказья².

Керамика с глубокой и широкой гравировкой, относящаяся к группе 15, представляет собой также весьма специфическую разновидность дербентской посуды. Изделия этой группы стандартны и представлены в основном однотипными чашами небольших и средних размеров на изящной кольцевой ножке, от которой почти горизонтально расходятся стенки, имеющие перегиб в нижней части. Эта форма широко бытовала в керамике средневековых памятников Закавказья XII–XIII вв.³, но в Дербенте чаши данной группы в большинстве имеют и стандартные размеры, очень сходное тесто и приемы орнаментации. В основном это гравированные остролистные и овальные фигуры, расходящиеся острием вверх от дна по стенкам чаши, поле между которыми заполнено треугольными фигурами со спиралями и завитками внутри, направленные острием вниз. Поле остролистных фигур заполнено очень широкими гравированными полосами. Подобная композиция в основных чертах типична для всех изделий этой группы, хотя на ряде чаш треугольные фигуры заменяются полуовальными, дно орнаментируется не геометрической фигурой, а широкими гравированными полосами. Однако все они имеют сходную композицию, в ряде случаев идентичную до мелких деталей, одинаковое качество поливы и полностью аналогичную цветовую гамму полихромной расцветки, в основном совпадающей с гравированным рисунком, наносимым по белому ангобу. Полихромная расплывчатая роспись трех цветов – темно-зеленого, темно-коричневого с фиолетовым оттенком, буровато-желтого. Тесто изделий светло-коричневого, коричневатого-розового или желтовато-розового цвета, очень хорошего качества. Полная аналогия форм, размеров, приемов орнаментации изделий, качества их поливы и теста, а также полихромной росписи позволяет полагать, что вся данная посуда могла быть произведена в одной мастерской или по стандартам, твердо устоявшимся в керамическом производстве города. Следует отметить, что среди изделий, орнаментированных подобным образом, встречаются и небольшие кувшинчики. Качество теста, полива и полихромная роспись их, а также приемы гравировки полностью аналогичны изделиям всей группы, но орнамент в основном состоит из сплошной сетки полуovalов,

¹ Там же. С. 28.

² Яковсон А. Л. Художественная керамика... С. 264–269, табл. XXIX, XXX.

³ Там же. С. 246–248, рис. 2.

выделенных очень толстой линией, с более тонким заполнением строгих пальметок внутри. Горловины сосудов украшены широкими вертикальными гравированными линиями.

Орнаментация изделий овальными, заостряющимися фигурами, являвшимися стилизованными изображениями деревьев, была излюбленным мотивом на посуде средневековых гончаров Байлакана и Двина в IX–X вв.¹ Однако формы дербентской керамики этой группы и приемы орнаментации типичны для изделий XII–XIII вв.

Сосуды, орнаментированные столь толстой гравировкой, ширина линии которой достигает нередко 0,3–0,4 см, в материалах других средневековых памятников нам известны, и, видимо, они составляют специфичную группу продукции дербентских керамистов.

Сочетание глубокой толстой гравировки, обнажающей фон черепка, который под прозрачной поливой приобретал глубокий коричневый тон, с яркой полихромной, несколько расплывшейся расцветкой, придавало изделиям своеобразный декоративный вид и замечательную красочность. Подобные изделия, как и керамика группы 14, являлись дорогостоящей, парадной посудой и свидетельствуют о большом мастерстве местных керамистов и высоком уровне развития гончарного производства средневекового Дербента, основанного на многовековых местных традициях и лучших достижениях ремесленных центров сопредельных областей.

Довольно многочисленна в керамике Дербента XII – середины XIII в. посуда, орнаментированная гравированным рисунком и полихромной нарастающей росписью, заполняющей после рисунка и пространство между ними. Наиболее излюбленными мотивами гравировки были треугольники, овалы, круги, ромбы. После геометрической фигуры окрашивалось строго в пределах контура рисунка интенсивно-желтым, зеленым, фиолетово-коричневым, темно-коричневым цветом, а пространство между фигурами нередко заполнялось росписью в виде сетки, образованной пересекающимися линиями или растительным орнаментом. Иногда оно только слегка окрашивалось в светло-зеленый или желтый цвет, а поле фигур заполнялось темно-коричневой, зеленой или буро-желтой расцветкой. Нередко там еще наносилась тонкая гравировка в виде спиралей и завитков.

Сочетание гравированных геометрических фигур в виде треугольников, кругов, овалов, ромбов, полос с полихромной росписью широко применялось на посуде XII–XIII вв. многих памятников Закавказья².

Керамика групп 17 и 18 немногочисленна, но обращают на себя внимание изделия с гравированным орнаментом, нанесенным по марганцевой росписи, выполненной по ангобному покрытию. При использовании этого приема орнаментации гравировка делалась очень не глубокая, только до ангобного покрытия, благодаря чему белый контур рисунка четко выделялся на фоне темно-коричневой росписи. Техника гравировки по марганцевой росписи являлась, по мнению А. Л. Якобсона, специфичным приемом орнаментации посуды средневекового Байлакана XII–XIII вв.³ и в других городах Азербайджана, кроме нескольких фрагментов из Старой Ганджи⁴, неизвестна.

¹ Якобсон А. Л. Художественная керамика... С. 238–240, табл. XVI, 3–6.

² Там же. С. 264–269, табл. XXVIII–XXX; Шелковников Б. А. Поливная керамика... Рис. 9–11, 14–16; Казиев С. М. Историко-археологическое обследование... Табл. XIII; Наджафова Н. Художественная керамика... Рис. 17–19, 57, 64 и др.

³ Якобсон А. Л. Художественная керамика... С. 273.

⁴ Там же.

Материалы раскопок Дербента свидетельствуют, что этот прием, видимо, был заимствован средневековыми гончарами города, хотя он и не получил такого распространения, как в Байлакане. Это проливает свет на взаимоотношения и культурные связи Дербента с крупнейшими ремесленными центрами средневекового Азербайджана.

Однако, как ни разнообразна керамика, богато орнаментированная росписью и гравировкой, она составляет лишь около 30–35 % от всех обнаруженных поливных изделий Дербента XII – середины XIII в., а большая ее часть представлена посудой со скромной монохромной поливой и простейшей гравировкой или без нее.

Местонахождение этих двух неравных как по количеству, так и по качеству групп поливной посуды, весьма четко свидетельствует об имущественном неравенстве и глубоком социальном расслоении среди населения феодального города. Если монохромная и наиболее простая полихромная керамика в основном типична для большинства районов нижней части города, то богато орнаментированная, парадная посуда сосредоточена исключительно на небольшой территории верхней привилегированной части Дербента и в его цитадели. Довольно широко применялась полива и в орнаментации строительной керамики, о чем могут свидетельствовать находки в слоях города XII–XIII вв. поливных кирпичей и глазурованных плиток. Кирпичи, обнаруженные в Дербенте, имеют поливу зеленого, коричневого и ярко-голубого цвета. Изделия, покрытые зеленой и коричневой глазурью, полностью аналогичны по цвету и качеству дербентской поливной керамике и могут, без сомнений, быть признаны местными. Сложнее обстоит дело с ярко-голубой поливой, мало распространенной в гончарном производстве города. Скорее всего, подобные кирпичики, находки которых немногочисленны, являются продукцией других керамических центров или их выпуск в Дербенте не получил широкого развития.

Наряду с подобными специфическими поливными изделиями в материалах Дербента этого времени широко представлены детские игрушки, шарики, фишки, керамические поливные бусы, поливные светильники-чираги, в основных чертах аналогичные подобным изделиям VIII–X вв., но имеющие более низкое и широкое тулово, узкие горловины, сильно расширенные к венчику и заостренные концы носиков.

Отмечены находки зооморфных носиков-сливов сосудов в виде голов быка или коровы. Подобные носики-сливы известны в материалах Оренкалы из слоев XII – начала XIII в.¹

К этому периоду относится единственное известное на Кавказе керамическое антропоморфное поливное изделие в виде головы мужчины в чалме². Скульптура несколько схематична, но очень точно и реалистично передает черты лица мужчины, антропологически весьма выразительного. Изображение весьма своеобразно, левая часть лица несколько увеличена, щека вздута (подобно флюсу). Полива полихромная, желтого, светло-желтого и зеленого тонов, типичная для глазурованных изделий Дербента XI – середины XIII в., что соответствует и стратиграфическому местонахождению скульптуры.

В этот период в гончарном ремесле города происходят важные процессы специализации производства по отраслям и концентрации его в определенных районах рабада Дербента, появление специализированных ремесленных мастерских. Именно к этому времени относятся находки двух гончарных мастерских, расположенных на

¹ Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки ремесленного Квартала..., с. 31.

² Кудрявцев А. А. Раскопки Дербентской экспедиции // АО, 1979 г. М., 1980. С. 114–115.

территории верхней части рабада, в районе современного базара¹. Одна мастерская, остатки которой были вскрыты у южной городской стены в 200 м к западу от базара, представляла собой значительное трехкамерное помещение длиной около 13 м, шириной 6 м².

Печи, судя по сохранившимся конструкциям, были сложены из сырцового кирпича размером 28–30 x 28–30 x 7–7,5 см и имели яйцеобразную внутреннюю обжигательную камеру. Внутренние стенки камеры сильно обожжены и имеют оплавленную поверхность. Топочная камера отделялась от обжигательной перекрытием из каменных блоков и кирпичей, положенных на них. Для перекрытия, вероятно, широко применялись и плиты местного ракушечника, обнаруженные среди фрагментов рухнувшего перекрытия. Печи были ориентированы топками на юго-восток и были длиной около 2–2,2 м, а шириной 1,75–1,9 м. На полу топки отмечен слой золы и угля толщиной до 10–12 см.

Печи подковообразной конструкции, хотя и несколько отличные от дербентских в отдельных деталях, были обнаружены на средневековых памятниках Кавказа³, определенные аналогии они находят в конструкциях подобных сооружений древней Руси⁴.

Обнаруженные в слое, связанном с функционированием мастерской, материал, а также керамика из развалов печей и бракованные изделия, найденные около них, относятся в основном к концу X–XI в. Судя по обнаруженной здесь керамике и предметам печного припаса (приспособлениям для обжига), мастерская в основном специализировалась в производстве поливной посуды, главным образом чаш и тарелок небольших и средних размеров.

В этом же районе в 150 м к востоку от современного базара была обнаружена еще одна гончарная мастерская⁵, представляющая собой двухкамерное помещение размером около 8 x 4 м, сохранившихся лишь частично. Стены его возведены из крупного бутового камня на глиняном растворе, толщина их достигает 0,6 м. Здесь сохранились остатки четырех крупноплановых печей⁶, внутренние камеры двух из которых, диаметром около 2 м, имели сферообразную форму и аналогичны в конструктивном отношении, судя по фрагментам кирпичей и плит ракушечника, печам первой мастерской. Остатки двух других печей, диаметром около 1,2 м, не позволяют судить о их конструктивных особенностях и дают основания лишь говорить, что, видимо, подобно всем гончарным печам средневекового Дербента, они были двухъярусные и топочная камера отделялась от обжигательной перекрытием.

Материал слоя, связанного с бытованием печей, и из самих печей относится в основном к X – началу XII в. и позволяет говорить, что данная мастерская в основном специализировалась на выпуске чаш и сфероконусов. В этом же районе в полевом

¹ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Новые данные... С. 14.

² Там же.

³ Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 года // МАГК. Тбилиси, 1955. Т. 1. С. 119–170; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки гончарных печей на городище Орен-кала // МИА. 1959. 67. С. 174–185; Она же. Раскопки ремесленного квартала... С. 26–46.

⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 345–351.

⁵ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Новые данные... С. 14.

⁶ Там же.

сезоне 1982 г.¹ выявлен огромный керамический отвал еще одной мастерской XI в., специализировавшейся на производстве поливных чаш, кувшинов и своеобразных мисок со сливными носиками.

Приведенные данные весьма красноречиво свидетельствуют о дальнейшем усилении специализации керамического производства города и о его территориальной концентрации в определенных районах рабада.

Период XI – середины XIII в. отмечен расцветом производства поливной керамики² небывалым в истории города взлетом художественно-графического мастерства местных гончаров, новыми достижениями этой отрасли керамического ремесла. Ни в предшествующий период, ни в последующее время производство поливной керамики в Дербенте не достигало тех высот, до которых оно поднялось теперь.

Главными итогами развития гончарного производства в XI–XIII вв. были сильно возросшее мастерство ремесленников этой профессии, выпускавших наряду с простой, дешевой посудой массового потребления подлинные произведения искусства, изготовлявшиеся на заказ, узкая специализация этого ремесла по отдельным отраслям и его территориальная концентрация, широкий импорт дербентской продукции на дагестанские и кавказские рынки. Эти процессы начали намечаться уже в X в., но особенно стали заметны в XI – середине XIII в., что было связано с дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений, с объединением ремесленников Дербента в своеобразные корпорации, существование которых в средневековом городе засвидетельствовано письменными источниками.

Изучение керамического производства Дербента VI – середины XIII в. позволило проследить пути развития этого вида ремесла, выявить основные этапы его становления и направления формирования гончарных традиций этого крупнейшего феодального города Кавказа. В средневековом Дербенте в данное время существовали и успешно развивались все основные отрасли керамического производства, характерные для этого вида ремесла в развитых средневековых центрах Передней и Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы. Своеобразным показателем уровня развития гончарного ремесла города является тот факт, что Дербент, мастера которого освоили изготовление местной глазури, уже к середине VIII в. входит в число наиболее ранних центров производства поливной керамики не только на Кавказе, но и вообще в нашей стране. Анализ керамических комплексов города VI – середины XIII в. позволил выделить три основных периода в развитии гончарного производства Дербента: VI – начало VIII в., VIII–X вв., XI – середина XIII в.

Каждый из выделенных периодов характеризовался значительными изменениями в керамическом производстве города, связанными с процессами дальнейшего усовершенствования технологии изготовления керамики, стандартизации выпускаемой продукции, ее количественным и качественным изменением и диктуемыми потребностями местного дербентского и общекавказских рынков. Изучение керамического ремесла средневекового Дербента показало, что местные гончары полностью обеспечивали город и его округу необходимой продукцией самого различного назначения, успешно конкурируя с изделиями ремесленников крупных керамических центров региона. Они снабжали, особенно в XI – середине XIII в., отдельными видами керамики рынки внутреннего Дагестана и многих районов Кавказа.

¹ Эти новые данные пока не опубликованы нами.

² Кудрявцев А. А. Керамическое производство средневекового Дербента... С. 52–96; Он же. Поливная керамика Дербента XI – середины XIII в. С. 78–109.

Значительная территория, на которой была выявлена концентрация ремесленного производства, и огромное количество самых разнообразных керамических изделий, обнаруженных в культурных слоях города VI – середины XIII в., позволяют полагать, что гончары составляли одну из самых многочисленных групп ремесленников Дербента во все периоды его развития и их роль в социально-экономической жизни города была велика.

Стеклоделие

Археологические исследования раннесредневекового Дербента позволяют составить представление об еще одной отрасли городского ремесла – стеклодельном производстве.

Изготовление стекла, помимо сложностей чисто технического характера, в силу чего эта отрасль ремесленного производства была характерна только для городов и являлась специфическим видом городского ремесла, требовало определенной сырьевой базы, и потому значительные стеклопроизводящие центры возникали не везде.

Большое развитие в развитии стеклоделия имеет наличие песка, пригодного для производства стекла и ценность его тем выше, чем меньше он содержит окислов железа и вместе с тем имеет в значительном количестве окиси натрия и кальция. При наличии этих условий ремесленникам было легче получить чистое и прозрачное стекло, с меньшими затратами соды и извести, повышающих растворимость «шихты». Запасы песка и извести, которые «вводились в стекольную шихту также и в виде молотых чистых разновидностей известняков»¹, в Дербенте были практически не ограничены, а щелочи в древности добывали из золы растений (древние финикийцы добывали соду из золы водорослей и сделали ее предметом экспорта)², хотя, возможно, здесь были и другие источники. Сырьевая база для производства стекла в Дербенте столь значительна, что здесь (в 8 км от города) в годы первых советских пятилеток был построен один из первенцев индустрии нашей страны – стеклозавод «Дагестанские Огни», являющийся крупнейшим предприятием этой отрасли народного хозяйства и сегодня.

Помимо сырьевой базы, производство стекла требует больших профессиональных навыков, печей, специальных конструкций, способных создавать высокие температуры (до 1500 °С) и ряд технологических приспособлений. Все это делало стеклоделие весьма специфической отраслью ремесленного производства, доступного не каждому средневековому городу и, несмотря на то, что весьма многочисленные находки стеклянных изделий на памятниках Кавказа античного периода³ предпола-

¹ Качалов Н. Стекло. – М., 1959. С. 50.

² Свеишников М. Тайны стекла. – Л.-М., 1940. С. 6.

³ Угрелидзе Н. К. Истории производства стекла в Катрли. – Тбилиси, 1947. С. 6,8; Аракелян Б. Н. Гарни 1. Ереван, 1951. С. 59–69, табл. 25, 3; Гагошидзе Ю. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. – Тбилиси, 1964. С. 72–74; Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды Убнисского могильника. – Тбилиси, 1970. С. 87, 88, 93; Тревер К. В. Очерки... С. 171–172; Нуриев А. Б. О производстве стекла... С. 115; Рзаев Н. И. Художественное стекло Кавказской Албании. – Изд. АН Азерб. ССР, серия обществ. наук, 1964, № 5. С. 91–101; Османов Ф. Л. Стеклянные изделия из городища Кабалы. – МКА, т. У, Баку, 1964. С. 158.

гают его весьма древнее производство¹, в раннесредневековое время эта отрасль ремесла переживала период качественного и количественного изменения.

Период VI – нач. VIII вв.

Стеклянные изделия представлены в слоях Дербента сасанидского периода относительно небольшим количеством экземпляров, 39 изделий в основной массе своей фрагментарного характера. Однако выявленные в процессе раскопок изделия дают определенное представление о развитии этого вида ремесла в городе.

Всю стеклянную посуду в Дербенте можно разделить на пять видов:

- цилиндрические прямые стаканы;
- округлые полусферические чаши;
- маленькие узкогорлые сосуды с расширяющейся кверху, слегка конусовидной горловиной;
- узкогорлые сосуды с расширяющейся к основанию горловиной;
- широкие сосуды с округлыми вертикальными ручками.

I. Стаканы являются наиболее распространенным видом стеклянных изделий, обнаруженных в раннесредневековых слоях Дербента. Они в основном схожи между собой и имеют тулово с прямыми стенками, однако некоторые отличия в деталях позволили выделить среди них три варианта: стаканы строго цилиндрической формы; стаканы несколько расширяющиеся кверху; стаканы чуть суженные в верхней части. Все они имеют прямой, чуть утолщенный верхний край и однотипное вогнутое дно, без поддона. Диаметр стаканов 4,5–6 см, реже 9,5–10 см, высота то 8 см до 11,5 см, толщина стенок 0,1–0,25 см, дно несколько утолщено и достигает от 0,3–0,4 см до 0,6–0,8 см. Стекло зеленоватое или чуть голубоватое, прозрачное, иногда почти бесцветное. Значительно реже встречаются изделия оливково-зеленоватого цвета. Основное количество экземпляров не имеет украшения, но встречаются и орнаментированные изделия. Край сосудов обычно не обработан. Преобладают три типа орнаментального мотива, в основном геометрического характера:

I) каннелюрный орнамент в виде сильно вытянутых вертикальных полос с округлыми торцами, напоминающий орнамент дорогих металлических чаш;

II) вдавленный геометрический орнамент в виде сомкнутых разносторонних или несколько вытянутых шестиугольников, иногда овалов или кругов;

III) точечный орнамент в виде двойных соприкасающихся ромбов, образующих геометрический узор.

Подобная орнаментация отмечена на стеклянных изделиях из погребений памятников районов Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья, Закавказья.

Так, орнамент на стаканах, обозначенный как тип «I», находит себе определенные аналогии в орнаментации сирийских стеклянных чаш первых веков н. э., обнаружен-

¹ Максимова М. И. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. – Вестник Института языка, истории и истории материальной культуры. X, 1941; Лордкипанидзе М. Иберийские копии малоазиатских печатей позднеахеменидского периода. Вестник АН Грузии, № 6, 1963; Угрелидзе Н. К. Истории производства... С. 8, 91; Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды... С. 92, 93; Нуриев А. Б. О производстве стекла... С. 118; Рзаев Н. И. Искусство Кавказской Албании. – Баку, 1976. С. 147, 159, 160.

ный в кургане у с. Даховская¹ (Адыгейская обл.), в сарматском погребении в Волгоградской области², в погребениях Урбнисского могильника³ и стаканов из погребений IV–V вв. Харакса⁴, Цебельды⁵, Пантикапея⁶, в бокалах с территории Кавказской Албании⁷. Орнамент типа «П» находит себе с орнаментацией кубков из могильников III–IV вв. с. Ранжевое⁸ и фрагментов кубка из богатого погребения IV–V вв. в Херсонской области⁹, где отмечено совпадение цвета и качества стекла, а также с сосудами из могильников Харакса¹⁰, Цебельды¹¹, Херсонеса¹².

Формы, аналогичные дербентским раннесредневековым изделиям этого типа, бытовали в стеклянной посуде памятников Кавказа¹³, Северного Причерноморья¹⁴, Ближнего Востока¹⁵. Поверхность большинства изделий иризирована.

Пока трудно достаточно обосновано утверждать, сколь высок был уровень стеклоделательного производства в раннесредневековом Дебенте и в какой степени город мог удовлетворять спрос за счет местной продукции. Среди рассматриваемого вида изделий, несомненно, имеются привозные, что особенно касается стаканов с орнаментом, сосудов оливково-зеленоватого стекла, которые являлись предметами импорта из стран Переднего Востока (Сирия, Египет)¹⁶. Но в слоях города этого периода встречаются стаканы, несколько отличные от первых, по форме, оформлению края сосуда и качеству стекла. Подобные изделия не находят себе аналогий с известными на Кавказе и в Восточной Европе импортными позднеантичными и раннесредневековыми стаканами. Наличие подобных стаканов среди стеклянных изделий Дербента, их качество, а также находки в слоях города стеклянных шлаков и двух фрагментов бракованных сосудов, которые вряд ли могут служить предметом импорта, позволяет говорить о местном производстве этого вида стеклянной посуды.

2. Чаши. Этот вид стеклянных изделий представлен в посуде Дербента в основном сосудами полусферической формы. Здесь можно выделить два типа изделий, отличающиеся формой и обработкой края сосуда: 1) полусферические чаши с прямым,

¹ Кротошкин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). – САИ, в., Д 1-27, М., 1970. С. 101, рис. 73,4; 74, 7.

² Там же. С. 101, рис. 74, 10.

³ Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды... Табл. 11.

⁴ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса. – В кн.: Кавказ и Восточная Европа... С. 184, рис. 1,4; С. 185, рис. 2, 10.

⁵ Там же. С. 185, рис. 2, 11, 12.

⁶ Там же. С. 184, рис. 1, 5; С. 185, рис. 2, 14.

⁷ Нуриев Н. Б. О некоторых античных сосудах, найденных на территории Кавказской Албании. – МКА, Т. VIII, Баку, 1976. С. 143.

⁸ Кротошкин В. В. Римские импортные изделия... С. 107, рис. 78, 18, 19.

⁹ Там же. С. 109, рис. 79, 9.

¹⁰ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды... С. 185, рис. 2, 10.

¹¹ Там же. С. 185, 11, 12, 15, 18.

¹² Там же. С. 185, 16.

¹³ Угрелидзе Н. К. Стекло в древней Грузии. – Тбилиси, 1961; Нуриев А. Б. О производстве стекла... С. 116, 121; его же. О некоторых... С. 140–143.

¹⁴ Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с таманского городища. – В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. С. 141, рис. 3; С. 144, рис. 4; С. 154, 155.

¹⁵ Там же. С. 141, рис. 3.

¹⁶ Там же. С. 161.

утолщенным за счет перегиба наружу краем; 2) полусферические чаши с несколько загнутым внутрь, не выделенным краем.

Чаши первого типа имеют диаметр по венчику от 11 до 12 см, края чаш не обработаны. Стекло светло-зеленое, прозрачное, хорошего качества. Поверхность чаш выпукло-вогнутая, волнистая, направление волн вертикальное, под значительным углом (30–40 °), что придает чаше богатый декоративный вид. Толщина стенок достигает 0,15 см, толщина края около 0,3 см. Поверхность чаш иризирована.

Чаши второго типа имеют диаметр венчика 10–11 см, верхний край чуть-чуть утолщен и зашлифован. Стекло чуть голубоватое, почти бесцветное, прозрачное. Орнаментация отсутствует, толщина стенок чаш 0,2 см, края 0,25 см. Поверхность изделий иризирована. Аналогии данным чашам нам не известны. Представляется вероятным, что чаши первого типа, отличающиеся большой сложностью в производстве, являлись привозными изделиями.

3. Маленькие узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды. В основном они довольно однотипны по форме и представлены изделиями с узкой цилиндрической горловиной, чуть расширенной к венчику, округлое вздутое тулово с однотипным вогнутым дном, почти всегда без поддона. Изделия несколько отличаются по оформлению верхнего края и здесь можно выделить два типа: 1) сосуды с прямым, чуть утолщенным, зашлифованным краем; 2) сосуды с загнутым внутрь или наружу необработанным краем.

Диаметр горловин сосудов 3–5 см, высота до 7–8 см, стекло изделий чуть зеленоватое или голубоватое, прозрачное, иногда почти бесцветное и темно-зеленоватое, порой почти черное, малопрозрачное, в ряде случаев с пузырьками. Орнаментация обычно отсутствует, хотя имеется один экземпляр из зеленоватого прозрачного стекла, орнаментированный белой нитью в виде горизонтальных витков. Стеклянный сосуд, орнаментированный чуть голубоватой нитью известен из слоя V в. Таманского городища¹. Толщина стенок сосудов 0,15–0,2 см, донца несколько утолщены и достигают 0,2–0,45 см. Поверхность изделий обычно иризирована.

Подобные сосуды с аналогичной формой горловин, широко бытовали в ранне-средневековый период и не характерны для стеклянных изделий I–IV вв.², а небольшие сосуды с чуть утолщенным зашлифованным краем получают распространение с VI в.³. Близкие аналогии этот тип дербентских стеклянных изделий находит среди подобных сосудов раннесредневековых памятников Дагестана⁴, Кавказа⁵, Северного Причерноморья⁶, Средней Азии⁷, Переднего Востока.

4. Крупные узкогорлые сосуды представлены среди стеклянных изделий Дербента всего двумя фрагментами. Это довольно высокие горловины диаметром 5–6 см, расширяющиеся к основанию. Стекло прозрачное, хорошего качества, чуть зеленоватого оттенка, без следов иризирования. Один из сосудов, орнаментирован по основанию горловины толстым наклепанным витым жгутом.

¹ Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое... С. 138, рис. 1, 12.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 136.

⁴ Очерки истории СССР, III–IX вв. – М., 1958. С. 725.

⁵ МАК, Т. VIII, 1900, табл. СХХVIII, рис.; Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды... табл. 178; Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1.

⁶ Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 143.

⁷ Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 68, рис. 38.

Определенные аналогии сосуды этого типа находят в стеклянных изделиях раннесредневековых памятников Средней Азии¹ и Кавказа².

5. Сосуды с ручками встречены в слоях раннесредневекового города лишь во фрагментарном состоянии, не позволяющим судить о форме изделий. Вероятнее всего, что это были кружки или бокалы с массивной вертикальной ручкой округлой формы. Один, более массивный конец ручки, крепился к прямому, не выделенному краю сосуда, другой, к тулову. Вероятно, могли существовать изделия и с двумя аналогичными ручками. Стекло хорошего качества, темно-коричнево цвета снаружи, являющегося, видимо, следствием сильной иризированной поверхности сосуда. Сосуды с подобными ручками известны в весьма незначительном количестве среди стеклянных изделий Таманского городища³ и аналогии им Н. П. Сорокиной на других памятниках не известны⁴.

Анализ выделенных типов стеклянных изделий раннесредневекового Дербента позволяет сделать некоторые выводы о развитии стеклоделия в городе в первый период его экономического становления. Отмечая, что целый ряд дербентских сосудов имеет, несомненно, импортное происхождение, особенно тонкостенные рифленые чаши, некоторые типы стаканов, крупные сосуды, представляется вероятным считать, что часть стеклянных изделий имеет местное происхождение. В этом убеждает определенная специфичность форм и качества стекла ряда выявленных сосудов, наличие фрагментов бракованных изделий, которые вряд ли могли быть предметом импорта, а так же находки в слоях города этой поры шлаков с остекленными участками поверхности и отдельных кусочков спекшейся стеклянной массы. Видимо, к местным изделиям, прежде всего надо отнести менее прозрачные сосуды со стеклом зеленых, голубоватых или зелено-голубоватых оттенков, что было связано с наличием в сыром материале железа⁵ или меди⁶, придающей стеклу указанные оттенки. Создание прозрачного обесцвеченного стекла требовало более высокой технологии производства и определенного профессионального уровня мастерства, умением мастера-стекольщика бороться с примесями и сводить до минимума их содержание в «шихте». Однако местным мастерам на первом этапе развития стеклоделия в городе это было, видимо, не под силу, что служит показателем уровня технологического процесса изготовления стекла. Сосуды дербентские мастера изготавливали в основном методом выдувания в форму или свободного выдувания, о чем свидетельствуют донца сосудов. Одним из достижений дербентских стеклоделов этого времени, свидетельствующем о прогрессе в развитии этого вида ремесла, было их умение обрабатывать край сосуда.

Исследование стеклянных сосудов раннесредневекового Дербента позволяет говорить, что в этот период в городе существовало производство стекла, и этот специфический вид городского ремесла достиг определенного прогресса. Однако не слишком многочисленные находки изделий из стекла, его качество и простота форм позволяет считать, что в период VI – начало VIII вв. данный вид ремесла значительного развития еще не получил. Более ощутимый прогресс в стеклоделии наметился

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 68, рис. 38.

² Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1.

³ Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 144, 145, 156, рис. 4, 25; 5, 18.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Качалов Н. Стекло. – М., 1959. С. 49.

⁶ Там же. С. 48.

во второй период экономического развития Дербента с VIII века, когда этот вид ремесленного производства стал играть более заметную роль в экономике города.

Сходный путь развития стеклодельного производства был характерен и для многих средневековых городов Средней Азии¹, Кавказа², Переднего Востока.

Период VIII–X вв.

Второй период развития стеклоделательного ремесла Дербента относится к VIII–X вв. Производство стеклянных изделий в Дербенте в этот период значительно возросло и количество находок их в слоях этого времени увеличилось более чем в 4,5 раза (около 190 изделий). Одной из отличительных особенностей развития стеклоделия на данном этапе является освоение ремесленниками данной профессии выпуска не только стеклянной посуды, но и разнообразных украшений из стекла.

Значительное увеличение выпуска изделий из стекла в это время было связано в определенной степени с широким распространением поливной керамики, изготовление глазурей, для которой во многом совпадал с процессом производства стекла.

Наибольшее распространение в стеклоделии в это время получило производство столовой посуды, сосудов различных размеров и назначения, украшений из стекла. В количественном отношении они распределены следующим образом: посуда – 134 фрагмента, браслеты – 33 штуки, кольца – 4 штуки, бусы – 16 штук, вставки к перстням – 3 шт.

Стеклянная посуда изготовлялась в основном методом выдувания в форму, а браслеты и кольца техникой вытягивания жгута из горячей массы.

Столовая посуда представлена чашами, стаканами, рюмкообразными сосудами на ножках, узкогорлыми сосудами, изделиями с широкой горловиной. Основная часть посуды изготовлялась техникой выдувания в форму, когда мастер-стеклодув набирал в трубку стеклянную массу и выдувал шар, которому придавал путем несложных операций вытянутые очертания, а затем помещал его в разъемную форму. Через некоторое время изделие извлекали из формы, сушили и обрабатывали, путем откола лишней массы на донышке, шлифовки верхнего края и наружной поверхности.

Чашы. Этот вид стеклянных изделий представлен в основном сосудами полусферической формы с вогнутым внутрь дном без кольцевой ножки. Здесь можно выделить два варианта изделий, отличающиеся друг от друга формой и способом обработки края сосуда: 1) полусферические чаши с прямым или несколько отклоненным наружу валикообразным венчиком, образованным за счет перегиба верхнего края сосуда и прижатия его к стенке чаши (край может прижиматься вплотную или между ним и стенкой остается просвет); 2) полусферические чаши с прямым или слегка отклоненным внутрь невыделенным, иногда несколько утолщенным, венчиком.

Изделия первого варианта представлены чашами средних размеров с диаметром венчика от 10 до 16 см, края которого обычно не обработаны. Стекло прозрачное, в большинстве случаев тонкое, чуть зеленоватого или желтоватого цвета, иногда с отливом вишнево-фиолетового оттенка, качество, обычно, высокое, орнаментация отсутствует.

Чаши второго варианта мало чем отличаются, по качеству и цвету стекла, от первого, но здесь изделия порой более толстостенные, верхний край их несколько утолщен и зашлифован, диаметр его колеблется у сосудов этого варианта в пределах 9–14 см.

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 69.

² Угрелидзе Н. К. Стекло в древней Грузии. – Тбилиси, 1961.

Количество чаш среди стеклянных изделий относительно невелико и не превышает 5–6 %. Пока известны два экземпляра и несколько фрагментов верхних частей сосудов. Находки донц более многочисленны, но они не могут быть бесспорно отождествлены с этим видом стеклянной посуды средневекового города.

Ближайшие аналогии дербентские стеклянные чаши находят среди подобной посуды ряда городищ Средней Азии и Кавказа, таких как Ниса¹, Варахша², Орен-кала VIII–X вв.³ и средневековая Кабала⁴, а так же памятников Крыма VIII–IX вв.⁵

Стаканы, обнаруженные в слоях средневекового Дербента VIII–X вв. во многом сходны с аналогичными изделиями раннесредневекового периода. По форме тулова здесь можно выделить два варианта: 1) стаканы с чуть конусообразным или округленным туловом, несколько расширенным кверху; 2) стаканы с прямым, чуть расширенным ко дну туловом, с четко выделенной нижней гранью.

Диаметр сосудов обоих вариантов достигает 6–12 см, высота 8–16 см, толщина стенок 0,15–0,35 см.

У стаканов обоих вариантов отмечено два типа донца. Одни стаканы, это группа более многочисленна, имеют вогнутое внутрь донце без поддона, другие – плоское, не выделенное дно, несколько более толстое, чем стенки.

Стекло зеленоватое, желтоватое, порой с вишневым оттенком, иногда буровато-коричневое, в отдельных случаях почти бесцветное, с чуть голубоватым оттенком. В основной массе оно прозрачное, но встречаются отдельные фрагменты экземпляров с бурым или зеленым непрозрачным стеклом.

Край сосудов обычно чуть утолщенный или совсем не выделенный и зашлифован. Нередко стаканы орнаментировались. Орнаментация довольно проста и сводилась к трем основным приемам украшения изделий: а) наlepным жгутам, прямым или волнистым, иногда украшенными зацепками; б) штампованным орнаментом, нанесенным еще на неостывшее изделие, когда вогнутость рисунка снаружи соответствует выпуклости внутри; в) вдавлено-рельефный орнамент, полученный при вдувании в форму.

В двух последних случаях применялся геометрический орнамент в виде сетки кружков, овалов, других фигур.

Подобная орнаментация сосудов широко встречается на стеклянных изделиях средневековых памятников Кавказа⁶ и Средней Азии⁷. Следует отметить, что в средневековый период стаканы, как вид стеклянных изделий не получил, видимо широкого распространения в стеклоделательном производстве Кавказа⁸ и в материалах

¹ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 381, табл. 3.

² Шишкин В. А. Варахша. – М., 1963. С. 79, рис. 33, 12, 14.

³ Фоменко В. П. Стеклянные изделия городища Орен-кала VIII–X вв.; Она же. О технике изготовления ... С. 219–222.

⁴ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 158–159.

⁵ Фронджало М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. – В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. С. 150–151, рис. 16.

⁶ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 12, 16, 18; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 221, 222, табл. 1, 4.

⁷ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 379, 382, 386–388, табл. 11, 12, рис. 4; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 10.

⁸ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 222, табл. 1.

памятников этого времени находки их довольно немногочисленны¹, тогда как в Дербенте подобная посуда широко бытовала.

Рюмкообразные сосуды представлены в материалах Дербента VIII–X вв. только отдельными фрагментами, не позволяющими с достаточной полнотой судить о формах этих изделий. Однако имеющиеся фрагменты подобных сосудов позволяют выделить здесь только два варианта изделий: 1) сосуды на низких, массивных сплошных ножках, с круглым донцем, вогнутым во внутрь; 2) сосуды на более высоких полых ножках, с круглым вогнутым донцем, составляющим одно целое со стержнем ножки.

Верхние части рюмкообразных сосудов сохранились плохо, но, исходя из найденных в слоях Дербента фрагментов этого вида посуды и форм аналогичных сосудов из материалов других средневековых памятников Кавказа, Средней Азии, Переднего Востока, можно полагать, что они имели округло-вытянутую форму с прямым зашлифованным краем. Высота сплошной ножки равняется обычно 1–2 см, при толщине ее 2–2,8 см. В некоторых случаях ножка почти отсутствует. Полые ножки достигали более значительной высоты 3–5 см.

Сосуды со сплошными ножками более толстостенны и представлены в большинстве случаев изделиями из темно-синего, зеленого и коричневато-бурого непрозрачного или полупрозрачного стекла. Рюмки на полых ножках более толстостенны, стекло их зеленоватое, желтоватое, иногда почти бесцветное, прозрачное.

Несмотря на относительную малочисленность подобных изделий в Дербенте они служат показателем высокого уровня развития его стеклоделательного производства. Сам бокал состоял из двух частей: верхнего резервуара и ножки на донце и для изготовления его требовались две сложные операции. Ножка и поддон выполнялись из одного комка стеклянной массы и крепились к резервуару кусочком горячего стекла. Порой ножка украшалась вдавлено-рельефным или штампованным орнаментом.

Подобные сосуды несколько напоминают рюмкообразные сосуды позднеантичного и раннесредневекового времени памятников Северного Причерноморья² и Кавказа³, а более близкие параллели находят среди средневековых изделий Восточного Кавказа⁴, Ближнего Востока, Средней Азии⁵ и Крыма⁶, хотя в деталях имеются значительные различия. Однако производство данных сосудов, видимо, не было широко освоено в средневековом Дербенте и находки их немногочисленны, довольно редки находки подобных изделий и на средневековых памятниках Переднего Востока и Средней Азии⁷.

Узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды, весьма разнообразную по размерам, форме горловины и тулова, приемам орнаментации. По размеру их можно разделить на большие, средние и маленькие сосуды.

¹ Вяткин В. Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927. С. 64, табл. IX; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 10.

² Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 148–150, рис. 7, рис. 8.

³ Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. – МАК, вып. 56, 1914. С. 138.

⁴ Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 219–220, 222. Табл. 1, 1, 3.

⁵ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 374–377, табл. 1; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 113, 15–17.

⁶ Фронджало М. А. О раннесредневековом ремесленном... С. 151, рис 16.

⁷ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 377–378.

Большие сосуды представлены в основном стеклянными изделиями двух типов: 1) первый, наиболее многочисленный вид сосудов, имеет округлое шаровидное или слегка вытянутое тулово диаметром 12–18 см, плавно переходящее в очень высокую, до 15–21 см, цилиндрическую или слегка конусовидную горловину диаметром 3–5 см, расширенную к основанию;

2) второй тип крупных стеклянных сосудов встречается значительно реже и во многом он напоминает керамические кувшины с округлым или несколько вытянутым туловом диаметром 12–14 см, плавно переходящем в горловину, к верхней части которой и плечикам сосуда крепится довольно большая ручка округлого или ленточного сечения.

Стеклянные сосуды первого типа имеют горловину высотой 15–21 см, при диаметре ее от 3 до 5 см, диаметром тулова 12–18 см.

Сосуды, выявленные в слоях города VIII–X вв., несколько различаются по оформлению верхнего края: одни имеют прямой, совершенно не выделенный, зашлифованный край, а другие изделия отличаются несколько утолщенным или расширенным венчиком. Стекло сосудов разнообразное: зеленого или буро-коричневого цветов. Непрозрачное или чуть зеленоватое, голубоватое, почти бесцветное, иногда темно-синее.

Сосуды второго типа встречаются довольно редко, стекло их, как правило, высокого качества, зеленоватого или голубоватого оттенка, прозрачное или темно-синее, непрозрачное.

Сосуды обоих типов порой орнаментировались с помощью вертикально или горизонтально прикрепленных накладных жгутов, налепов и валиков, иногда украшенных защипами или насечками. Эти налепные украшения наносились в горячем виде на еще мягкий сосуд. Рельефно-вдавленный орнамент использовался очень редко.

Подобная орнаментация сосудов широко применялась в средневековый период в стеклоделии Кавказа¹ и Средней Азии², а сами крупные узкогорлые сосуды находят себе довольно многочисленные аналогии среди материалов средневековых городищ Орен-калы³, Кабалы⁴, Нисы⁵, Афрасиаба⁶.

Средние сосуды составляют наиболее многочисленную группу узкогорлых сосудов. По форме они мало чем отличаются от крупных сосудов, но горловины их значительно меньшей высоты – 4–8 см и здесь, наряду с прямыми цилиндрическими, встречаются конусообразные и несколько расширенные в верхней части.

Изделия этой группы орнаментировались значительно чаще, чем крупные сосуды и в основном это были накладные жгуты, валики, налепы, наносимые в горячем виде на еще мягкий сосуд. Жгуты нередко делались волнистые или украшались защипами и насечками. Рельефно-вдавленный орнамент использовался редко. Подоб-

¹ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 221.

² Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 386–387; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 5–7; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 67, рис. 37.

³ Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 222, табл. 1, 5.

⁴ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 1–3.

⁵ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 379–380, табл. 11, 9.

⁶ Вяткин В. Л. Афрасиаб... С. 64, табл. IX.

ные сосуды находят себе аналогии в посуде средневековых памятников Кавказа¹ и Средней Азии² VIII–X вв.

Маленькие сосуды или флакончики весьма широко представлены в слоях Дербента VIII–X вв. в основном они имеют невысокую или средних размеров горловину высотой 2–4 см и диаметром 2,5–3,5 см. по форме горловины здесь удалось выделить три варианта: 1) сосуды с округлым туловом и конусообразной или воронкообразной горловиной, расширяющейся кверху; 2) сосуды с невысокой цилиндрической горловиной, несколько вздутой или сильно утолщенной у венчика; 3) сосуды с прямой цилиндрической невысокой горловиной, от которой почти горизонтально резко расходятся стенки тулова изделия, венчик иногда утолщен, прямой или валикообразный.

Стекло маленьких сосудов, как правило, непрозрачное, темно-зеленого, черного, темно-голубого, буро-коричневого цветов.

Орнаментация либо отсутствует, либо довольно проста, обычно в виде накладного жгута. Однако наряду с подобной простой орнаментацией отмечены и более сложные приемы украшения сосудов, обычно это изделия первого варианта из черного стекла, к которому были добавлены крошки молочно-белого, образовавшего при выдувании, тонкие белые, иногда голубовато-белые продольные нити.

Подобные приемы орнаментации стеклянных сосудов отмечены на изделиях средневековых памятников Азербайджана³.

Маленькие стеклянные сосуды находят довольно широкие параллели среди аналогичных изделий Кавказа⁴ и Средней Азии⁵.

Широкогорлые сосуды составляют очень небольшую часть стеклянной посуды средневекового Дербента. Пока обнаружено только семь фрагментов подобных стеклянных изделий, отличающихся по форме венчика. Они представлены сосудами двух типов. К первому типу относятся сосуды округлой формы с несколько отклоненным во внутрь венчиком, утолщенным за счет отгиба верхней части края, который вплотную прижат к тулову или между ними остается просвет. Второй тип представлен сосудами с более вытянутым туловом и венчиком, отклоненным внутрь под прямым углом и утолщенным за счет отгиба верхнего края, который образует верхнее кольцо сосуда. Диаметр венчика изделий от 6–7 см до 12–13 см.

Сосуды эти имеют в основном зеленое, светло-желтое, коричневатое полупрозрачное или прозрачное стекло. Немногочисленность и значительная фрагментарность изделия не позволяет судить о наличии в их орнаментации, из обнаруженных фрагментов лишь на одном имеется наlepной жгут округлого сечения, наlepленный в горячем состоянии на еще не остывший сосуд. Жгут опоясывал по горизонтали тулово изделия.

¹ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 4, 6, 7; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 222, табл. 1; Угрелидзе Н. К. К истории производства стекла... С. 93; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки ремесленного квартала... С. 31, рис. 4, 2.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 67, рис. 37; Вяткин В. Л. Афрасиаб... С. 64, табл. IX; Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 379, табл. 11.

³ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 4, 9, 17; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 221; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки ремесленного квартала... С. 31, рис. 4.

⁴ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 9, 10; Нуриев А. Б. О производстве стекла... С. 116; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 222, табл. 1; С. 31, рис. 4, 1.

⁵ Вяткин В. Л. Афрасиаб... С. 62, рис. 75; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 3, 4, 8, 9.

Находки широкогорлых стеклянных сосудов близких по формам к описанным дербентским изделиям известны на средневековых памятниках Кавказа¹, Средней Азии² и Крыма³.

Украшения из стекла в слоях Дербента VIII–X вв. представлены браслетами, кольцами, бусами. Следует отметить, что украшения из стекла, за исключением небольшого количества бус и вставок-глазков к перстням, не встречаются в ранне-средневековых слоях города, что свидетельствует о новом качественном шаге вперед в развитии стеклоделия на втором этапе.

Браслеты. Хронологически появление браслетов в Дербенте, согласно данных стратиграфии, опирающейся на богатый керамический и нумизматический материал, относится к периоду IX–X вв. Пока не обнаружено ни одного достоверно датированного браслета VIII в., хотя это и не исключает возможности их производства уже во второй его половине.

Появление стеклянных браслетов в Закавказье ряд исследователей относят к VIII–X вв.⁴, в то время как для Северного Кавказа и Причерноморья, Руси наиболее ранней датой считается IX–X вв.⁵, а отдельные специалисты считают возможным их появление только с середины X в.⁶ Ю. Л. Шапова, опираясь на тщательно разработанную С. А. Плетневым хронологическую (стратиграфическую) шкалу, считает временем появления браслетов в Тмутаракани IX в.⁷

Всего в слоях VIII–X вв. обнаружено 33 фрагмента браслета (общее количество браслетов в слоях IX–XIII вв. – 77 шт.) различной сохранности. По форме сечения их можно разделить на: круглые, прямоугольные, плоско-выпуклые, крученые.

В процентном соотношении распределение типов браслетов по форме отражено в таблице:

Период	Круглые		Прямоугольные		Плоско-выпуклые		Крученые		Общее количество	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
VIII – нач. Хвв.	2	6,06								
IX–X вв.	14	42,45	2	6,06	8	24,25	7	21,2	31	93,94
% от общего количества браслетов IX–XIII вв.	20,77 %		2,59 %		10,38 %		9,09 %		42,83 %	

Изготовление браслетов выполнялось путем вытягивания жгута в горячем виде из расплавленной стекловидной массы и закрепления концов, обрезанного до нужного размера куска в кольцо определенного диаметра. Плосковыпуклые браслеты

¹ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 5, 11.

² Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 379, табл. 11, 3; Вяткин В. Л. Афрасиаб... С. 62, рис. 76.

³ Фронджоло М. А. О раннесредневековом ремесленном... С. 151, рис. 16, 3.

⁴ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 157–158; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 223–224.

⁵ Тиханова М. А. Мангуп. – МИА, № 34, 1953. С. 374–375.

⁶ Кротошкин В. В. О производстве стекла... С. 36; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник... С. 126.

⁷ Шапова Л. Стеклянные изделия... С. 103.

изготавливались также весьма просто; вытянутый жгут в горячем состоянии раскладывался на ровной поверхности, обычно на тщательно обработанной каменной плите, благодаря чему он принимал округло-каплевидную форму сверху и плоскую с внутренней поверхности, после чего концы его скреплялись. Более сложным было изготовление прямоугольных и крученых браслетов. Для изготовления первых пользовались специальными фигурными трубками, с помощью которых делалась необходимая заготовка, которая потом подправлялась до необходимой формы. Вторые изготавливались путем кручения заготовки, причем, обычно это были специальные рифленые заготовки.

Концы жгута (дрота) скреплялись между собой в горячем виде. Браслеты, найденные в слоях Дербента VIII–X вв. имеют два способа скрепления концов дрота: путем накладки одного конца на другой и заглаживания; соединение с помощью щипцов, соединяющих их в единое целое и придающих браслету в месте замка квадратное сечение.

Как видно из таблицы, наибольшее распространение в IX–X вв. получили браслеты более простых форм, круглого и плосковыпуклого сечения, изготовление которых не требовало никаких дополнительных приспособлений. Они составляют около 73 %, в то время как квадратные составляют всего 6 %, а крученые около 21 %.

Браслеты, обнаруженные в слоях того времени, имеют синее, голубовато-молочное, желтовато-коричневое, черное стекло, большинство из них покрыто пленкой иризации или радужного налета, однако браслеты из черного стекла, как правило, чистые.

Орнаментация на браслетах, обычно, отсутствует, но крученые изделия имеют в двух случаях витую орнаментацию беловато-молочной или чуть голубоватой нитью, а в одном – полосой, окрашенной в золотисто-желтый цвет, прочно удерживающийся с основой. Браслет с подобной золотистой росписью является, скорее всего, предметом восточного импорта и, подобно сходным браслетам из Саркела, имеет, вероятно, византийское происхождение¹.

Отмечая появление в Дербенте VIII–X вв. украшений из стекла в виде разнообразных браслетов, следует подчеркнуть, что в этот период данный вид стеклянных изделий полностью аналогичных форм и технологии изготовления широко бытовал во многих средневековых городах Кавказа², Поволжья³, Северного Причерноморья⁴, Древней Руси⁵.

Кольца, в отличие от браслетов, представлены в большом количестве. К настоящему времени известно два целых стеклянных кольца и два фрагмента из слоев Дербента VIII–X вв. Одно из них голубое, два черных и одно темно-синее. По технике

¹ Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи. – МИА, № 75, 1960. С. 314, 319.

² Османов Ф. Л. Стекланные изделия... С. 157–158, 160, табл. 11, 1–7; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 223–225, табл. II, 1; Исмизаде О. III. О раскопках в Кабале... С. 105, 126, 127, табл. XIV, 5, 6; табл. XV, 12.

³ Львова З. А. Стекланные браслеты... С. 308–311.

⁴ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – МИА, № 63, 1959. С. 70; Кротошкин В. В. О производстве стекла... С. 36 и сл.; Щапова Ю. Л. Стекланные изделия... С. 104–112, рис. 2.

⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. – М., 1948. С. 231–233; Кротошкин В. В., Соловьева Г. Ф. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. – КСИИМК, 1953, XLIX. С. 21 и сл.

изготовления кольца несколько отличаются друг от друга. Одно кольцо (темно-синего цвета) изготовлено путем вытягивания очень тонкого дрота, концы которого в горячем виде были соединены щипцами. Место соединения их украшено бугорком, который покрыт слоем светло-серого состава, расписанного красной краской. Подобный способ соединения концов жгута (правда, без раскраски) широко применялся в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья¹, откуда эти кольца попадали иногда в Северное Причерноморье (три закавказских стеклянных кольца известны из слоев Тмутаракани)².

Еще одно кольцо, представленное фрагментарно, выполнено в той же технике. Два стеклянных кольца этого времени изготовлены способом навивки очень тонкой стеклянной полосы вокруг стержня. При этой технике изготовления кольца не видно места соединения концов дрота. Подобный способ изготовления колец также широко на Кавказе и отмечен на аналогичных изделиях происходящих с памятников VII–X вв. Грузии³ и Азербайджана⁴.

Представляется вероятным, что стеклянные кольца, судя по их довольно немногочисленным находкам, широкого распространения в средневековом Дербенте не получили, хотя их полная идентичность с остальными изделиями и обнаружение в городе стеклоделательных печей не дают оснований сомневаться в их местном производстве.

Бусы составляют одну из групп стеклянных украшений средневекового Дербента. Изготовление их производилось путем вытягивания тонкого стеклянного жгута, который потом раскатывали и обвивали им тонкий стержень, отверстие от которого служило для продевания нитки. Не исключено, что для производства бус использовали заготовки браслетов (круглых или плосковыпуклых, возможно отходы от их производства), разрезавшиеся на короткие куски, в которых протыкали отверстия⁵. Использовался и метод навивки, однако бусы, изготовленные подобным путем, представлены единичными экземплярами. Основная масса бус шаровидной, эллипсоидной, цилиндрической, биконической, многогранной формы, встречаются многочастные бусы и стеклянные разделители бус. Бусы изготовлены в большинстве из непрозрачного стекла коричневатого-красного, черного, голубовато-молочного, зеленого цвета. Но встречаются и прозрачные зеленоватые и желтоватые бусы. В небольшом количестве встречаются бусы золотисто-лимонного оттенка, обычно они сильно иризированы и плохой сохранности. Этот тип бус напоминает «лимонки», характерные для древнерусского средневековья⁶, однако ответить на вопрос об их происхождении без массовых анализов нельзя.

Следует отметить, что в Дербенте не встречено ни одного экземпляра глазчатых и других бус ближневосточного происхождения. Это представляется странным,

¹ Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 224, 225, табл. II, 5; Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 158, 160, табл. II, 11.

² Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия... С. 119, рис. 5.

³ Угрелидзе Н. Н. Раскопки мастерской VII–X вв. у Орбети. – Доклад на сессии ИИМК, 54, 1959 г.

⁴ Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 224, 225, табл. II.

⁵ Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана. – МАД, Т. III, Махачкала, 1973. С. 78.

⁶ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. – МИА, № 55, 1956, С. 173; Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана... С. 69.

учитывая тесные контакты города с крупнейшими центрами Переднего Востока и обилие подобного ближневосточного импорта в материалах синхронных памятников Восточной Европы, в том числе Северного Кавказа и многих районов Дагестана¹. Любопытно заметить, что подобная картина отмечена и для Тмутаракани, где подобные бусы найдены в очень небольшом количестве². Наряду с бусами в слоях Дербента обнаружено несколько прямоугольных и овальных стеклянных вставок-глазков для колец и перстней. Они черного и темно-зеленого цвета из непрозрачного стекла.

Подобные дербентским стеклянным бусам и вставкам изделия отмечены в материалах слоев VIII–X вв. городищ Кабалы³ и Орен-калы⁴. Сведения о наличии в Кабале глазчатых бус отсутствуют, а в описании бус Орен-калы, хотя и упоминается об их наличии, но не сообщается количественное соотношение, тогда как на рисунке приведен лишь один экземпляр подобных изделий⁵.

Исследование стеклянных изделий Дербента, относящихся к VIII–X вв. показало, что в этот период стеклоделие города сделало большой шаг вперед. Произошло количественное и качественное развитие этого вида ремесленного производства. Дербентские стеклодувы освоили изготовление прозрачного стекла, расширился ассортимент выпускаемой стеклянной посуды, значительно возросло ее количество. Ярким показателем развития стеклоделия в Дербенте и его качественного роста служит появление в слоях этого периода стеклянных браслетов, колец, бус, вставок, положивших начало производству разнообразных украшений из стекла. Одной из особенностей стеклянных изделий Дербента этого времени является простота их оформления, что способствовало удешевлению продукции, и почти полное отсутствие среди них дорогостоящего ближневосточного импорта, который составляет всего 3 % от общего количества находок стекла, что служит показателем уровня местного стеклоделия, видимо целиком обеспечивавшего рынок. В этот период дербентские ремесленники освоили и успешно применяли наиболее простые и экономически выгодные технологические приемы изготовления стеклянных изделий, широко распространенные в крупнейших экономических центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии: для стеклянной посуды – технику выдувания в форму, для украшений – технику вытягивания жгута и навивки. Все это способствовало удешевлению изготавливаемой продукции.

Резкое количественное увеличение изготовления стеклянных изделий, новый шаг в качестве выпускаемой продукции и ее орнаментации, освоение совершенно новых видов изделий и связанной с ними технологии стеклоделательного производства – все это позволяет выделить период VIII–X вв. в определенный, весьма важный этап стеклоделия города и считать его вторым периодом развития стеклоделательного ремесла Дербента.

¹ Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана... С. 70–71.

² Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия... С. 121.

³ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 158, 160, табл. II.

⁴ Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 224–225, табл. II.

⁵ Там же. С. 224–226, табл. II.

Период XI–XIII вв.

Особого расцвета эта отрасль городского ремесленного производства достигла в VIII–XIII вв., когда Дербент превратился в один из крупнейших центров стеклоделия на всем Кавказе¹.

Третий период развития стеклоделательного производства средневекового города относится к началу IX – сер. XIII вв. Это время наибольшего расцвета стеклоделательного ремесла Дербента и в слоях города, связанных с этим периодом, обнаружено 376 фрагментов стеклянных изделий, включавших в себя стеклянную посуду, украшения из стекла. В количественном отношении изделия распределяются следующим образом: посуда – 277 фрагментов; браслеты – 44 штуки, кольца – 3 штуки, вставки к перстням – 13 штук; бусы – 39 штук, стекло оконное – 12 фрагментов; 1 крупный и несколько мелких фрагментов толстостенного плоского литого стекла неизвестного назначения. Особых изменений в технологии изготовления стеклянной посуды и изделий в этот период не отмечено, но он характеризовался более широким производством посуды массового употребления, значительной стандартизацией упрощенностью выпускаемых украшений, снижением качества изделий и особенно в производстве оконного стекла. К этому времени относятся остатки единственного пока в Дербенте и вообще в Дагестане четко засвидетельствованного стеклоделательного производства с круглоплановой стеклоплавильной печью, заполненной шлаком с застывшей стеклянной массой темно-синего цвета². Печь имеет диаметр более 1 м, при высоте более 1,5 см, стенки из кирпича сильно ошлакованы стекломассой³. Посуда и украшения этого времени в основном представлены изделиями из темно-синего, зеленого, коричневато-бурого непрозрачного стекла и голубоватого, зеленоватого или почти бесцветного прозрачного стекла.

Стеклянная посуда составляет около 2/3 всех стеклянных изделий, обнаруженных в слоях этого времени. По сравнению с посудой более ранних периодов, здесь не только значительно увеличивается количество простых, более низкокачественных изделий, но и изменяется соотношение различных типов посуды. Так, в то время резко сокращается выпуск чаш, но значительно увеличивается количество узкогорлых сосудов типа бутылей самых различных размеров, и в большем количестве встречаются стеклянные ручки вытянутых форм, принадлежащих одноручным сосудам, типа кувшинов. К сожалению, от многих изделий сохранились лишь донца, не позволяющие судить о форме всего сосуда. Появление новых типов донц: с очень сильно вогнутой внутрь, воронкообразной поверхностью, с двойным перегибом в нижней части, с двойной утолщенной кольцевой ножкой – позволяет предполагать освоение местными мастерами в этот период и новых форм стеклянных сосудов, не сохранившихся в целостности. В основной массе посуда XV–XVIII вв. сохранила формы, близкие изделиям Дербента VIII–XIII вв. Определенные количественные и качественные изменения выявленных типов дербентской стеклянной посуды были связаны в значительной мере с выпуском аналогичных изделий из металла и глины.

Чаши представлены в слоях Дербента XI–XIII вв. единичными фрагментами изделий двух типов: первые имеют округлые стенки, с прямым, чуть отклоненным

¹ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. – Махачкала, 1952. С. 132–142; Он же. Феодальный Дербент. – М., 1993. С. 134–152; Он же. О стеклоделии средневекового Дербента // Новое в археологии Северного Кавказа. – М., 1986.

² Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. – МАД, т. 1. Махачкала, 1959. С. 206.

³ Там же.

внутри валикообразным венчиком, образованным за счет отгиба верхнего края изделия. Дно не сохранилось, но судя по аналогичным изделиям второго периода и формам многочисленных донц из слоев, связанных с третьим периодом, они имели кольцевидную ножку, довольно значительной высоты, с вогнутой во внутрь поверхностью. Цвет стекла чуть голубоватый, почти бесцветный, прозрачный или зеленоватый, прозрачный. Второй тип представлен чашами со слабо выпуклыми боками и прямым, слегка утолщенным венчиком, подчеркнутым по основанию небольшим выступом. Дно чаши уплощенное с чуть выделенным кольцом. Стекло желтовато-зеленое, прозрачное. Орнаментация проста, обычно наклепной жгут, подчеркивающий основание венчика или стенок. Подобные чаши находят себе значительные параллели в аналогичной стеклянной посуде средневековых памятников Кавказа, Передней и Средней Азии, причем изделия первого типа более близки к азиатским образцам¹, а второе к кавказским². Малочисленность чаш в слоях этого времени, видимо, надо связывать с широким распространением массовым употреблением в быту различных социальных слоев города поливной керамики, в частности чаш, вытеснивших более дорогую и недолговечную стеклянную посуду этого типа.

Стаканы в слоях Дербента XV–XVIII вв. встречаются значительно реже, чем в предшествовавшие периоды. В основном это сосуды с прямым цилиндрическим туловом, плоским или чуть вогнутым дном и прямым невыделенным или чуть утолщенным венчиком. Некоторые из них по форме и размерам скорее можно назвать банкообразными сосудами. В отдельных случаях эти банкообразные сосуды имели не четко выраженный прямоугольный переход от дна к стенкам изделия, а более округлый.

Диаметр стаканов достигал 7–10 см, а у банкообразных сосудов до 12 см, высота 10–15 см. Стекло довольно толстое, обычно 0,2–0,3 см, у банкообразных сосудов иногда до 0,4 см. встречаются изделия с прозрачным стеклом зеленоватого, желтоватого оттенка или почти бесцветное и с непрозрачным стеклом темно-зеленого, коричнево-бурого, редко темно-синего цвета. Орнаментация на стаканах, как правило, отсутствует. Стаканы и банкообразные сосуды, выявленные в слоях Дербента начала XI – середины XIII вв., находят довольно близкие аналогии в синхронных средневековых памятниках Кавказа³ и Средней Азии⁴ и несколько более поздних материалах средневековых городов Поволжья XIII–XIV вв.⁵.

Значительное количественное сокращение стаканов в слоях XI–XIII вв. надо также, вероятно, связывать с массовым использованием в быту населения средневекового города металлических изделий и поливных чаш и чашечек, вытеснивших более дорогую и хрупкую стеклянную посуду. Следует отметить, что именно в этот период

¹ Вяткин В. Л. Афрасиаб...с. 64, табл. IX; Давидович Е. А. Стекло из Нисы. С. 380–381, табл. III; Шишкин В. А. Варахша. С. 79, рис. 33, 12; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средне Азии...С. 95–158, рис. 11.

² Фоменко В. П. Стеклянные изделия средневекового городища Орен-кала XI–XIII вв. – В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. – Баку. С. 161 и сл.; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник ...С. 109, табл. II, 2.

³ Фоменко В. П. О технике изготовления...С. 219, табл. I, 2; Она же. Стеклянные изделия... С. 161–171; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник ...С. 109, табл. II, 1.

⁴ Вяткин В. Л. Афрасиаб...с. 64, табл. IX.

⁵ Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.). – В кн.: Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976. С. 67, табл. VII, 4, 6.

самым распространенным, поистине доминирующим видом поливных изделий стали очень разнообразные по формам и размерам чаши.

Рюмкообразные сосуды, аналогичны по форме изделиям VIII–X вв. и представлены в основном нижними частями изделий, позволяющими утверждать, что подобный вид стеклянной посуды изготовлялся ремесленниками средневекового Дербента, но судить о форме верхней части сосуда, его резервуаре, обычно очень тонкостенном, можно только по аналогиям с немногочисленными подобными изделиями Дербента VIII–X вв. и средневековых памятников Средней Азии и Переднего Востока. Обнаруженные в слоях XI–XIII вв. нижние части рюмкообразных сосудов, в основном аналогичны подобным изделиям из более раннего слоя. Они имеют полые, трубчатые высокие ножки с круглыми воронкообразно вогнутым во внутрь поддоном, изготовленным совместно с ножкой или сплошную низкую ножку с фигурным утолщением в средней части. Рюмкообразные сосуды XI – середины XIII вв. мало чем отличаются от подобных изделий из слоев VIII–X вв., и мы не будем останавливаться на них подробно.

Среди стеклянных изделий такого рода внимание привлекает совершенно новый тип рюмкообразных сосудов, напоминающих нечто среднее между чашей на высокой кольцевой ножке и рюмкообразным сосудом.

Нижняя часть этих сосудов напоминает ножку обычных рюмкообразных изделий, но не имеет высокого полого стержня, в верхней сильно вогнутой во внутрь воронкообразной ножки крепится округлый резервуар, который изготавливался отдельно, а потом прикреплялся к ножке или в горячем состоянии, или с помощью расплавленного кусочка стеклянной массы.

По форме резервуара сосуды этого типа делятся на два варианта: изделия с округло-вытянутым резервуаром; изделия с полусферическим резервуаром чашеобразной формы.

Подобные сосуды из других мест нам не известны, возможно, они составляют немного специфическую группы стеклянной посуды средневекового Дербента.

Узкогорлые сосуды в слоях города XI–XIII вв. составляют самую многочисленную группу стеклянной посуды. По величине сосудов, связанной, видимо, с их назначением, этот вид стеклянной посуды можно разделить на три группы: большие, средние и маленькие. Первые две группы наиболее многочисленны и довольно сходны между собой по форме, третья группа весьма незначительна и отличается от первых двух своими формами.

Большие узкогорлые сосуды по форме горловины можно разделить на три варианта, тулово у всех сосудов в основном округлое шаровидное или слегка вытянутое и особых расхождений у изделий различных вариантов не имеет.

1. Первый вариант изделий имеет очень высокую горловину конусообразной формы, несколько сужающуюся к венчику и плавно переходящую в тулово, венчик сильно утолщенный наружу, валикообразный. Высота горловины 20–22 см, диаметр ее 3,5–5 см, диаметр тулова 12–13 см.

2. Второй вариант представлен сосудами с более широкой цилиндрической горловиной и прямым невыделенным венчиком, диаметр горловины достигает 7–8 см, высота ее 8–12 см.

3. Третий вариант почти полностью аналогичен второму, но горловина здесь имеет не цилиндрическую, а конусовидную форму, сужаясь к невыделенному венчику, диаметр которого достигает около 6–7 см, при диаметре основания горловины 10–11 см и высота ее 10–15 см.

Сосуды первой группы имеют в основном прозрачное или полупрозрачное стекло зеленоватого, коричневато-бурого, желтовато-бурого и темно-коричнево цвета со следами иризации и радужной пленки покрытия.

Почти все выявленные фрагменты изделий этой группы орнаментированы. В основном это валики круглых и овальных жгутов, наклепанные в горячем виде на еще мягкую поверхность сосуда. Иногда жгуты имеют волнистую форму. Кроме того, большинство сосудов покрыто рифленно-вдавленным сплошным орнаментом, полученным при выдувании в специальные формы. У сосудов первого варианта подобный орнамент в виде прямого параллельного или косого рифления покрывает тулово, а у изделий второго и третьего варианта орнамент обычно покрывает сплошь всю горловину.

Форма сосудов первого варианта находит определенные аналогии с изделиями подобного типа средневековых памятников Кавказа¹, но наибольшее сходство их отмечено с импортным новгородским сосудом, ближневосточного, видимо, византийского происхождения². Этот сосуд из молочно-матового стекла, расписанный золотом и эмалью, не только полностью аналогичен с дербентскими изделиями по форме, но совпадает с ними до деталей в размерах. Подобные сосуды с росписью золотом и эмалью датируются на всем Ближнем Востоке, Греции, Кипре, Кавказе, как и в Новгороде, XI–XII вв.³.

Сосуды другого варианта находят себе определение аналогии с более поздними стеклянными изделиями из различных позднесредневековых городов Ирана XV–XVIII вв.⁴.

Иногда среди изделий этой группы встречаются толстостенные сосуды, которые, судя по фрагментам профилированных ленточных ручек шириной до 7 см и толщиной до 1–1,5 см, достигали очень значительных размеров.

Средние сосуды незначительно отличаются от подобных изделий VIII–X вв., но здесь появляются изделия с горловиной, сильно сжатой в средней части и сосуды с широким полым валикообразным венчиком. Следует отметить, что стекло этого типа посуды в большинстве своем зеленоватое, желтоватое, голубовато-прозрачное или зеленого, темно-синего, коричнево-бурого цвета – непрозрачное. В отличие от аналогичных изделий VIII–XIII вв. сосуды этой группы чаще орнаментировались, обычно наклепными жгутами, прикрепляемыми в горячем состоянии и нередко украшенными зацепками, вдавлениями, рифлением, а также разнообразными наклепами и штампами. Применялся рельефно-вдавленный орнамент, полученный при выдувании в форму, который почти не встречается в подобных сосудах VIII–XIII вв.

¹ Османов Ф. Л. Стекланные изделия... С. 159, табл. I.

² Гуревич Ф. Л., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. – Л., 1968, табл. III, IV.

³ Там же. С. 10.

⁴ Ломтатидзе Г. А., Мамайашвили Н. В., Чхатарашвили М. Н. К вопросу о культурных связях средневековой Грузии с Ираном. – В сб.: Искусство и археология Ирана (доклады на Всесоюзной конференции 1969 г.). – М., 1971. С. 194–196, табл. XXVII.

Маленькие сосуды представлены изделиями с сильно вытянутым прямоугольно-сжатым туловом, с вытянутым цилиндрическим туловом. Появляются сосудики с фигурной горловиной и горловиной, сильно вздутой у основания или венчика. Сосудики подобных форм широко представлены среди стеклянных изделий Кавказа¹, Средней Азии², Переднего Востока³ XV–XVIII вв. Стекло изделий темно-синего, синего, коричневато-бурого, темно-зеленого цвета, непрозрачное, реже зеленоватое, голубоватое прозрачное или полупрозрачное. Орнаментация в виде налепов, налипных тонких жгутиков или полое с защипами, изгибами или насечками.

Помимо изделий перечисленных групп, среди стеклянной посуды Дербента имелись, видимо, очень крупные сосуды, о чем говорят находки крупных фрагментов и тулова, и ручек, которые, к сожалению, не позволяют судить о форме изделий. Некоторое представление о величине подобных сосудов дают фрагменты больших ленточных ручек из зеленого стекла, профилированных, ширина которых достигает 7 см, а толщина около 1 см. Можно представить, сколь велик был сосуд, к которому крепилась ручка шириной сечения 7 см. Подобной величины изделия из других мест пока не известны.

Наряду с посудой в слоях Дербента XV–XVIII вв. отмечены многочисленные находки украшений из стекла: браслеты, бусы, вставки для колец (перстней).

Браслеты этого периода представлены экземплярами, которые по формам и технологии изготовления почти не отличаются от аналогичных изделий VIII–XIII вв. Однако здесь не отмечено браслетов, выполненных с помощью фигурных трубок (квадратные, треугольные) и почти отсутствуют браслеты, скрепленные щипцами в четырехугольного сечения замок (два экземпляра). В основном браслеты скреплялись путем наложения концов.

По форме браслеты представлены круглыми, плоско-выпуклыми, кручеными изделиями, в основном черного цвета. Следует отметить, что большая часть браслетов (см. таблицу) была обнаружена в слое XI – нач. XII вв.

Период	Круглые		Прямоугольные		Плоско-выпуклые		Крученые		Общее количество	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
XI – нач. XII вв.	15	34,09	2	4,54	5	11,36	8	18,19	30	8,2
XII – сер. XIII вв.	5	11,36			2	4,54	7	15,9	14	31,8
% от общего количества браслетов IX–XIII вв.	25,97 %		2,59 %		9,09 %		19,48 %		57,1 %	

В этот период почти не встречаются браслеты из черного стекла. В основном это изделия голубовато-молочного, темно-синего, беловато-молочного, желто-корич-

¹ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 159, табл. I; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки ремесленного квартала... С. 31, рис. 4; Фоменко В. П. О технике изготовления... С. 220–222, табл. I.

² Вяткин В. Л. Афрасиаб... с. 61, рис. 74; Давидович Е. А. Стекло... С. 379, табл. II.

³ Гуревич Ф. Л., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло... С. 8, табл. II.

невого цвета и отмечены единичные находки (два фрагмента) толстых прозрачных браслетов светло-зеленого цвета. В этот период в значительно большей степени изготавливались крученые браслеты с цветной нитью, обычно это голубовато-молочного, темно-синего, беловато-молочного, желто-коричневого цвета и отмечены единичные находки (два фрагмента) толстых прозрачных браслетов светло-зеленого цвета. В этот период в значительно большей степени изготавливались крученые браслеты с цветной нитью, обычно это молочно-голубая или белая нить в темных браслетах (синих, бурых) или темно-синяя в светлых (молочно-голубых, белых). Отмечены четыре расписанных крученых и гладких браслета, два с нитью, покрытой красной краской, плотно прикрепленной к основе и два гладких браслета с волнистой витой золотой полосой.

Браслеты с росписью золотом представляют собой импортные ближневосточные, скорее всего византийские украшения, происхождение двух других браслетов с росписью пока не ясно, не исключено, что они могут оказаться и местными изделиями.

Несмотря на довольно значительное количество находок браслетов в слоях XI–XIII вв., они значительно уступают здесь находкам стеклянной посуды, что отличает в этом плане Дербент от многих древнерусских городов¹.

Кольца представлены среди стеклянных украшений этого времени тремя экземплярами. Два из них плосковыпуклые и сделаны путем вытягивания дрота и расстилания его в горячем виде на ровной поверхности (плите), а одно круглое. Все три кольца имели соединение концов дрота путем наложения, с заглаживанием образовавшегося бугорка. Подобный способ соединения широко использовался в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья² и получил наибольшее распространение в XII–XIV вв. Все три кольца выполнены из темно-синего стекла, поверхность которого покрыта в настоящее время тонкой пленкой иризации.

Бусы, обнаруженные в слоях XV–XVIII вв., по технике изготовления разделяются на три типа: 1) бусы, изготовленные путем вытягивания стеклянной трубочки с последующим разделением этой заготовки на отдельные бусы – это так называемые трубчатые бусы; 2) бусы, выполненные путем вытягивания тонкого стержня с последующей навивкой его на металлический стержень, диаметр которого соответствует отверстию бусины; 3) округлые, плоские, биконические бусы, изготовленные из кусочка горячей массы, в котором стержнем проткнуто отверстие.

Бусы первого типа, нарубленные из вытянутой трубки (трубчатые) составляют самую многочисленную группу стеклянных бус Дербента. Они были просты в изготовлении, дешевы, и могли легко производиться в массовом количестве, для рядового покупателя, о чем свидетельствуют и небрежно отрезанные края у целого ряда изделий. Бусы имели стекло голубого, молочного и темно-синего цвета, обычно покрыты иризацией. Бусы второго и третьего типа значительно уступают в количественном отношении первым. Наиболее распространенные формы этих бус: цилиндрическая, округло-ребристая, шаровидная, плоско-выпуклая, овальная. Подобные бусы широко

¹ Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. – МИА, № 117, 1963. С. 169; Равдина Т. В. Стеклянные браслеты Серенска. – КСИА, 155, 1978. С. 76.

² Угрелидзе Н. Н. Стеклоделательное производство феодальной Грузии. – Доклад на сессии ИИМК 5. IV. 1959 г.

ко представлены в материалах средневековых памятников Кавказа¹, Средней Азии², Поволжья³, Древней Руси⁴, Дагестана⁵ XI–XIII вв.

Второй тип бус, выполненных техникой навивки встречается в слоях Дербента этого времени довольно редко. Здесь отмечено несколько одноцветных бус, аналогичных описанным из слоев VIII–X вв. и три крупные бусины, выполненные техникой навивки и украшенные белыми и коричневато-красными полосами. Стекло бус черное, непрозрачное, полосы волнистые, разной толщины. Бусы шаровидной и несколько уплощенной формы. Наиболее близкие аналогии подобные бусы находят в материалах средневековых памятников Кавказа⁶, Поволжья⁷, Средней Азии⁸ и позднесредневековых курганах⁹.

Бусы третьего типа также встречены в небольшом количестве. В основном они округлой или плоской формы. Стекло голубого, молочно-белого, темно-синего цвета, непрозрачное.

Подобный способ производства бус, видимо не получил широкого распространения, однако бусы, изготовленные по данной технологии известны на средневековых памятниках Дагестана и других областей¹⁰.

Вставки из стекла к кольцам в материалах этого времени представлены шире, чем в предыдущие периоды. Видимо, это надо связывать с более широким распространением в XV–XVIII вв. Простых медных колец, рассчитанных на широкого потребителя. Подобные кольца обнаружены как в слоях Дербента этого времени, так и в материалах средневековых памятников многих районов Дагестана, особенно Южного. О том, что ценные камни в кольцах с давних пор заменяли стеклянными вставками, имеются сообщения еще в средневековых трактатах¹¹. Во времена ал-Баруни подобные замены были широко распространены в ювелирном деле различных стран Востока¹², а археологические исследования показывают, что подобные стеклянные встав-

¹ *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 225, 226, табл. II, 9; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 160, табл. II, 9.

² *Вактурская Н. Н.* Раскопки городища Ургенич в 1952 г. – Труды ХАЭЭ, т. II. – М., 1958. Рис. 9; Она же. О средневековых городах Хорезма. Рис. 7.

³ *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы... С. 325; *Артамонова О. А.* Могилиник Саркела – Белой Вежи. – МИА, 109, 1963. С. 66, рис. 50, 18 а-д; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966, С. 74.

⁴ *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы... С. 172–173; *Арциховский А. В.* Курганы Вятчей. – М., 1930. С. 34, рис. 31; *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. – В кн.: Очерки по истории русской деревни, X–XIII вв. – Труды ГИМ, вып. 33. – М., 1959, рис. 5, 10; 6, 7.

⁵ *Ковалевская В. Б.* Производство и импорт средневековых бус... С. 78.

⁶ *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 225, табл. II, 9; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 160, табл. II, 9.

⁷ *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия... С. 42, 62, табл. II, 23–27.

⁸ *Варкутская Н. Н.* О средневековых городах Хорезма. – Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг., т. II. – М., 1963, рис. 7.

⁹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... М., 1966. С. 74.

¹⁰ *Ковалевская В. Б.* Производство и импорт средневековых бус... С. 78.

¹¹ *Леммлейн Г. Г.* Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. – В кн.: Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. – М., 1963. С. 376.

¹² Там же. С. 212–213.

ки особенно широко бытовали во многих средневековых городах Кавказа¹, Средней Азии², Древней Руси³, Поволжья⁴.

В позднесредневековых слоях Дербента XI–XIII вв. представлены в основном вставки двух форм: прямоугольных и овальных. Наружная поверхность всех вставок плоская, что, видимо, связано с изготовлением их на плоском предмете (каменной плите). Обратная сторона имеет необработанную поверхность, сохранившую форму, принятой стеклянной массой при застывании (обычно сферическую). В глазке кольца стеклянная вставка крепилась с помощью специального состава. Стекло вставок синего, темно-синего, черного, красного, зеленого цвета.

Оконное стекло составляет, хотя немногочисленную, но весьма важную группу стеклянных изделий, характеризующих уровень развития стеклоделия. Всего обнаружено двенадцать довольно крупных фрагментов, которые без сомнения можно отнести к оконным стеклам, но при этом надо учитывать, что много мелких фрагментов стекла не могут быть твердо отнесены к той или иной группе изделий и среди не поддающихся классификации обломков могут быть и осколки оконного стекла.

Оконное стекло в средневековый период получило довольно широкое распространение на Востоке, особенно в мусульманских культовых памятниках и погребальных сооружениях. Наиболее раннее восточное оконное стекло происходит из Самарры, хотя в Западной Европе оно использовалось еще с рубежа н. э.

Оконное стекло Дербента представляет собой фрагменты округлых дисков (одиннадцать фрагментов) и один обломок стекла геометрической формы. По форме петлевидной окантовки стёкл и слегка заметным концентрическим окружностям на них, можно полагать, что они были выполнены в технике выдувания. Технология выдувания подобных стеклянных дисков довольно проста. Выдувался пузырь, который в горячем состоянии аккуратно отделялся от трубки стеклодува, а затем быстрым вращением доводился до дискообразного состояния. Подобным образом выдувания изготовлялись в средневековый период стекла на Ближнем Востоке, Средней Азии⁵ и Поволжье⁶.

Дербентское стекло, судя по сохранившимся фрагментам, имело диаметр в пределах 16–30 см, толщина их достигала около 0,05–0,12 см, цвет стекла чуть зеленоватый, голубоватый, желтоватый, прозрачный, порой почти бесцветный. Закрайны диска чуть утолщены и имеют петлевидную форму, просвет между краями утолщения почти отсутствует.

Диски подобных форм были типичны для оконных стекол Самарры (диаметр 39–54 см), Самарканды и Нисы (диаметр 32–35 см)⁷, средневековых городов Поволжья (диаметр 10–12 см, 12–16 см, 14–20 см)⁸.

¹ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия... С. 158, 160, табл. II; Долаберидзе Р. М. Грузинские украшения XI–XIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. – Тбилиси, 1972. С. 14.

² Вактурская Н. Н. О средневековых городах... С. 51–52.

³ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – МИА, № 65, 1959. С. 256.

⁴ Шилов В. П. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 г.; Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия... С. 49, 50.

⁵ Давидович Е. А. Стекло из Нисы... С. 390–392; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии... С. 213–223.

⁶ Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия... С. 54.

⁷ Давидович Е. А. Стекло из Нисы... С. 390–392.

⁸ Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия... С. 54–55.

Сейчас трудно сказать, являлись ли данные диски заготовками, из которых вырезали небольшие геометрические вставки для остекления решетчатой рамы или они вставлялись прямо в таком виде. Судя по находкам в различных местах Дербента именно самих дисков, в том числе и в цитадели города, где найдена большая часть фрагментов (8 штук) они, вероятно, широко использовались в таком виде. Однако, наряду с дисками, видимо, применялись, исходя из находки фрагмента с геометрическими краями, и врезанные из дисков небольшие заготовки. На тимуридских памятниках Средней Азии¹ и золотоордынских городах Поволжья² употреблялись оба способа остекления окон. Пока трудно судить, какой из этих способов преобладал в Дербенте, но, исходя из простоты первого, и подавляющего большинства дисковидных фрагментов среди найденных в Дербенте стекл, можно полагать, что подобное остекление было более распространено, особенно для прозрачных бесцветных стекл. Для примера можно отметить употребление округлых стекл в окнах тебризской мечети нач. XIV в.³ И в мечети Мекки в знаменитой Ка'бе, где, видимо, тоже использовались округлые плоские стекла в четырех окнах «по четырем углам и на каждое окно из них наложена пластина стекла, чтобы помещение было светлое. А дождь не проникал»⁴.

Находки цветного стекла свидетельствуют, что оно использовалось в оконных проемах средневековых построек города (фрагменты его обнаружены в цитадели в слоях дворцового комплекса XII–XIII вв.). Однако подобное стекло, видимо, использовалось не столь часто, как простое, одноцветное и, скорее всего, применялось в основном в мозаичных окнах дворцовых сооружений, возможно, в богатых домах и культовых памятниках. Подобные мозаичные окна из цветного стекла имелись в помещениях позднесредневекового дворца XVIII в. правителя Дербента Фет-Али-хана, в частности в восьмиугольной беседке⁵. Следы гипсового раствора на фрагментах цветного стекла из цитадели позволяют подумать, что в данном случае стекло вставлялось в специальную ячеистую решетку типа «панджары», из гипса или камня и крепилось с помощью гипсового раствора. Однако употребление в позднесредневековых дворцовых сооружениях XVIII века окон с деревянной решеткой типа «шебеке», дает основания полагать, что подобный способ крепления стекол в оконных проемах мог применяться и во дворцах правителей города XV–XVII вв. Участник похода 1796 г. П. Г. Бутков так описывает окна дворца: «окна в комнатах составлены из маленьких разноцветных стекол и кажут наипрелестный вид радуги...»⁶.

¹ Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. – Труды УзФАН, сер. I, вып. II. – Ташкент, 1940. С. 181; Давидович Е. А. Стекло из Нисы... С. 389–390; Её же. Цветное оконное стекло XV вв. из Самарканда. Труды САГУ, вып. XI IX, Ташкент, 1953. С. 150–153.

² Егоров В. В. Архитектура города Болгара. – МИА, № 61, 1958. С. 367; Бусятская Н. Н. Стекланные изделия... С. 55.

³ Тизенгаузен В. О мечети Алишаха в Тебризе. – ЗВО, т. 1, вып. II, СПб., 1886. С. 117.

⁴ Насири Хосроу, цит. по: Давидович Е. А. Стекло из Нисы... С. 389.

⁵ Хан-Магомедов С. О. Ханский дворец в Дербенте. – Памятники культуры, № 3, М., 1961. С. 173, 183.

⁶ Бутков П. Г. Записка персидского похода 1796 г., или все, что я видел, слышал, узнал. Приложение ко II тому соч. Буткова. – «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.», СПб., 1859. С. 580–581.

Среди плоских стекол Дербента XI–XIII вв. имеется крупный обломок стекла размером около 9 x 12 см, при толщине около 1,1 см. Этот фрагмент, в отличие от остальных плоских стекол из средневековых слоев города, выполнен не техникой выдувания, а способом литья между пластин. Пока это единственный достоверный (имеется несколько мелких кусочков, определение которых затруднено) образец высокого литого стекла Дербента.

Исследования комплекса стеклянных изделий Дербента XI–XIII вв. показал, что в этот период стеклоделие в городе достигло своего наибольшего расцвета. Ни в слоях более раннего периода, ни в напластованиях послемонгольского времени не было обнаружено такого количества стекла и столь внушительного его разнообразия. Для сравнения можно указать, что на одних и тех же площадях раскопок количество стеклянных изделий в слоях XI – сер. XIII вв. превосходит аналогичную продукцию из раннесредневековых напластований города VI–VII вв. в десять раз. Однако третий период характеризовался не только количественным ростом изделий, в это время значительно возросло качество стекла, увеличилась его цветовая гамма, разнообразнее стал ассортимент продукции, усложнилась орнаментация. Совершенно новым видом стеклянных изделий Дербента стало оконное стекло, производство которого было освоено в этот период. В это время в городе, судя по археологическим находкам, производили не только прозрачное, но и цветное оконное стекло, употреблявшееся в окнах, видимо в мозаичном сочетании. Производство и употребление цветного оконного стекла в Дербенте сохранили свои традиции и в позднесредневековый период, о чем сообщают многочисленные письменные источники, восторженно описывающие цветные стекла дворца Фет-Али-хана.

Дальнейшее развитие получили в этот период технология выдувания стекла, когда его выдували в специальные рельефные формы. Широкое развитие в это время получила орнаментация стекла. Новым в стеклоделии Дербента было появление литого стекла, широко распространенного в античное время в Западной Европе. Однако данная технология не получила широкого развития в ремесленном производстве города.

Анализ стеклянных изделий Дербента XV – сер. XVIII вв. свидетельствует о существовании стеклоделия как самостоятельного вида ремесленного производства позднесредневекового города и позволяет говорить, что основная масса продукции этого вида ремесла изготавливалась на рынок и была рассчитана на широкого потребителя. О тесной связи стеклоделательного производства с массовым изготовлением на рынок могут свидетельствовать не только простота и довольно большая стандартизация форм и оформления изделий, но и почти полное исчезновение некоторых видов стеклянной посуды в это время, например, чаш и стаканов, что было связано с широким распространением металлических изделий и дешевой поливной керамики, именно чаш, наиболее легко изготавливаемого и самого массового вида поливной посуды средневекового города в XI – сер. XIII вв. Сказалось на этом процессе и увеличение выпуска металлических изделий. Об изготовлении продукции стеклоделательного ремесла на рынок могут свидетельствовать и исследования украшений того времени, когда наибольшее распространение получают простые трубчатые бусы и стеклянные вставки к перстням.

Изучение стекла Дербента XI – сер. XIII вв. позволяет сделать вывод, что в этот период в развитии стеклоделательного производства города произошел новый подъем, возрос количественный и качественный объем его, усовершенствовалась техно-

логия производства, были освоены совершенно новые виды продукции, свидетельствующие об уровне развития этого вида ремесла. Стеклоделательное производство Дербента XI – сер. XIII вв. отчетливо свидетельствует, что этот вид ремесла стал одним из основных в экономике средневекового города. Все это позволяет хронологический этап XI – сер. XIII вв. выделить в экономической жизни города, как отдельный период развития стеклоделательного производства Дербента.

Изучение стекольного производства Дербента XV–XVIII вв. позволяет говорить, что эта отрасль ремесла позднесредневекового города достигала здесь довольно высокого уровня развития и играла значительную роль в его экономике, хотя и сильно уступала периоду расцвета Дербента IX–XIII вв. Многочисленность и разнообразие выпускаемой в городе в средневековый период посуды, богатый ассортимент обнаруженных здесь украшений из стекла, производство в городе оконного стекла, выпускаемого далеко не во всех известных ремесленных центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии, Восточной Европы, позволяют считать Дербент XV–XVIII вв. одним из крупных очагов стеклоделия на Кавказе и вообще на средневековом Востоке. Правда, позднесредневековое стекло Дербента, несомненно, уступает по своим художественным достоинствам лучшим образцам византийских, сирийских, египетских и других ближневосточных изделий, которые в силу своей высококачественности являлись предметами роскоши, украшенных золотом, эмалью, прекрасной резьбой, но подобное стекло являлось предметом роскоши, в то время как основная часть стеклянной дербентской посуды, судя по ее простоте и многочисленности, имела весьма широкое распространение в быту населения позднесредневекового города. Сказанное, однако, не позволяет утверждать, что стеклянные изделия были столь же дешевы и доступны всем социальным слоям города, как керамическая посуда. Большая часть дербентского стекла была обнаружена при раскопках в цитадели и богатых верхних кварталах позднесредневекового города, а оконное стекло только во дворцах и богатых домах. Однако простая посуда и дешевые украшения из стекла встречаются, хотя и значительно реже, в центральных и нижних районах шахристана, при раскопках жилищ и более бедной части обитателей Дербента XV–XVIII вв., хотя стеклянные изделия присутствуют в них значительно реже, чем в богатых.

Исследования стекольного производства Дербента позволило выделить три основных периода в его развитии, хронологически совпадающих с периодами развития его гончарного ремесла.

Первый период, VI–VII вв. – зарождение стеклоделия Дербента, которое не получило дальнейшего развития в связи с общим экономическим упадком города во второй половине VII – начале VIII вв., вызванного арабо-хазарскими войнами, в результате которых Дербент неоднократно переходил из рук в руки и подвергался большим разрушениям. На этом этапе местное стеклоделие еще не играло большой роли в экономике раннесредневекового города и количество находок стекла в его слоях невелико, причем значительную часть его составляют импортные изделия. Однако находки в слоях VI–VII вв. шлаков, расплавленных кусочков стекла, бракованных экземпляров и наличие среди материалов города этой поры стеклянной посуды, отличающейся по формам и качеству стекла, причем довольно невысокому, от привозного, в основном ближневосточного импорта, не оставляют сомнения, что эта отрасль городского ремесла все же развивалась в Дербенте хотя роль ее в экономике города, видимо, была невелика.

Новый экономический подъем, начавшийся по окончании арабских завоеваний и определенной стабилизации обстановки во всем этом регионе, способствовал подъему и развитию многих видов ремесленного производства города и в первую очередь такого, чисто городского ремесла, как стеклоделие.

Особую роль в развитии стеклоделия в Дербенте сыграло широкое освоение в городе производства поливы, секрет изготовления которой, скорее всего, был заимствован из крупных ближневосточных центров. Анализ стеклянных изделий этого времени позволил выделить новый этап в становлении стекольного производства в городе – второй период его развития. Этот второй период включает в себя VIII–X вв. в это время происходит не только качественный и количественный (число стеклянных изделий возрастает почти в пять раз) скачок в развитии стеклоделия, но осваиваются принципиально новые виды ремесленной продукции – стеклянные украшения, изготавливаемые с помощью другой технологии, хотя продолжает совершенствоваться и появившаяся в раннесредневековый период техника выдувания стекла становится основным приемом в изготовлении стеклянной посуды, но на данном этапе изделия выдуваются только в форму.

Многочисленность представленной в слоях VIII–X вв. стеклянной посуды и украшений, их разнообразие и довольно хорошее качество показывают, что во второй период своего развития стеклянное производство Дербента достигло большого прогресса и стало играть значительную роль в экономике города.

Наибольший расцвет этого ремесла приходится на XI – сер. XIII вв., когда продукция этого вида производства, судя по ее многочисленности, определенной стандартизации, простоте изготовления и распространению, стала в большей степени рыночным продуктом и изготавливалась на массового потребителя. Стеклянные изделия этого периода не только во много раз превосходят в количественном отношении продукцию первого этапа развития стеклоделия в Дербенте, но сильно отличаются от нее и качественно. В это время появляется новый вид стеклянных изделий – оконное стекло, производимое на Востоке только в очень крупных ремесленных центрах. Освоение ремесленниками Дербента производства оконного стекла, в том числе и цветного, изготовление которого пока не известно на других средневековых памятниках Кавказа, ярко свидетельствует о сильно возросшем уровне стекольного производства города и о новом качественном этапе его развития, который был выделен в третий период развития этого вида ремесла.

К этому периоду развития стеклоделательного производства города относится и обнаруженная в Дербенте стеклоделательная печь, что еще раз, вместе с многочисленными шлаками и бракованными изделиями, подтверждает наличие здесь хорошо налаженного производства и местное происхождение основной части дербентского стекла, образцы которого совпадают с остатками стекла на шлаках и стекломассой из печи. Печь круглая в плане, имеет диаметр несколько больше 1 метра, при высоте более 1,5 м, камера ее заполнена шлаком темно-синего стекла¹. Вообще находки стекольных печей весьма редки и, даже при всем обширном многолетнем изучении средневековых городов средней Азии, исследователи вынуждены признать, что там «до сих пор не обнаружено ни одной хорошей стеклоделательной мастерской»². Подобные мастерские пока не известны на Северо-Восточном Кавказе.

¹ Исаков М. А. Археологические памятники Дагестана. С. 206.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 285.

Высокий уровень развития стеклоделия Дербента, отчетливо прослеживаемый по трем выделенным здесь периодам, служит хорошим показателем всего экономического развития средневекового города в VI – середине XIII вв. в отличие от ряда других ремесел, например, ткачества, ковроделия, обработки кости, гончарства, стеклоделие является специфическим городским ремеслом и может развиваться только при наличии целого ряда необходимых компонентов, включающих как необходимую сырьевую базу, так и весьма сложное оборудование (печи специальных конструкций, способные выдерживать температуру до 1500 °С, большой набор стеклудувных инструментов, квалифицированной рабочей силы и многое другое). Поэтому изготовлять стекло могли только профессионалы-ремесленники, специализирующиеся в этой области и обладающие необходимыми профессиональными знаниями. Все это требовало весьма высокого уровня производства и организации труда, которые могли существовать лишь в значительном, хорошо развитом экономическом центре, так как в противном случае этот вид ремесла не мог получить развития, и как справедливо отмечал О. Г. Большаков «сельского домашнего стеклоделия не существовало»¹.

Многочисленность и разнообразие стеклянных изделий наглядно свидетельствуют, что Дербент VI – середины XIII вв. можно со всем основанием относить именно к таким развитым экономическим центрам. Исследования стеклоделательного производства Дербента освещают не только вопросы развития этого ремесла и отмечают основные периоды его становления, но и позволяют делать определенные выводы об уровне развития ремесленного производства всего средневекового города, об основных этапах его экономического развития.

Ткачество и ковроделие

В отличие от керамического производства и стеклоделия, изучение ткачества и классификация продукции этого, одного из наиболее распространенных видов ремесла, весьма затруднительны из-за очень плохой сохранности изделий, особенно в слоях средневекового города. Подобно гончарству, ткачество не являлось специфически городским ремеслом и могло успешно развиваться как в условиях средневекового города, так и в сельской местности. Однако если качество ковров и дешевых домотканых материй совершенно не зависело от условий и места их изготовления, то выпуск дорогих, высококачественных тканей, видимо, мог развиваться только в городе.

Основные данные об уровне развития в Дербенте текстильного производства и ковроделия содержатся в письменных источниках, связанных с историей средневекового города, но эти сообщения касаются производства лишь тканей высокого качества, составляющих предмет дербентского экспорта, а о массовой повседневной продукции этого вида ремесла можно только предполагать по скудным сведениям археологических раскопок.

Ткачество, судя по данным археологии, развивалось в Дербенте с глубокой древности, о чем свидетельствуют находки многочисленных пряслиц и отпечатков ткани уже в слоях VIII–VII вв. до н. э. и в более поздние периоды. Арабские историки и географы IX–X вв. в своих сообщениях о Дербенте описывают город, как один из

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 285.

известных центров текстильного производства на средневековом Востоке, что позволяет полагать о прочных и глубоких исторических корнях ткацкого ремесла.

Период VI – начала VIII вв.

Экономический подъем и резкое увеличение количества населения Дербента в VI – начала VII вв. способствовал подъему и развитию текстильного производства в городе. В культурных слоях Дербента этой поры отмечены находки истлевших нитяных основ, тлен материи, отпечатков тканей на мягкой земле и специальных керамических и каменных грузиков от ткацких станков. Подобные грузики использовались, в так называемых, вертикальных ткацких станках, для натягивания нитей основы¹. Определенное представление о раннесредневековых тканях, подобные которым, видимо, изготовлялись и в Дербенте VI–VII вв., дают находки текстильных изделий из замка не горе Муг². Основная масса их принадлежит хлопчатобумажным и шелковым тканям, а фрагменты шерстяных материй единичны. Качество хлопчатобумажных тканей весьма низкое и нити слабого кручения с различной плотностью их количества на 1 кв. см (9–33 нити на утку и 9–24 по основе).

Шелковые и шерстяные ткани отличаются значительно более высоким качеством. Они орнаментированы различными узорами и в отличие от хлопчатобумажных изделий окрашены в желтый, красный, голубой, зеленый и другие цвета³. Небольшие, сильно истлевшие фрагменты тканей из слоев города раннесредневековой поры не позволяют судить об их качестве, но в основном это, видимо, простые неорнаментированные изделия.

Как ни скудны данные о ткачестве в Дербенте VI–VII вв., они все же свидетельствуют о развитии этого ремесла в раннесредневековом городе и, расцвету текстильного производства в IX–X вв., Дербент видимо, обязан в значительной мере этому этапу. Изучение текстильного производства средневековых городов Переднего и Среднего Востока показало, что большинство известных центров текстильного производства мусульманского времени возникло на базе аналогичных центров раннесредневекового периода⁴.

Период VIII–X вв.

Новый этап в развитии текстильного производства города начался в арабское время. Этот период ознаменовался небывалым расцветом ткацкого ремесла, когда его продукция стала одним из основных предметов дербентского экспорта. В IX–X вв. средневековый город выступает, как один из крупнейших центров ткацкого производства на Кавказе, специализировавшийся на изготовлении полотняной одежды и льняных тканей, слава о которых широко разошлась по всему средневековому Востоку. Это был период не только количественного, но и качественного роста дербентского текстильного производства. Здесь выпускается высококачественное полотно и льняные изделия, которых не изготовляли ни в одном другом городе Кавказа и большинстве крупнейших ремесленных центров мусульманского Востока. Ал-Истахри

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 98.

² Винокурова М. П. Ткани из замка на горе Муг. – ИООН АН. Тадж. ССР, в. 14. – Душанбе, 1957.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 93.

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелководства. – СА, 1961, № 2.

прямо указывал: «Из /всех мест/ Аррана, Армении и Азербайджана льняные ткани находятся только здесь»¹. О высоком качестве и ценности дербентских тканей свидетельствуют многочисленные сообщения арабских историков и географов IX–XIII вв., писавших, что это льняное полотно вывозили во многие страны², «и нет нигде таких одежд, кроме как здесь»³. По данным ал-Истахри из Дербента «вывозятся льняные одежды (ткани)»⁴, вывозили верхнюю одежду из полотна⁵. У Балами перечисляются те страны, в которые шла продукция дербентского текстильного производства и среди них названы такие развитые области, как Азербайджан, Иран, Фарс, Керман, Табаристан, Хоросан⁶, являвшиеся в средневековую эпоху крупнейшими производителями самых разнообразных тканей и ткацких изделий. Этот автор сообщает и название выпускаемых в Дербенте тканей: «В этом городе (Баб ал-абвава – А. К.) производят ткани, называемые махсури»⁷. Большой спрос на эти ткани «масухри» и полотняные одежды, о котором единодушно сообщали Истахри, Ибн-Хаукал, Балами, Йакут и другие арабские авторы, и обширный перечень областей, куда их вывозили, красноречиво свидетельствует о высоком качестве дербентской продукции, о ее обширном выпуске и о замечательной конкурентоспособности этих изделий, сумевших потеснить на средневековых рынках прекрасные ближневосточные и среднеазиатские ткани.

Очевидно, что наряду с подобными высококачественными изделиями, идущими в значительном количестве на экспорт, в средневековом городе выпускали и более простые дешевые ткани, широко использовавшиеся в повседневном быту.

Для широкого развития ткацкого производства льняных тканей, составлявших главный текстильный экспорт города, необходимо было большое количество сырья, которое и составляло основу местного ткачества. Благоприятные климатические условия и наличие плодородных земель в этом районе способствовали успешному разведению здесь льна, который был известен, судя по лингвистическим и этнографическим данным, и для других районов Дагестана: «Даргинцы называют лен – урбеч, лакцы – турт (полотно – чатан), дидойцы – кумели»⁸. Причем, лен культивировался на волокно и на семена, т. е. высеивался волокнистый лен и лен-долгунец⁹, двустороннее использование которого было известно с давних пор¹⁰.

С широким развитием в Дербенте ткачества было связано разведение здесь большого количества марены, которую по сведениям Ибн Хаукаля, выращивали на двух островах Баб ал-абвава и в областях Варсана, от пределов Баб ал-абвава до Тифлиса. Марена – прекрасный краситель, вывозившийся из Дербента во многие области

¹ *Ал-Истахри*. Книга путей и царств. Пер. В. Ф. Минорского. – В кн.: История Ширвана и Дербента. С. 168.

² *Ал-Истахри*. Книга... Пер. В. Ф. Минорского. С. 168; *Ибн-Хаукал*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. С. 88.

³ *Ал-Истахри*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. С. 11.

⁴ *Ал-Истахри*. Книга... Пер. В. Ф. Минорского. С. 168.

⁵ *Ibn Haukal*. Viae et regna. // BGA. II. Lugduni Batavorum, 1873. P. 281.

⁶ Chronique de Abou – Djafar – Mohammed ben Djarir ben Jesid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali-Mohammed Belami... / par. M. H. Zotenberg. P., 1867–1874. T. 3. P. 494.

⁷ Там же.

⁸ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X–XIV вв. – Махачкала, 1975. С. 23.

⁹ Там же.

¹⁰ Технические культуры. Под ред. И. В. Якушина и В. С. Кузнецова. М., 1955. С. 66.

средневекового Востока, вплоть до Индии, находила очень широкое применение в текстильной промышленности и употреблялась в качестве красителя до изобретения химического заменителя ее – алазарина. Широкое мареноводство в Дербенте было связано не только с экспортом этого красителя, но и с развитием местного высококачественного ткацкого производства и ковроделия, так как простые дешевые ткани, согласно исследований находок текстильных изделий из замка на горе Муг, окрашивались редко¹.

Широкое распространение получило в Дербенте выращивание другого красителя – шафрана, который, как и марена, использовался в текстильном производстве и придавал изделиям ярко-желтую и оранжевую окраску. Арабские авторы IX–X вв. особо подчеркивали разведение в Дербенте этой культуры², указывая на краситель-шафран, как на одну из достопримечательностей города: «В ал-Бабе /выращивают/ также шафран»³. В отличие от марены, которая производилась и вывозилась из Дербента вплоть до XX века, в послемонгольское время шафран упоминается значительно реже среди культур, выращиваемых здесь.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют, что в период VIII–X вв. Дербент превратился в один из крупнейших на Кавказе центров текстильного производства, высококачественная продукция которого широко расходилась по всему средневековому Востоку.

Археологические исследования зафиксировали в слоях города XV–XVIII вв. разнообразные керамические и каменные грузики, служившие в вертикальных ткацких станках для натягивания нитей основы. В отличие от подобных грузиков из слоев сасанидского времени (VI–VII вв.), в основной своей массе однообразных, подобные изделия, связанные с ткацким производством средневекового города (VIII–XVIII вв.), более разнотипны. И. Б. Бенткович считает, что употребление разнотипных грузиков в вертикальных ткацких станках было связано с использованием разноцветных нитей, когда каждому типу грузика мог соответствовать свой цвет⁴. Если это предположение верно, то подобные находки могут служить дополнительным свидетельством изготовления в Дербенте полихромных тканей, выпуск которых обуславливался и практически неограниченным наличием дешевого местного красителя.

О ковроделии средневекового Дербента до нас дошло мало конкретных письменных сведений, но данные одного из списков сочинения Балами (издан Б. А. Дорном) о Баб ал-абваве и его окрестностях, сообщавшего, что «в этих городах ткут паласы (зилу)»⁵, позволяет говорить о существовании в средневековом городе изготовления ковров, зафиксированного письменно уже с периода X в. Эти данные подтверждаются находками в культурных слоях Дербента XV–XVIII вв. предметов, связанных с ковроделием – специальных костяных приспособлений для завязывания и уплотнений узлов ковра, костяных гребней для шерсти. О широком производстве ручных шерстяных ковров в Дербенте и почти во всех населенных пунктах Южного Дагестана сообщают многие авторы XIX–XX вв. Эта традиция не утрачена в Дагестане до настоящего времени. Сегодня в Дербенте и селениях Южного Дагестана существуют

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 93.

² Ал-Истахри. Книга... Пер. В. Ф. Минорского. С. 168; *Ibn Haukal. Viae et regna*. P. 281.

³ Ал-Истахри. Книга... Пер. В. Ф. Минорского. С. 168.

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 98.

⁵ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 23.

фабрики ручного производства ковров и паласов, а так же специфических местных носок (джурабов), вязаных тапочек и других ковровых изделий, основная часть которых изготавливается надомным способом, т. е. производители ковров (женщины) работают дома.

Период XI – сер. XIII вв.

В XI – сер. XIII вв. ткацкое производство в Дербенте получило дальнейшее развитие. В городе продолжается выпуск высококачественных льняных тканей и полотняных одежд. В географическом словаре Йакута, составленном в 1225 г., автор в статье «ал-Баб» (I, С. 437–442) дополняет сведения Истахри рядом интересных подробностей о текстильном производстве города, заимствованных из неизвестных источников¹. Этот автор сообщает не только об изготовлении льняных тканей в Дербенте, но и о производстве их в «его рустаках». Этот факт особенно важен, так как указывает на широкое развитие в городе и его округе текстильного производства накануне монгольского нашествия и взятия Дербента (1239 г.). Видимо, именно монголы нанесли невосполнимый ущерб производству в Дербенте льняных изделий, так как «авторы XIII–XIV вв. уже не упоминают о выращивании льна, нет льна и в числе товаров, идущих через Дербент»². Видимо, с прекращением выпуска определенных видов ткани в городе послемонгольской поры, надо связывать отсутствие упоминаний в источниках после середины XIII в. шафрана, производство которого в домонгольское время было широко распространено в Дербенте. Йакут, составлявший свой словарь перед самым монгольским нашествием на город, сообщает о выращивании здесь шафрана, что может служить подтверждением сообщений о высоком уровне развития ткацкого ремесла Дербента.

Вероятно, уже с XI века в Дербенте начинают производить шелковые ткани, выпуск которых продолжался до XIX века. Дербент стал выступать не только одним из известных посредников в транзитной торговле этим знаменитым товаром на «Великом шелковом пути», но и крупным его производителем.

Новым явлением в ткацком производстве Дербента XI – сер. XIII вв. было освоение выпуска шелковых тканей. Письменные источники не донесли до нас конкретных данных по истории возникновения шелководства в средневековом городе и времени, с которого в Дербенте началось изготовление шелковых изделий, но можно предположить, что произошло в XI в. Арабские историки и географы IX–X вв., касавшиеся вопросов текстильного производства Дербента, еще не сообщают никаких сведений о шелководстве или изготовлении здесь шелковых тканей, а уже в сочинении дербентского ученого Абу Бакра Мухаммада б. Муса б. Ал-Фараджа ад-Дербенди, составленном в Дербенте в середине XI в., подобное сообщение имеется. В этом труде, называемом «рейхан ал-хакаик во бустан ад-дакаик» (Базилик истин и сад тонкостей), арабо-язычный список которого был обнаружен и подготавливается к изданию М.-С. Саидовым³, есть упоминание о шелководстве (хаззаз), названного в числе других слушателей суфийских меджлисов Дербента⁴.

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 20.

² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 38.

³ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммеда б. Муса б. Ал-Фараджа ад-Дербенди. – РФ ИИЯЛ. Ф.3, оп. 1, д. 94. С. 5–7; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 124.

⁴ Там же.

Данные о производстве шелка и парчовых тканей на Восточном Кавказе, в том числе и Дербенте, названным в источнике «Железными воротами»¹, приводит в своем сочинении марко Поло (род. 1254 г.).

Этот знаменитый венецианский путешественник, описав Дербент – Железные ворота «между горами и морем», отмечает: «Много тут шелку; выделяют здесь шелковые и золотистые ткани; таких красивых тканей нигде не увидишь»². Конечно, здесь речь идет не только о Дербенте, а обо всем Восточном Кавказе, но эти сведения Марко Поло особенно важны в связи с сообщением автора XI в. Абу Бакра ал-Дербенди. Производство шелка на Восточном Кавказе в этот период было столь велико, что генуэзские купцы для успешной торговли на Каспии и доставки его в Европу «перевезли сюда свои суда. Отсюда идет этот шелк, что зовется Желл»³.

В свете этих сообщений следует вспомнить сообщение автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о том, что жители соседнего с Дербентом селения Зирихгеран (Кубачи) использовали при погребении своих умерших богатые материи, парчовые ткани, шелк⁴, которые видимо, попадали сюда из Дербента и могли быть частично или целиком продукцией его текстильного производства.

В более поздний период, в XIV–XVIII вв., Дербент выступает уже широко известным центром производства шелка⁵ и шелковые ткани и атлас даже вывозился отсюда в Русское государство⁶ и Западную Европу. Значительное шелкоткацкое производство сохранил город и в позднем средневековье, когда, по сообщению побывавшего здесь в конце XVIII в. П. Г. Буткова, в Дербенте имелось «фабрик небольших шелковых материй 30»⁷.

Все это позволяет утверждать, что, уже начиная с периода XI–XIII вв. в Дербенте было освоено производство шелковых, а, возможно, и парчовых тканей, которое продолжало существовать и активно развиваться в городе поселемонгольского времени. Находки в слоях Дербента XV–XVIII вв. кабаньих клыков, с отполированными до блеска краями⁸, могут служить дополнительными аргументами в пользу выска-

¹ Хотя Марко Поло упоминает Железные ворота в разделе о Грузии, но нельзя предположить, что речь идет о Дарьяльском ущелье, так как ворота описаны им в теснине «между морем и горами». Видимо, под Грузией он понимал весь Северный Кавказ, так как упоминаний о Ширване или других феодальных владениях Азербайджана у него нет, хотя Каспийское море и его побережье описаны подробно. См.: *Марко Поло. Путешествие*. Пер. Минаева И. П., ком. Кунина К. Н. – Л., 1940. С. 19–23. Следует отметить, что Железными воротами Дербент в XIII–XV вв. именуют все европейские путешественники. См.: *Рубрук. Путешествие...* С. 169, 170.; *Клавихо. Дневник...* С. 231, 232; и другие.

² *Марко Поло. Путешествие*. Пер. Минаева И. П., ком. Кунина К. Н... С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ *Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати...*, пуб. Большакова О. Г., Монгайта А. Л. С. 50 и сл.

⁵ *Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв.* С. 38.

⁶ *Барборо Иосафат. Путешествие*. – В кн.: *Путешественники об Азербайджане*. Состав. Ямпольский З. И. – Баку, 1961. С. 74; *Контарини Амброзио. Путешественники об Азербайджане*. С. 92–93.

⁷ *Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем», 1796.* – В кн.: *История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.* Под ред. Косвена М. О. И Хашаева Х-М. М., 1958. С. 202.

⁸ *Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982.* с. 171–172; он же. *Феодалный Дербент*. – М., 1993. с. 168.

занного мнения о производстве в позднесредневековом городе дорогих парчовых и золототканых изделий. Кабаньи клыки, обычно, употреблялись на Кавказе в качестве гладил при заглаживании швов на коже и ткани¹ и применялись с подобной целью, например, в хозяйстве осетин вплоть до XX в.². Особенно широко использовались подобные клыки, согласно имеющимся данным, при шитье серебряной и золотой нитью (канителью)³, что позволяет предположить использование их для подобных же целей в Дербенте. То обстоятельство, что в большинстве своем клыки были найдены на территории цитадели и привилегированной верхней части города, может служить подтверждением высказанных предположений об их назначении.

Исследования ткацкого производства Дербента XV–XVIII вв. не оставляют сомнения, что в указанный период город был одним из крупнейших на Кавказе центров текстильного производства и этот вид городского ремесла находился здесь на высоком уровне.

Можно выделить три основных периода развития этого ремесла в VI–XIII вв., которое, судя по имеющимся данным, переживало на каждом из них не только количественные, но и качественные изменения.

Первый период, приходящийся на VI – начало VIII вв., был связан с развитием и становлением текстильного производства раннесредневекового города, когда в массовом количестве выпускались в основном дешевые простые ткани, удовлетворявшие широкий спрос местного рынка. Высококачественные ткани, видимо, являлись предметом ближневосточного импорта и привозились, вероятнее всего, учитывая, политические и экономические связи Дербента, из сасанидского Ирана.

Второй период, относящийся к VIII–X вв. был связан с расцветом производства льняных тканей и полотняных одежд в Дербенте и город в это время превращается в самый известный на Кавказе центр ткацкого производства. В отличие от первого периода, в это время значительную часть дербентской продукции составляют высококачественные ткани, вывозившиеся во многие страны мусульманского Востока и Кавказа. Многочисленные сообщения о выращивании в средневековом Дербенте и его окрестностях марены и шафрана, являвшихся хорошими стойкими красителями, позволяют говорить, учитывая уровень развития текстильного производства города, об изготовлении здесь окрашенных и орнаментированных тканей. К этому периоду относятся и первые письменные, а также археологические данные о ковроделии в Дербенте.

Третий период развития ткацкого производства Дербента, приходящийся на XI–XIII вв., был отмечен зарождением в городе шелководства и началом изготовления шелковых, а, возможно, и парчовых тканей. С этого времени и вплоть до XIX в. Дербент был известен как один из центров производства шелковых и атласных материй на Кавказе. Развитие шелкоткацкого производства, видимо, вытеснило льняные ткани, об изготовлении которых нет никаких сведений в послемонгольское время.

Изучение ткацкого шелководства и выпуска тканей в Дербенте показало, что этот вид ремесла был одним из ведущих в экономике средневекового города и наи-

¹ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // Археологические раскопки в районе Змейской. Северная Осетия. Орджоникидзе, 1961. с. 130.

² Там же.

³ Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1982. С. 114.

большой его расцвет приходится на второй период развития, когда слава о дербентских полотняных одеждах и льняных тканях разносится по всему средневековому Востоку.

Широкое развитие шелководства и выпуска шелковых тканей в Дербенте значительно повлияло на производство льняных изделий, и, видимо, вытеснило, совместно с хлопчатобумажными тканями, последнее. В послемонгольское время источники не упоминают о льноводстве, ни о льняных тканях и полотняных одеждах города. Прекращение выпуска льняных изделий в Дербенте послемонгольской поры отразилось на роли города в ткацком производстве Кавказа, и он утрачивает свое ведущее положение, так как шелковые материи, в противоположность льняным, выпускаемым только в Дербенте, в больших количествах производились во многих городах Ирана, Ширвана и других областях Переднего и Среднего Востока.

Металлообработка

Среди археологических материалов Дербента VI – сер. XVIII вв. в большом количестве встречаются изделия из металла, свидетельствующие о том, что металлическое оружие и орудия труда самого различного назначения широко использовались в быту средневекового города. Письменные источники не донесли до нас никаких конкретных данных о металлообрабатывающем производстве Дербента послемонгольской поры и уровне его развития, к сожалению, пока не обнаружены и кузнечные мастерские, но находки криц, орудий труда, связанных с металлообработкой, меднометаллических шлаков и большое разнообразие металлических предметов, самого различного назначения в слоях города этой поры не оставляют сомнений в наличии здесь местной металлообработки и связанных с ней ремесленных профессий.

Вопросы добычи и выплавки металла в этот период в историографии Северо-Восточного Кавказа пока еще слабо разработаны и сегодня известно мало сведений о древних местах разработки руд¹ и металлоплавильных печах этого времени². Процесс освоения железа начался для Северо-Восточного Кавказа на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и успешно развивался в последующие периоды. Наиболее распространенным был сыродутный способ получения железа³, который вероятно, был характерен и для дербентского производства. Пока неясным остается вопрос о том, доставлялось ли все сырье в Дербент в виде криц, или сюда привозили и руду, из которой на месте выплавляли металл. Находки криц уже в слоях города раннесредневековой поры⁴ не оставляют сомнений, что подобный способ доставки сырья для металлообработки существовал в Дербенте, но, возможно, в город доставлялась и руда, обогащенная или сырая.

Обломки керамических сопел в виде трубок с утолщенными концами, литейные формы, тигли, ошлакованные куски металла, металлические шлаки, крицы и очажные

¹ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. С. 221–226.

² Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. – Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1970. С. 10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента. – В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дербента. – Махачкала, 1977. С. 79.

пятна и развалы горнов были обнаружены во всех слоях средневекового города, в том числе и VI – сер. XIII вв., но для периода VI–VII вв. они сосредоточены у южной стены в районе, лежащем немного выше ворот Орта-капы и Джума-мечети¹, а в VIII–XIII вв. основным местом их находок являются более нижние северо-восточные районы города².

Пока в Дербенте не найдено горнов хорошей сохранности (имеются лишь очажные пятна с кусочками криц, окалиной и шлаками с капельками металла), позволяющих детально представить конструкцию подобных сооружений, но значительное их сходство с горнами наиболее исследованных кузнечных мастерских, с которыми впервые удалось подробно ознакомиться при раскопках Пенджикента³, имеющих близкие параллели с дербентскими, позволяют составить о них впечатление. Все горны из трех пенджикентских мастерских (по одному в двух и два в третьей) представляли собой кубовидные сооружения, в которых крупные хумы, перевернутые горловиной вниз, были обложены кирпичом, служившим изоляционным футляром и придававшим устойчивость всему сооружению⁴. В одной из стенок внизу горна имелось отверстие, куда вставлялось керамическое сопло, соединенное с мехами, нагнетавшими воздух⁵. Представляется вероятным, что подобный простой тип горна был распространен и в средневековом Дербенте, тем более что подобные сооружения были обнаружены в слоях Дербента VIII–XIII вв.⁶, но, к сожалению, определенно связать их с металлообработкой не представляется возможным.

В отличие от керамического, стеклоделательного, ткацкого и некоторых других ремесел средневекового города в металлообработке не удалось четко выделить качественные изменения, отмечавшие различные этапы его развития этого ремесла, имеющие свои специфические особенности.

Период VI – нач. VIII вв.

Военно-стратегическое положение города, как одного из главных опорных пунктов в борьбе с кочевниками на северных границах сасанидского Ирана, с крупным гарнизоном и большим числом военных поселенцев, потребовало значительного количества наступательного и оборонительного вооружения, предметов конского снаряжения и многочисленных вспомогательных изделий из металла, что отразилось на металлообработке города этого времени. Большое количество металлических деталей необходимо было для фортификационного строительства, при котором для крепления блоков стен и башен, по данным письменных источников, использовались скобы, штыри, жидкий свинец⁷.

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента. – В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дербента. – Махачкала, 1977. С. 79.

² Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. и др. Новые данные об исторической топографии Дербента. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. Махачкала. 1978. С. 13–14.

³ Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. С. 69.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же.

⁶ Кудрявцев А. А. Указан. отчет за 1972 г.; его же. Указ. отчет за 1973 г.

⁷ Бартольд В. В. Дербент. Соч. – М., 1965. т. III. С. 422.

Предметы вооружения представлены в слоях Дербента этой поры наконечниками стрел, копий, фрагментами панцирных пластинок, ножей и мечей.

Наконечники стрел занимают первое место по количеству находок среди предметов вооружения этого периода. Они представлены в основном четырьмя типами: трехлопастными, трехгранными, округловатыми, плоскочерешковыми. Все представленные в этом слое наконечники черешкового типа и довольно крупные, что было связано с усилением защитного вооружения. В VI–VII вв. тяжеловооруженная конница являлась основным ударным родом войск, представители которого были хорошо защищены пластинчатым панцирем или кольчужной рубахой, пробить которые можно было только тяжелыми крупными наконечниками. Трехлопастные наконечники небольших размеров были распространены у кочевых племен и в частности у сарматов еще в III–II вв. до н. э., а более крупные подобные наконечники типичны для I–III вв. н. э.¹ и бытовали в этот период в Дербенте². Широко встречаются они в VI–VIII вв., также как и округлые плоскочерешковые наконечники, на памятниках хазарского времени в Северном Дагестане³.

Наконечники копий встречаются в слоях раннесредневекового города значительно реже. Это связано как с их наименьшим использованием (воин мог иметь десятки стрел и одно копьё), так и спецификой применения этого вида оружия, способствовавшей продолжительной службе копья и многократности использования. Копья представлены в основном двумя типами наконечников, различающихся между собой формой пера. Оба типа наконечников копий, судя по сохранившимся фрагментам, имели большие размеры. Первый из них, с цилиндрической втулкой и листовидно-вытянутым или заостренно-коническим пером, достигал в длину до 30 см, а второй – с аналогичной втулкой и листовидно-вытянутым или заостренно-коническим пером 20–25 см.

Перья первого типа встречаются в материалах кочевничьих памятников VII–VIII вв. Северного Дагестана⁴, а вторые наконечники более типичны для закавказских и среднеазиатских памятников⁵.

Мечи и ножи представлены в слоях Дербента VI–VII вв. очень незначительными обломками, которые не позволяют судить об их формах. Можно лишь отметить, что мечи имели обоюдоострые клинки с плоскочерешковым насадным завершением рукояти, а ножи однолезвийные, с прямой или чуть изогнутой – утолщенной спинкой, сужающейся к лезвию и прямоугольным или квадратным насадным черенком. Подобные мечи и ножи широко представлены в материалах памятников Дагестана и Кавказа V–IX вв.⁶

¹ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. – МАД, т. II. – Махачкала, 1961. с. 213–215, рис. 38, 39.

² Кудрявцев А. А. Первые исследования досасанидского Дербента. – В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. – Махачкала, 1977. С. 144.

³ Магомедов М. Г. Верхнечирюртовский курганный могильник. – В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. – Махачкала, 1977. С. 16, 29, рис. 4, 9.

⁴ Там же. С. 24, рис. 7, 23.

⁵ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо. – СА, 1961, № 1. С. 286, рис. 3; Казиев С. М. О некоторых типах оружия из Мингечаура. – МКА, т. II, Баку, 1951. С. 17, 19, 29, табл. IV, V; Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 76, 78, рис. 44.

⁶ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо... С. 286, рис. 3; Алексеева Д. М. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. – М., 1971. С. 321, 323, рис. 206;

Защитное вооружение встречается в раннесредневековых слоях города редко, что связано, видимо, со спецификой сохранности подобных предметов в культурных отложениях памятника подобного Дербенту. Этот вид металлических изделий представлен остатками пластинчатых панцирей, дошедших в виде сильно деформированных в результате коррозии прямоугольных пластин, длиной 7–10 см, шириной 3–7 см, со следами отверстий и заклепок по краям. Не исключено, что пластины могли иметь округлый или листообразный конец, но установить это из-за плохой сохранности изделий не представляется возможным.

Пластинчатые панцири и кольчуги были типичным защитным вооружением тяжелой конницы и широко применялись в раннесредневековый период на Ближнем Востоке, Кавказе, Средней Азии и Восточной Европе. Подобные панцири были обнаружены в погребениях VII–VIII вв. знатных кочевников на памятниках Северного Дагестана хазарского времени¹, среди аналогичных материалов раннесредневековых городов Средней Азии² и в других местах.

Предметы конского снаряжения из металла представлены подпружными пряжками и фрагментами удила, первые из которых весьма крупных размеров и имеют в основном четырехугольную, редко округлую форму, а вторые не дают четких представлений о формах и типах, так как обнаружены лишь в виде отдельных колец, стержней звеньев и сильно деформированных обломков.

Предметы конской сбруи, подобные дербентским, широко бытовали в VI–VIII вв. на обширной территории и известны как на раннесредневековых памятниках Дагестана³ и Кавказа⁴, так и из других мест⁵. Предметы военного назначения, в общем, составляют около 50% от общего количества металлических вещей.

Бытовые предметы составляют хотя и многочисленную (около 40 %), но весьма однообразную группу металлических изделий Дербента VI – нач. VIII вв. В основном это разнообразные долота, скобы, стержни, кольца, гвозди, причем последние разделяются на три типа: с округлым стержнем и шляпкой, с квадратным пирамидовидным стержнем и круглой шляпкой, костылевидные с массивной шляпкой.

Определять назначение целого ряда других слоев города не позволяет их плохая сохранность.

Исследования металлических изделий из раннесредневековых слоев города VI – нач. VIII вв. дают основания считать, что в этот период развитие металлообрабатывающего ремесла Дербента было в большей степени направлено на удовлетворение его военных потребностей и, прежде всего на изготовление предметов вооружения. Это объяснялось тем, что Дербент в этот период в первую очередь был городом-крепостью, крупнейшим оплотом Сасанидов на Кавказе, а уже потом экономическим

216; *Якобсон А. Л.* Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г. – МИА, 1965, № 133. С. 19, рис. 9.

¹ *Магомедов М. Г.* К вопросу происхождения культуры Верхнечирюртовского курганного могильника. – В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. – Махачкала, 1977. С. 40–43, рис. 15.

² *Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 77–78, рис. 46.

³ *Магомедов М. Г.* К вопросу происхождения... С. 46.

⁴ *Якобсон А. Л.* Археологические исследования на городище... С. 19, рис. 9.

⁵ *Очерки истории СССР, III–IX вв.* – М., 1958. С. 583; *Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 77, рис. 45.

центром, его военно–политическая роль была значительно выше торгово-экономической, и это нашло свое отражение и в составе населения города, и в развитии ремесел.

Период VIII – середины XIII вв. Этот период в развитии металлообработки Дербента ознаменовался резким увеличением выпуска изделий из металла самого различного назначения. В слоях города VIII–XIII вв. металлических предметов было обнаружено почти в десять раз больше, чем в раннесредневековых. Однако этот период в развитии металлообрабатывающего ремесла Дербента ознаменовался не только количественными, но и качественными изменениями. В это время не только значительно увеличивается изготовление металлических изделий, но изменяется соотношение предметов вооружения и предметов быта и в слоях города VIII–XIII вв. находки оружия составляют не менее 20 % от общего количества обнаруженных металлических изделий, большая часть которых является орудиями труда.

Вооружение этого периода представлено оружием наступательным и защитным, а также предметами конской сбруи.

Наступательное оружие в основном состоит из наконечников стрел, копий, фрагментов ножей, сабель, кинжалов.

Наконечники стрел составляют одну из самых многочисленных групп наступательного оружия, обнаруженного в слоях города VIII–XIII вв. они представлены семью основными типами изделий с большим количеством вариантов. Широкое распространение такого защитного вооружения как кольчуга способствовало появлению специальных наконечников стрел нового типа – бронебойных, особенно характерных для периода XI–XIII вв. Бронебойные стрелы имели длинные узкие черешковые наконечники треугольного, четырехугольного, ромбовидного или ромбовидно-многогранного сечения. Основными типами являются черешковые наконечники следующих форм: 1. ромбовидные плоско-выпуклые; 2. ромбовидные, округло-вытянутые, плоские; 3. округлые тонкие, сильно вытянутые, конические; 4. квадратные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 5. треугольные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 6. ромбовидные, иногда ромбовидно-многогранные у основания, тонкие, заостренные к концу; 7. плоские, остролисто-вытянутые. Все наконечники имеют большие размеры и длинный черенок, для прочного крепления в древке стрелы.

Особенно многочисленны, как уже отмечалось, узкие бронебойные наконечники, длина которых без черешка достигает до 5–7 см, при толщине сечения у основания всего в 0,5–0,7 см. подобный кованый наконечник мог пробивать и панцирь, но особенно уязвимыми были против него кольчужные кольца, которые он прорывал благодаря своей форме. В том случае, если спайки или клепки колец кольчуги выдерживали удар, воин все равно получал ранение, благодаря проникновению тонкого конца наконечника на некоторую глубину в отверстие кольца. Наибольшее распространение подобные наконечники нашли в XII–XIII вв.¹ Эти наконечники были очень просты в изготовлении и легко выковывались из заготовок стержней. О том, что они изготовлялись в Дербенте, свидетельствуют находки заготовок для них. Почти все выявленные в слоях Дербента формы наконечников находят себе широкие параллели среди аналогичных предметов вооружения памятников VIII–XIII вв.

¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. – САИ, Е 1-36, 1966. С. 83 (тип 90), С. 153, табл. 21.

Дагестана¹, Северного Кавказа², Закавказья³, Восточной Европы⁴, Южного Урала⁵ и других областей⁶.

Наконечники копий составляют немногочисленную группу изделий из металла среди находок предметов вооружения. Однако, вряд ли это связано с их незначительным распространением в вооружении средневекового войска, а скорее объясняется спецификой использования копий, не способствующей их сохранности в материалах средневекового города. Следует отметить, что находки копий в культурных напластованиях древних и средневековых городов весьма редки.

В слоях Дербента VIII–XIII вв. было обнаружено две разновидности наконечников копий, позволяющих судить о форме этих изделий и четыре фрагмента наконечников, формы которых можно представить лишь предположительно по аналогии с целыми. Наконечники копий этого периода представлены тремя типами: 1. простые, втульчато-конические; 2. плоские, остролисто-вытянутые, черешковые; 3. остролисто-вытянутые, ланцетовидные, с конической втулкой.

Первый тип, наиболее распространенный ввиду простоты изготовления, представляет собой конус, свернутый из железного листа треугольной формы, конец которого хорошо прокован и иногда имеет квадратное сечение.

Второй тип наконечников применялся, видимо, в дротиках, чем объясняется его более вытянутые формы и несколько меньшие размеры.

Третий тип наконечников, сохранившийся фрагментарно, был характерен для подобного вида вооружения и в предшествовавший период, но в средневековых образцах втулка более массивная и больших размеров. Применение более узкого пера «было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым панцирем»⁷, еще более это справедливо для кольчуги.

Копья подобные дербентским, были широко распространены на обширной территории и находки подобных наконечников известны в Дагестане⁸, на Кавказе⁹, в Восточной Европе¹⁰ и Средней Азии¹¹.

¹ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии. – МАД, Махачкала, 1961. т. 2. С. 241, 244, рис. 18, 24.

² Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история... С. 333, рис. 276; С. 341, рис. 326; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник... С. 72, рис. 8.

³ Яacobсон А. Л. Раскопки на городище Орен-кала в 1953–1955 гг. – МИА, № 67, 1959. С. 142, рис. 111.

⁴ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. – САИ, вып. Е 1-19, М., 1973. С. 77, табл. 29; С. 78, табл. 30; С. 86, табл. 38; С. 87, табл. 39.

⁵ Мажитов Н. А. Южный Урал в XII–XIV вв. – М., 1977. С. 198, табл. 1.

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. С. 83, 153, табл. 21; Халикова Е. А. Билярские некрополи. – В кн.: Исследования великого города. – М., 1976, с. 116, рис. 63.

⁷ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. – МИА, № 101, 1961. С. 73.

⁸ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо... С. 286, рис. 3; Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. – МАД, т. II. – Махачкала, 1961. С. 277, рис. 6.

⁹ Яacobсон А. Л. Археологические исследования на городище... С. 19, рис. 9.

¹⁰ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. – САИ, вып. Е 1-19, М., 1973. С. 51, табл. 3; С. 63, табл. 15; С. 65, табл. 17; С. 66, табл. 18; С. 71, табл. 23, с. 75, табл. 27 и др.; ее же. От кочевий к городам. – М., 1967. с. 159–160, рис. 43.

¹¹ Треножкин А. И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. – Тр. ИИА АН Уз.ССР, т. 1, Ташкент, 1948; Деревянко Е. И. К вопросу о вооружении мохэского воина. – В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск. 1975. С. 195. рис. 2.

Сабли, ножи, кинжалы (мечи) представлены довольно значительным количеством изделий в основном фрагментарного характера.

Новым видом оружия, появившимся в данный период в Дербенте были сабли. Находки их весьма малочисленны и представлены всего тремя фрагментами, один из которых относится к периоду VIII–IX вв., а два других – к XI–XIII вв. Сабля, как вид наступательного оружия, была занесена в Восточную Европу кочевниками Центральной Азии.

Появление и быстрое распространение сабель в южнорусских степях и на Северном Кавказе исследователи связывают с аланами¹.

Слабо изогнутые сабли известны на памятниках северного Дагестана VII–VIII вв. и появление их связывается с кочевыми племенами Хазарского каганата². Это удобное и эффективное наступательное оружие могло быть перенято дербентскими воинами и от хазар, и от арабов. Салтовские сабли относятся к группе слабоизогнутых короткоконечных³, и сабля из слоев VIII–IX вв., с довольно широким слабо изогнутым клинком, напоминает оружие этого типа, близкого, как отмечалось исследователями, к позднеарматским мечам.

Сабли из слоев Дербента XI–XIII вв. имеют значительно более изогнутый высококачественный клинок и близки к подобным восточным изделиям.

В средневековый период сабля высоко ценилась как на мусульманском Востоке, так и восточной Европе. С. А. Плетнева справедливо отмечает, что у кочевников, для которых этот вид оружия является наиболее распространенным, «сабля была очень дорогим оружием, и положить ее в могилу могла только богатая семья»⁴. Относительная малочисленность находок этого вида наступательного оружия в Дербенте, как и в слоях многих других городов средневекового востока, объясняется спецификой использования сабель, и ценностью даже поломанного высококачественного клинка (для изготовления ножей, орудий труда). Ножи в слоях средневекового города представлены значительно шире, хотя только наиболее длинные из них, типа кинжалов, безусловно, являлись оружием, а ряд других могли иметь и бытовое значение. Все они однолезвийные. Различной величины, от 15 см до 35 см, спинка прямая или несколько изогнутая, рукоять завершается черешковым насадом. Три фрагмента принадлежат двулезвийным ножам типа кинжала или короткого меча. На бытование этого типа оружия указывают находки наконечников и ножен из железа, меди, серебра.

Подобные ножи были широко распространены в VIII–XIII вв. на обширной территории и известны в материалах памятников Дагестана⁵, Кавказа⁶, Восточной Европы⁷ и других областей. Видимо, не все из выявленных ножей являлись предметом

¹ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. – СА, XXIII, 1955. С. 165.

² Магомедов М. Г. К вопросу происхождения... С. 42.

³ Мерперт Н. Я. Из истории оружия... С. 134.

⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 157.

⁵ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники... С. 232, рис. 8; он же. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. – Махачкала, 1963. С. 166.

⁶ Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки на городской стене Оренкалы в 1953–1954 гг. – МИА, № 67, 1959, С. 163, рис. 18; Якобсон А. Л. Раскопки на городище... С. 142, рис. 111; его же. Археологические исследования на городище... С. 19, рис. 9; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история... С. 339, табл. 31.

⁷ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. С. 51, табл. 3; С. 52, табл. 4; С. 66, табл. 18 и др.

вооружения, но наиболее длинные из них, типа кинжалов, подобно аналогичным салтовским изделиям, служили оружием.

Конская сбруя в материалах средневекового Дербента представлена подпружными пряжками, удилами, фрагментами стремян, подковами. Пряжки и удила в основном крупные, квадратной, реже округлой формы, находят близкие аналогии в материалах средневековых памятников Дагестана¹, Северного Кавказа², Восточной Европы³.

Удила представлены в слоях Дербента тремя типами, хотя их, возможно, было и больше, но плохая сохранность изделий не позволяет это установить. Первый тип представлен наиболее простыми удилами, состоящими из двух звеньев, соединенных посередине, с неподвижными кольцами на концах. Второй тип представлен двухсоставным (два звена, соединенные посередине) удилами с двойными кольцами на концах, причем вторые подвижные кольца могут быть овальные или в форме вытянутого шестиугольника. И, наконец, удила третьего типа позволяют полагать, судя по сохранившимся фрагментам, что они имели гвоздевидные псалии. Наиболее распространенными являлись удила первого и второго типа, отмеченные в основном в слоях XI–XIII вв.

Все отмеченные типы удил известны на памятниках Восточной Европы⁴, а третий тип наиболее характерен для салтовских могильников⁵.

Защитное вооружение представлено в слоях Дербента VIII–XIII вв. кольчугами, пластинками панцирей, отдельными защитными дисками.

Кольчуги получили в период VIII–XIII вв. наибольшее распространение, как вид защитного вооружения, особенно широко они применялись в XI–XIII вв. Ал-Бируни так описал защитные свойства кольчуги: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники»⁶. В Дербенте обнаружено семь фрагментов кольчуг, позволяющих судить об этом виде защитного вооружения. Изготовление кольчуг – очень трудоемкое и сложное дело, требующее высокой квалификации мастера и большой затраты труда, поэтому стоили они, видимо дорого. Однако этот вид защиты, возникнув в Передней Азии еще в древности, нашел широкое распространение в средневековый период на мусульманском Востоке⁷, Дагестане⁸, Древней Руси⁹, Западной Европе. Уже арабские авторы IX–X вв., писавшие о Дагестане, сообщали об изготовлении здесь кольчуг и

¹ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники... С. 241, рис. 20, 11.

² Яковсон А. Л. Археологические исследования... С. 19, рис. 9.

³ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. С. 76, табл. 28 и др.; она же. От кочевий к городам. С. 167, рис. 46, 1–3.

⁴ Там же. С. 50, табл. 2; С. 51, табл. №; С. 56, табл. 8; С. 57, табл. 9 и др.; С. 167, рис. 46, 9, 10, 13.

⁵ Мерперт Н. Я. Из истории оружия... С. 142.

⁶ Ал-Бируни. Минералогия. – М., 1963. С. 231.

⁷ Там же.

⁸ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публ. Большакова О. Г., Монгайта А. Л. – М., 1971. С. 50; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II, М.-Л., 1941. С. 137.

⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – САИ, Е 1–36, вып. 3, Л., 1971. С. 7–21; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948. С. 231–233; Медведев А. Ф. К истории кольчуги в Древней Руси. – КСИИМК, вып. 49, 1953. С. 26–31.

панцирей. Так, Масуди писал о Кубачах, который зовется «владение Заракаран (Зарих-Гаран), что означает «Мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги»¹.

Обнаруженные при раскопках Дербента фрагменты кольчуг состоят из колец двух типов: одни более тонкие – 0,7–1,2 мм толщины, диаметром 5–7 мм, другие – значительно массивные, 1,5–2,5 мм толщины, диаметром 11–13 мм. Скреплялись кольца с помощью заклепок, но заклепками крепилось только соединительное кольцо, в которое продевались сварные. Видимо, это был основной способ скрепления кольчуг, которым пользовались оружейники средневекового Дербента, хотя не исключено и использование других технологий. Плохая сохранность ряда фрагментов не позволяет сделать окончательные выводы. В связи с этим любопытно отметить находку сильно окислившихся отдельных колец, обнаруженных в виде сплошного бесформенного комка в одном из помещений нижней части города². Изготовление кольчуги, состоявшей из 10–20 тыс. колец³, половина из которых должна быть соединены заклепками являлось делом не только трудоемким, но и сложным и требовало высокого профессионального мастерства ремесленника⁴ и Дербент, с его развитым ремесленным производством, был, видимо, наряду с Кубачами и Шиназом⁵, одним из центров производства этого вида защитного вооружения. Находки пластинок панциря немногочисленны (всего три фрагмента) и маловыразительны. Можно предположить, что этот вид защитного вооружения не претерпел особых изменений, лишь несколько увеличился размер пластинок.

Интересна находка круглого диска диаметром около 10 см с отверстиями по краям (по два с каждой стороны), обнаруженного в богатом здании на уровне пола IX–X вв.⁶ Представляется вероятным, что диск использовался в качестве нагрудной защиты в дополнение к металлическому панцирю или кольчуге или к кожаному панцирю. Подобные нагрудные пластинки могли защищать наиболее уязвимые места, однако не исключено, что данный диск является одной из пластин панциря нового типа из дисковидных кругов.

Следует отметить находки в цитадели города крупных, сильно деформированных коррозией пластин⁷, образовавших целый завал из металлических массивных изделий, определить назначение которых пока не представляется возможным. Не исключено, что это части какого-то защитного вооружения, возможно, конского доспеха.

Орудия труда и предметы быта составляют в слоях VIII–XIII вв. самую многочисленную группу металлических изделий, которые можно классифицировать по их

¹ Мас'уди. Мурудж ад-Дзахаб, гл. XVII, пер. Минорского В. Ф. – В кн.: история Ширвана и Дербента. – М., 1963. С. 203.

² Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г. ФИИЯЛ, № 464. С. 57. рис. 14.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 13; Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех. – В кн.: Гос. Оружейная палата Московского Кремля. – М., 1954. С. 64; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. – МИА, 32, 1953. С. 150–151.

⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 231–232; Колчин Б. А. Черная металлургия... С. 150–152.

⁵ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 47.

⁶ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 92, 93, табл. VII.

⁷ Кудрявцев А. А. Отчет за 1975 г. ...

назначению в хозяйственной жизни и быту населения средневекового города. Многие из представленных в ней металлических предметов потеряли первоначальную форму и не поддаются определению, имеется ряд изделий непонятного назначения, но значительную часть орудий труда можно классифицировать по назначению и в хозяйственной жизни города и в быту.

Сельскохозяйственные орудия труда, выявленные при раскопках Дербента по-селемонгольской поры, представлены в основном фрагментами железных лопат, мотыжек, серпов, сошников плуга.

Лопаты представлены в средневековых слоях города одним целым изделием, позволяющим судить о подобных сельскохозяйственных орудиях. Лопаты имеют довольно однотипную форму с широкой рабочей пластиной и ушком для насада. К изделиям подобного назначения относится железный сошник плуга, обнаруженный в одном из помещений жилища XI–XIII вв. в нижней части шахристана средневекового города. Сохранилась его верхняя половина с загнутыми краями для насада на крюк плуга. находка сошника наглядно подтверждает связь населения Дербента с сельским хозяйством, что вообще было типично для средневекового города¹. Помимо сошника и лопат к орудиям для обработки земли можно отнести небольшие мотыжки с довольно узкой рабочей пластиной и относительно широкой втулкой для насада, образованной за счет загиба верхних углов пластины. Они обнаружены в основном в виде фрагментов в слоях средневекового города.

К сельскохозяйственным орудиям относятся и обнаруженные в слоях Дербента VIII–XIII вв. фрагменты железных серпов, в виде сильно изогнутых пластин, шириной до 2–3,5 см.

Аналогичные сельскохозяйственные орудия известны среди материалов многих средневековых городов Кавказа², Средней Азии³, Восточной Европы⁴, Древней Руси⁵, что отражало определенные аграрные направления их развития и тесную связь с сельским хозяйством, столь типичную для городов мусульманского Востока, Средиземноморья, Кавказа и других областей.

Строительные орудия и предметы составляют большую часть обнаруженных в слоях средневекового города металлических изделий. Это всевозможные штыри, крюки, кольца, петли, топоры, молотки, тесла, зубила, костыли самых различных форм и размеров.

Топоры, встречаются в слоях Дербента не часто в основном в виде бесформенных пластин железа, но находка более сохранившегося экземпляра позволяет говорить, что это были довольно массивные изделия с широким обухом, с прокованным лезвием трапецевидной формы. Некоторые, хотя и сильно деформированные в результате коррозии, находки подобных предметов позволяют полагать, что отмечены

¹ Яковсон А. Л. Раскопки на городище... С. 104.

² Там же. С. 104, рис. 65; Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки на городской стене... С. 163, рис. 18; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история... С. 334–337, табл. 28а, 8; 266, 12; 296, 9; Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 499.

³ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). – М., 1976. С. 135, рис. 82; Беле-ницкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 73, 74, рис. 42.

⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 144, 145, рис. 38; Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 718.

⁵ Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 645, 851.

и более маленькие топоры с заостренным верхом, приспособленные, видимо, для подтески мягкого дербентского камня.

Подобные топоры трудно отличить в результате сильного окисления от молотков с заостренным верхним концом, которые также, вероятно, использовались каменщиками при строительстве.

В строительстве и камнеобработке применялись тесла, которыми легко можно было обрабатывать мягкий местный ракушечник.

Обнаруженные в слоях города зубила, служили, видимо, для вырубания каменных заготовок блоков в карьерах и для обработки их при строительстве.

Многочисленные крюки, штыри, кольца, костыли гвозди различных форм и размеров свидетельствовали о широком их использовании в бытовом и общественном строительстве и о массовом изготовлении подобных изделий дербентскими ремесленниками для нужд местного рынка. Среди подобных изделий выделяется целая группа сопутствующих предметов: всевозможных фигурных скоб, петель, замков, ключей и других поделок.

Орудия, связанные с металлообработкой, представлены различными предметами кузнечных инструментов, которые достаточно немногочисленны, что надо связывать со спецификой распространения подобных изделий (видимо, только в местах нахождения мастерских или городских свалок, куда могли попасть поломанные орудия). К подобным орудиям можно отнести длинную ручку кузнечных щипцов, длинный т-образный предмет с лопастовидным расширением на конце, молотки с двусторонними ударными площадками, зубила, точила, массивные пробойники с тонким ударным концом, которые могли, видимо, использоваться для пробивания отверстий в скрепляющих кольцах кольчуги.

Из орудий кузнецов археологическими находками в Дагестане зафиксированы кузнечные клещи, зубила зажимы, молотки, точила¹. Помимо этих орудий, кузнецы использовали для работы наковальни, напильники, различные зажимы. Находки на Цимлянском городище² клада инструментов средневекового кузнеца позволяют с достаточной полнотой представить основные орудия труда, употребляемые в металлообрабатывающих ремесленных мастерских и сопоставить с ними аналогичные предметы дербентских ремесленников.

Изучение металлообрабатывающего производства средневекового Дербента позволило выявить различные приемы обработки металла местными ремесленниками, которые включали в себя литье, горячую и холодную ковку изделий, позволявшую придавать им требующуюся форму, пайку, сварку и клепку металлических поделок, скручивание, волочение, изгиб, обрезку, рубку, пробивание отверстий и разнообразные соединения отдельных деталей изделий. Подобные приемы обработки металла были широко распространены в ремесленном производстве не только средневекового Дербента, но и во многих торгово-ремесленных центрах Дагестана³ и особое развитие они получили в послемонгольский период, когда в металлообработке наметилась большая специализация выпускаемой продукции⁴.

¹ Мамаев М. М. Ремесло Дагестана... С. 11.

² Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 152–153, рис. 41.

³ История Дагестана, т. 1, С. 134–136; Мамаев М. М. Ремесло Дагестана. С. 10–11.

⁴ История Дагестана, т. 1, С. 177–178; Мамаев М. М. Ремесло Дагестана. С. 11.

Исследования металлообрабатывающего производства Дербента свидетельствуют о том, что этот вид городского ремесла находился здесь на высоком уровне и город в средневековый период был одним из крупных центров обработки металла. Ремесленник-кузнец, игравший большую роль в средневековом городе, пользовался особым положением в местном обществе и его имя окружено особым героическим ореолом в многочисленных сказках и легендах. Местные адаты были вынуждены учитывать особое положение мастеров-кузнецов, которые, как общественно-должностные лица, не допускались к присяге¹. Особая роль металлообрабатывающего ремесла и самого металла в хозяйственной и военной сфере народов Кавказа способствовала сложению культа железа, которому приписывалась магическая сила и способность приносить счастье, охранять от болезней, отводить дурной глаз, сохранять верность. Значение этого ремесла в средневековом Дагестане подчеркивается и тем, что с кузнецами впоследствии стал связывать название отдельных кварталов и тухумов². Очевидно, подобные кварталы кузнецов и ремесленников, связанных с металлообработкой, существовали и в шахристане средневекового Дербента, где сосредоточены основные обнаруженные раскопками следы металлообрабатывающего производства³.

Обработка цветных металлов и ювелирное дело

Обработка цветных металлов и ювелирное дело, достигшие в средневековом Дербенте большой высоты⁴, имели глубокие традиции и Дербент, наряду с другими крупным средневековыми городами, был одним из центров этой отрасли металлообрабатывающего ремесла. Однако уже в VIII–X вв. обработка цветных металлов ювелирное дело развивались как самостоятельный вид ремесла, что отражало успехи развития металлообработки и узкой отраслевой специализации в ней. Находки медно-металлических шлаков, бракованных предметов, оплавленных кусочков цветного металла и застывших натеков его, почти никогда не совпадающие территориально с местонахождением аналогичных остатков и поделок черных металлов, свидетельствуют, что в средневековом Дербенте этот процесс разделения, видимо, уже полностью завершился или зашел достаточно далеко.

Исследования показали, что ведущим приемом обработки цветных металлов в Дербенте, как и в других ремесленных центрах средневекового Дагестана⁵, было литье и ковка⁶, а также тесно связанная с последней, чеканка. Они засвидетельствованы находками в слоях Дербента VI–XIII вв. обломков керамических каменных

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 134.

² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 50.

³ Кудрявцев А. А. Территориальное развитие и застройка средневекового Дербента в свете новых археологических данных. – Материалы сессии, посвященные итогам полевых работ в Дагестане в 1978–79 гг. – Махачкала, 1980. С.

⁴ История Дагестана, т. 1, С 224–226.

⁵ К подобным центрам можно отнести Урцеки, Аркас, Бежта, Кубачи, Гочатль и др.

⁶ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана. С. 12.

формочек, медно-металлических шлаков, отдельных застывших натеков меди и бронзы различной величины¹, наличием местной монетной чеканки² и многочисленных кованых бляшек, пряжек, пуговиц и других изделий. В отличие от более древних предшествующего албано-сарматского периода, когда широко было распространено литье по восковой модели, в средневековое время мастера стали применять постоянную модель вместо восковой и широко использовать каменные и керамические литейные формы³. Подобная замена была вызвана сильно возросшим спросом на эти изделия, связанным со значительным расширением внутреннего внешнего рынка в средневековую эпоху.

Многочисленные бронзовые блюда, кувшины, водолеи, курильницы из Дагестана в виде различных зверей и птиц, богато орнаментированные резьбой и чеканкой, давно украшают многие музеи нашей страны и свидетельствуют о высочайшем мастерстве местных мастеров, среди которых, несомненно, были и мастера средневекового Дербента – одного из крупнейших ремесленных центров Кавказа мастера средневекового Кавказа и известного очага металлообработки. Эти технические и художественные традиции получили особое развитие в связи с расцветом на Кавказе и Ближнем Востоке так называемого «позднесасандского искусства», в формировании которого активное участие принимали народы Дагестана⁴.

Среди металлических изделий средневекового Дербента, к сожалению, не сохранилось подобных высокохудожественных произведенийковки, чеканки, художественного литья, имевших большую ценность во все времена, однако многочисленные предметы украшения и туалета, принадлежности одежды и быта из меди, бронзы, серебра и других металлов дают представление об уровне развития этой отрасли городского ремесла.

К изделиям, связанным с художественной обработкой цветных металлов и ювелирным делом можно отнести обнаруженные в слоях средневекового города кольца, подвески, всевозможные пряжки, серьги, металлические пуговицы, медные и серебряные монеты, зеркала, предметы туалета, щипчики, чашечки, туалетные ложечки, фигурные рукоятки ножей, обкладки ножен сабель и кинжалов.

Кольца, обнаруженные в слоях Дербента представлены в основном медными и серебряными изделиями, последние найдены лишь в одном экземпляре. Почти все они были типа перстней и имели вставку (найденно всего три колечка без камня) из стекла, сердолика или агата, наибольшее распространение получили в средневековое время вставки из стекла. Гнездо для вставки округлой или прямоугольной формы. Наличие значительного количества дешевых медных колец в городе дает основание думать, что все они местного производства, об этом же могут свидетельствовать находки отдельных стеклянных вставок среди материалов стеклоделательного произ-

¹ Кудрявцев А. А. Территориальное развитие... С. 10; он же. Металлообработывающее производство. С. 102–117.

² История Дагестана, т. 1. С. 153.

³ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана. С. 12.

⁴ История Дагестана, т. 1, С. 224.

водства города¹. Подобные кольца широко встречаются в материалах средневековых городов Кавказа², Средней Азии³, Крыма⁴ и других областей.

Исследование городских ремесел Дербента VI–XIII вв., связанных с металлообработкой, показало, что они находились на весьма высоком профессиональном уровне. Средневековый город выступал крупным металлообрабатывающим центром этого региона, в котором, наряду со столь необходимым для этого стратегического пункта предметами вооружения, в большом количестве изготавливали орудия труда и быта, предметы сельскохозяйственного и строительного назначения, конская упряжь, украшения, туалетные принадлежности.

Пряжки составляют весьма распространенный вид изделий, использовавшийся в поясных ремнях и одежде. В основной массе они выполнены из меди, серебра и железа, хотя железные пряжки редки. Пряжки средневекового Дербента, в большинстве своем, небольшого размера имеют округлую или другие формы. Все они имеют прямой или изогнутый стержневидный подвижный язычок, прикрепленный к рамке пряжки, но встречаются пряжки прямоугольной и квадратной форм без язычка.

Пряжки, аналогичные дербентским по форме материалу, были широко распространены в средневековый период на большой территории, и сходные изделия обнаружены на памятниках Дагестана⁵, многих областей Кавказа⁶, Средней Азии⁷ и других регионов. Следует отметить отсутствие в слоях Дербента этого времени пряжек, типичных для памятников, связанных с кочевым миром и широко распространенных на обширной территории от Алтая до Венгрии.

Серьги и подвески составляют довольно немногочисленную группу украшений в слоях средневекового Дербента. Серьги в основном представлены изделиями из серебра с позолотой, реже из бронзы. Отмечено два типа изделий: 1. серьги в виде незамкнутого колечка с подвеской в виде полого шарика или овала; 2. серьги с листообразной или овальной контурной рамкой из тонкой проволоки, филигранной работы, поле которой заполнено спиралями завитками из тонкой припаянной проволоки, иногда, с зернью, дужка-держалка в форме сильно изогнутого крючка, верхний конец которого припаян с помощью колечка к верху рамки. Если серьги перво-

¹ О стеклянных вставках к перстням см. соответствующий раздел о стеклоделии Дербента.

² *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник – МАД, т. II, Махачкала, 1961. С. 259, рис. 9, 11; С. 261, рис. 11, 1; *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113; он же. *Археологические исследования...* С. 19, рис. 9; *Очерки истории СССР, III–IX вв.* С. 525; *Фоменко В. П.* Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-кала в 1958 г. – МИА, № 133, 1965. С. 52., рис. 5,3; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 232, рис. 8; его же. *Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г.* – МАД, т. III, Махачкала, 1973. С. 53–54, рис. 4, 6.

³ *Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 85, рис. 52; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19, 14–16; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60.

⁴ *Фронджало М. А.* О раннесредневековом ремесленном производстве... С. 150, рис. 15.

⁵ *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 232, 241, рис. 8, 19, рис. 20, 11; он же. *Археологические исследования...* С. 53, 54, рис. 306.

⁶ *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113; он же. *Археологические исследования...* С. 19, рис. 9; *Очерки истории СССР, III–IX вв.* С. 639.

⁷ *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 109, рис. 62; *Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 88, рис. 54; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19.

го типа довольно просты и находят широкие аналогии среди подобных украшений средневековых памятников Дагестана¹, Кавказа², Крыма³ и Средней Азии⁴, то серьги второго типа носят более локальный характер и могут свидетельствовать о высоком мастерстве дербентских ювелиров, использовавших тонкую филигранную технику и определенной самобытности изготовления отдельных ювелирных украшений средневекового Дербента. Определенное сходство подобные изделия второго типа находят с материалами известного Бухарского клада и шапкой Мономаха, изготовленными, по мнению А. А. Спицына, в Золотой орде в XIII–XIV вв.⁵ Близки к этим ювелирным изделиям второго типа филигранной работы золотые украшения средневековых памятников Крыма⁶, датируемые одними исследователями IX–X вв., другими X–XIII вв.⁷

Подвески, обнаруженные в Дербенте, очень просты довольно однотипны, в основном имеют форму полых шариков округлой или грушевидной формы с небольшой петелькой, припаянной к верхней части изделий или круглых дисков иногда монет с припаем в виде петельки. Подобные подвески были распространены в средневековый период на обширной территории. Более сложный тип подобных изделий представляют подвески художественного литья с растительным орнаментом в виде побегов, листьев, пальметок.

Пуговицы представлены среди материалов Дербента изделиями округлой или грушевидной формы с петлевидным припаем с внутренней стороны, а также изделиями округлой дисковидной или плоско-выпуклой формы с внутренним петлевидным припаем. Пуговицы аналогичных форм широко бытовали в средневековое время⁸.

К предметам туалета из бронзы следует отнести плоские дисковидные зеркала, отлитые в специальных формах и украшенные с внешней стороны растительным орнаментом ли стилизованным арабским письмом. Следует отметить, что находки металлических зеркал весьма редки и пока имеются три подобных предмета из средневековых слоев города. Бронзовые зеркала встречаются в материалах средневековых

¹ Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 723; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 233, 241, рис. 10, 2; 18, 9; он же. Археологические исследования... С. 55, рис. 7, 4; *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник... С. 258, рис. 8, 9.

² *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113, ж; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история... С. 328, 329, 342, рис. 24, 25, 33а; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник... С. 120, табл. XI, 2; Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 291, 616.

³ Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 546; *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма. – В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. С. 161–163; рис. 7, рис. 9.

⁴ *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60, 12–17; *Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 85, рис. 52; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19, 13, 39.

⁵ *Спицын А. А.* Бухарский клад и Мономахова шапка. – ИАК, СПб., 1909, вып. 20. С. 73, 74 и след., табл. I–IV.

⁶ *Кондаков Н.* Русские клады. Т. 1, 1896. С. 56, 58, рис. 30, 35; *Махнева О. А.* О плитовых могильниках... с. 162–164, рис. 8.

⁷ Там же.

⁸ *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные... С. 276, рис. 5, 2, 3; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 241, рис. 20, 10; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19.

памятников Дагестана¹ и других областей². Среди других предметов туалета, изготовленных из меди бронзы можно отметить туалетные ложечки, палочки, щипчики, чашечки, фигурные обкладки и другие изделия.

С VIII в. в Дербенте зафиксирована чеканка монет³. Все это свидетельствует о весьма высоком уровне развития обработки цветных металлов и ювелирного дела средневековым Дербентом.

Исследования металлообработки Дербента показало, что в период VI–XIII вв. этот вид городского ремесла получил здесь широкое развитие. Раскопками было выявлено большое количество предметов из металла, включающих в себя орудия труда, оружие, предметы украшения и быта, ювелирные изделия самого различного назначения. Простота и определенная стандартизация большинства из них не оставляют сомнения, что основная продукция металлообрабатывающего ремесла города изготавливалась для массового потребителя и, видимо, целиком удовлетворяла спрос внутреннего рынка. Одновременно, находки фрагментов панцирей и кольчуг и, особенно, отдельных несоединенных кольчужных колец, предметов художественного литья дорогостоящих ювелирных изделий свидетельствуют о выпуске отдельных видов ремесленной продукции только для привилегированной части населения города, об уровне социальной дифференциации в нем.

Изучение металлических изделий из слоев Дербента VI – середины XIII вв. позволило выделить два крупных периода в развитии металлообработки города, первый из которых относится к VI – началу VIII вв., а второй к VIII – середине XIII вв. Первый период характеризовался обширным выпуском предметов вооружения и изделий, необходимых для фортификационного строительства, что было связано с преобладающим влиянием факторов военно-политического характера на развитие и жизнь города. Второй период был отмечен необычайно выросшим уровнем металлообработки и новым направлением в ее развитии, ознаменовавшемся тесной связью ее с хозяйственно-экономическим развитием Дербента, с бурным развитием здесь ремесла и торговли, с возросшей ролью сельского хозяйства, с территориальным ростом города. В этот период происходят важнейшие процессы в развитии металлообрабатывающего производства Дербента, связанные с дальнейшей его специализацией и из него выделяются самостоятельные отрасли: художественная обработка цветных металлов и ювелирное дело. Этот важный процесс ознаменовал качественно-новый этап развития этого вида городского ремесла в Дербенте. В период XI–XIII вв. в металлообработке наметился еще один важный сдвиг, связанный с широким освоением изготовления ремесленниками города кольчуг, который характеризовал новый уровень развития производства Дербента.

Исследования в Дербенте показали, что второй период развития металлообрабатывающего производства был ознаменован концентрацией его в нижней части шахристана города⁴, точнее в северо-восточном районе его рабада, где были обна-

¹ Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник... С. 257, 258, 261, рис. 7, 20; 8,7; 11,3; Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники...С. 233, рис. 10, 5–7; его же. Археологические исследования...С. 55, рис. 7,3.

² Беленицкий А. М., Бенткович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город...С. 78, рис. 53; Очерки истории СССР, III–IX вв. С. 609.

³ История Дагестана, т. 1, С.

⁴ Кудрявцев А. А. Основные этапы развития ремесленного производства Дербента в VI–XIII вв.; он же. Территориальное развитие... С. 10–11; он же. Металлообрабатывающее производство... С. 95, 117.

ружены основные остатки этого вида городского ремесла. Концентрация металлообрабатывающего производства в определенных районах рабада города узкая его специализация, служат показателем высокого уровня развития этого вида городского ремесла, качественного изменения его организации, свидетельствуют о значительной роли металлообработки в социально-экономической структуре средневекового города.

Подобно многим другим развитым средневековым городам Востока и Европы, в Дербенте отмечены процессы территориальной концентрации и выделения отдельных видов ремесленного производства, возникновение специализированных ремесленных кварталов. Видимо, в XI–XIII вв. в металлообрабатывающем производстве города, как и в других видах средневекового ремесла, происходит процесс образования ремесленных корпораций, типа цеховых организаций, во главе которых стояли представители местной торгово-ремесленной знати – райсы.

Резьба по кости

Резьба по кости в Дербенте зафиксирована многочисленными находками костяных изделий самого различного назначения, которые по данному признаку можно разделить на несколько групп: 1) костяные детали вооружения; 2) костяные орудия труда; 3) костяные предметы украшения.

Костяные детали вооружения представлены в основном рукоятками ножей, обкладками луков и рукоятками кинжалов (мечей), ножей, защитными кольцами лучников.

Наиболее распространенными костяными деталями вооружения являются рукоятки ножей, насаженные на металлический черешок изделия. Подобные рукоятки, цилиндрической или слегка конусообразной формы, в основном применялись в небольших ножах, имевших, вероятно всего, декоративное назначение. Почти все изделия подобного рода были обнаружены в цитадели. Исходным материалом в большинстве случаев служила слоновая кость, тщательно обработанная и зачастую украшенная богатой гравировкой. Орнамент растительный в виде плетенок, спиралей, стилизованных листьев и вьющихся стеблей или геометрический в виде ромбов и квадратов, иногда концентрических окружностей.

Рукоятки более крупных ножей или кинжалов (мечей ?) имели, обычно двусторонние обкладки в виде прямоугольных или фигурных пластинок с отверстиями для крепления. Они орнаментировались реже и в основном геометрическим рисунком. В одном случае отмечена обкладка ножа с выгравированной арабской (персидской) цифрой «5»¹.

Обкладки луков представлены фрагментами простых пластинок, позволяющими полагать, что это серединные и концевые накладки тяжелого составного лука.

К предметам вооружения лучника следует отнести и костяные предохранительные кольца, получившие распространение в XII–XIII вв.

Орудия труда из кости не получили в средневековом Дербенте особого распространения и представлены в основном ложилами из оленьих рогов и кабаньих клыков, служившими для заглажки швов в сапожном и золотошвейном деле, гребнями для расчески шерсти и уплотнителями узлов в ковроделии, ложилами, использовав-

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 76, 94, табл. VIII.

шимися в керамическом и ряде других производств, инструментами для нанесения орнаментации на штукатурные рельефы (округлые и овальные отверстия в фигурах, точки, вмятины, вдавления). Отмечены находки костяных пряслиц, основ мотков из гребней, применявшихся в ткацком производстве.

Украшения из кости составляют наиболее многочисленную группу костяных изделий Дербента. Сюда относятся бусы, наконечники ремней, подвески, украшения и предметы туалета, поделки для игр. Бусы дисковидной и бочкообразной форм, обычно, с гравированным геометрическим рисунком в виде концентрических окружностей. Иногда бусы окрашивались. Встречаются разделители бус из кости. Наконечники ремней имели стреловидную или заостренно-вытянутую форму с отверстиями для крепления деталей поясного набора.

Подвески встречаются либо в виде округлых орнаментированных дисков, либо в виде отшлифованных клыков животных (обычно волка или собаки). Из предметов туалета отмечены тонкие пластиночки прямоугольной формы, видимо, детали какой-то шкатулочки или ларца, сплошь орнаментированные глубокой резьбой. Орнамент геометрический в виде ромбовидной сетки.

Среди костяных украшений средневекового Дербента выделяется прекрасная женская статуэтка высотой около 10 см и шириной 4,5 см. Голова и руки статуэтки отсутствуют, но видны места их крепления. Статуэтка, изображавшая обнаженную женщину, отличается большим мастерством и реалистичностью исполнения, представляя собой высоко художественное произведение искусства. Целый ряд разнообразных поделок из кости, обнаруженных в слоях Дербента VI–XIII вв., представляет собой атрибуты разнообразных игр, бытовавших в средневековом городе, среди которых, видимо, были и шахматы.

Большинство представленных костяных поделок Дербента выполнены из кости домашних и диких животных, широко известных в этих районах Дагестана, но ряд предметов сделаны из слоновой и других видов кости. Экспорт в Дербент кости из Астрахани продолжался, согласно данным источников, до XVI–XVIII вв.¹ Находки в слоях средневекового города заготовок рогов и костей различных животных, однако свидетельствует, что основная масса костяных изделий выполнялась из местного сырья дербентскими ремесленниками.

Анализ костяных изделий из Дербента, позволяет говорить, что этот вид ремесла получил довольно значительное развитие в средневековом городе, и продукция ремесленников-косторезов находила себе широкий спрос среди определенной части дербентского населения – в большинстве своем более зажиточного.

— Ремёсла связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства —

Тесная связь Дербента с городской округой и заметная роль земледелия и животноводства в жизни средневекового города, развитие товарооборота с внутренними районами Дагестана, для которых Дербент, как и для многих областей Северного Кавказа², служил центром сбыта сырья, способствовали появлению в городе целого

¹ Киласов Р. Из истории торговли в Дагестане. – Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. V, Махачкала, 1974. С. 157.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 168.

ряда специализированных ремесел, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства.

Из таких ремесел прежде всего надо отметить обработку кож, поступавших сюда из многих скотоводческих районов Дагестана¹ и Северного Кавказа² и от местного животноводства. Кожевенное производство Дербента, включавшее обработку бараньих шкур, изготовление обуви и разнообразных шорных изделий, таких, как уздечки, седла, подпруги, ремни, а также ряда других предметов, находилось, видимо, на весьма высоком уровне, и письменные источники уже для XI в. сообщают о существовании в городе специализированного объединения ремесленников-профессионалов в этой области³.

Наряду с обработкой кож в средневековом городе, возможно, был налажен выпуск бумаги. Мы не располагаем сведениями о том, с какого времени ремесленники Дербента освоили это сложное производство, но уже в XI в. источники среди ряда Других профессий упоминают торговца бумагой (а возможно, и ее изготовителя) (варрак)⁴. Подтверждение этих данных новыми фактами могло бы служить прекрасной иллюстрацией высокого уровня экономического развития Дербента. Производство бумаги-сложный технический процесс, и изготовление ее в средневековый период являлось монополией очень немногих городов Средней Азии и Переднего Востока⁵.

К числу городов, производивших в Средней Азии в средневековый период бумагу, относится лишь Самарканд, а об изготовлении ее в каких-либо других центрах этого региона нет сведений⁶.

Мы не имеем возможности судить о том, каким способом делалась бумага на Кавказе, но если исходить из среднеазиатских параллелей, описанных ал-Бируни⁷, то для приготовления бумажной массы использовались водные толчеи, «в которых размельчали коноплю и другие волокнистые материалы»⁸. О. Г. Большаков в своих исследованиях по городам Средней Азии отмечает, что «ремесло бумажников было очень редким; письменные источники их не упоминают, лишь у Сам'ани (л. 166 б) отмечена одна вспомогательная специальность, связанная с производством бумаги, - упаковщик (хэззам)»⁹.

Конопля, входившая, согласно сообщениям ал-Бируни, в состав среднеазиатской бумаги, произрастала и в районе Дербента, составляя одну из технических культур, возделываемых населением средневекового города¹⁰. Сложившиеся, вероятно, в средневековый период традиции изготовления бумаги сохранились в производстве позднефеодалного города вплоть до XVIII в.¹¹.

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 132.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 168.

³ Там же. С. 70, 75.

⁴ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5–7; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 124.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 289.

⁶ Там же. С. 289–290.

⁷ Ал-Бируни. Минералогия. С. 85.

⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 290.

⁹ Там же.

¹⁰ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 38.

¹¹ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета...». С. 202.

Среди профессий ремесленников города автор XI в. ад-Дер-бенди упоминает мыловара (сабуни)¹, что позволяет говорить об изготовлении в Дербенте этого продукта. Мыло делалось из жиров и золы специальных растений и являлось довольно дорогим продуктом, так как, по данным средневековых источников, «для стирки узла одежды нужно мыла больше чем на дирхем»². В Средней Азии известными центрами мыловарения были такие крупные города, как Термез и Балх³.

Одной из важнейших городских профессий, связанных с обес-печением населения средневекового города хлебом, была работа мукомола. Многочисленные находки в Дербенте мельничных и ручных жернов, а также сведения письменных источников о водяных мельницах города⁴ не оставляют сомнений, что в Дербенте существовала и подобная профессия. Следует отметить, что ручные мельницы наиболее характерны были для первого периода развития Дербента, а с VIII в. их находки в слоях города несколько уменьшаются, что, видимо, было связано с появлением водяных мельниц на каналах и родниках города. Очевидно, устройство мельниц несколько отличалось от подобных сооружений в других областях, по крайней мере тех, что строились на родниках, и авторы XVIII в. отмечали, что на «родниках построены многие мельницы, которых расположение весьма много отличается от наших»⁵.

Однако, вероятно, значительная часть населения, преимущественно небогатая, молола зерно в домашних условиях с помощью ручных мельниц, о чем свидетельствуют многочисленные находки ручных каменных жерновов почти на всей территории рабада. Тандыр для выпечки хлеба, как показали раскопки, был принадлежностью почти каждого дома. Имелись ли в Дербенте специализированные небольшие пекарни, обеспечивавшие ту часть населения, которая не имела возможности выпекать хлеб в домашних условиях, судить трудно, так как в письменных источниках нет упоминаний о хлебопеках города. Возможно, что дальнейшее изучение интереснейших местных исторических хроник о средневековом городе позволит выявить какие-то факты о существовании подобной профессии, необходимой для больших городов, где всегда находилось много потребителей готового хлеба⁶.

Археологические раскопки и данные письменных источников свидетельствуют, что немаловажную роль в экономике средневекового Дербента играли такие промыслы, как рыболовство и охота на тюленей. Уже упоминаемый выше источник XI в. среди слушателей суфийских меджлисов средневекового города называет и рыбака (саммак)⁷, а археологические материалы подтверждают эти сведения находками рыболовных крючков, костей и панцирных пластин, рыб осетровых пород⁸. Рыба названа в числе товаров, вывозимых из этих областей Кавказа, а Масуди говорит о «судах рыбаков»⁹, плавающих на Каспии.

¹ Саидов М. С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5–7.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 289.

³ Там же.

⁴ История Дагестана. Т. 1 С. 132.

⁵ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета...». С. 200.

⁶ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 290.

⁷ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5–7.

⁸ Кудрявцев А. А. Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

⁹ Масуди. Мурудж ад-Дзахаб. Ет. XVII. С. 199.

2. Караванная и морская торговля Дербента в VI – сер. XIII вв.

В возникновении и развитии средневековых городов Прикаспийского Дагестана, и в первую очередь Дербента, торговым связям принадлежит особая роль.

Широкие военно-политические и торгово-экономические контакты крупнейших государств Восточной Европы и кочевых объединений евразийских степей со средневековым Востоком через Кавказ и знаменитые ворота Дербента, огромные сдвиги в социальном и экономическом развитии местных дагестанских народов способствовали быстрому превращению важных стратегических укреплений Западного Прикаспия в значительные средневековые города. Особую роль сыграло развитие международной торговли по Прикаспийскому пути.

Значение торговли в формировании и развитии средневекового Дербента огромно, и если появлением и превращением его в важнейший опорный пункт Кавказа он обязан факторам военно-политического характера и своему стратегическому положению, то в становлении Дербента как крупного феодального города и торгово-экономического центра особую роль сыграл расцвет международной торговли по Прикаспийскому пути. В средневековый период Дербент являлся не только крупнейшим феодальным городом Кавказа, но и одним из известных торговых центров Арабского халифата, главным посредником в международной торговле мусульманского Востока с «северными странами неверных», сохранившим свое торгово-экономическое значение и после распада халифата.

Прикаспийский путь использовался в торговых целях с древнейших времен. Еще Александр Македонский, а позднее Селевк I пытались выявить торговые пути на северо-западе Каспия. Страбон писал, что уже «аорсы на верблюдах перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян»¹, но наибольшая активность в развитии прикаспийской торговли приходится на VIII–XIII вв. Это период расцвета «арабской» торговли на Каспии и наиболее интенсивного развития международных торговых связей между Восточной Европой и Передней Азией через западное побережье его, время возвышения и расцвета Дербента. Однако этот процесс не был одинаково интенсивен на протяжении всего средневекового периода, и, исследуя проблемы становления феодального Дербента, удалось выделить три этапа развития торговли: первый – VI – первая половина VII в., второй – VIII–X вв., третий – XI – первая половина XIII в.

Первый этап VI – первая половина VII вв. Экспансивные устремления сасанидского Ирана на Северо-Восточном Кавказе и резко возросшая активность кочевников в IV–V вв. способствовали первоначально возникновению лишь военно-политических контактов между ними, что отрицательно сказалось на развитии торговых связей. Однако уже в VI–VII вв. торговое значение Прикаспийского пути весьма повысилось и, хотя он еще не мог соперничать с известными трассами мировой торговли, торговая активность на западном побережье Каспия значительно возросла.

Особую роль в формировании раннесредневекового города на первом этапе сыграло резкое увеличение внутреннего рынка благодаря широкому строительству Сасанидов в Дербенте и их земельной политике.

¹ Страбон. География. XI, 5, 8.

Исторические условия, определившие появление раннесред-невекового Дербента как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона и сказались на развитии его торговли в данный период.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению среди его населения числа ремесленников и торговцев.

Широкая строительная деятельность Сасанидов в Дербенте, узкая специализация отдельных видов ремесла и дальнейшее отделение его от сельского хозяйства оказали решающее влияние на рост внутреннего рынка и значительное увеличение товарооборота города¹.

Наряду с внутренним рынком на первом этапе расширялись и международные торговые связи Дербента. Ввиду определенной стабилизации положения в VI в. на северных границах Ирана акти-визировалась торговая деятельность в бассейне Прикаспия и значительно возросла роль Прикаспийского торгового пути. Дальнейшее развитие международной каспийской торговли благоприятно отразилось на росте раннесредневекового города, который в силу своего географического положения полностью ее контролировал. Дербент становится весьма важным центром международной торговли, хотя он, вероятно, в этот период в большей степени выступает как значительный транзитный пункт на Прикаспийской торговой трассе. Письменные источники не донесли до нас конкретных данных о торговой деятельности Дербента, как и большинства других областей Кавказа в этот период. Однако как ни скупы сообщения раннесредневековых авторов, они позволяют говорить, что через «ворота» на север шли рабы – продукт ожесточенных сасанидско-византийских войн, зерно, вино, масла, предметы украшения, роскошные парчовые ткани и шелк, а на юг через Дербент вывозили воск, кожи, мед, клей и другие продукты².

Археологические раскопки показали, что наряду с определенным процентом импортной посуды в культурных слоях раннесредневекового Дербента представлены сирийское стекло, привозные предметы украшения из сердолика, агата, халцедона, египетской пасты и другие изделия³. В захоронениях представителей верхушки племенных объединений в Приморском Дагестане в большом количестве встречаются предметы роскоши, украшения, богатая посуда и оружие ближневосточного, закавказского, крымского происхождения⁴, а также золотые византийские монеты, которые попали сюда не только в результате военных действий, но и благодаря широким торговым контактам через Дербент. На широкое развитие торговли указывают находки сасанидских монет в Дербенте, Закавказье. Приморском Дагестане, Северном Кавказе и далее на север.

¹ Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте в VI – первой половине XIII в. // Ближний и Средний Восток. С. 108–116.

² Пигулевский Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. № 1. С. 114. 115; Она же. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 148 и след.; Клавдий Элиан. О животных. XVII. 32; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений... С. 115–116, 167–168: История Дагестана Т 1. С. 138.

³ Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте... С. 100; Он же. Древний Дербент. М., 1982. С. 115.

⁴ История Дагестана. Т.1. С. 138.

Изучение вещественных комплексов Дербента позволяет утверждать, что изделия, представленные в слоях города сасанидского времени, находят себе аналогии не только в материалах памятников Ближнего Востока и Закавказья, но и в раннесредневековой керамике Средней Азии¹. Наличие среди керамики Дербента привозных изделий, в том числе сосудов, имеющих очень большое сходство с раннесредневековой посудой памятников низовий и среднего течения Сырдарьи, позволяет поставить вопрос о торговых связях Дербента в сасанидский период с областями Средней Азии, в процессе которых, возможно, использовались не только широко известные сухопутные торговые пути, но и морская дорога через Каспий.

Второй этап VIII–X вв. Наметившийся в VI – первой половине VII вв. прогресс в развитии прикаспийской торговой деятельности через Дербент и возросший объем внутренней торговли города был прерван арабскими завоеваниями и начавшимся периодом арабо-хазарских войн, в результате которых Дербент неоднократно переходил из рук в руки и пришел в значительный упадок. К середине VIII в. положение на Восточном Кавказе и в Северном Прикаспии стабилизировалось и между враждующими сторонами установилось своеобразное равновесие, когда ни та, ни другая сторона уже не ставила себе задач широкой экспансии, что способствовало нормализации обстановки и значительному прогрессу в развитии прикаспийской торговли.

Со второй половины VIII в. начался расцвет «арабской» торговли в Прикаспии, куда сместились важнейшие трассы мировой торговли, и Прикаспийский торговый путь в этот период стал столь же известен, как знаменитый «шелковый путь» из Китая.

В VIII–X вв. Дербент предстает как один из наиболее значительных торговых центров на Переднем Востоке. Сюда доставлялись товары из всех областей Прикаспия и многих других мусульманских и немусульманских государств.

Все сырье и предметы экспорта Дагестана, Северного Кавказа и Прикаспия шли через Дербент. Город служил главным посредником в торговле между Передним Востоком и Хазарией, Древней Русью, северными странами. Важнейшей статьей торговли являлись очень высоко ценившиеся на средневековом Востоке знаменитые северные меха², идущие вниз по Волге³, и рабы «из стран неверных»⁴. Сюда, по сведениям Табари, прибывали купцы из Закавказья, а также «из Джурджана, Табаристана, Дейлема»⁵, и Дербент служил перевалочным пунктом и рынком для товаров «из Хазарии, Серира, Хайзана, К. р дж., Руклана, Зирихгерана, Амика»⁶ и других мест, т. е. почти для всего Дагестана и многих областей Северного Кавказа и Прикаспия.

¹ Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте... С. ПО; Он же. Древний Дербент. М., 1982. С. 114.

² Из северных мехов, которые ал-Истахри и Ибн Хаукал называли «хазарскими», особенно ценились шкурки черных лисиц, достигавшие, согласно данным Масуди, «цены в 100 динаров или даже больше. Арабские и персидские цари гордились черными мехами... и немисливо [было], чтобы царь не имел кафтана или шубы, подбитых этими черными лисицами буртаси». См.: Масуди. Мурудж ад-Джахаб. Гл. XVII. С. 196.

³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 168; Захедер Б. И. Каспийский свод сведений... С. 168.

⁴ Худуд ал-алем / Рукопись Туманского: Введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930; Ал-Истахри. Книга путей и царств. С. 168; *Viae et regna*. Description ditionis moslemicae auctore Abi-I-Kasim Ibn Haukal // BGA. II. Lugduni Batavorum, 1873. S. 281.

⁵ Annales Quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum allis edidit M. J. Goeje. Lugduni Batavorum. 1879. Ser. I, P. 438.

⁶ Там же.

Одним из важных показателей обширных торговых связей Дербента является описание торговой трассы от Бердаа до Баб ал-аббаба и дальше на Семендер и Итиль с точной фиксацией перехода в днях и фарсах¹. Не менее известны были и морские торговые пути Дербента – главного порта на Каспии².

Дербентские купцы, по данным Масуди, имели налаженные связи с причерноморскими степями, где вели не только торговую деятельность, но и антивизантийскую пропаганду³.

Важнейшими статьями экспорта Дербента были льняное полотно, полотняные одежды, марена, шафран⁴. Дербентское полотно славилось по всему средневековому Востоку, а марену вывозили вплоть до Индии. О том, что из Дербента в большом количестве «вывозят льняные одежды», писали ал-Истахри, Ибн Хаукал, Йакут и другие арабские авторы, но наиболее яркое представление о том, насколько обширны были торговые связи, дает сообщение автора X в. Балами «На этих путях расположен город, самый крупный из аббавов, называемый Баб ал-аббавом. В этом городе производят ткани, называемые махсуди, которые вывозят в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан»⁵.

В этот период Дербент был крупнейшим портом на Каспийском море. Он обладал прекрасной гаванью внушительных размеров, устроенной между вдававшимися в море стенами города. Размеры гавани, согласно сделанным нами расчетам, были весьма значительны, хотя протяженность морских стен оценивалась арабскими авторами очень разноречиво. Но если даже принимать во внимание лишь самую минимальную длину морских стен города (ал-Истахри – 6 башен, т. е. около 450–500 м. Хилаль ас-Сабби – 600 локтей, т. е. около 300–400 м), то площадь гавани достигала 15–25 га. Если же верить сведениям других арабских авторов, то она была в несколько раз больше (Баладзори, Кудама, Ибн Русте – около 300 га, Масуди – около 100 га; Хамдаплах Казвини – около 50 га).

Все арабские авторы, писавшие о Дербенте этого времени отмечают, что гавань была хорошо укреплена и вход в нее строго контролировался. Ал-Истахри так описал дербентский порт: «Баб ал-аббав – приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов. Между этой стоянкой и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь, и, таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа»⁶. Баладзори и Ибн Хаукал говорят о специальном коменданте порта, который давал разрешение на вход и выход из него. Причем Ибн-Хаукал отмечал, что цепь, которой закрывались ворота гавани, была заперта на замок, ключ от которого находился у того, кто наблюдал за морем, и «судно входит (в гавань) только с разрешения владельца замка»⁷.

¹ BGA. 1.192, 217–226; Бунятов Зия. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965. С. 166–170; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений... С. 179–183.

² Бартольд В. В. Дербент. С. 419.

³ Масуди. Мурудж ад-Джахаб. II. 61; см. также: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений... С. 160.

⁴ См. подробно об этом в разделе «Ткацкое производство».

⁵ Chronique de Abou-Djafar-Mohammed ben Djarir ben Jesid Tabari, traduit sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Belami... / par M. N. Zotenberg. P., 1867–1874. T. 3. P. 494.

⁶ Ал-Истахри. Книга путей и царств. С. 168.

⁷ Ibn Haukal. С. 282.

Наличием надежных укреплений дербентской гавани объясняет В. В. Бартольд то обстоятельство, что Дербент не был затронут грабительскими походами в X в.¹

В этот период значение Дербента как крупнейшего порта на Каспии огромно, и он является «оком» на Восток не только для местных дербентских купцов, но и для купцов Хазарии, Серира, Хайзана, Руклана, Зирихгерана, Амика. Ал-Истахри так описал значение Дербента как центра международной морской торговли: «Это порт на Хазарском море (для) Серира и других стран неверных. Это также порт и для Джурджана, Табаристана и Дейлема»². А Ибн Хаукал добавляет, что «в трех последних встречаются хлопчатобумажные одежды, которые вывозят через этот порт»³. И не случайно арабские географы и историки IX–X вв. считали ширину Каспийского моря по дням пути «от Табаристана до Баб ал-абваба»⁴, т. е. по наиболее известной в средние века морской торговой трассе.

Археологические исследования, проводимые в последние годы в Дербенте, не только позволили существенно дополнить сведения письменных источников, но и пролили свет на совершенно новые стороны торговых связей города в средневековое время. Многочисленная импортная посуда из Рея, Самарры, Багдада, китайский фарфор, сосуды для благовоний, стеклянные браслеты и кольца – закавказские витые и гладкие, византийские – монохромные и полихромные, многочисленные импортные украшения из пасты, металла и кости, перстни, подвески и бусы из ценных камней, обнаруженные в культурных слоях Дербента VIII–X вв.⁵, служат прекрасной иллюстрацией его обширной торговой деятельности и роста роли города как крупнейшего торгового центра Кавказа. Даже краткое перечисление раскопанных в Дербенте импортных изделий наглядно показывает, сколь широка была география его торговых и культурных контактов.

Особо выделяются белофаянсовые сосуды, покрытые очень высококачественной глазурью прекрасного золотисто-кремового тона, с мельчайшими трещинками, напоминающими то кожу персика, то треснутый лед, то тончайшую паутину⁶. Через эти трещинки в черепок проникли грязь и жировые составы, окрасившие изделие в рыжевато-бурые цвета, придавшие выразительность, весьма похожую на натуральные разводы камня и древесины. Подобный способ орнаментации изделий, известный под названием цека или краклэ, был разработан в средневековом Китае, и такая посуда необыкновенно теплых, золотисто-рыжих тонов столь высоко ценилась на Востоке, что уже в средневековье побудила фальсификаторов подражать цеку⁷. Находки в Дербенте большого количества сфероконусов различных размеров⁸, использовавшихся на средневековом Востоке для перевозок ртути и благовоний⁹ и

¹ Бартольд В. В. Дербент. С. 424.

² Ал-Истахри. Книга путей и царств. С. 168.

³ Ибн Хаукал. С. 281.

⁴ BGA. I, 226, 227; Бартольд В. В. Дербент. С. 419.

⁵ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 78, 99; Он же. Развитие торговли в Дербенте... С. 112–113; Он же. Древний Дербент. С. 137–138.

⁶ Там же.

⁷ Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. С. 26.

⁸ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Новые данные... С. 14.

⁹ Жанполадян Р. Сфероконические сосуды из двинских раскопок // Тр. ГИМА. Ереван. 1950. Т. 3. С. 166; Шелковников Б. А. Керамика и стекло из раскопок города Двина // Там же. 1952. Т. 4. С. 33–34; Ахмедов Г. М. Неполивная керамика... С. 225.

производившихся, судя по имеющимся сейчас данным, непосредственно в самом Дербенте, проливают новый свет на торговую деятельность города в этот период.

Несмотря на значительное число находок импортных предметов, они составляют лишь незначительный процент среди того огромного количества керамической посуды, изделий из стекла и металла, украшений и других поделок, обнаруженных в слоях Дербента этого периода. Археологические раскопки показали, что в VIII–X вв. Дербент был не только важнейшим центром международной торговли, но и многолюдным городом¹ с обширным внутренним рынком, являвшимся главным потребителем продукции его развитого ремесленного производства. Простота и стандартизация основной части ремесленной продукции Дербента этого периода свидетельствуют, что она изготовлялась для массового потребителя и спрос на нее, т. е. внутренний рынок, был очень велик.

Расцвет торговой и ремесленной деятельности Дербента привели к бурному территориальному росту города, стремительному развитию основных частей шахрстана и рабада. Именно в этот период, по сообщениям арабских историков и географов IX–X в., Дербент превратился в крупнейший феодальный город Кавказа, и торговле в этом процессе его становления принадлежала одна из главных ролей.

Третий этап XI – XIII вв. На XI – первую половину XIII вв. приходится новый этап социально-экономического развития Дербента, характеризующийся дальнейшим ростом ремесла и торговли, углублением процесса феодализации местного общества и его дальнейшей дифференциацией. Это – период дальнейшего развития новых производственных отношений в Дагестане, подъема его экономики, качественного и количественного развития сельского хозяйства и ремесла. На этой основе начинает происходить процесс огромной важности – специализация производства в отдельных районах и аулах², что способствует активизации внутридагестанской торговли и ее дальнейшей специализации³. Эти процессы и ряд причин политического характера привели к значительным изменениям в торговой деятельности города. Разгром Хазарского каганата и захват половцами южнорусских степей лишили Дербент торговых контактов с северными странами, и прежде всего с такими крупнейшими средневековыми государствами, как Хазария и Русь, что сильно сказалось на его торговой деятельности и связях.

Роль Дербента как главного посредника в торговле между Юго-Восточной Европой и Передним Востоком резко снизилась, и город теряет свое значение крупнейшего транзитного пункта и «складского места» для товаров «севера и юга». Происходящие в этот же период широкие сдвиги в экономической жизни Дагестана, образование крупных населенных пунктов и ремесленных центров⁴ способствовали значительному расширению торговых контактов Дербента с внутренними районами Дагестана, переориентации торговой деятельности города на дагестанские рынки. При этом сам Дербент остается одним из важнейших рынков сбыта для продукции основных районов Дагестана и главным «оком» для экспорта местных товаров на Ближний Восток и в Закавказье. Через Дербент на внутри дагестанские рынки по-

¹ Кудрявцев А. А. О численности населения средневекового Дербента; VIII Крупновские чтения: (Тез. докл.). Нальчик, 1978. С. 86–88.

² История Дагестана. Т. 1. С. 177, 178.

³ Там же. С. 179, 181.

⁴ Там же. С. 176, 181.

ступали предметы роскоши и украшения из крупнейших ближневосточных и закавказских торгово-ремесленных центров¹, и среди многочисленных средневековых памятников Дагестана этого периода широко представлены импортные предметы из стекла, ювелирные изделия и украшения, поливная керамика, парадная фаянсовая и фарфоровая посуда². Особой статьей ближнево-сточного экспорта являлись белофаянсовые изделия с пышной подглазурной росписью и благопожелательными надписями, причем подобная посуда была обнаружена не только в Дербенте, но и в других районах Горного Дагестана³.

Автор XII в. ал-Гарнати сообщает о богатых восточных материях, парчовых тканях и шелке, которые зирихгеранцы используют при погребении своих умерших⁴, что дает основание предполагать о существующем импорте дорогих ближневосточных тканей в Дагестан через Дербент.

В этот период в силу целого ряда экономических и политических причин все более тесными становятся связи Дербента с государствами Закавказья и средневекового Востока, и ярким показателем этой усилившейся ориентации торговли на юг могут служить обнаруженные в культурных слоях города многочисленные керамика и стекло, полностью аналогичные подобным изделиям из Орен-калы, Шемахи. Кабалы, Двина. Ани и других средневековых центров Закавказья⁵. Это белофаянсовые сосуды, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури⁶, центрами производства которых являлись Рей и Катан, фаянсовая и фарфоровая посуда с росписью из Ирана и Китая⁷, дорогие высококачественные блюда и чаши из китайского селадона⁸.

В то же время через Дербент из внутренних районов Дагестана на ближневосточные рынки вывозили шерсть, кожи, полотно, ремесленную продукцию, мед, фрукты Ал-Гарнати в середине XII в. писал о жителях дагестанских долин, что «много у них всяких благ, таких, как мед, и мясо, и фрукты»⁹.

Особой статьей дагестанского экспорта были оружие и металлическая посуда, очень высоко ценившиеся на Кавказе и средневековом Востоке. «Близ Дербента... живет народ, называемый зирихгеран, т. е. изготовители брони, которые изготовляют всякое военное снаряжение – кольчуги, панцири, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия»¹⁰.

¹ Там же. С. 216, 224, 225; Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Маммаев М. М. Раскопки Нижнечуглинского городища // АО, 1975 г. М., 1976. С. 117, 118.

² Там же. С. 179–180, 223–224; С. 117–118.

³ Абакаров А. И. Сосуды с надписями из Нижнечуглинского городища; Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С. 4.

⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 50 и след.

⁵ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... С. 81, 92, 103; Он же. Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

⁶ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. С. 114; Он же. Раскопки богатого здания... С. 81, 99.

⁷ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. С. 114; Он же. Исследования в древнем Дербенте // АО 1975г. С. 134; Он же. Работы Дербентской экспедиции. С. 106; Он же. Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

⁸ Там же.

⁹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 26.

¹⁰ Там же. С. 50.

Однако в это время Дербент не только важнейший партнер и посредник в кавказско-дагестанской и ближневосточной торговле, он – крупнейший феодальный город Кавказа с обширной местной торговлей. В городе широкий размах получают, судя по археологическим данным, керамическое, стеклоделательное, металлообрабатывающее и ряд других производств. В керамическом промысле широко применялись новые приемы изготовления и орнаментации посуды, изготавливалась местная керамика, подражавшая иранскому фаянсу и даже китайскому селадону, изделия местных мастеров целиком обеспечивали потребности внутреннего рынка и вывозились во многие районы Дагестана¹. Местные предметы украшения и изделия из стекла успешно выдерживали конкуренцию ближневосточного и закавказского импорта и составляли основную часть подобной продукции, обнаруженной в слоях Дербента этого периода при раскопках.

Показателем дальнейшего роста торговой деятельности Дербента и развития его торговых связей могут служить многочисленные находки монет дербентской чеканки в слоях самого города и во многих районах Дагестана, Закавказья и других областях, а также наличие в средневековых слоях Дербента этого периода монет сопредельных государств².

Исследования торговой деятельности Дербента VI – первой половины XIII в. позволяют проследить этапы ее развития и периоды наибольшей активности, дают возможность выявить роль торговли в формировании средневекового города.

Удалось установить, что наибольший расцвет торговой деятельности Дербента приходится на IX – первую половину XIII в., т. е. на второй и третий этапы, причем если на втором этапе развития международным торговым связям принадлежала ведущая роль в торговле города, то на третьем этапе значительно усилилась связь с внутри дагестанскими рынками и значение местной торговли в жизни Дербента сильно возросло.

Археологические раскопки и анализ письменных источников позволяют делать вывод о том, что в VI – первой половине XIII в. Дербент являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных городов Кавказа и наиболее значительным посредником в международной транзитной торговле между Восточной Европой и Передней Азией, главным центром морской торговли на Каспии.

Изучение экономического развития Дербента позволило проследить его становление как крупного торгово-ремесленного центра Дагестана и всего Кавказа и выявить основные периоды этого становления. Превращение города в крупный центр региона было связано с дальнейшим развитием производительных сил, расцветом ремесла и торговли, зарождением и укреплением новых феодальных отношений.

Каждый из выделенных периодов характеризовался дальнейшим подъемом производительности труда, качественными и количественными изменениями в ремесленном производстве города, усилением специализации в различных его отраслях. Большая часть ремесленной продукции города готовилась для дербентского и внутридагестанских рынков, а он сам служил общедагестанским рынком почти для всех территорий Дагестана.

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 216, 224, 225; Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Маммаев М. М. Раскопки... С. 117, 118.

² Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII–XIII вв. // Изв. АзГНИИ. Баку, 1930. Т. 1, вып. 2. С. 3–13; Исаков М. И. Археологические памятники... С. 205–206; История Дагестана. Т. 1. С. 214; Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

Исследования показали, что феодалный Дербент был наиболее крупным городом средневекового Дагестана и его становление как торгово-ремесленного центра было результатом социально-экономического и политического развития местного дагестанского общества, активизации международной и местной торговли, общего подъема городской жизни и экономики во всем регионе. В свою очередь, город оказал большое влияние на развитие многих торгово-экономических центров Северо-Восточного Кавказа, на пути становления здесь ремесла и торговли и уровень их культурного роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое историко-археологическое изучение Дербента феодальной поры, впервые проведённое на огромном археологическом материале, полученном в ходе масштабных раскопок А. А. Кудрявцева в 1970–1995 гг., а так же многочисленных сведений разнообразных письменных источников (нарративных, эпиграфических, нумизматических), впервые позволило показать пути формирования и динамику развития крупнейшего феодального города Северного Кавказа.

В монографии освещена военно-политическая история Дербента от периода Сасанидского завоевания и широкого фортификационного строительства в V–VII вв., до эпохи монгольских завоеваний в XII веке.

В свете проведённых исследований Дербент VI–X вв. предстаёт как крупнейшее оборонительное сооружение на северных границах могущественного Сасанидского Ирана и огромного, превосходящего даже Римскую империю, Арабского Халифата.

Уже кавказскими и арабскими историками VII–X вв. Дербентский оборонительный комплекс воспринимается как одно из «чудес света», знаменитая стена Александра Македонского и библейских Гог и Магог, «Великая твердыня среди моря».

Сасанидские цари, и арабские халифы всемирно поддерживали и укрепляли Дербент, посылали сюда отборные войска и самых талантливых полководцев. Достаточно сказать, что Дербентскими правителями были и троюродный брат Сасанидского царя, и сын, и брат арабского халифа, и будущие халифы.

Однако раскопки и анализ письменных источников показали, что в отличие от многих других фортификационных сооружений такого рода, Дербент не остался только могучей военной крепостью, а превратился в известный на всем мусульманском Востоке торгово-ремесленный и идеологический центр в один из крупнейших феодальных городов Северного Кавказа и всего Закавказья.

Особый военно-политический статус и определенная специфика планировки Дербента, выделявшие его среди других городов Сасанидского Ирана и Арабского халифата, дали основание многим авторитетным специалистам видеть в нем лишь мощную крепость на северных границах крупнейших государств средневекового Востока, наиболее значительную из «длинных стен» Кавказа, имевшую существенные отличия от феодальных городов этого и соседних регионов.

Подобные предположения, базировавшиеся в основном на данных письменных источников, способствовали тому, что Дербент до последнего времени считался памятником с уникальной структурой и топографией, к которому понятие «город» прилагалось лишь после X в.

Однако комплексное изучение Дербента позволило установить, что существующее в исторической литературе мнение об особом пути его развития и сложении исторической топографии города не соответствует действительности.

Дербент, древнейшие этапы существования которого, как исторического поселения, связаны еще с эпохой ранней бронзы, как крупный укрепленный пункт на вершине Дербентского холма, т. е. в одном из важных мест Прикаспийского пути возник в конце VIII – начале VII в. до н. э. и прошел сложный путь развития, во многом типичный для ряда мусульманских феодальных городов Ближнего и Среднего Востока.

Археологическое исследование позволило выявить, что более чем за тысячу лет до проникновения в район Каспийского прохода Сасанидов и возведения ими здесь первых укреплений на Дербентском холме уже была мощная крепость, план которой лег в основу топографии цитадели Дербента феодальной поры. Таким образом,

планировка одной из важнейших частей структуры феодального города начала складываться еще в древний период на базе укреплений, возведенных местным дагестанским населением в конце VIII – начале VII вв. до н. э. Планировка других составных частей структуры феодального города (шахристана и рабада) была определена военно-стратегическим назначением его стен, сплошь перекрывших узкую полосу прохода от цитадели на вершине холма до моря. На первом этапе Сасанидского строительства (439–451 гг.) это была мощная сырцовая стена, первая «длинная стена» в системе Сасанидских укреплений на Восточном Кавказе, а на втором – грандиозный оборонительный комплекс из камня, заменивший сырцовую фортификацию города.

Шахристан, Дербента VI – сер. XIII вв. отличавшийся регулярной квартальной застройкой и значительными размерами (площадь около 26–27 га), являлся основной частью феодального города, где проживало большинство гражданского населения (в значительной мере неиранского) и было сосредоточено его ремесленное производство. Сравнение об-живаемой территории Дербента VI – начала VIII в. с площадью известных городищ Кавказа и Средней Азии этого периода показало, что по своим размерам он не уступал крупным раннесредневековым городам этих регионов. В VIII–X вв. в связи с расцветом международной торговли в Прикаспии и экономическим подъемом Дербента, он превращается в один из крупнейших городов Кавказа. В этот период в структуре города появляется третья составная часть – рабад, получивший наибольшее развитие в X – сер. XIII в.

В рабаде города проживала основная часть населения Дербента его торгово-ремесленный люд было – сосредоточено ремесленное производство. Дома здесь отличаются небольшими размерами, простотой строительного материала, относительно небогатым инвентарем. Главной отличительной особенностью исторической топографии Дербента VIII–XIII вв. является формирование его рабада не за пределами городских стен, как в большинстве городов средневекового Востока, а на территории межстенного пространства.

Крупные средневековые города Северо-Восточного Кавказа, как и Дербент, возникли в большинстве своем на месте древних населенных пунктов скифского и албанского времени, расположенных на важнейших транскавказских и внутридагестанских коммуникациях. Выявленные для Дербента закономерности и этапы сложения исторической топографии во многом характерны для целого ряда наиболее значительных городов средневекового Северного Кавказа.

Все это позволяет говорить, что сходный с Дербентом путь складывания исторической топографии прошел целый ряд крупных городов Восточного и Северо-Восточного Кавказа и в средневековый период подобные города составляли особую группу наиболее значительных памятников в Западном Прикаспии.

В отличие от многих средневековых городов Передней и Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы Дербент не имел очень крупных обживаемых территорий за городскими стенами, где обычно формировался торгово-ремесленный пригород – рабад и куда постепенно смещалась торгово-экономическая и культурно-общественная жизнь феодального города. В Дербенте эта часть городской структуры сформировалась внутри межстенного пространства и была отделена от шахристана мощной поперечной стеной. Шахристан феодального Дербента не потерял своего значения, напротив, здесь в средневековое время сложился общественно-торговый и культур-

ный центр города, и сюда из цитадели даже переместился ряд административных ведомств. Шахристан VIII – середины XIII в. сохранил в основных чертах территориальные границы раннесредневекового города и его ядро с регулярной квартальной застройкой. Остальная часть территории Дербента превратилась в своеобразный рабад, сложившийся внутри межстенного пространства от Джума-мечети до моря. В этом заключалась главная специфика формирования городской структуры средневекового Дербента. Однако по своей социально-экономической сущности, размерам и территориальному развитию рабад Дербента полностью соответствовал этой части городской структуры многих других крупных средневековых городов Кавказа и соседних регионов. Выявленная в процессе исследований узкая специализация и территориальная концентрация ремесленного производства в рабаде города сближает в этом плане Дербент с основной массой крупных средневековых городов мусульманского Востока, Кавказа, Средней Азии, Древней Руси, такими, как Кабала, Байлакан, Шемаха, Ани, Двин, Дамаск, Самарра, Алеппо, Мерв, Самарканд, Бухара, Новгород.

Все это позволяет считать Дербент памятником с характерной для развитых кавказских и восточных городов структурой, для которых было типично двухчастное деление в раннесредневековый период и трехчастное в средневековый.

Сасанидские цари и арабские халифы приложили много сил и стараний для превращения Дербента в крупнейший военно-политический и идеологический центр Кавказа, но не только их деятельность составила основу быстрого возвышения его в средневековый период и превращения в один из наиболее значительных феодальных городов региона. Широкое развитие международной торговой деятельности в Прикаспии в IX–X вв. и расцвет морской торговли были одной из главных причин его возвышения и роста экономического могущества. Располагаясь в важнейшем месте Прикаспийского пути, обладая просторной, хорошо защищенной гаванью и мощными стенами, Дербент быстро превратился в главный центр морской и сухопутной торговли в Прикаспии и в один из известных международных рынков на всем средневековом Востоке и в Восточной Европе. Находясь на границе двух миров, Дербент был местом их активного соприкосновения и извлекал из этого большие выгоды, и прежде всего от международного товарообмена.

В VIII – сер. XIII вв. Дербент в значительной степени вошел в ареал распространения единой культуры, сложившейся в средневековый период на мусульманском Востоке, именуемой В. В. Бартольдом культурой «мусульманского мира», и являлся одним из крупных социально-экономических и культурно-идеологических центров этого мира. Одной из особенностей Дербента была его квартальная система, зафиксированная источниками еще для города первой половины VIII в. Кварталы (кисм) в Дербенте, как и на всем мусульманском Востоке и Кавказе, например, в Дамаске, Алеппо, Самарре, Багдаде, Мерве, Бухаре, Ани, Байлакане, были не только территориальными, но и социальными и административными единицами. Квартальная система по этносоциальным признакам была свойственна, видимо, основной части крупных городов и поселений средневекового Северо-Восточного Кавказа и сохранилась в современной топографии и топонимике дагестанских аулов.

В то же время город находился на северной границе ареала распространения этой культуры и являлся последним крупным очагом ее на Северном Кавказе и в Прикаспии, выступая связующим звеном между Закавказьем и Ближним и Средним Востоком с государствами восточной Европы (Древняя Русь, Волжская Болга-

рия, Хазария). В силу этого Дербент оказывал значительное воздействие на развитие средневековых городов и поселений всего Северного Кавказа, выступая главным центром распространения ближневосточных культурных традиций. Однако он не был инородным восточным городом в местной северокавказской среде. Исследование материальной и духовной культуры обитателей Дербента и сопредельных территорий Северо-Восточного Кавказа показало, что в средневековый период здесь складывались общие этнокультурные традиции, основанные на неразрывной слитности передовых достижений Востока и местной северокавказской культурой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ** – Археографический ежегодник
АзГНИИ – Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт
АН – Архитектурное наследство
АО – Археологические открытия
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВОРАО – Восточное отделение Российского археологического общества
ВУА – Военно-ученый архив (в Центральном государственном военно-историческом архиве)
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДС – Дагестанский сборник
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИИ – Институт истории АН СССР
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИМКУз – История материальной культуры Узбекистана
ИООН – Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
ИФЖ – Историко-филологический журнал
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАГК – Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКА – Материальная культура Азербайджана
ОНУз – Общественные науки в Узбекистане
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры
ПК – Памятники культуры
РФ ИИЯЛ – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы (Дагестанский филиал АН СССР)
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СВ – Советское востоковедение
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ – Советская этнография
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
УЗ АзГУ – Ученые записки Азербайджанского государственного университета
УЗ ИВ – Ученые записки Института востоковедения АН СССР
УЗ МГУ – Ученые записки Московского государственного университета
BGA – Bibliotheca geographorum arabicorum
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies of University of London
FHG – Fragmenta historiarum graecorum

JA – Journal Asiatique Paris

JESHO – Journal of the Economic and Social History of Orient Leiden

MA – Melagnes Asiatique Paris

REI – Revue des etudes islamiques Damas

RSO – Rivista degli Studi Orientali Roma

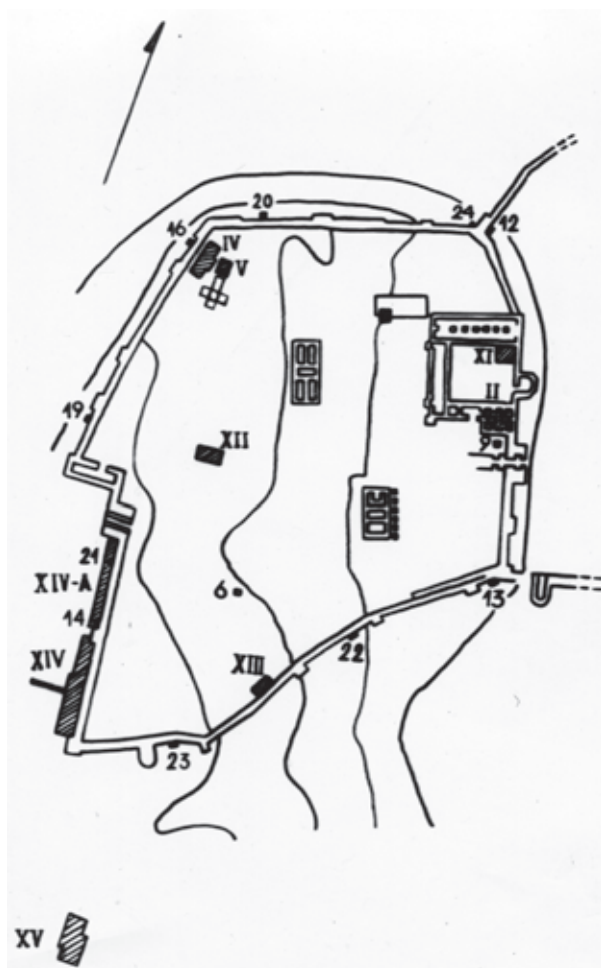
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первое изображение Дербента. Гравюра Адама Олеария 1638 г.

Вид Дербента. Гравюра Гиппиус. 70-е годы XIX в.

План цитадели Нарын-кала с указанием раскопов
(1970–1995 гг.)

Цитадель Нарын-кала, вид с запада

Цитадель Нарын-кала, вид с востока

Цитадель Нарын-кала, вид сверху

Цитадель «Нарын-кала». Аэросъемка

Древнейшие ворота южной стены Орта-капы. VI век

Древнейшие ворота южной стены Баят-капы. VI век

Древнейшие ворота северной стены Кырхляр-капы. VI век

Древняя (нижняя) и раннесредневековая (верхняя) стены
цитадели Дербента

Древняя (нижняя) и раннесредневековая (верхняя) стены
цитадели Дербента

Стены древней (нижние) и раннесредневековой (верхние) крепости
в юго-восточной части холма

Вид Дербента с юга. Рисунок Э. Эйхвальда. 1825 г.

Вид на крепость Нарын-кала с запада VI в. н. э.

Бастион северной стены в месте её примыкания к цитадели (X–XI вв.).
Цитадель Нарын-кала, VI в. Вид с северо-запада

Юго-западная башня цитадели Нарын-кала, VI в.

Западная стена цитадели Нарын-кала, VI в.

Западные ворота цитадели Нарын-кала. X в. н. э.

Западная стена и ворота цитадели Нарын-кала

Ворота Джарчи-капы северной стены города

Северная стена цитадели

Западная стена цитадели

Южная стена цитадели «Нарын-кала» VI век

Цитадель «Нарын-кала». Вид с юго-запада

Полукруглая башня на южной стене цитадели Нарын-Кала X–XI вв.

Южная стена цитадели с башенными выступами VI в.

Средневековый бастин X–XI вв. на южной стене
Дербента у ворот Кала-капы

Ворота Баят-капы. VI век

Бастин X–XI вв. на южной стене Дербента у ворот Кала-капы

Сырцовая стена (северная городская) Дербента. 40-е годы V в. н. э.

Участок северной городской стены VI века

Ступенчатый зубец стен VI в. (завершение стены)

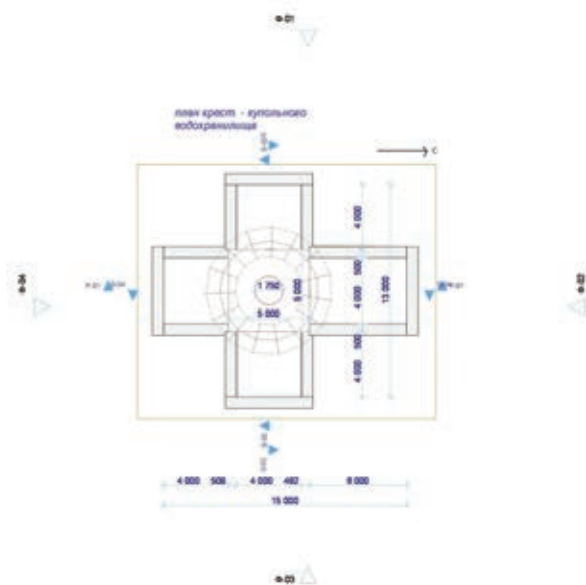
Ворота северной стены Кырхляр-капы. VI век

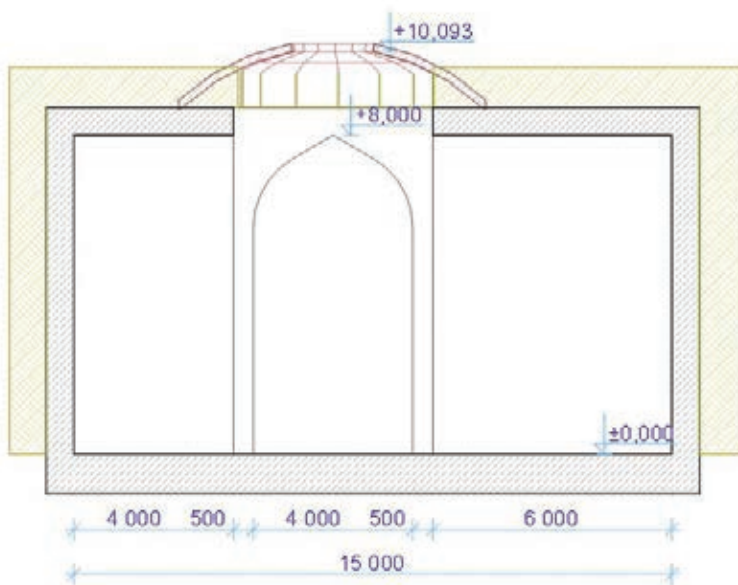
Ворота Кырхляр (верхняя часть фасада)

Крестово-купольный храм V–VII вв. н. э.
(водохранилище XVII–XVIII вв.), вид изнутри

разрез 1 - 1

Разрез крестово-купольного храма V-VII вв. н. э.
(водохранилище XVII-XVIII вв.) План и Разрез

Джума-мечеть нач. VIII века (здание базилики VI в.)

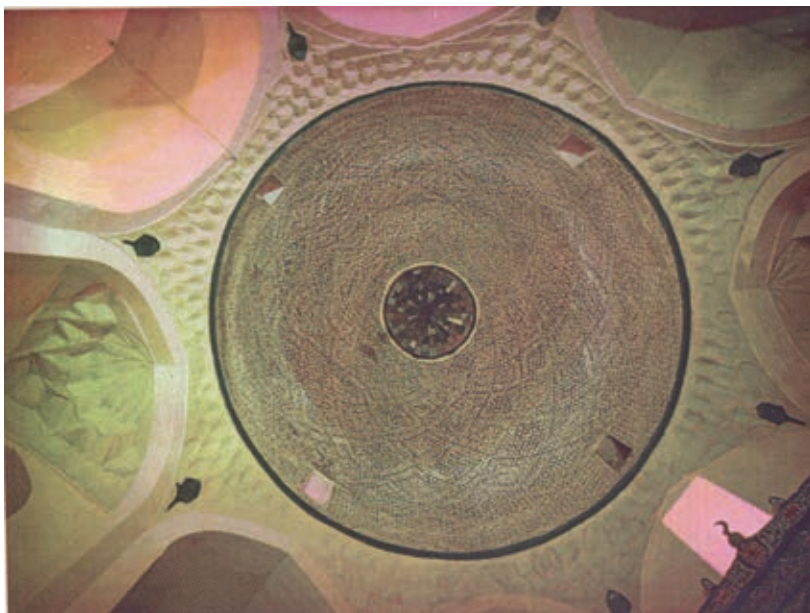
Северная стена Джума-мечети

Центральный неф Джума-мечети

Большой купол Джума-мечети

Купол Джума-мечети (внутренний вид)

Центральная часть зала купольного пространства Джума-мечети

Кирпичный свод бокового нефа Джума-мечети

Минарет-мечеть (квартальная мечеть Дербента). XIII–XVI вв.

Армянский храм XIX века (северный фасад)

Входной портал дворца Фет-Али-хана. XVIII век

Ханская канцелярия. (Реконструкция)

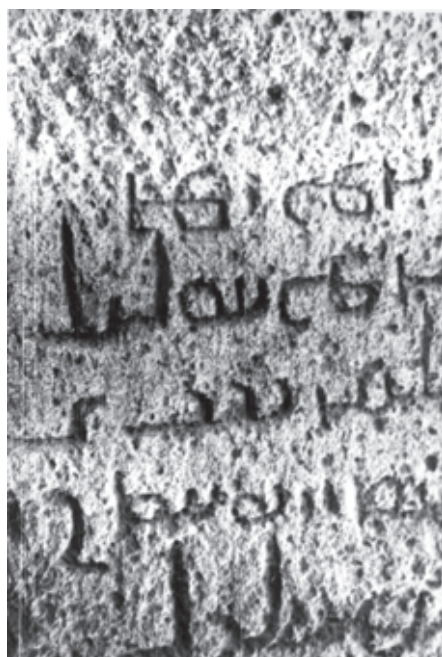
Вымостка пола в помещении дворца правителя
Дербента XII – сер. XIII вв.

Ханская баня XVII–XVIII вв. в цитадели Дербента

Ханская баня XVII–XVIII вв. в цитадели Дербента. (Интерьер)

Изображение креста VI–VII вв. на южной стене цитадели.
Пехлевийская надпись на северной стене города VI в. н.э.

Изображение хазарских лошадей на южной стене города (VII – нач. VIII в. н. э.)

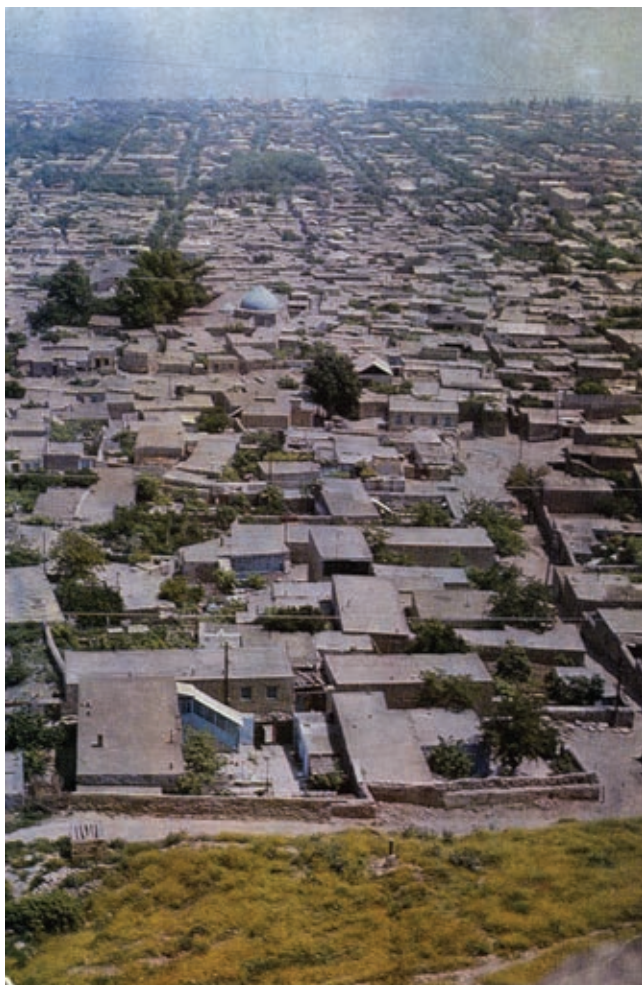
Подземное водохранилище в цитадели Дербента. X–XVIII вв.

Подземное водохранилище в шахристане Дербента. X–XI вв.

Подземное водохранилище в шахристане Дербента. VI–X вв.

Вид на древнюю часть города из цитадели

Древняя улица в старой (магальной) части Дербента

Церковная улица. Древняя улица в нижней части Дербента

Суда в акватории средневекового порта Дербента

В акватории дербентского средневекового порта

Резное мусульманское надгробие на северном кладбище Кырхляр

Мавзолей правителей Дербента на северном кладбище Кырхляр

Древнейшие мусульманские надгробья Кырхляр. VII–XII вв.

Вид на дербентскую крепость с востока

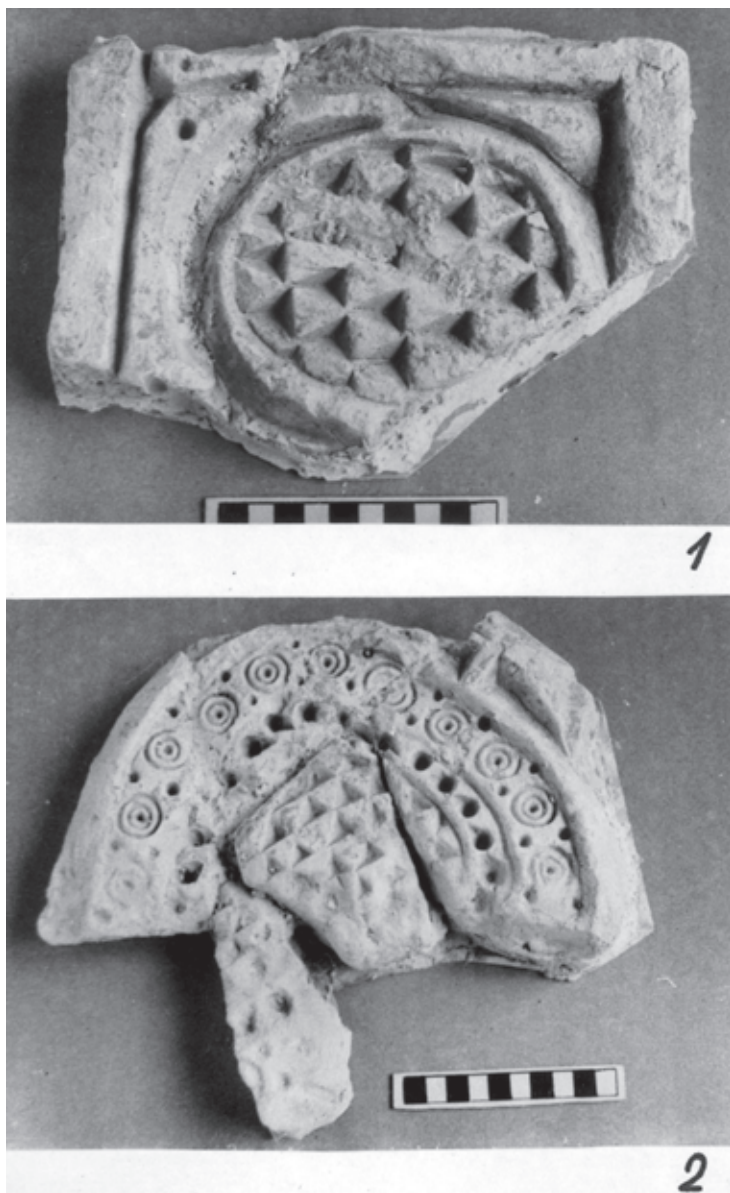
Ворота Орта-капы в южной стене Дербента. VI в.

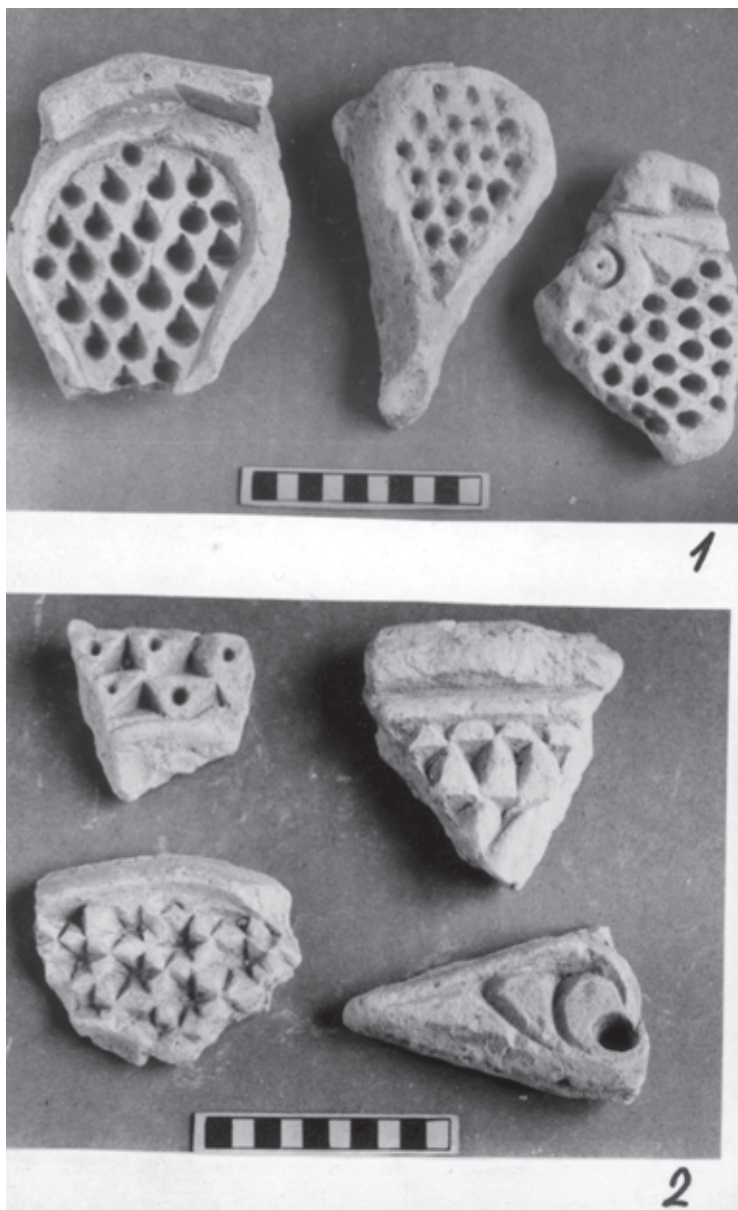
Кронштейны балкона жилого дома в старой части города

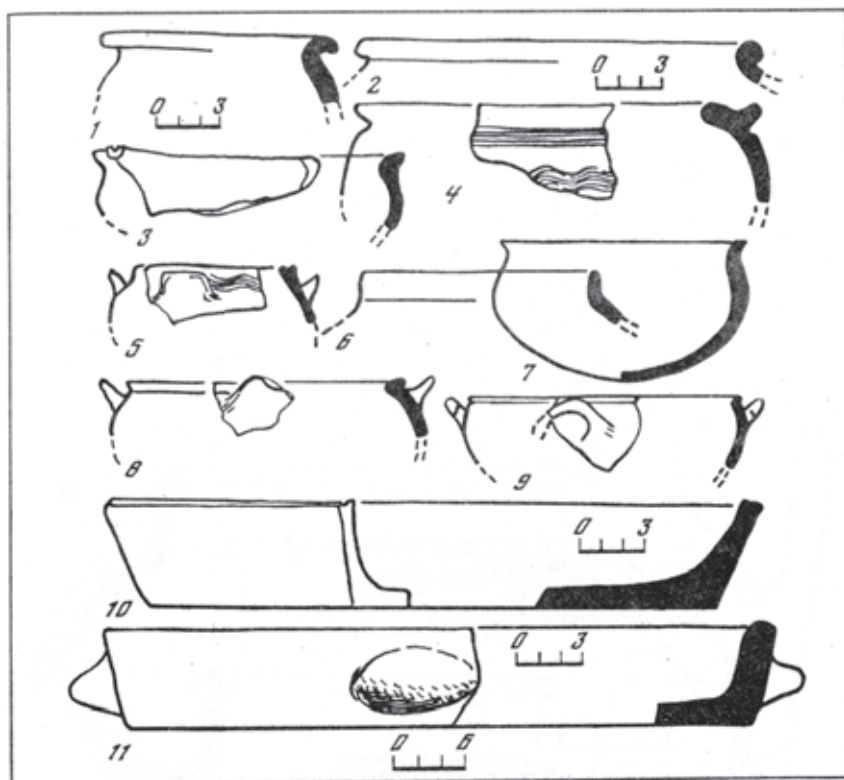
Каменные плиты из дворцового комплекса с арабской надписью

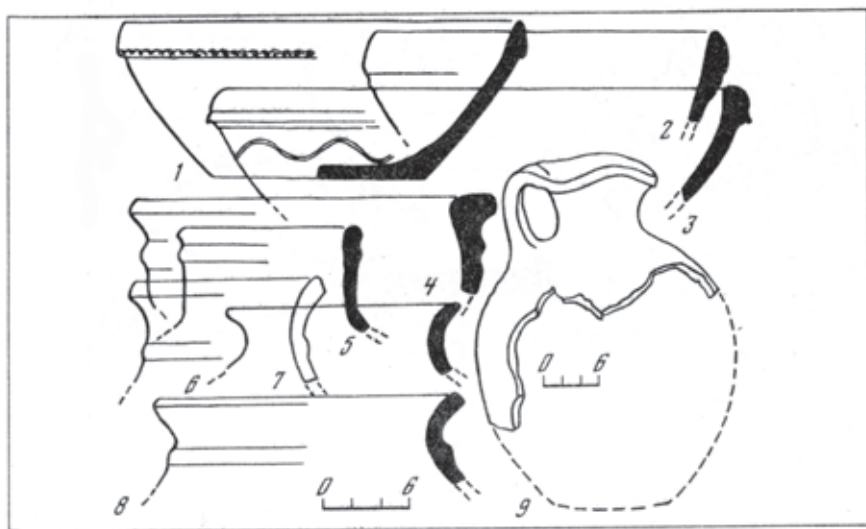
Резной штук Дербента из богатого здания VIII–XIII вв.
(в шахристане города)

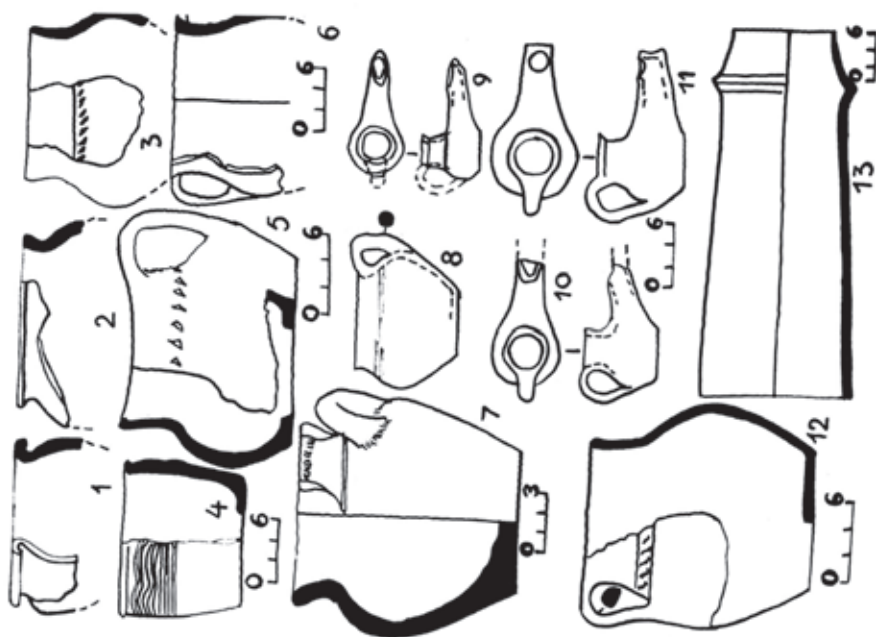
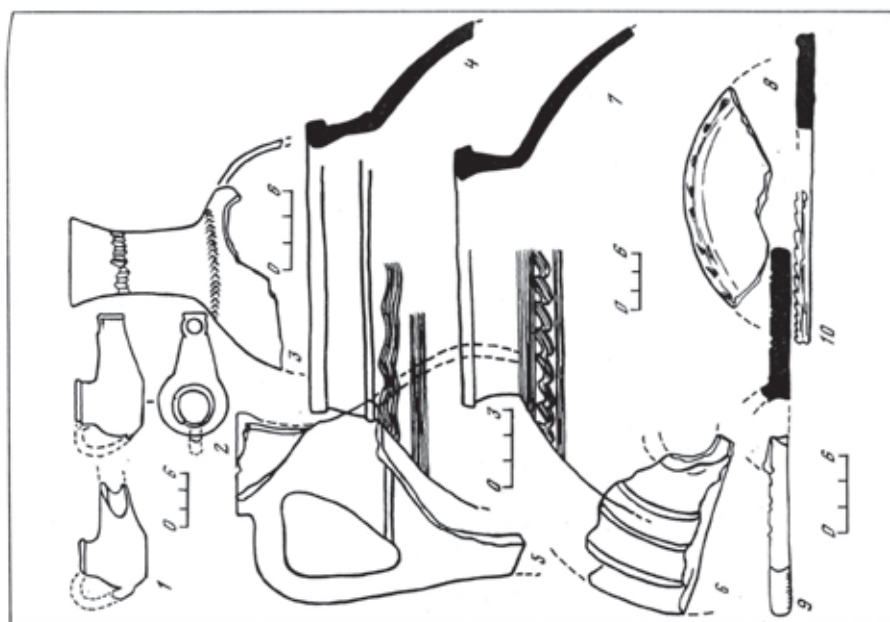
Резной штук Дербента из богатого здания VIII–XIII вв.
(в шахристане города)

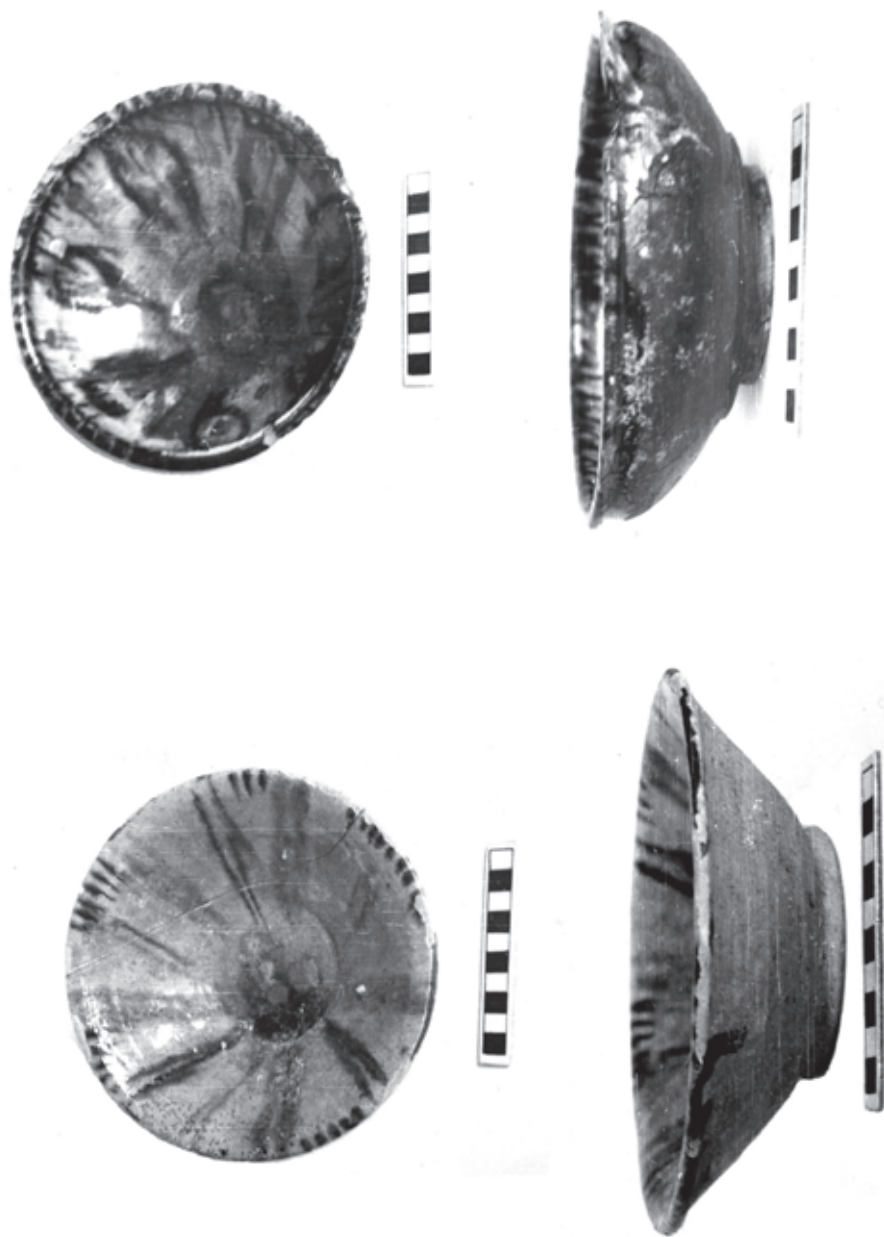
Кухонная керамика Дербента сасанидского периода VI–VII вв.

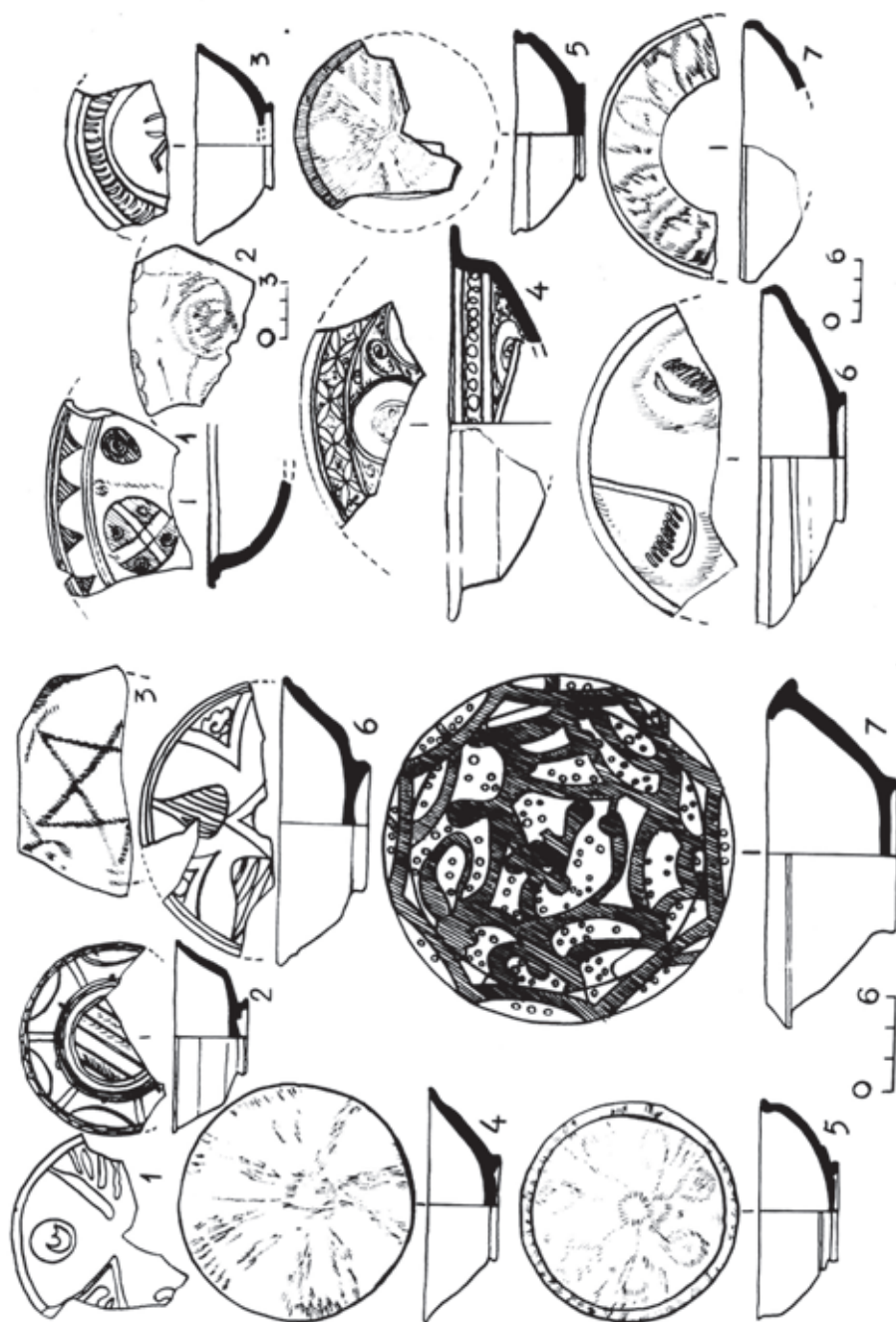
Столовая керамика Дербента сасанидского периода VI–VII вв.

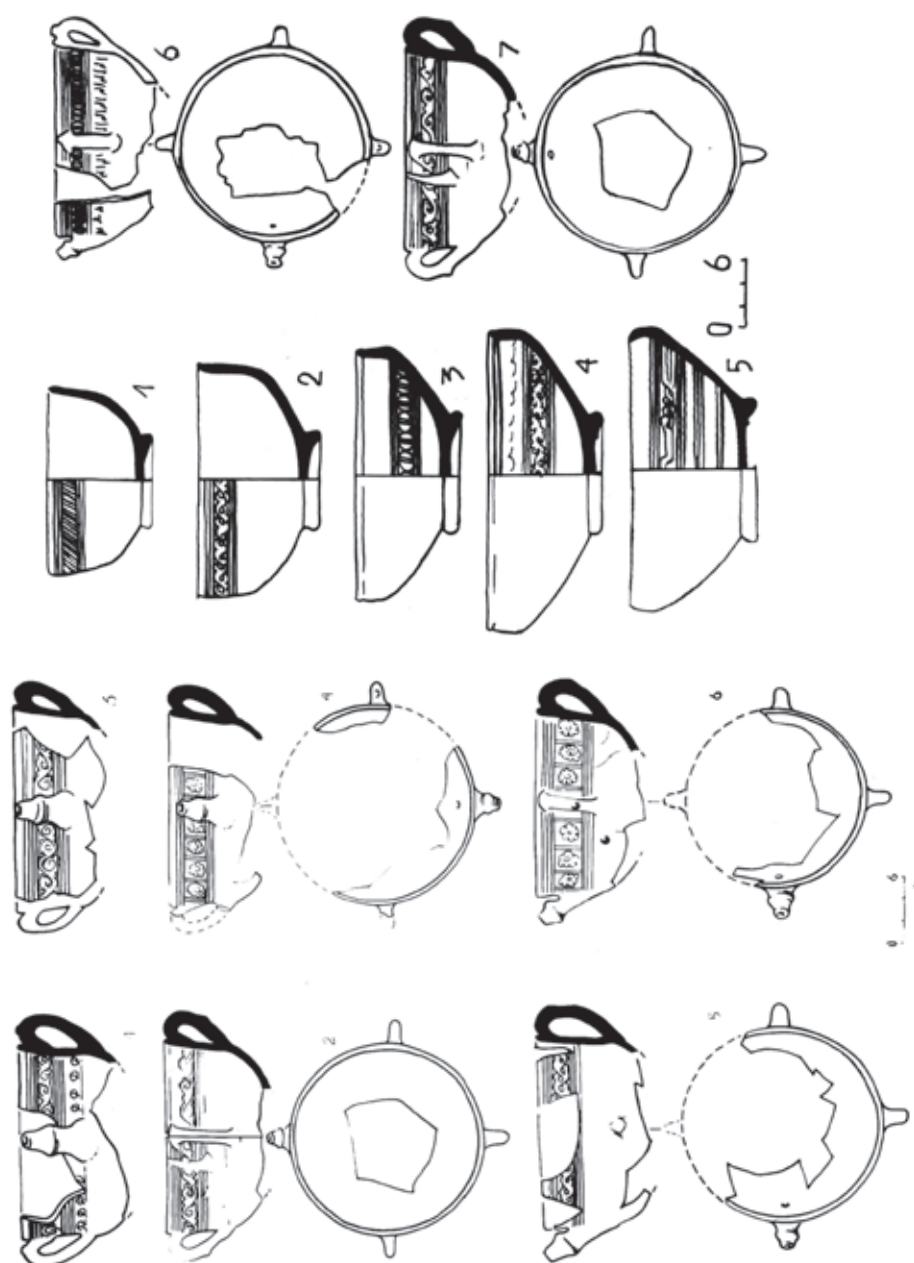
Неполивная столовая, тарная, кухонная керамика и керамика специального назначения VIII–X вв.

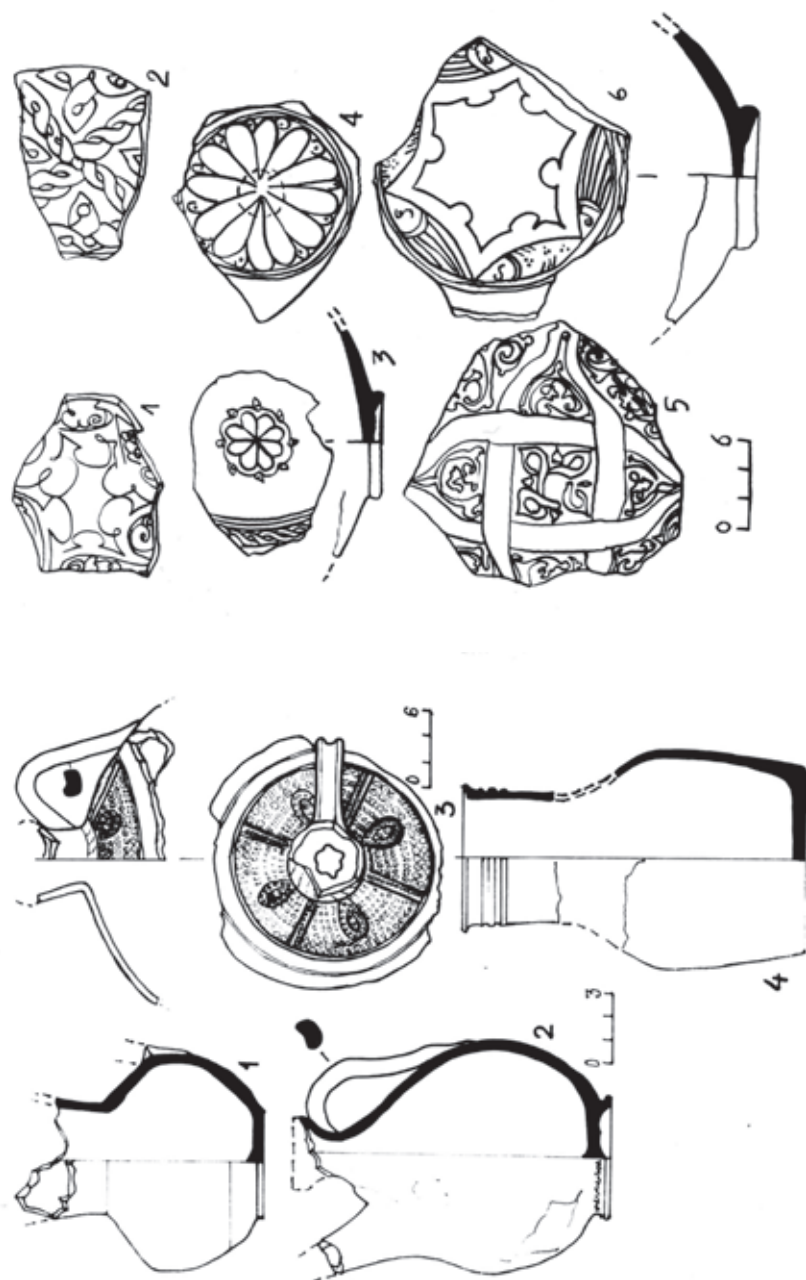
Поливные чаши (столовая посуда) Дербента кон. VIII–IX вв.

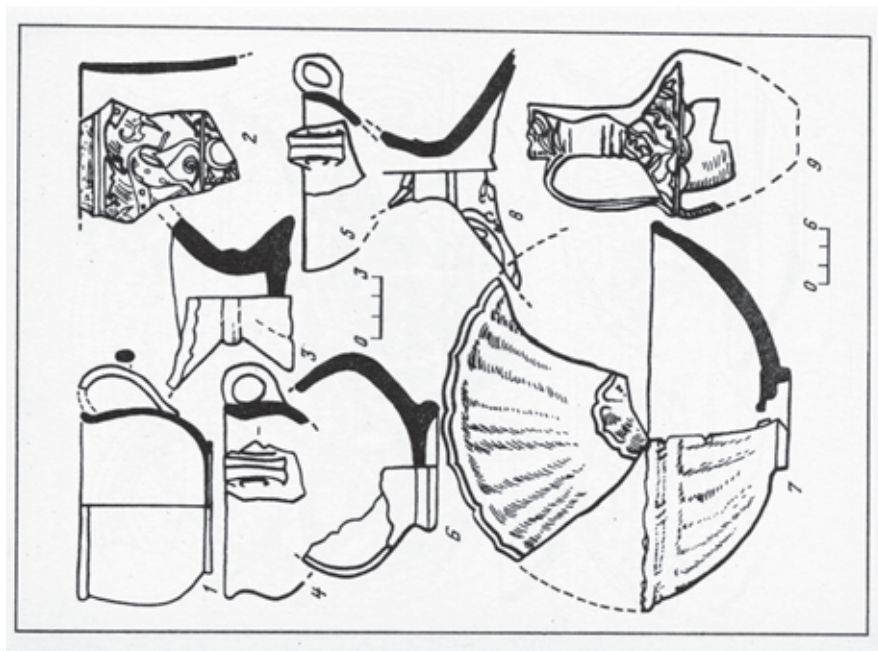
Поливные чаши (столовая посуда) Дербента IX–XI вв.

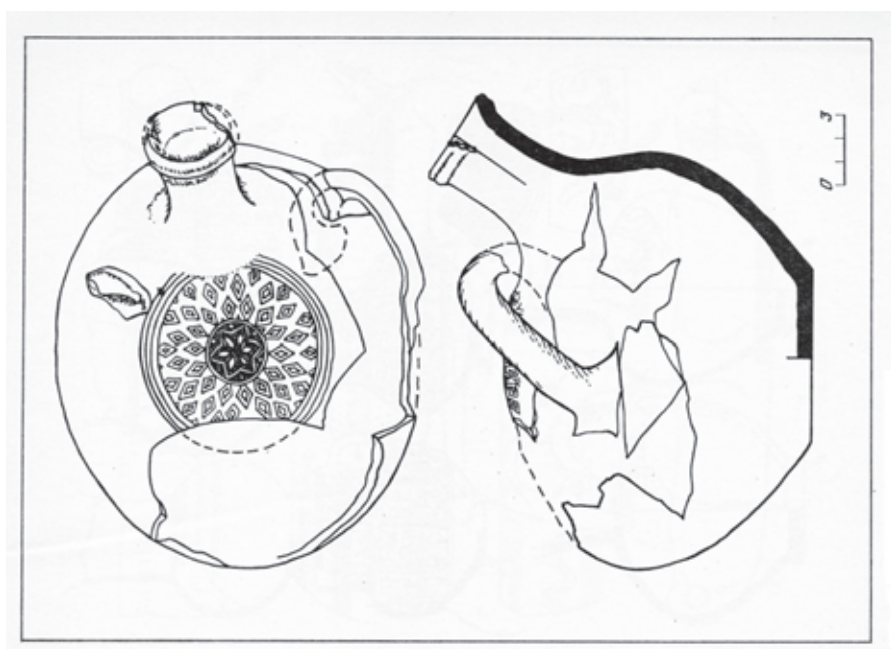
Поливные чаши (столовая посуда) Дербента XI – нач. XII вв.

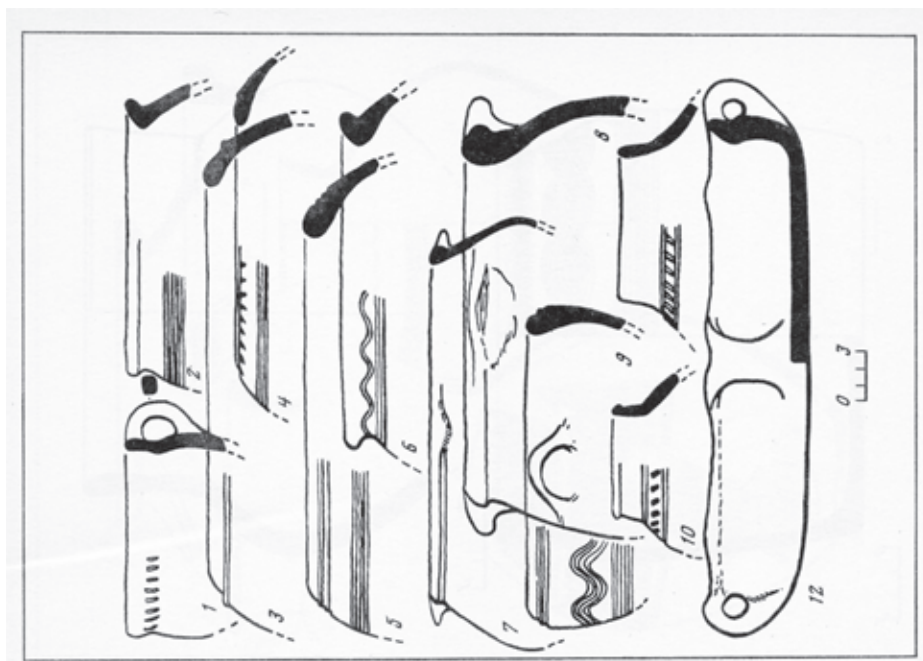
Поливная (1–6) и неполивная штампованная (1–4) керамика Дербента. XI – нач. XII вв.

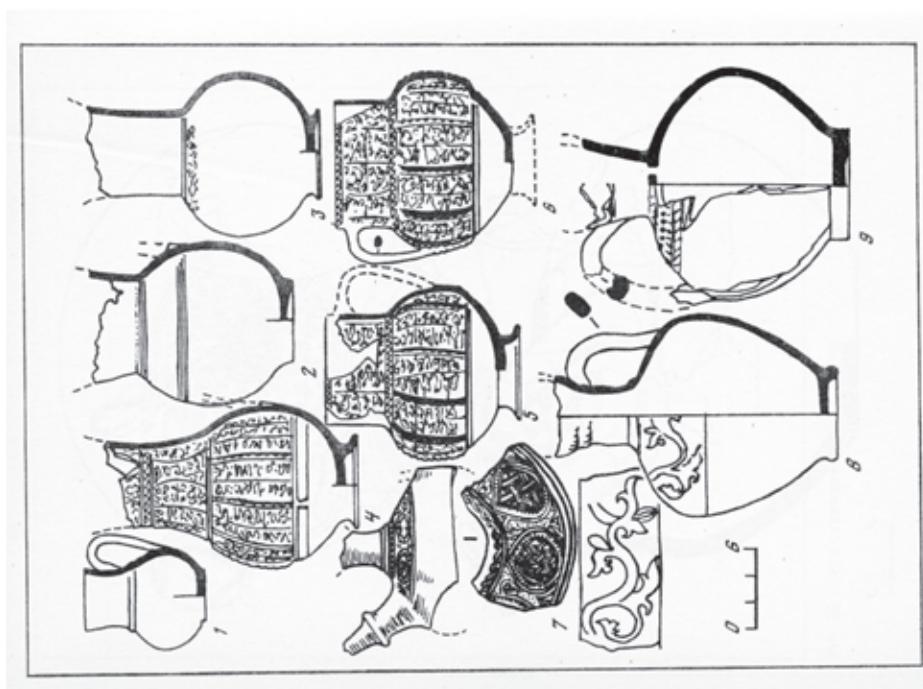
Импортная поливная, белофаянсовая и фарфоровая керамика Дербента средневекового периода VIII–XIII вв.

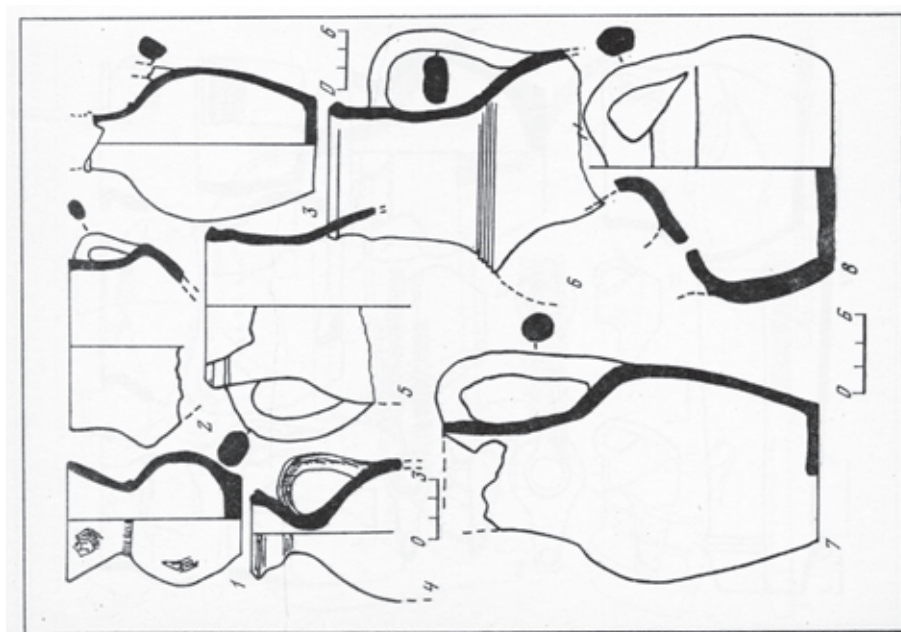
Штампованный сосуд. XII в.

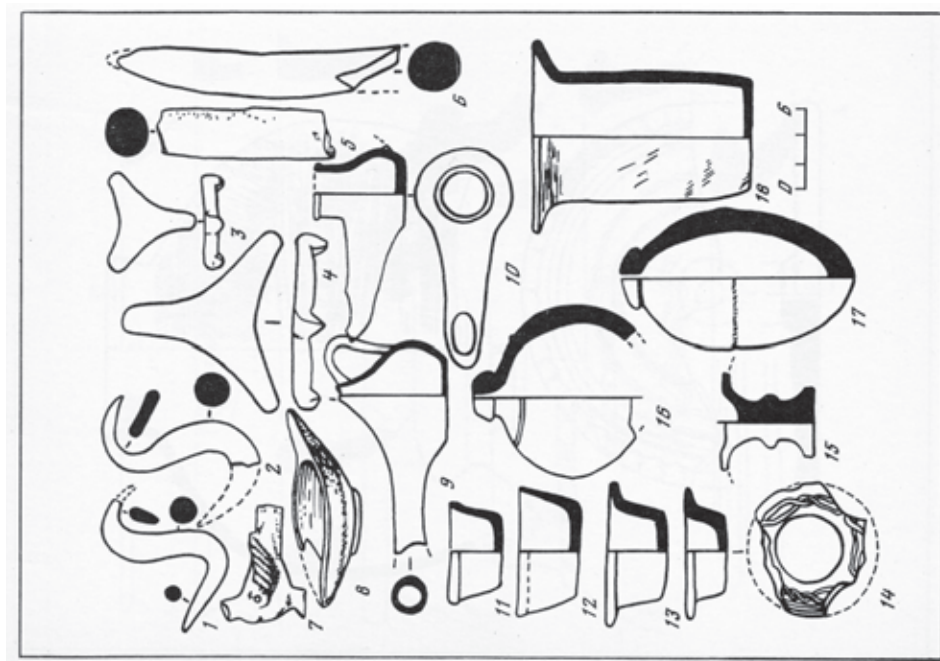
Неполивная кухонная керамика Дербента
средневекового периода VIII–XIII вв.

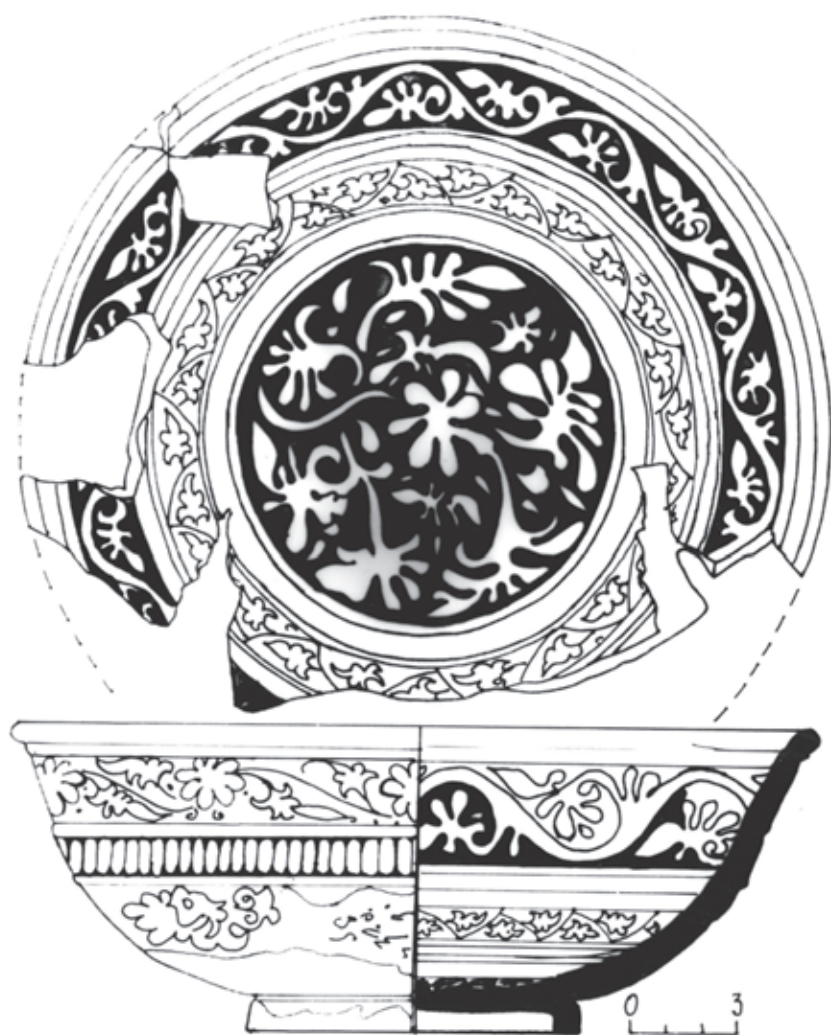
Неполивная кухонная керамика Дербента
средневекового периода XI–XIII вв.

Неполированная столовая керамика Дербента
средневекового периода VI–X вв.

Неполированная керамика и приспособления для обжига посуды
средневекового периода VIII–XIII вв.

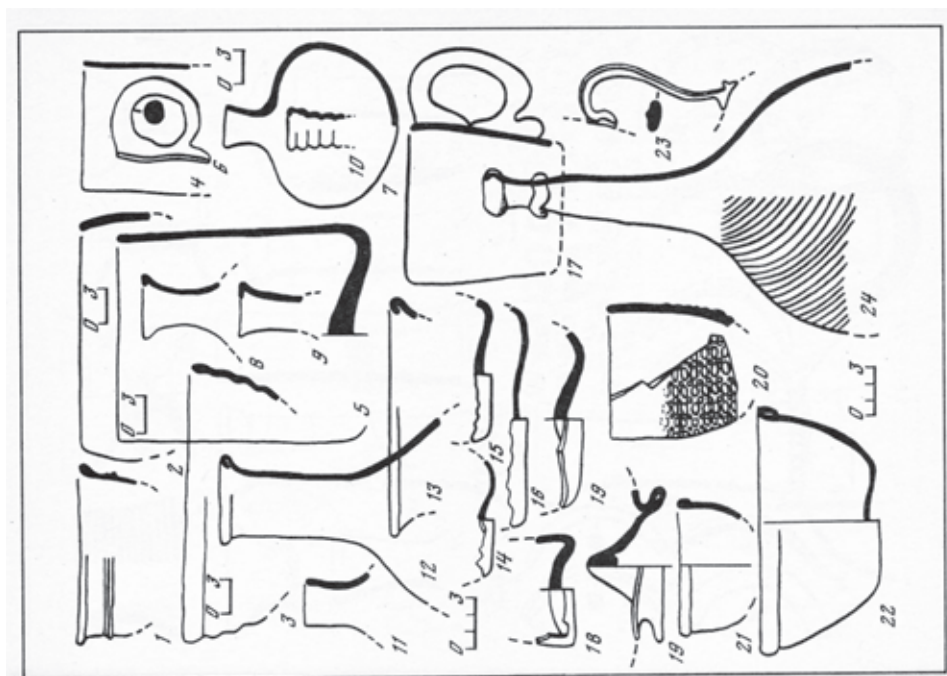
Средневековая керамика Дербента. Поливная чаша. XII в.

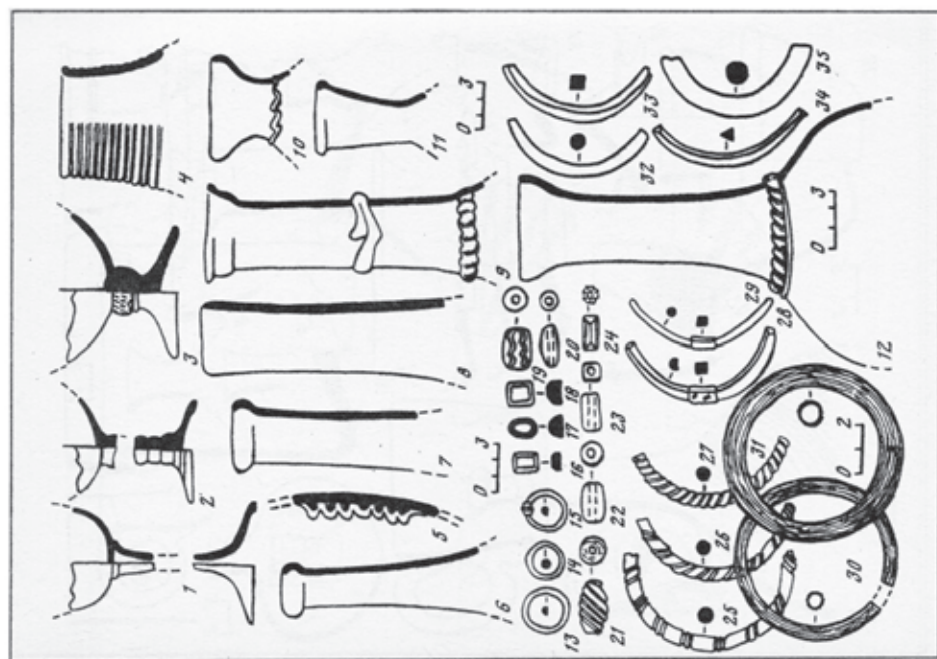
Керамическое изображение головы мужчины, покрытое глазурью.
X–XI вв.

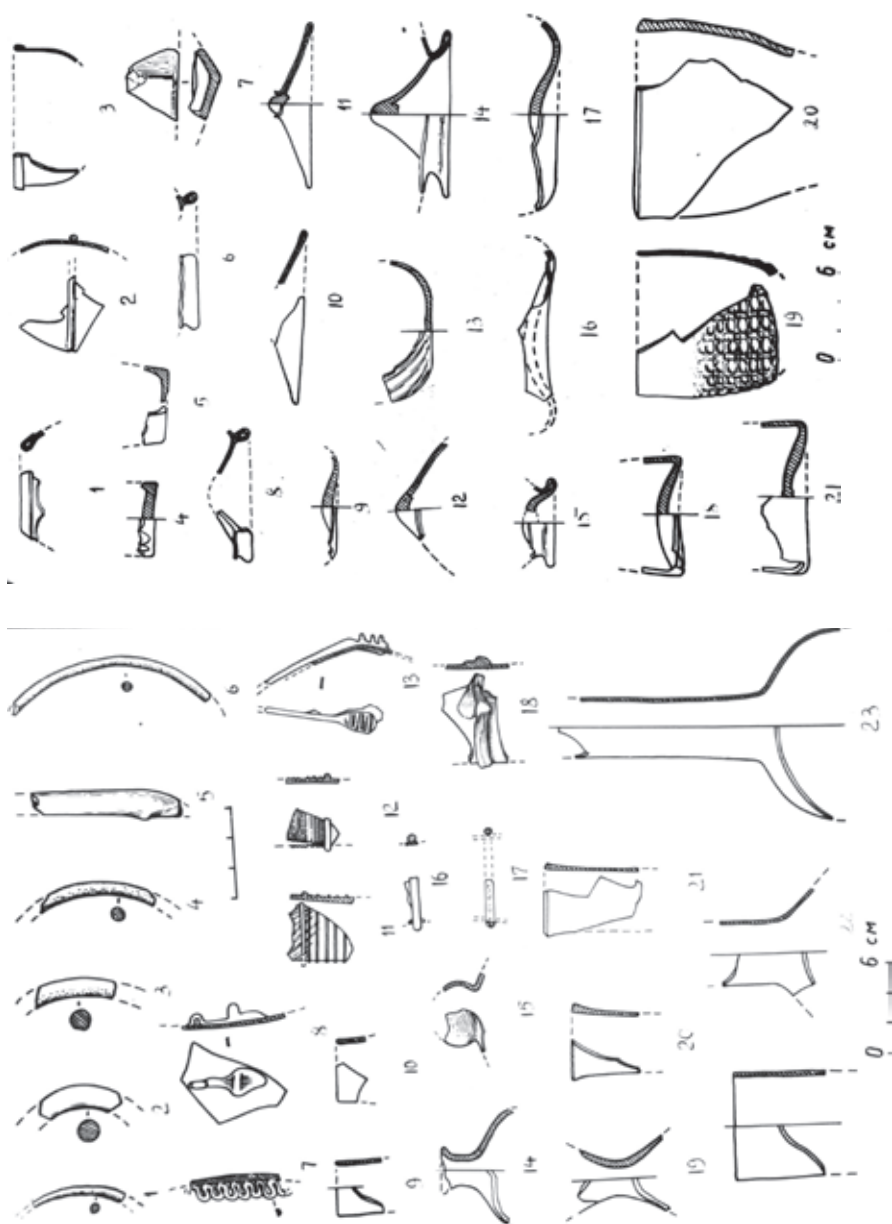
Средневековая керамика Дербента. Неполивной кувшин (вверху)
и светильник-чиряг (слева внизу); поливные кувшины (в центре и справа).
X–XI вв.

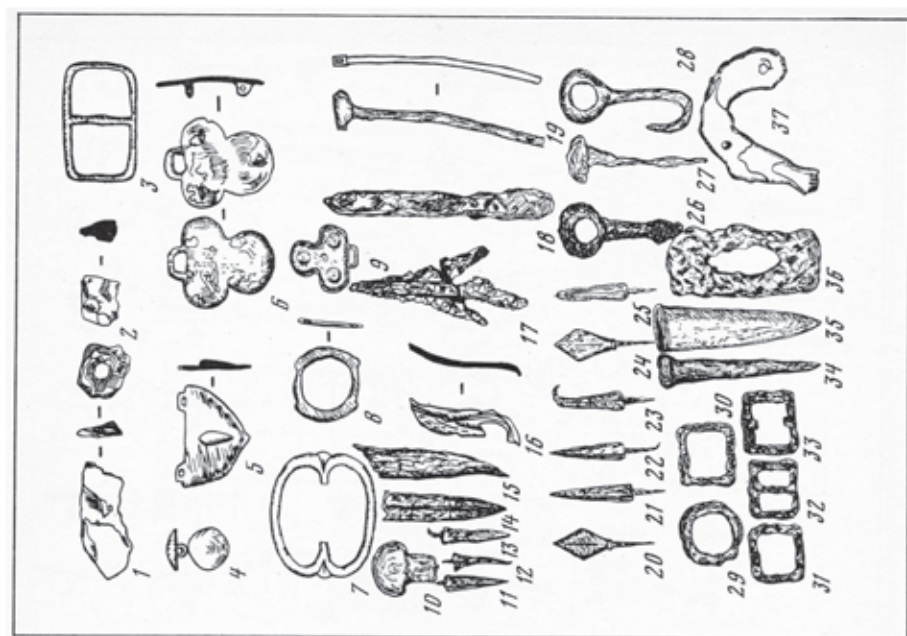
Стеклянные изделия Дербента. VI–X вв.

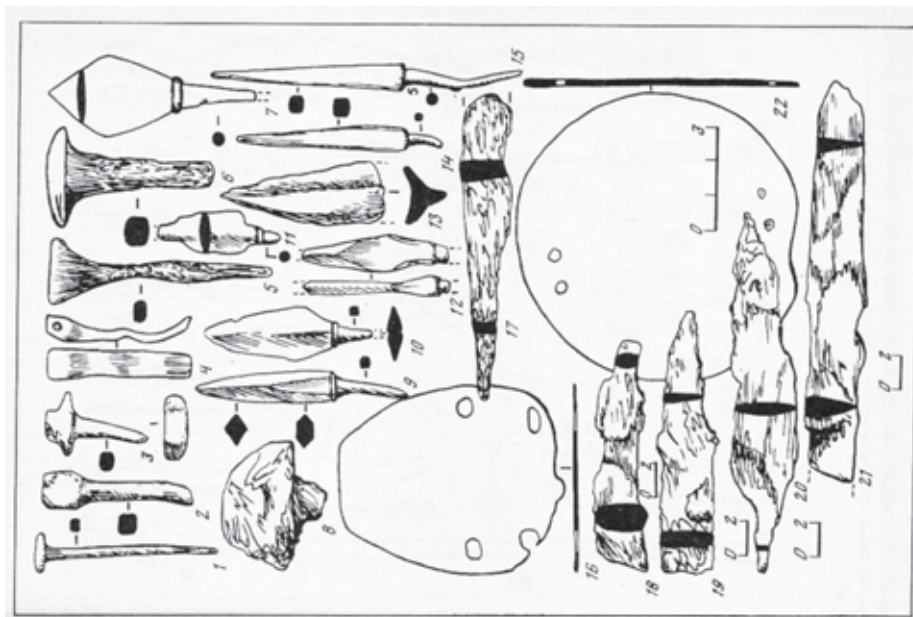
Стеклянные изделия Дербента. VIII–XIII вв.

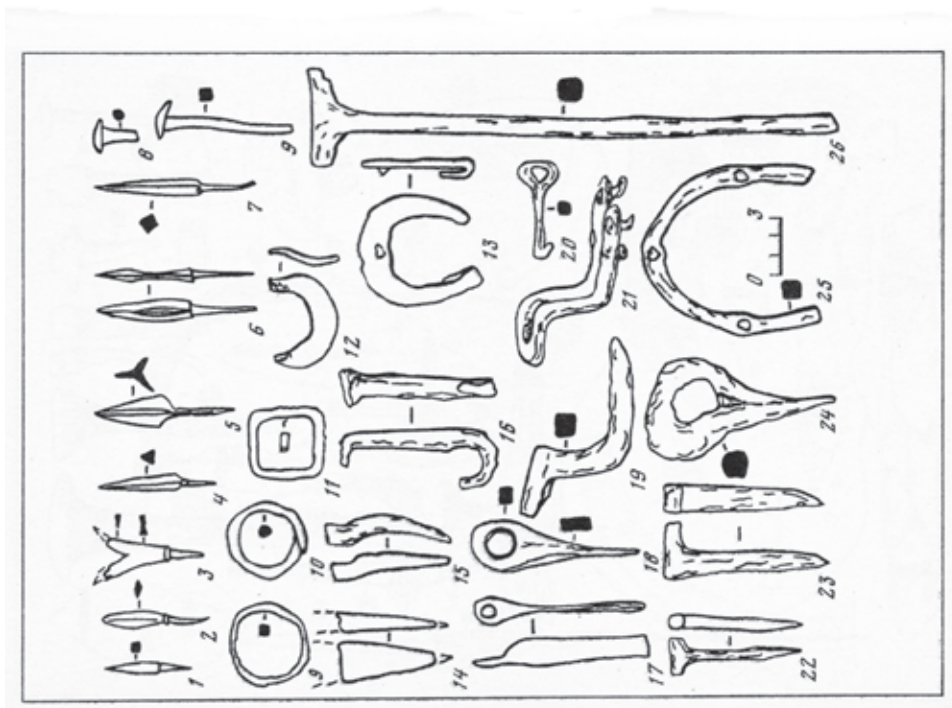
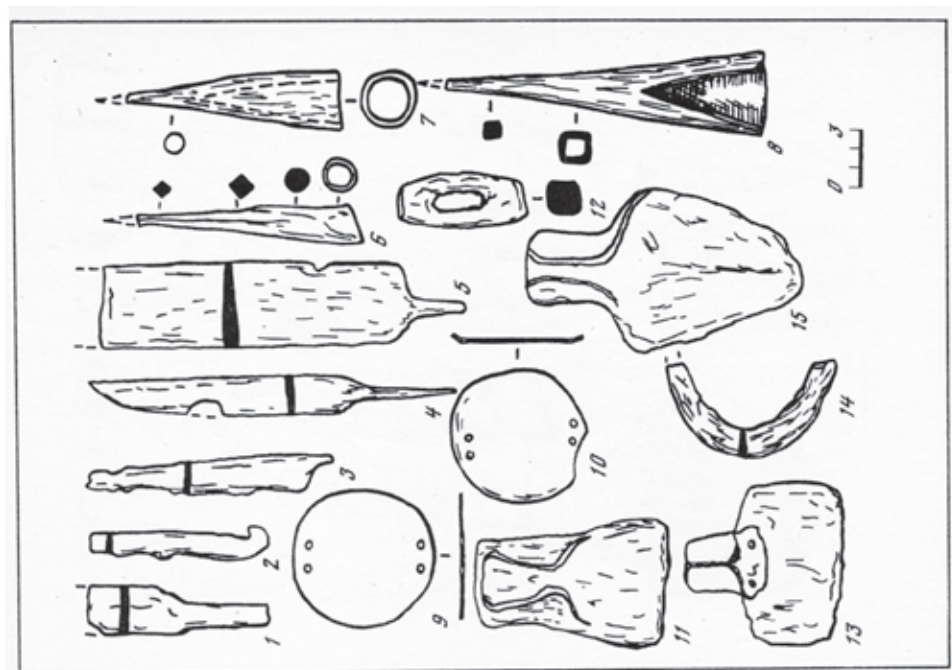
Стеклянные изделия Дербента VI–VIII вв. (вверху); VIII–X вв. (внизу)

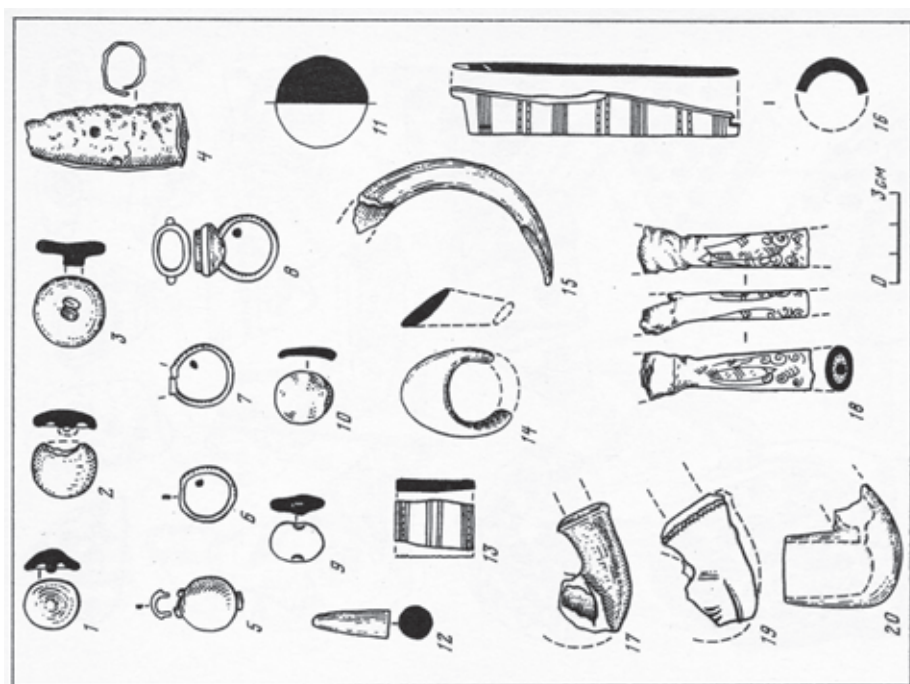
Металлические изделия средневекового Дербента.
VIII–XIII вв.

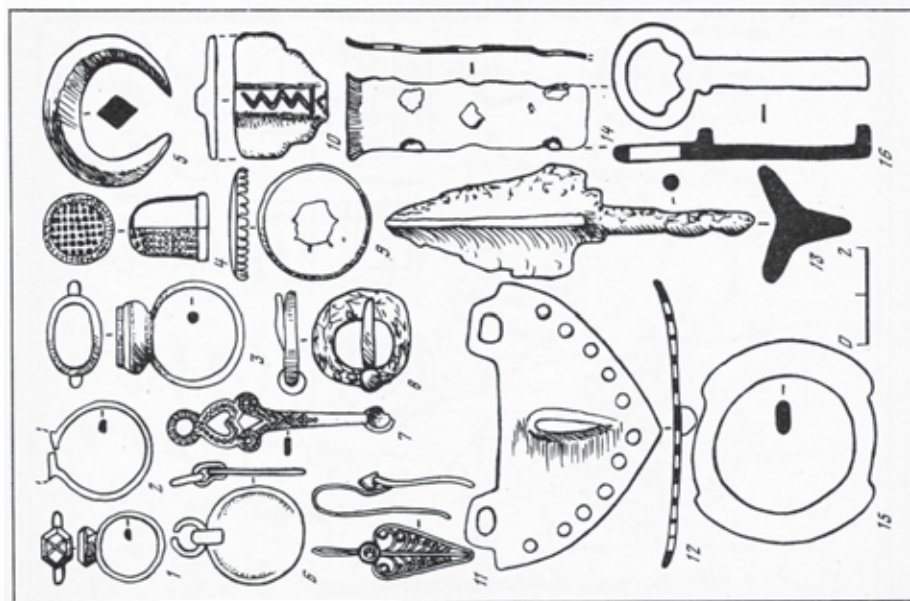
Металлические изделия средневекового Дербента.
Предметы вооружения и быта. VI–X вв.

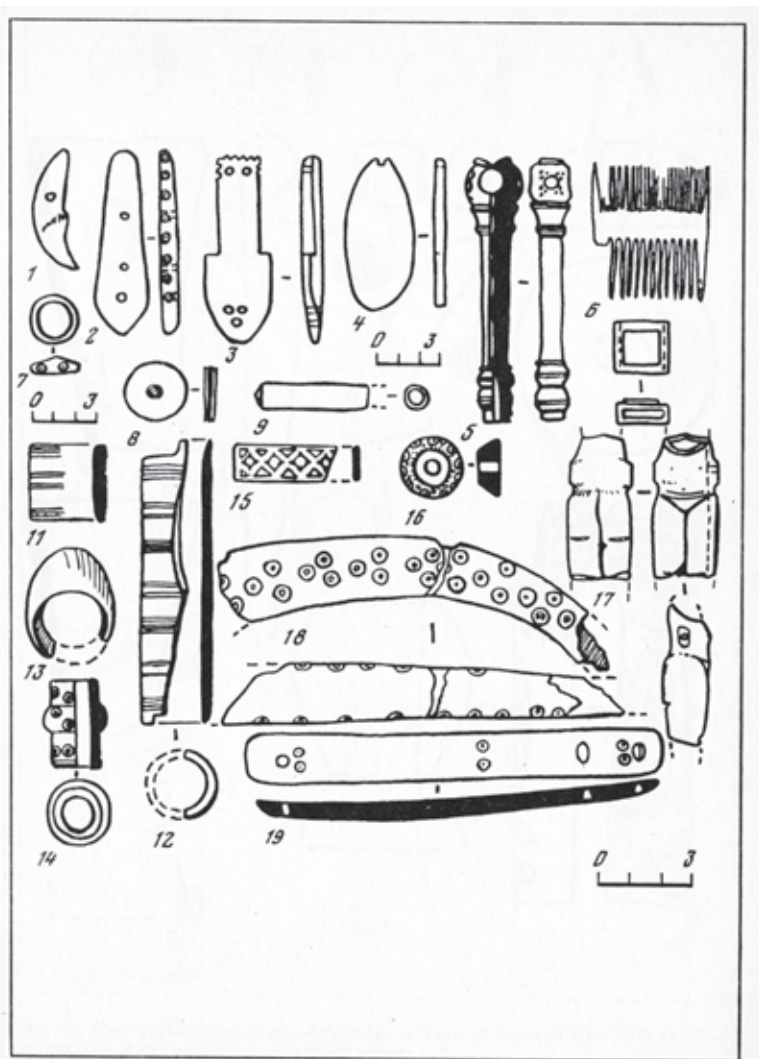
Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы вооружения и быта. VIII–XII вв.

Предметы вооружения, быта и украшения из кости. VIII–XII вв.
(1–10 украшения из металла с вставками из кости)

Металлические изделия средневекового Дербента.
VIII–XII вв.

Изделия из кости. Предметы украшения, вооружения и быта Дербента

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.....	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДЕРБЕНТА В VI–XIII вв.	11
1. Сасанидское завоевание и периодизация строительства Дербентского оборонительного комплекса VI–VII вв.	11
2. Дербент в составе Арабского халифата VIII–X вв.	25
3. Наследие великих халифов – Дербентский эмират XI – сер. XIII вв.	43
ГЛАВА ВТОРАЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА.....	52
1. Структура и застройка Дербента в сасанидский период.....	53
2. Топография и городская структура Дербента в арабское время в VIII–X вв.	67
3. Территориальный рост и развитие города в конце X – сер. XIII вв.	77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОСЛОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕРБЕНТСКОГО ОБЩЕСТВА VI–XIII вв.	89
1. Торгово-ремесленный люд средневекового города.....	91
2. Городская знать и характер феодального землевладения в Дербенте VI–XIII вв.	94
3. Торгово-ремесленная знать феодального Дербента.....	101
4. Роль духовенства в социальной структуре средневекового города.....	103
5. Сословные противоречия и социальные конфликты в дербентском феодалном обществе.....	109
6. Социальная топография Дербента VI–XIII вв.	112
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРБЕНТА В VI – СЕР. XIII вв.	119
1. Ремесленное производство средневекового города и периодизация его развития.....	119
Строительное дело и камнеобработка.....	120
Керамическое производство.....	141
Стеклоделие.....	178
Ткачество и ковроделие.....	204
Металлообработка.....	211
Обработка цветных металлов и ювелирное дело.....	222
Резьба по кости.....	227
Ремёсла связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства.....	228
2. Караванная и морская торговля Дербента VI – сер. XIII вв.	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	240
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	244
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	246

Научное издание

Кудрявцев Александр Абакарович
Кудрявцев Евгений Александрович

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕРБЕНТ В VI–XIII ВВ.)

Редактор, технический редактор,
компьютерная верстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 20.01.2015

Формат 170х250

Усл. п. л. 35,81

Уч.-изд. л. 33,97

Бумага офсетная

Заказ 515

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

